11 97-1
235-6

А.И. Серков

ИСТОРИЯ РУССКОГО МАСОНСТВА

1845-1945

2

РУССКОЕ МАСОНСТВО
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
2

11 97-1/235-6

А.И. Серков

ИСТОРИЯ РУССКОГО МАСОНСТВА 1845-1945

2

С.ПЕТЕРБУРГ
1997

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

2010455270

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1997

ISBN 5–87991–015–6 © Издательство имени Н.И.Новикова, 1996.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История русского масонства естественным образом делится на три периода, которые могут быть обозначены как XVIII, XIX и XX века. При всей обоснованности такой периодизации сами обозначения в достаточной степени условны. Если для XVIII века остаются в силе этапы развития масонства, выделенные в монографии Г. В. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II» (исправленное и расширенное издание которой составило первый выпуск серии «Русское масонство. Материалы и исследования»), то для последующей истории масонства хронологические рамки оказываются «размыты». Поясним, что мы имеем в виду.

Масонство после разгрома кружка Н. И. Новикова было возрождено уже в 1798 г., через два года начались работы лож, т. е. «второй» период в истории русского масонства захватил еще век XVIII. Далее, запрещено масонство формально было в 1822 г., но последнее ритуальное принятие относится к 1850 г., масонские встречи продолжались по 1899 г., закончили же свой жизненный путь некоторые прямые продолжатели дела Н. И. Новикова и С. И. Гамалеи уже в нашем столетии, так что и конец этого периода не вполне соответствует календарному рубежу веков.

Также и настоящая монография, охватывающая «третий» период истории русского масонства, выходит за временные границы XX века, что отражено и в датах подзаголовка: 1845—1945. Первая из них обозначает год посвящения в масонство М. А. Бакунина (не имевшего уже никаких контактов с «московскими

мартинистами»); вторая ограничивает изложение возобновлением масонских работ в русских ложах Парижа по окончании второй мировой войны и вызвана причинами скорее технического, чем смыслового характера, потому что концом этого периода может считаться возвращение русского масонства на родину в конце 1980-х гг. и создание полностью независимой масонской структуры в современной России в 1996 г. Последние полвека истории русского масонства, оставшиеся, таким образом, за пределами настоящего исследования, составят отдельную книгу.

Итак, из событий жизни русского масонства второй половины XIX — начала XX вв. затрагиваются здесь лишь те, которые относятся к означенному «третьему» периоду его истории, или к «новому» русскому масонству, зарубежному или вновь принесенному в Россию из-за рубежа.

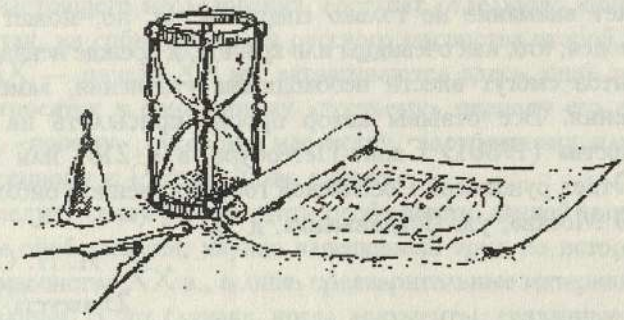
Следует сразу же отметить особенности данной книги. Это еще не обобщающий, научно взвешенный труд по истории русского масонства XX в., а лишь предварительные материалы к исследованию. В тех случаях, когда документы, связанные с историей русского масонства, были уже введены в научный оборот, я пытался перейти к монографическому исследованию проблемы. Но часто (особенно это касается истории мастерских масонов Древнего и Принятого Шотландского Устава) стояла задача донести до сведения читателей сухую, может быть, излишне детализированную информацию о масонских работах. В подобных случаях текст набран петитом. При написании разделов о ложах Юпитер и Лотос за основу был взят текст «историй» этих лож, написанных самими масонами, однако здесь не ставилась задача текстологически выверенной публикации, поэтому, максимально сохраняя конкретную информацию о деятельности этих лож, я производил значительные сокращения, перестановки, многое пересказывал своими словами, на основании документов вносил новые сведения и исправлял неточности.

Настоящая работа не имеет целью сообщение сведений о точных датах посвящения того или иного масона, о его должностях в масонских мастерских и даже о его жизни. Вся информация о более чем полутора тысячах русских вольных каменщиков XX века вынесена в соответствующий том трехтомного словаря русских масонов, который, я надеюсь, в обозримом будущем появится в печати.

Автор надеется, что опубликование настоящего исследования привлечет внимание не только специалистов, но, может быть, и тех людей, кто, как очевидцы или хранители прежде неизвестных документов смогут внести необходимые уточнения, замечания, дополнения. Все отзывы автор просит присылать на адрес издательства (198013 Санкт-Петербург, а/я 218) или на его имя в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (101000 Москва, ул. Воздвиженка, д.3).

А. И. Серков.

23 августа 1996 г.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А) Источники

У людей, которые не занимались специально изучением российского масонства, существует априорное представление, что источники по этой теме либо отсутствуют, либо являются документами с грифом «секретно». Действительно, вплоть до начала 1990-х гг. источники по истории российского масонства находились или в советских «особых» архивах и «секретных» фондах, или были «закрыты» для исследований самими масонами и их наследниками. Исключения были как в СССР, так и во Франции, но «открытые» документы не позволяли объективно говорить о развитии российского движения вольных каменщиков, раскрыть все многообразие масонской деятельности. Ситуация в настоящее время изменилась, практически со всех документов в России гриф «секретно» был снят, принципиально важные архивы стали доступными и во Франции.

Специфика масонской организации, разнородность документации внутри самих мастерских вольных каменщиков в различные периоды существования масонства требуют не описания видов источников, а раскрытия степени сохранности документов в то или иное время. Поэтому обратимся к краткому перечислению основных источников, которые были обнаружены. При этом некоторые документы будут охарактеризованы в последующих главах, которые посвящены непосредственно истории масонства в России.

Источники, раскрывающие работу русских масонов *за рубежом до 1905 г.*, немногочисленны, поскольку не существовало ни цельной организации, ни даже отдельных российских лож. Как правило, это источники «личного происхождения». Следует отметить мемуары А. В. Амфитеатрова, явившиеся откликом на книгу П. Е. Щёголева «Охранники и авантюристы»[1], а также сборник статей и воспоминаний о лидере российских вольных каменщиков М. М. Ковалевском[2]. Определенный интерес для характеристики личных поисков масонов представляют также воспоминания Г. Н. Вырубова и М. М. Ковалевского[3]. Об участии царских дипломатов в иностранных ложах в 1910-е гг. рассказывают мемуары Л. Х. Ревелиотти[4].

Сведения о масонстве *Великого Востока Франции в начале XX в.* содержатся в воспоминаниях Д. О. Бебутова, которые были частично опубликованы Н. Н. Берберовой, а затем Ю. Г. Фельштинским[5]. Этому же периоду истории русского

---

[1] См.: *Щёголев П. Е. Охранники и авантюристы. Охота за масонами или похождения асессора Алексеева. М., 1930; Амфитеатров А. В. Мое масонство // Сегодня. 1930. 6 июля.* См. также пересказ этих воспоминаний: *Тураев Б. Масонские заговорщики против России // Двуглавый Орел. 1931. № 41. С.2463–2467.*

[2] См.: *Ковалевский.*

[3] См., например: *Ковалевский М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века // Вестник Европы. 1910. № 5.* Полный текст воспоминаний М. М. Ковалевского, который хранится в Бахметевском архиве в Нью-Йорке, был мне недоступен. Аннотированным указателем опубликованных источников является труд: *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т.1–5. М., 1976–1989.* См. также библиографию к статьям: *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.1–3. М., 1989–1994.*

[4] См.: *Ревелиотти Л. Х. Индийские очерки. Записки русского дипломата // Возрождение. 1959. Тетр.92. С.128–131.*

[5] Текстологически более точной представляется публикация Ю. Г. Фельштинского. См.: *Николаевский. С.125–147.*

масонства посвящены доклад М. С. Маргулиеса «О возрождении мас.·. В.·. В.·. Ф.·. в России в 1906–1908 гг.»[1] и его воспоминания[2]. Немногочисленность источников о работе вольных каменщиков в это время в России объясняется как кратковременностью существования лож, так и неразвитостью делопроизводства внутри масонских мастерских в период их становления.

Впервые внимание исследователей к источникам по истории масонства было привлечено публикацией писем Е. Д. Кусковой[3]. Их появление, в свою очередь, было вызвано упоминанием масонского движения в воспоминаниях И. В. Гессена[4] и П. Н. Милюкова[5]. Противоречивость свидетельств Е. Д. Кусковой, ее стремление показать влиятельность масонства в России вызвали у исследователей желание проверить достоверность появившихся в печати данных, а у очевидцев — показать истинное положение вещей[6]. Б. И. Николаевский, который основывался на важных

---

[1] См.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а. Л.13–13 об.* В масонских текстах при сокращении слов используется троеточие, что имеет символическое значение.

[2] См.: *Margoulies M. La Franc-Maçonnerie en Russie depuis vingt-cinq ans // L'Acacia. 1925, fevr. № 16. S.288–292*; см. также: *Николаевский. С.100; Margoulies M. La maçonnerie russe an XX-e siècle // Les annales maçonnique universselles. 1931. № 10.*

[3] См.: *Аронсон Г. Россия накануне революции: Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962. С.138–143.*

[4] См.: *Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С.215–218.* И. В. Гессен упоминал масонов и в других своих мемуарных работах.

[5] См.: *Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Нью-Йорк, 1955. Т.2. С.332–333.* Эта работа затем неоднократно переиздавалась в России. См., например: *Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.*

[6] См., например: *Kerensky A. Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P.88–89.* Работа впоследствии также была неоднократно опубликована в переводе на русский язык.

свидетельствах, трижды называл рассказ Е. Д. Кусковой «сумасшедшим вздором»[1].

В результате поиска новых свидетельств были опубликованы воспоминания о масонстве В. А. Оболенского[2]; интервью Б. И. Николаевского с А. Я. Гальперном, Е. П. Гегечкори, Н. С. Чхеидзе, В. Я. Гуревичем, В. М. Шахом, а также другие документы, собранные Б. И. Николаевским[3]; было обращено внимание на публикацию устава Великого Востока народов России в книге Евг. Сидоренко «Итальянские угольщики»[4], на показания Н. В. Некрасова и свидетельство Л. А. Велихова[5]. Впоследствии были обнаружены воспоминания С. А. Никонова, Л. К. Чермака и свидетельство о саратовской ложе, содержащееся в письме С. Н. Чернова к Б. П. Козьмину[6].

Публикация свидетельств членов *Великого Востока народов России* позволяет восстановить жизнь этого масонского объединения. Это тем более важно, что текущая документация в «думском» масонстве в России отсутствовала.

---

[1] См.: *Николаевский. С.109–114.*

[2] Впервые воспоминания В. А. Оболенского были опубликованы Н. Смитом по машинописи, предоставленной ему сыном мемуариста Сергеем: *Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. № 4. P.606–608.*

[3] См.: *Николаевский. С.49–121.*

[4] См.: *Сидоренко Е. Итальянские угольщики начала XIX в. (Опыт исторического исследования). СПб., 1913* (об авторстве данной работы см.: *Николаевский. С.61*); а также: *Smith N., Norton B. The Constitution of Russian Political Freemasonry (1912) // Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas. Neue Folge. 1986. Bd.34. Hf.4.*

[5] Без указания на архивные источники они были использованы в книге: *Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.*

[6] Публикация этих документов подготовлена к печати Я. В. Леонтьевым и автором настоящих строк, но еще не увидела свет.

Определить роль масонства в общественной жизни позволяют также мемуары, в которых не говорится прямо об Ордене вольных каменщиков, но которые ярко раскрывают ситуацию в стране, духовные искания масонов, например, воспоминания Н. А. Морозова[1].

Значительный материал предоставляют источники по истории либерального движения в России. Материалы различных политических партий, отчеты о заседаниях политических групп и фракций, партийные резолюции помогают определить роль масонства вне стен храма[2].

Отдельно следует упомянуть материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, в которых нашло отражение состояние общества накануне Февральской революции[3]. При этом необходимо сказать, что ряд вольных каменщиков принимал участие в работе данной комиссии, например, П. Е. Щёголев.

Деятельность *мартинистских организаций* в России позволяют восстановить документы из семейного архива Казначеевых[4], а также следственные дела советского периода о петербургских мистических обществах, которые были введены в научный оборот В. С. Брачевым[5]. «Масонский» этап развития мистических организаций в России нашел отражение лишь в воспоминаниях П. М. Казначеева и переписке членов его семьи.

---

[1] См.: *Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т.1–3. М., 1947.*

[2] См. например: *Буржуазия накануне февральской революции. М.; Л., 1927; Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 г. М., 1994.*

[3] См.: *Падение царского режима. Т.1, 3. Л., 1924.*

[4] См.: *ОР РГБ. Ф.116.*

[5] См. например: *Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.1. Л., 1991. С.252–279.*

Важные сведения о русском масонстве периода Великого Востока народов России содержатся в архиве Н. В. Чайковского, в котором также отложились документы и времени изгнания[1].

Одним из первых обратил внимание на масонские документы из этого архива С. В. Безбережьев[2]. К сожалению, комментарии этого исследователя свидетельствуют о его незнании материала. Например, высшей степенью Древнего и Принятого Шотландского Устава назван 30-й градус, неправильно прочтены фамилии русских масонов в Париже и т. д.

В архиве Н. В. Чайковского сохранились письма к нему от масонов: Н. П. Вакара (д.181), М. А. Алданова (д.247), Б. В. Савинкова (д.305); устав Великого Востока народов России (д.601); масонские дипломы и удостоверения Н. В. Чайковского (д.602); документация Англо-Саксонской ложи, мастерской Шотландское Совершенство, Федерации славянских масонов, ложи Астрея, комитета Добрый Самаритянин, ложи Северное Сияние (дд.603–606, 608); доклады Н. В. Чайковского в ложах (д.607).

Сходные документы сохранились в бумагах Н. П. Вакара[3].

Письма Л. Д. Кандаурова и других членов капитула Астрея к Б. В. Савинкову, а также повестки на заседания масонских лож из архива последнего дополняют картину развития *русского масонства в эмиграции* в 1919–1924 гг.[4]

Принципиально важные документы о русском масонстве в эмиграции сохранились в личных архивных фондах членов ложи Юпитер — Н. Н. Евреинова, С. К. Маковского, Г. В. Адамовича[5]. Они содержат преимущественно документы, относящиеся

---

[1] См.: *ГАРФ. Ф.5805. Оп.1.*

[2] См.: *История СССР. 1991. № 2. С.200–201.*

[3] См.: *Николаевский. С.181–199.*

[4] См.: *ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.81, 403–406* (сообщено Р. А. Городницким).

[5] См.: *РГАЛИ. Ф.982; Ф.2512; ОР РГБ. Ф.754.*

к послевоенному периоду существования русских мастерских Древнего и Принятого Шотландского Устава в Париже.

Идейную сторону русского масонства в эмиграции ярко раскрывают книги вольных каменщиков, изданные в Берлине и Париже в 1926–1937 гг.[1].

Сведения по истории русского масонства, доклады, хронику жизни лож можно найти в периодических изданиях вольных каменщиков, о которых речь пойдет в основной части монографии[2].

Помимо документов, которые сохранились в личных архивах и нашли отражение в малотиражных изданиях, существовали и *централизованные масонские архивы.*

Судьба документации русских лож оказалась непростой. В период Второй мировой войны часть масонских архивов была захвачена фашистами и вывезена ими в один из моравских замков. В конце войны данные документы были обнаружены советскими войсками и перевезены в Москву. В настоящее время они

---

[1] *Апопутиs. К познанию первого символического градуса Ордена Вольных Каменьщиков. (Древний и Принятый Шотландский Устав). Посвящается памяти Р. Шалье. Париж, 1926* (см. экземпляр этой книги: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.234*); *Заметки о масонстве. Лондон, 1928* (книга была напечатана в Париже); *[Каффи А. И.] Миф, символ и обряд. Изд. Д. Л. Северная Звезда. Париж, 5933; Русская Ложа Северного Устава* (экземпляр этой книги, изданной ок. 1932–1933 гг. в Берлине, см.: *ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.26*); *Nagrodzki W. Le secret de la lettre G, Rose et Croix, les croix symboliques. Paris, 1935; Книга ученика. Руководство для посвященных в 1-ю степень Бр.·. В.·. Кам.·. По Освальду Вирту с разреш. автора. Париж, 1937.*

[2] См.: *Бюллетень. Апрель* (см., например: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. Л.11–15*); *май; июнь* (оба в *ЛА*). *Париж, 1939; Masonic Club Rossia. Bulletin. 1–3. New York, 1943–1945; РВК. №№ 1–2. Париж, 1946; Вестник. №№ 1–14. Париж, 1958–1964.*

находятся в *Центре хранения историко-документальных коллекций* (бывший Особый архив).

Перечислим важнейшие дела и фонды из данного архива:

1) Ф.92 (Великий Восток Франции), более 17 тысяч единиц хранения. Особый интерес представляют: дд.8156–8175 — документы ложи Северная Звезда, направленные в Великий Восток Франции; д.13679 — письмо Великого Востока Литвы; д.15312 — о приеме в Великий Восток Франции Е. И. Кедрина.

2) Ф.93 (Великая Ложа Франции), 2194 дела. Особо см.: Оп.1. Д.783 — письмо ложи Астрея; д.840 — масонские дипломы П. А. Бурышкина; д.1741 — письма Л. Д. Кандаурова и П. А. Бобринского; д.1067 — доклад в ложе Астрея; Оп.2. Д.41 — отчет о деятельности ложи Гермес.

3) Ф.111 (Верховный Совет Франции), 763 дела. Документы лож Космос, Тэба, ареопага Лютеция, письма руководителей русского масонства в Верховный Совет, документы консистории Россия, переписка о создании Русского особого Совета 33-й степени, проекты о возобновлении масонской деятельности в СССР, документы комитета Добрый Самаритянин и Объединения славянских масонов.

4) Ф.112 (Объединение архивных масонских фондов), более 1050 дел. Документы лож Друзья Любомудрия, Золотое Руно, ареопага Лютеция, лож Астрея, Гарибальди, Космос, Аврора, Гермес, Братство Народов и др.

5) Ф.113 (масонские ложи Франции), более 2500 дел. Преимущественно личные дела масонов, списки лож, документы П. А. Бурышкина, в том числе его выписки по масонству и переписка; д.858 — ложа Лотос.

6) Ф.114 (масонские ложи Бельгии), более 2000 дел.

7) Ф.118 (документальные материалы масонских лож; коллекция), 900 дел, в том числе документы ложи Гермес.

8) Ф.163 (Великая Национальная и Независимая Ложа Франции), 39 единиц хранения.

9) Ф.175 (масонские ложи и капитулы), 52 единицы хранения, в том числе о ложе Тэба.

10) Ф.187 (Международный масонский Орден Друа юмен), 444 дела, в том числе документы ложи Астрея и личные дела членов Ордена.

11) Ф.121 (Я. Л. Рубинштейн), биографические документы.

12) Ф.730 (капитул и ложа Астрея), 242 дела. В числе документов хранятся также материалы Т. А. Бакуниной (Осоргиной) и П. А. Бурышкина.

13) Ф.729 (архив ложи Великий Свет Севера).

14) Ф.1354 (П. А. Бурышкин) — тексты докладов и переписка П. А. Бурышкина, повестки на заседания лож.

15) Ф.1412 (документы масонских лож; коллекция), 14416 единиц хранения, в числе которых материалы русских лож, относящиеся, однако, к XVIII–XIX вв.

Следует отметить, что описание документов данного архивного хранилища, их систематизация были проведены лицами, далекими от истории, поэтому даже названия фондов приведены здесь «условно». Подчеркнем, что в ЦХИДК в настоящее время хранятся довольно полные довоенные архивы (неуместно разделенные на несколько фондов) лож Гермес, Астрея, капитула Астрея, П. А. Бурышкина, ложи Великий Свет Севера.

Однако не все документы российских вольных каменщиков были захвачены фашистами, а затем вывезены в Москву. Оставшиеся во Франции документы были возвращены представителям лож, но если историческая (затем историко-архивная) комиссия Совета Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава настаивала на централизованном хранении масонских архивов в помещении Великой Ложи Франции

на рю Пюто в Париже, то российские масоны Великого Востока Франции предпочитали хранить документацию у своих секретарей.

В результате подобной политики в *архиве Великого Востока Франции* сейчас сохранилось лишь несколько архивных дел об избрании офицерского состава ложи Северная Звезда и сообщения ложи Свободная Россия в Великий Восток Франции за 1931–1934 и за 1939 гг.

По окончании войны работу по разбору масонских рукописей и книг, найденных в числе «невывезенных трофеев» или спрятанных в Марселе, возглавлял Пётр Афанасьевич Бурышкин (1887–1953). Он не только прекрасно справился с возложенной на него задачей (документы и книги были распределены между Национальной библиотекой, библиотеками-архивами Великого Востока Франции и Великой Ложи Франции), но и начал большую работу по составлению истории русского масонства XX в.

Один из секретарей Северной Звезды передал архив российских масонов союза Великого Востока Франции Т. А. Осоргиной. Она, в свою очередь, поместила документы в Отдел Рукописей Национальной библиотеки Франции. После того как Н. Н. Берберова (по разрешению Великого Востока Франции) просмотрела этот архивный фонд, который стал основой для ее книги «Люди и ложи», Т. А. Осоргина, возмущенная грубой фальсификацией истории русского масонства в этой работе, запретила выдавать исследователям русский масонский архив. Перед своей кончиной Т. А. Осоргина разрешила ознакомиться с документами архива русских масонов автору настоящей работы, чтобы на основе реальных фактов показать искажения, допущенные Н. Н. Берберовой. Однако из-за смертельной болезни Т. А. Осоргина не успела направить письменное подтверждение в Национальную библиотеку, руководство которой сделало все, чтобы документы перестали существовать для исследователей.

В условиях, когда документы были «первично разобраны» Н. Н. Берберовой, для которой даже машинопись была «трудночитаемой», остается лишь уповать на чудо, чтобы при французском «внимании» к русскому культурному наследию от обширного архива хоть что-нибудь сохранилось. Французский «спецхран» будет действовать еще неопределенное время.

Другая часть архива ложи Северная Звезда была передана А. А. Юлиусом, сыном последнего секретаря ложи, в библиотеку Великой коллегии ритуалов на рю Каде, где документы были «утеряны». Лишь благодаря тому, что А. А. Юлиус оставил у себя протоколы заседаний ложи Юпитер (объединившейся с Астреей и Северной Звездой) с 1 октября 1964 г. по 12 января 1976 г., удается частично восстановить жизнь Северной Звезды.

Сведения о работе лож Свободная Россия и Юпитер содержатся в крайне субъективных воспоминаниях Р. Б. Гуля[1]. Вступив в масонство ради «нужных» связей в среде французов, уйдя из лож недовольный отсутствием в них антисоветской борьбы, Р. Б. Гуль не приобрел в русских мастерских одного из главных качеств вольного каменщика — терпимости к чужому мнению. Поэтому с симпатией отзываясь об отдельных членах лож, Р. Б. Гуль умышленно, оправдывая свои поступки, преувеличил влияние просоветских настроений в русском масонстве в Париже. Например, главный редактор «Нового журнала» безосновательно утверждал, что С. А. Будаговский возвратился в СССР и погиб там в сталинских лагерях. Впоследствии точку зрения Р. Б. Гуля о доминантном положении в русских ложах «советских патриотов» активно поддерживала Н. Н. Берберова.

В связи с субъективизмом мемуаристов и недоступностью части архива русских лож союза Великого Востока Франции их

[1] См. например: *Гуль Р. Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.2. Нью-Йорк, 1984. С.164–188.*

историю пришлось частично восстанавливать на основании документов, сохранившихся у Т. А. Осоргиной и переданных автору данной работы[1], а также материалов, которые сохранились в личных архивах масонов и делопроизводстве лож союза Великой Ложи Франции.

Судьба русских архивов последнего из упомянутых масонских союзов оказалась не менее сложной.

Часть архивов ложи Лотос и Б. Л. Покровского попала к букинисту А. В. Савину, часть архива Северного Сияния — к членам парижской ложи А. С. Пушкин, документы Г. Я. Смирнова перешли к К. В. Мильскому. Были и потери, например, архив и библиотека Б. М. Редина были после его кончины вывезены французскими мартинистами, что привело к фактической гибели данного собрания.

Более всего пострадала русская масонская коллекция на рю Пюто в 1979—1980 гг., после закрытия последней объединенной русской ложи союза Великой Ложи Франции. С. С. Пельтцер, перешедший в это время в регулярную русскую ложу Астрея, перевез первоначально к себе на квартиру на двух машинах все убранство русского масонского храма и все обнаруженные им на рю Пюто русские документы и книги. Для разбора материалов С. С. Пельтцером были приглашены последние русские масоны «первого эмигрантского призыва»: Г. Я. Смирнов, И. А. Кривошеин и С. П. Тикстон. Они решили уничтожить все «личные» документы (зачастую русские масоны в последние годы своей жизни передавали на рю Пюто переписку, биографические документы, фотографии), а также ветхие масонские пред-

[1] Доклады и речи М. А. Осоргина были опубликованы его вдовой в 1949 г.: *Осоргин I; Осоргин II.* Не вошедшие в сборники речи хранятся в *ЛА.*

меты. Оставшиеся материалы были помещены в подвал на рю Вилье, в здании мастерских Верховного Совета для Франции. Однако в 1980—1990-е гг. часть документов была роздана братьям, а другая уничтожена или потеряна.

Таким образом, если материалы русских лож союза Великого Востока Франции сохранялись до передачи их в Национальную библиотеку Франции, но остались вне научного оборота, то судьба аналогичных *документов союза Великой Ложи Франции* оказалась иной. Можно отметить следующие основные части, на которые распалось собрание русских мастерских Древнего и Принятого Шотландского Устава:

1) ЦХИДК — часть довоенных архивов мастерских;

2) архив Великой Ложи Франции. Несмотря на многочисленные потери после 1965 г., это собрание остается наиболее значительной коллекцией документов русского масонства в эмиграции. В 1994 г. автор данных строк попытался выявить русские материалы в этом хранении, которое до настоящего времени не систематизировано и не описано, а также осуществить первичный разбор документов. При этом были обнаружены документы всех русских масонских мастерских и все виды внутримасонского делопроизводства;

3) архивы, находящиеся в настоящее время у масонов во Франции (К. В. Мильского, ложи А. С. Пушкин и др.);

4) личный архив автора данной работы, который сложился благодаря передаче документов из частных собраний во Франции. Наиболее значительные документы в этом собрании: личные дела членов ложи Астрея; протоколы заседаний ложи Гермес, Совета Объединения русских лож; часть архива ложи Лотос и П. А. Бурышкина, ареопага Ордо аб хао; отдельные документы практически всех русских мастерских.

При работе над монографией привлекались документы не только «масонских» архивов. Оценить отношение различных политических сил к масонству позволяют резолюции всевозможных партий и группировок, начиная от черносотенцев и кончая коммунистами[1].

Подчас воспоминаниями о масонах XX в. делились люди, находившиеся вне ордена вольных каменщиков. Например, Н. Рыбинский рассказал об антимасонской выставке, проведенной в Белграде во время оккупации города фашистами, и о встречах с русскими масонами в Югославии и в США[2].

Хотя дошедшие до нашего времени русские масонские архивы и позволяют довольно полно восстановить историю Ордена вольных каменщиков, необходимо продолжать настойчивые поиски новых материалов. В первую очередь, новые находки возможны в «личных» архивах. Так, автору были недоступны личные архивные фонды В. А. Маклакова, которые находятся в США.

Многие документы погибли. Например, личный архив П. Н. Переверзева был «использован» его зятем-французом для растопки камина «за ненужностью», а масонские документы М. А. Алданова были сожжены после его кончины вдовой писателя. Однако новые поиски неизбежно приведут к новым находкам, например, в архиве Великой Ложи Франции считали, что все русские документы были вывезены с рю Пюто в 1979 г., но автору удалось обнаружить там значительный русский архив.

---

[1] См., например: *Луч света. Литературно-политическое издание. Берлин; Мюнхен; Новый Сад, 1919–1926. №№ 1–7; Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933. С. 347–349.*

[2] См.: *НРС. 1953. 27 июля. № 15066.*

Б) Литература

Смутные слухи о проникновении масонства в Россию вызвали бурную реакцию правых политических кругов: от членов Союза русского народа до умеренных монархистов. Обвиняя во всех бедах России масонов, которые, якобы, находились под руководством тайного всемирного еврейского правительства, сторонники теории «жидо-масонского» заговора при этом не могли представить ни одного реального факта о русском Ордене вольных каменщиков[1].

Теория «жидо-масонства» продолжает существовать вплоть до настоящего времени, появляясь на страницах брошюр и периодических изданий, но, как правило, кроме слухов публицисты этого направления ничего не продуцируют.

Исключением из правила являются лишь работы Н. Свиткова (Степанова). Из всех антимасонских изданий наиболее точная информация содержится в одной из его брошюр[2]. Достоверно перечисляя имена руководителей русских лож в Париже, автор включил «нужные» ему фамилии в сводный список русских масонов: дипломатов — Н. А. Базили, Б. Э. Блюма, А. Н. Мандельштама, революционеров — Л. Д. Троцкого, М. М. Литвинова, политических деятелей — А. И. Гучкова, А. А. Бубликова, банкиров — А. Животовского, К. К. Ярошинского, хотя никто из них никогда не был членом лож. Впоследствии подобный же прием использовала Н. Н. Берберова в своей книге «Люди и ложи».

---

[1] См., например: *Влияние франкмасонства на мировую политику. М., 1910; Слуги треугольника или масоны и их дела. СПб., 1912; Бутми Г. В. Враги рода человеческого. СПб., 1906; Бронзов А. А. Современное масонство. СПб., 1912.*

[2] См.: *Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.) составленное на основании мас.·. документов. Париж, 1932.*

Серьезное изучение русского масонства XX в. было начато самими вольными каменщиками.

Первым опытом явилась «Записка о русском масонстве», известная также как «Записка Кандаурова». В середине 1920-х гг. перед русским масонством Древнего и Принятого Шотландского Устава встал вопрос о создании независимых русских руководящих органов. Образование консистории (32-й степени) Россия и планы по созданию Великой Ложи Астрея требовали идейного обоснования, а также рассказа иностранным «братьям» о традициях русского масонства, поэтому и возникла идея составления работы.

«Записку», помимо лидера русских масонов Л. Д. Кандаурова, составляли еще несколько лиц: М. С. Маргулиес предоставил Л. Д. Кандаурову сведения о ложах союза Великого Востока Франции в России до революции[1]; Ю. К. Терапиано — о мартинистских ложах в России; активное участие в написании «Записки» принимали также члены консистории Россия В. А. Нагродский и Г. Б. Слиозберг[2]. Собирал сведения Л. Д. Кандауров и у русских масонов, работавших в Лондоне, Белграде, Берлине и Александрии.

В результате кропотливой работы «Записка» была составлена и утверждена консисторией Россия 29 апреля 1929 г. Подписи под ней поставили председатель и вице-председатель консистории — Л. Д. Кандауров и Г. Б. Слиозберг. «Записка» известна в нескольких, значительно отличающихся друг от друга

---

[1] См.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а. Л.13–13 об.* Письмо-дополнение Л. Д. Кандаурова к докладу М. С. Маргулиеса см.: *Там же. Л.14.*

[2] Г. Б. Слиозберг составил свой проект «Записки», где основное внимание было уделено идейному обоснованию независимости русского масонства. Машинописная копия этого проекта с пометками рукой Л. Д. Кандаурова хранится в *ЛА.*

редакциях[1]. Она стала кратким сводом данных по истории русского масонства. XVIII–XIX вв. были освещены Л. Д. Кандауровым очень кратко, и эта часть работы из-за компилятивности не представляет интереса. Сведения же о русском масонстве первой четверти XX в. уникальны. Лишенный «пропагандистского» начала («Записка» писалась для «братьев», а им объяснять цели и идеалы масонства было не нужно), рассказ о развитии российского братства вольных каменщиков в XX в. впервые определил основные этапы истории масонства первой четверти столетия, указал на ключевые фигуры русского Ордена вольных каменщиков, показал существование нескольких течений в российском масонстве. Наиболее точно представлены события истории русского зарубежного масонства, непосредственными участниками которых были составители «Записки».

Следует отметить, что в «Записке» ложи мартинистов и мастерские союза Великого Востока народов России рассматривались в рамках общего повествования[2]. Авторы первой истории русского масонства XX в. не обсуждали в своей работе спорные идейные вопросы об истинных и ложных целях братства вольных каменщиков, хотя порой и придерживались различных точек зрения. Подобное «вынесение» разногласий за рамки «Записки» является ее важной характерной чертой.

Есть в «Записке» и неточности, но большинство из них относится к «имперскому» периоду развития масонства, а иногда связано и просто с ошибками переписчиков.

---

[1] Ее полные редакции см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.173; Ф.111. Оп.1. Д.459.*

[2] Публикацию из «Записки» об этом периоде см.: *Л. Д. Кандауров о «Великом Востоке народов России» // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. История. 1994. № 3. С.77–79.*

Крайне негативную роль в становлении исследовательской работы по изучению масонства сыграли труды С. П. Мельгунова. Профессиональный историк и талантливый публицист, он заявил, основываясь при этом исключительно на слухах, что накануне 1917 г. существовал масонский заговор[1]. Заявление авторитетного исследователя, сделанное в угоду политическим симпатиям, а не научной добросовестности, предопределило развитие и дискуссии в зарубежном и отечественном «масоноведении» почти на пятьдесят лет, на протяжении которых «специалисты» выясняли — был ли заговор масонов против монарха и была ли Февральская революция реализацией этого заговора. Со времен С. П. Мельгунова стало «хорошим» тоном пересказывать мнение «предшественников», громогласно заявлять о нахождении еще одного нового «источника» и повторять вывод С. П. Мельгунова, либо опровергать его. За исключением «тайных» историй, написанных самими масонами, вплоть до появления работ Л. Б. Хасса изучение масонства шло по памфлетному пути, предложенному С. П. Мельгуновым.

Следующий этап изучения истории русского масонства относится к 1948—1952 гг., когда при Совете Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава работала историко-архивная комиссия.

Ее создание было обусловлено рядом причин. Почти шестилетний перерыв в масонских работах во время Второй мировой войны, смерть одних братьев и переезд других в Америку — все это говорило русским масонам во Франции, что они должны оставить свое философское завещание, поведать о лучших тра-

---

[1] *Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931.* См. также: *Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып.1. Ч.1. Париж, 1964. С.144—145.*

дициях русского братства в изгнании, сохранить память об ушедших «на Восток Вечный».

Члены комиссии, среди которых были писатели, философы, историки, прекрасно сознавали эти «общие» задачи нового органа Совета Объединения. В комиссию вошли представители всех русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава: М. Г. Корнфельд, С. П. Тикстон, В. Л. Вяземский, П. А. Бобринский, С. Я. Левин, Д. Н. и Б. Н. Ермоловы, К. В. Гвозданович, Г. Я. Смирнов, Б. П. Магидович, т. е. наиболее авторитетные русские вольные каменщики. Председательствовал в комиссии П. А. Бурышкин, долгое время работавший в библиотеке Великой Ложи Франции. В 1950 г. в комиссию были кооптированы В. Е. Татаринов и В. В. Вырубов.

Стояли и конкретные, практические задачи перед историко-архивной комиссией. Главной, пожалуй, была необходимость разбора масонских архивов, часть которых, захваченная фашистами, была теперь возвращена в Париж, другая же часть пряталась братьями во время войны. Именно П. А. Бурышкин занялся разбором масонских рукописей и книг, «историческая часть» которых затем была передана в парижскую Национальную библиотеку. Были назначены и лица, ответственные за обследование и сохранение архивов. С. Я. Левин отвечал за архивы Объединения и ложи Гермес, М. Г. Корнфельд — ложи Астрея, К. В. Гвозданович — ложи Северное Сияние, Д. Н. и Б. Н. Ермоловы — ложи Юпитер, П. А. Бобринский — ложи Гамаюн, Г. Я. Смирнов — ложи Лотос.

Первые, по времени посвящения, масоны уходили из жизни. Война же показала, что устной передачи традиций недостаточно, было необходимо собрать и записать воспоминания русских масонов в Париже. Например, комиссия обратилась с просьбой к П. В. Погожеву рассказать о лекциях Папюса в Петербурге,

а к В. В. Лыщинскому-Троекурову — записать воспоминания о мартинизме.

Наиболее деятельным членом историко-архивной комиссии был инициатор ее создания и председатель П. А. Бурышкин, который взял на себя труд написания общей истории русского масонства первой половины XX в. Для этого П. А. Бурышкин не только занялся сбором «устной» информации и не только изучал масонские архивы в Париже, но и начал активную переписку с С. П. Мельгуновым и Б. И. Николаевским. Первый был запрошен в связи с дореволюционным масонством, второй — с изучением архива Н. В. Чайковского.

Результатом деятельности комиссии было написание истории отдельных лож: С. Я. Левин составил историю ложи Гермес, а П. А. Бурышкин — лож Лотос и Гамаюн[1]. К сожалению, удалось обнаружить лишь гектографическое издание истории ложи Лотос[2].

Эта «история» дает представление о подходе вольных каменщиков, в первую очередь П. А. Бурышкина, к научным исследованиям. При написании истории ложи Лотос П. А. Бурышкин взял за основу не свои воспоминания и не мемуары членов этой мастерской, а «моральные отчеты» ораторов ложи, которые ежегодно предоставлялись в Великую Ложу Франции. Таким образом, книга о ложе Лотос стала скорее напоминать летопись масонской жизни, чем полемическое сочинение по истории вольного каменщичества. Отсутствие личностных характеристик, раскрытие лишь внутренней жизни ложи, строгое следование источникам — все это позволяло избежать субъективной оценки деятельности русского масонства. Примечательно, что П. А. Бурышкин не поставил своего имени на титульном листе

[1] Материалы комиссии хранятся: *GLdF. № 563; ЛА.*

[2] *Лотос.*

книги, и сделано это было не из стремления сохранить тайну авторства или принадлежности к масонству, а из желания быть максимально точным и объективным. Говоря о себе в третьем лице, П. А. Бурышкин стремился написать не «Историю одной ложи», не оставить историческое свидетельство, а составить летопись. Лишь при рассказе о русских масонах в Париже во время Второй мировой войны П. А. Бурышкин должен был писать свою работу не только на основании документов, но активно использовать и воспоминания.

Почти одновременно с написанием историй лож Гамаюн и Лотос, П. А. Бурышкин на основании архива ложи Северная Звезда принимается за составление истории этой русской мастерской союза Великого Востока Франции. В этой своей работе «масонский летописец», П. А. Бурышкин, проявляет себя уже как историк. Дело в том, что в ложах Гамаюн и Лотос он был активным действительным членом и для сохранения объективности должен был стремиться максимально избегать личных оценок. Северную же Звезду он лишь посещал и был вправе, как сторонний наблюдатель, привносить собственную оценку внутренней жизни ложи союза Великого Востока Франции.

Следует оговорить, что автору данных строк были доступны лишь выписки из работы П. А. Бурышкина о Северной Звезде, и, несомненно, здесь свою роль сыграл субъективный подход «переписчика», но даже и выписки позволяют говорить об отходе П. А. Бурышкина от строгих правил «летописания»[1]. В первую очередь, это нашло выражение в более пространном цитировании автором масонских «историй», докладов и речей вольных каменщиков. Подобный подход позволил не только узнать о составе ложи, о докладах, прочитанных в ней, но и обозначить

[1] Выписки из «Истории» ложи Северная Звезда, как и гектографированная история Лотоса, находятся в *ЛА*.

основные тенденции развития Северной Звезды и идейные разногласия внутри ложи.

Другой подход к раскрытию истории отдельной масонской ложи можно найти в печатной брошюре о Северной Звезде[1], которая была составлена при участии того же П. А. Бурышкина и Т. А. Осоргиной, но при этом они не были основными авторами работы. Составители брошюры следовали не принципам передачи фактов, не летописной традиции, а стремились обобщить материал. Задача была успешно выполнена, и буквально на двух десятках страниц были раскрыты основные тенденции и этапы развития русского масонского союза Великого Востока Франции. Брошюра была дополнена краткими биографиями членов ложи Северная Звезда, которые скончались до 1949 г. Сами авторы книги остались неупомянутыми, но уже не из-за стремления к летописанию, а потому, что это была коллективная работа. Следует отметить, что в небольшом очерке о ложе Северная Звезда впервые нашли частичное отражение не только вопросы внутренней жизни ложи, но и проблемы взаимоотношения русского и французского масонства, общественной деятельности вольных каменщиков.

Говоря об историографии русского масонства, необходимо назвать и небольшую вступительную статью Т. А. Осоргиной к публикации докладов ее мужа и ее же роспись всех докладов, прочитанных в ложе Северные Братья[2]. Статья основывается на изучении архива ложи и на личных воспоминаниях и существенно дополняет помещенные в той же книге обобщающие доклады М. А. Осоргина и П. Н. Переверзева, относящиеся к последним годам работы Северных Братьев. В первые послевоенные

[1] *Северная Звезда.*
[2] *Осоргин II. С.9–19, 123–128.*

годы, когда многие из членов ложи были еще живы, упоминать имена докладчиков было бы некорректно, однако сохранился текст вступительной статьи и список докладов с упоминанием всех имен[1]. В условиях, когда архив парижской ложи Северные Братья не доступен, работа Т. А. Осоргиной становится важным источником информации.

Помимо «историй» отдельных лож в историографии русского масонства конца 1940-х — начала 1950-х гг. следует отметить два обобщающих труда П. А. Бурышкина: биографию Д. Н. Вердеревского и историю русского масонства первой половины XX в.

В работе «Жизнь и искания адмирала Д. Н. Вердеревского»[2] речь о масонстве фактически не идет, но рассказ об одном из руководителей русского вольного каменщичества стал для П. А. Бурышкина поводом для показа событий русской истории первого двадцатилетия XX века. Особое внимание было уделено П. А. Бурышкиным периоду между февралем и октябрем 1917 г., когда Д. Н. Вердеревский, как впрочем и многие другие будущие эмигранты, оказался в центре государственной жизни России. Стремление показать ход реформ в России, а не развитие революции, осознать идейное развитие подлинных патриотов России — вот главные задачи работы П. А. Бурышкина. Поэтому даже упоминание или умолчание отдельных фактов биографии Д. Н. Вердеревского подчеркивало полемический характер работы П. А. Бурышкина, заочно споривше го с «советскими патриотами»[3].

---

[1] *ЛА.*

[2] *GLdF. № 638* (рукопись).

[3] Ср., напр., с некрологом Д. Н. Вердеревского, написанным Д. М. Одинцом: *Советский патриот. 1947. 29 августа. № 149.*

Вплоть до настоящего времени весьма значимой работой по истории русского масонства XX в. остается обобщающее исследование П. А. Бурышкина. Работа эта была завершена автором за год до кончины[1]. Ее ожидала сложная судьба. Как и большинство «масонских» работ П. А. Бурышкина, эта рукопись не поступила в Колумбийский университет в США, куда был передан архив П. А. Бурышкина. Есть сведения, что она находилась в архиве историка-масона С. П. Тикстона. После его кончины следы машинописного труда были затеряны. В 1980-е гг. польский историк масонства Л. Б. Хасс получил от С. П. Тикстона копию главы «Зарубежное масонство и его противники», часть глав оказалась в неразобранных фондах Великой Ложи Франции. Автором настоящей работы была предпринята попытка собрать воедино труд П. А. Бурышкина, и сейчас в моем личном архиве находятся ксерокопии либо машинопись с авторской правкой следующих глав: 1) Вступление. Масонство в России в начале XX века; 2) Думское масонство; 3) Великий Восток Франции и масонство в России; 4) Надзор правительства за масонами; 6) Роль масонства по свидетельству историков революции; 7) Русское масонство Шотландского Устава во Франции. Первые шаги; 8) Великая ложа Астрея; 9) Зарубежное масонство и его противники[2].

В плане работы П. А. Бурышкина можно найти также следующие названия глав: 5) Дворцовый заговор и дворцовый переворот; 10) Русское масонство на де л'Иветт; 11) Русские братья во время войны. Был ли этот план реализован, неизвестно.

Каждая глава работы П. А. Бурышкина представляет собой отдельное исследование и лишь тематически является связанной

---

[1] См.: *Слово <...> П. А. Бобринского памяти П. А. Бурышкина 10 ноября 1953 г. // ЛА.*

[2] Отдельные главы были получены автором в дар от ряда лиц, в частности от В. В. Успенского.

с другими частями труда. Уже после кончины автора был опубликован вариант главы о мартинистских ложах в России[1].

П. А. Бурышкин выносил на обсуждение вольных каменщиков каждую написанную главу и выступал с докладами, совпадающими по тематике с той или иной главой своего обобщающего труда. Наибольшие споры вызвал доклад «Страница из истории русского масонства. Русское масонство и февральская революция. Дворцовый заговор», с которым П. А. Бурышкин выступил по предложению ложи Юпитер на совместном заседании русских мастерских Древнего и Принятого Шотландского Устава в Париже в начале 1949 г.

В связи с принципиальной важностью темы приведем выдержку из протоколов ложи Лотос, которые находятся в личном архиве автора. В своем докладе П. А. Бурышкин пытался «выяснить роль, которую играло Мас.·. в февральской революции 1917 г. Был ли Дворцовый заговор к перевороту предвиденному к марту месяцу? Кто в нем участвовал? Какая была позиция мас.·. Л.·.? Какое было отношение между деятелями этой эпохи и Мас.·.?

Вокруг этих главных пунктов докладчик развивает свою работу. К сожалению, отсутствие документов не разрешает ему вынести точного заключения, хотя он считает, что есть надежда на то, что когда-нибудь этот вопрос будет выяснен...

Бр.·. Вас. Вас. Вырубов берет слово в качестве свидетеля событий. Никаких данных, по его мнению, нет о мас.·. заговоре, и пока их нет, бр.·. Вырубов убежден, что мас.·. заговора не было. О ген. Крымове бр.·. Вырубов говорит, что он его видел за 2 часа до самоубийства. Свидетель узнал о самоубийстве в Витебске и тут же пошел к ген. Алексееву, который его встретил словами: "Ген. Крымов застрелился". По мнению бр.·. Вырубова, этот факт объясняется внутренней драмой ген. Крымова, после измены присяге.

[1] *Бурышкин П. А. Филипп — предшественник Распутина // НЖ. 1955. Кн.40.*

Бр.·. Вырубов убежден, что кн. Львов не мог быть мас.·., т. к. стремился к старчеству.

Попытка дворцового заговора, м. б. и была, но состояла она в том, чтобы сослать Государыню в монастырь. Ген. Алексеев м. б. и сочувствовал этой мысли, но кн. Львов решительно отказался от всякого в этом участия.

В заключение, бр.·. Вырубов утверждает, что Мас.·. никакого отношения к какому бы то ни было заговору не имело.

Бр.·. Марков тоже видел ген. Крымова незадолго до драмы. Он был в кабинете полк. Зимина, начальника штаба Керенского, когда вошел ген. Крымов с 2мя адъютантами Керенского. Крымов вышел, затем послышался выстрел. Сын Крымова утверждает, что ген. Крымов был убит, т. к. он был ранен в спину.

Бр.·. Марков вспоминает затем профессуру ген. штаба, и по его воспоминаниям, она вряд ли имела отношение к мас.·. В эмиграции, в частности в Берлине, идея мас.·. была чужда большинству профессоров ген. штаба.

Бр.·. Вл. Леон. Вяземский думает, что к Дворцовому заговору, так же как и в свое время к заговору декабристов, трудно притянуть мас.·.

Бр.·. Вяземский вспоминает мнения брбр.·. Маргулиеса и St. Chaul. Действительно, в Париже были сделаны мас.·. дипломы "en blanc". Но люди, получившие такие дипломы, не были настоящими мас.·., т. к. они не прошли через посвящение.

О Дворцовом заговоре бр.·. Вяземский думает, что он действительно был, но из участников мало кто остался. Александр Ив. Гучков имел к нему отношение, но, хотя и популярен на фронте, Гучков был плохим организатором.

В заключение бр.·. Вяземский считает, что М.·. не имело отношения к перевороту.

Бр.·. Бор. Н. Ермолов настаивает на том, что многое не выяснено в этой странице истории. В мас.·. было стремление к распространению в народе. Но были ли они посвященными мас.·. или только получили диплом из Парижа?

В заключение бр.·. Ермолов благодарит Бога, что мас.·. не играло роли в революции.

Бр.·. Глазберг, тоже свидетель того времени, также думает, что мас.·. не принимало участия в перевороте. Керенский был знаком с мас.·. Львов не был мас.·. и участия в революции не принимал.

Бр.·. Бурышкин в своем заключительном слове думает, что нужно попытаться развернуть эту страницу истории русского мас.·. Докладчик не утверждает, что был мас.·. заговор. Но также и нельзя отрицать всякой мас.·. роли. В России мас.·., хотя часто и скороспелое, но все же было, и остается видом мас.·. Были попытки изменить ход событий, эти попытки имели свое значение. Пятерка, о которой говорил докладчик (Керенский, Терещенко, Коновалов, Некрасов и Ефремов), была мас.·. и общественную роль она играла. О Л.·. при группах ген. штаба свидетельствовал бр.·. Маргулиес, хотя это еще остается исторической загадкой. Загадка эта м. б. раскроется, т. к. в Америке есть еще крупные не раскрытые мас.·. архивы.

В заключение бр.·. докладчик говорит, что мас.·. заговора не было, но мас.·. течения были и они имели влияние.

Д.·. М.·. Д. Н. Ермолов заключает в том смысле, что вероятно мас.·. заговора не было. Хотя идея переворота была в самых разных и высших кругах. В мас.·. мысль о спасении России вероятно была, но в перевороте оно не участвовало, и этим мас.·. не нарушило лояльности к режиму».

Данная выписка показывает, насколько неоднозначно относились сами вольные каменщики к дореволюционному русскому масонству.

Другие главы работы П. А. Бурышкина уже не вызывали дискуссий. Скажем лишь, что вслед за «Запиской» Кандаурова П. А. Бурышкин рассматривал в рамках общей работы о масонстве XX в. также и мартинистские ложи, мастерские Великого Востока народов России и другие парамасонские общества.

Когда работа уже близилась к завершению, встал вопрос о ее издании. Труд П. А. Бурышкина был отдан на «внутримасонскую» рецензию, чтобы окончательно решить вопрос о возможности финансирования[1]. Именно в этот момент работа была

[1] Ранее русские вольные каменщики помогали П. А. Бурышкину оплатить перепечатку рукописи на пишущей машинке.

подвергнута жесткой, но во многом справедливой критике. Неизвестный рецензент из числа русских масонов отметил следующие основные недостатки труда П. А. Бурышкина: 1) обильное и не всегда оправданное цитирование текстов на французском языке, 2) излишняя детализация точек зрения в «антимасонской» литературе, 3) отсутствие изложения истории русского братства вольных каменщиков, основанной на изучении всех, в том числе и масонских, архивов. Действительно, П. А. Бурышкин, особенно в первых главах своего труда, освещающих русское масонство до 1920-х гг., поставил перед собой задачу скорее источниковедческую, чем историческую. Разбор литературы о масонстве явно доминировал над анализом фактов. К тому же летописец масонства подверг рассмотрению прежде всего не источники, а информацию, появившуюся в «открытой», как правило антимасонской, печати, и на основании тщательного анализа и критики подобной литературы хотел подвести читателя к верным выводам, но сам не делал их. Подобный источниковедческий анализ был характерен для большей части работы П. А. Бурышкина, что, конечно же, «утяжеляло» стиль труда, затрудняло восприятие фактов реальной жизни.

Рецензия на работу П. А. Бурышкина, а затем кончина автора помешали изданию обобщающего труда по истории масонства. При всех критических замечаниях работа П. А. Бурышкина остается одной из лучших историй русского масонства XX в. Некоторые же главы этого труда, например, о попытке создания русской Великой ложи в Париже, вряд ли удастся кому-нибудь превзойти по мастерству представления фактов и по богатству материала.

Критика работы, вероятно, заставила П. А. Бурышкина изменить план построения общей истории масонства XX в. Сам автор на заседании ложи Лотос так раскрывал новое построение своего труда:

«В конечной работе можно будет различить три части:
I. a) Идея и обстановка русского мас.·.
b) Общая картина всех Л.·. Л.·.
c) Великая Л.·. Астрея.
II. История каждой Л.·. (эта часть написана, за исключением истории Л.·. Л.·. Гамаюн и Сев. Сияние).
III. Общий обзор мас.·. на rue de l'Yvette»[1].

Таким образом, дошедшие до настоящего времени части единого труда подлежали еще окончательной доработке, но кончина автора помешала реализации грандиозного замысла П. А. Бурышкина, который начал также составлять истории некоторых французских лож, например, ложи La République, и всеобщую историю Шотландского Устава и розенкрейцерства[2].

Доклад В. Л. Вяземского, составленный к двадцатипятилетию русского зарубежного масонства, был прочитан им 9 декабря 1957 г. на заседании ложи Лотос; затем этот доклад был дважды опубликован[3]. Историческая часть исследования В. Л. Вяземского активно перемежается в его докладе с личными воспоминаниями, что подчеркивает субъективный характер работы. Несмотря на краткость, выступление В. Л. Вяземского содержит ряд интересных наблюдений, особенно при описании русских лож союза Великого Востока Франции в Париже. Стремление же одного из руководителей «шотландского» масонства заведомо не принижать роль Великого Востока в развитии русского зарубежного масонства делает честь исследовательской

---

[1] *ЛА.*
[2] См.: *Слово <...> П. А. Бобринского // ЛА.*
[3] *Вяземский.* Ранее доклад был опубликован: *Вестник. 1960. № 5. С.18–31.*

добросовестности автора. Есть в докладе В. Л. Вяземского и неточности; ряд сведений (например, о масонстве Александра III) вызывает сомнение в достоверности источников, которыми пользовался докладчик, но проверить это невозможно, так как они не указываются. Тем не менее работа В. Л. Вяземского несомненно важна, а после публикации в «Новом журнале» и наиболее доступна читателям.

В середине 1950-х гг. группа русских общественных деятелей, среди которых особо выделим В. В. Вырубова, стала активно работать над составлением «Золотой книги русской эмиграции». Благодаря финансовой помощи В. В. Вырубова Г. В. Адамовичу удалось опубликовать две свои работы[1].

В начале 1961 г. В. В. Вырубов попытался возродить и публикацию «Историй» русских зарубежных лож. Еще в 1946—1948 гг. Б. Н. Ермолов, во время работы в историко-архивной комиссии, подготовил обширный доклад на французском языке, посвященный истории ложи Золотое Руно — Юпитер[2] и приуроченный к ее 20-летию; теперь потребовалось однако около полутора лет, чтобы составить новый вариант «Истории ложи Юпитер» (работа по написанию чернового варианта заняла почти весь 1961 год и начало года 1962-го).

В случае с «Историей ложи Юпитер» можно говорить о трех авторских «кругах»: очерки по истории ложи заслушивали и читали все члены мастерской, которые дополняли работу, исправляли стилистику, устраняли фактологические ошибки; затем шел «круг» составителей, которые искали конкретные данные

[1] См.: *Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; Он же. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961.*

[2] Текст доклада Б. Н. Ермолова находится в *ЛА*.

для «истории»; и лишь узкий круг лиц собственно писал работу. В числе составителей следует назвать Ю. Ф. Сергеенко, Г. Г. Шклявера, Б. П. Гепнера, С. А. Дерюжинского, А. Я. Полонского и Я. Л. Нозика; авторами же работы были В. В. Вырубов, Б. Н. и Д. Н. Ермоловы и Г. В. Адамович.

Предполагалось, что последний из упомянутых осуществит окончательную редакторскую правку «Истории ложи Юпитер» и составит особый завет будущим вольным каменщикам в России. Кончина двух основных авторов работы, Д. Н. Ермолова и В. В. Вырубова, приостановила составление «Истории». Г. В. Адамович передал большую часть материалов коллективной работы А. Я. Полонскому, одному из молодых членов ложи Юпитер, который мог и завершить общий труд, и донести его до будущих масонов в России. В 1975 г. А. Я. Полонский передал в Библиотеку имени Ленина (в настоящее время Российская государственная библиотека), в обмен на интересующие его издания, материалы Г. В. Адамовича и ложи Юпитер, которые составили в Отделе рукописей библиотеки фонд 754[1].

Важным обобщающим трудом по истории масонства в эмиграции стала также «Записка о русском масонстве», составленная на французском языке Б. Н. Ермоловым в начале 1960-х гг. в качестве дополнения к воззванию Совета Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава к русским

[1] Материалы «Истории ложи Юпитер» по 1949 г. хранятся (машинописная копия с правкой авторов работы) — *ОР РГБ. Ф.754. К.4. Ед.хр.2, 3*; сведения за 1950–1951 гг. (рукопись авторов) — *ЛА*; рассказ о деятельности ложи в 1951–1961 гг. (черновой автограф) — *ОР РГБ. Ф.754. К.4. Ед.хр.4*; «масонское завещание» Г. В. Адамовича (машинописная копия) — *Там же. Ед.хр.5*. К «Истории ложи Юпитер» приложены архивные документы ложи Юпитер, сгруппированные по периодам существования мастерской: *Там же. К.4–5; ЛА*.

масонам во всем мире[1]. Однако работа Б. Н. Ермолова была написана как идеологическое обоснование единства русского масонства, что не позволило автору сколько-нибудь подробно остановиться на исторической стороне вопроса.

К пятидесятилетию существования ложи Астрея, 14 января 1972 г., на ее торжественном заседании было прочитано два доклада ее членов[2].

Доклад Д. К. Старынкевича «Пятьдесят лет русского масонства в Париже» раскрывал основные этапы развития русской ложи и основывался на работах П. А. Бурышкина и В. Л. Вяземского. Новым в сообщении Д. К. Старынкевича было лишь обоснование прямой преемственности первой русской иоанновской мастерской в Париже и Астреи, входящей в союз Великой Национальной Ложи Франции. Более детальным было выступление С. П. Тикстона, который изложил историю основания ложи Астрея в Париже в 1922 г.

После кончины П. А. Бурышкина ведущими и признанными масонами-историками становятся К. К. Грюнвальд и С. П. Тикстон. Первый занимался преимущественно разработкой истории конца XVIII — начала XIX вв.[3], а второй — историей русского масонства XX столетия в эмиграции. В своей обобщающей работе С. П. Тикстон во многом повторял работу П. А. Бурышкина[4]. Даже названия глав труда С. П. Тикстона: «Мартинисты»; «Ложи Великого Востока Франции»; «Думское масон-

---

[1] Машинописная копия «Записки» Б. Н. Ермолова хранится в *ЛА*.

[2] См.: *Commémoration de 50e anniversaire de la R. L. Astree № 100 fondée le 14 janvier 1922. Paris, 1972.*

[3] *de Grunwald C. Histoire de la Franc-Maçonnerie en Russie // Cahiers de Villard de Honnecourt. Cahier V. Paris.*

[4] *Theakston S. La Franc-Maçonnerie russe en France entre l'exode de 1919 et la guerre de 1940 // Cahiers de Villard de Honnecourt. Cahier VIII. Paris, 1972. S.45–62.*

ство»; «Рождение русского масонства во Франции»; «29, рю де л'Иветт»; «Высшие градусы»; «Русские ложи Великого Востока Франции» — свидетельствуют о прямой преемственности двух исследователей масонства. Следует отметить, что при этом С. П. Тикстон взял у П. А. Бурышкина лишь фактологическую сторону и отказался от подчас утомительного «историографического» подхода П. А. Бурышкина. Была дополнена история русского масонства в эмиграции и сведениями П. А. Бобринского, А. В. Давыдова, П. А. Половцева, чьи устные и записанные на бумаге воспоминания были собраны С. П. Тикстоном. Результатом стала небольшая по объему, но очень насыщенная информацией статья о русском масонстве до начала Второй мировой войны. Ясность изложения позволила С. П. Тикстону определить основные этапы развития российского братства вольных каменщиков, но краткость статьи помешала ему затронуть важные вопросы об особенностях русского предреволюционного масонства, о соотношении и различии между различными масонскими союзами, об эволюции масонства, об общественной деятельности вольных каменщиков. Несмотря на сужение хронологических рамок исследования (по сравнению с трудом П. А. Бурышкина), работа С. П. Тикстона остается одной из лучших в историографии русского масонства.

Историю ложи Голос Украины раскрывает небольшая брошюра, составленная в 1978 г., к 12-летнему юбилею ложи, по инициативе ее досточтимого мастера Ф. Вирсты[1].

Впервые с исторической, а не с политической точки зрения русское масонство попытался рассмотреть в печати Б. И. Николаевский. Неутомимый собиратель архивов, Б. И. Николаевский,

[1] *Голос України. Б. м., 1978.*

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 1997

используя материалы своих интервью с масонами, показал деятельность Великого Востока народов России, не называя при этом фамилии членов организации[1].

В статье Г. Аронсона «Масоны в русской политике», опубликованной в русской газете в Нью-Йорке в 1959 г., по существу, вслед за С. П. Мельгуновым, основное внимание уделялось не реальному развитию масонства в России, а вопросам о масонском «заговоре», о формировании Временного правительства, а также связям вольных каменщиков и большевиков[2].

Одна из первых попыток анализа и классификации источников по истории русского масонства в 1906—1918 гг. была предпринята американским исследователем Натаном Смитом. При чтении статьи этого историка вызывает недоумение, что Н. Смит безоговорочно включает в разряд источников многочисленные слухи и делает это в условиях почти полного отсутствия исследовательских работ о масонстве[3]. Некритичный подход Н. Смита к «свидетельствам» предопределил его сотрудничество с Н. Н. Берберовой.

Очень сложно дать оценку работы Н. Н. Берберовой «Люди и ложи»[4]. Возникает вопрос о правомерности включения сочинения Н. Н. Берберовой в раздел историографии. Ведь с тем, что это не исторический труд, согласятся все, кто ознакомился с ее сочинением. Сама Н. Н. Берберова подчеркивала отличие жанра своего творения от исторического исследования. Но это и

---

[1] *Николаевский. С.9—45.*

[2] См.: *Там же. С.148—172.*

[3] *Smith N. Political Freemasonr in Russia, 1906—1918: A Discussion of the Sources // The Russia Review. An American Quarterl Devoted to Russia Past and Present. Vol.44. Apr. 1985. P.151—171.*

[4] См.: *Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986.* См. также: *Вопросы литературы. 1990. №№ 1, 3—7.*

не мемуары, поскольку реальных встреч с действительными членами масонских лож у Н. Н. Берберовой было очень мало, разговоров же о масонстве с ними вообще не было.

«Люди и ложи» Н. Н. Берберовой — это журналистское повествование со всеми недостатками подобной «литературы». Для того чтобы написать свою работу, Н. Н. Берберовой достаточно было вспомнить обрывки услышанных разговоров, прикоснуться к подлинникам некоторых документов, все остальное — это уже дело журналистского (не писательского) воображения.

Написанная для сведения личных счетов, книга Н. Н. Берберовой была, к сожалению, воспринята не как образец беспринципной журналистики, а как литературное сочинение. Подход рецензентов (Р. Б. Гуля, Т. А. Осоргиной, Евг. Бешенковского, Л. Б. Хасса и др.) к сочинениям Н. Н. Берберовой представляется не верным: нельзя говорить об ошибках и искажениях в работе, которая из них только и состоит. Поэтому при написании данной работы «факты», приведенные Н. Н. Берберовой, не подвергались критическому анализу. Можно говорить лишь о ее «концепции» развития масонства — исправлять каждую строчку занятие бессмысленное. Основа же «концепции» Н. Н. Берберовой проста: до революции масоны делали все для продолжения войны и тем самым играли на руку большевикам, в эмиграции — способствовали «признанию» советской власти. Подкрепляет свою «концепцию» Н. Н. Берберова не фактами, а «громкими» именами, ведь чем их больше, тем убедительнее звучат слова Берберовой для обывателей. Еще один журналистский прием также успешно используется Н. Н. Берберовой — стремление убедить, что никто, кроме нее, не обладает информацией. И тут появляются заколоченные ящики с масонскими архивами, которые вскрываются для Н. Н. Берберовой *топорами* в Национальной библиотеке в Париже, и конфиденциальные беседы, где

тот или иной человек (желательно при смерти, как духовнику, именно ей, Берберовой, «всю правду») рассказывает о масонах. Остается лишь вслед за Г. В. Адамовичем признать, что клюква — это вечноплодоносящее растение.

Оценивая «труд» Н. Н. Берберовой как типичный журналистский фельетон, следует отметить, что «Люди и ложи» вызвали к жизни целую плеяду сочинителей, которые стали писать о масонстве. Как правило, кроме честолюбия за их писаниями ничего не стоит, поэтому эти сочинения, названные авторами иногда даже «исследованиями», не следует даже упоминать.

Одним из первых тему масонства в советской историографии затронул Н. Н. Яковлев[1]. Суть его взглядов на масонство предельно проста и сводится к тому, что тайным штабом буржуазии накануне Февральской революции 1917 г. являлась масонская организация.

На утверждение Н. Н. Яковлева о «масонском заговоре» резко отреагировал Е. Д. Черменский, который заявил, что все выводы Н. Н. Яковлева заимствованы у «белоэмигранта» Г. М. Каткова[2]. Подобную же точку зрения, отвергавшую какое-либо значение масонства в начале XX века в России, поддержали И. И. Минц и О. Ф. Соловьев[3]. Впоследствии, когда были опубликованы свидетельства самих масонов и отрицать существование вольных каменщиков стало бессмысленным,

---

[1] *Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.*

[2] См.: *Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 7–9*; речь идет о работе, впоследствии опубликованной и на русском языке: *Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С.175–182.*

[3] *Минц И. И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4. С.119–122; Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С.201.*

О. Ф. Соловьев «модернизировал» эту концепцию и выпустил исследование, где с позиций марксизма рассматривал масонство как «орудие вельможной знати, затем либеральной буржуазии, выступавшей против революционного движения» в России. По мнению О. Ф. Соловьева, масонство, «выполняя лишь роль одного из подсобных инструментов эксплуататорских классов, стремившихся к увековечению своей гегемонии <...>, не внесло самостоятельного вклада ни в область политики, ни в сферу общественной мысли»[1]. При этом О. Ф. Соловьев, обвиняя других исследователей в неточности, допускал ошибки почти на каждой странице своего труда.

С большей долей профессионализма против «преувеличения» роли масонства выступил А. Я. Аврех. В своей книге он, однако, сделал лишь один вывод: «Масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет»[2]. Заявляя о ничтожности влияния масонов в начале XX в., А. Я. Аврех посвятил свой труд не раскрытию содержания новых источников о масонстве, а критическому анализу Н. Н. Яковлева и жандармских донесений о вольных каменщиках.

По существу, работы И. И. Минца, О. Ф. Соловьева, А. Я. Авреха и др. были вызваны не стремлением разобраться в истории масонства в России в начале XX в., а догматическим «возмущением», что кто-то позволил себе усомниться в классовой предопределенности переворота 1917 г.

Попытку выйти за рамки этого догматического спора о роли масонства в России начала XX в. сделал В. И. Старцев, который осуществил публикацию интервью масонов с Б. И. Николаевским[3]. В собственных же сочинения В. И. Старцев невольно

---

[1] *Соловьев О. Ф. Русское масонство 1730–1917 гг. М., 1993. С.264.*

[2] *Аврех. С.342.*

[3] См.: *История СССР. 1989. № 6; 1990. № 1.*

повторял сомнительные сведения Н. Н. Берберовой, что приводило к искажению общей картины развития масонства в начале века[1].

Попытка обобщить факты о Великом Востоке народов России была предпринята Л. Б. Хассом в одной из его монографий о развитии масонства в Центральной и Восточной Европе[2]. Подобная попытка имела как свои положительные, так и отрицательные черты. С одной стороны, Л. Б. Хасс пытался раскрыть общие тенденции развития масонства в Европе, с другой, подобный подход вынудил автора лишь пересказать несколько фактов о русском масонстве без их подробного анализа.

Следует, однако, отметить, что данные о масонстве Великого Востока народов России были собраны и опубликованы Л. Б. Хассом до появления на свет работы Н. Н. Берберовой «Люди и ложи», что позволяло автору подходить к изложению материала с точки зрения историка, а не публициста.

Основные сведения о масонстве в России в начале XX в., собранные Л. Б. Хассом, были изложены им также в статье, опубликованной на русском языке (в отличие от польского варианта, в ней нет ссылок на источники)[3]. В этой работе Л. Б. Хасс особо подчеркивал стремление некоторых советских авторов (Н. Н. Яковлева, В. Я. Бегуна) умышленно говорить только о «политическом» масонстве в России, что искажало картину развития Ордена вольных каменщиков.

Непрофессионализм и увлечение «модной» тематикой без изучения документальных свидетельств были резко отвергнуты

---

[1] См., например: *Старцев В. И. Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. № 6. С.33–50.*

[2] *Hass L. Ambicie, rachuby, rzeczywistość. Wolnomularstwo w Europie Środkowo-Wschodniej 1905–1928. Warszawa, 1984. S.64–68*

[3] *Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С.134–155.*

Л. Б. Хассом, который в отдельной статье проанализировал также работы О. Ф. Соловьева, В. И. Старцева и Н. Н. Берберовой и указал на многочисленные (подчас и смысловые) искажения в трудах этих авторов[1].

Лучшим обзорным исследованием о русском масонстве в эмиграции стала статья Л. Б. Хасса, опубликованная в 1993 г. Основываясь на работах В. Л. Вяземского, С. П. Тикстона, П. А. Бурышкина, документах из архива Великого Востока Франции, автор попытался выделить основные этапы развития русского масонства в изгнании: 1917–1921, 1922–1928, 1929–1939, 1939–1944, 1944–1949, 1950–1971. Следует особо отметить фактологическую точность польского исследователя, его стремление рассказать о реальных событиях жизни русского масонства[2]. Однако автор был, по существу, вынужден (из-за недоступности ему материалов внутримасонского делопроизводства и небольшого объема статьи) ограничиться перечислением имен масонов и названий лож. В работе Л. Б. Хасса нет развернутого анализа внутренней эволюции русского масонства в эмиграции, не освещены и вопросы масонской идеологии, что затрудняет восприятие масонства в контексте русской общественной жизни.

Среди многочисленных работ Л. Б. Хасса о масонстве[3] следует также особо упомянуть его обобщающее исследование о польском масонстве XX в., в котором содержатся важные сведения о связях русского и польского масонства[4].

---

[1] *Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 1. С.24–35.*

[2] *Hass L. Polityka i uchodźcza codzienność za fasadą symbolicznej kielni. (Los emigracyjnego wolnomularstwa rasyiskiego od lot dwudziestych do siedmidziesiątych // Dzieje Nainowsze. Rocznik XXV. 1993. № 1. S.61–82.*

[3] Библиографию трудов Л. Б. Хасса о масонстве см.: *Ars Regia. Warszawa. 1993. № 1 (2). S.109–134.*

[4] *Hass.*

Сведения о масонстве в Югославии, в том числе об эмигрантской белградской ложе Максим Ковалевский, о русских вольных каменщиках содержатся в книге Зорана Ненезича[1].

Крайне упрощенное представление о масонстве как о всемирном заговоре сионизма и империализма характерно для ряда работ, опубликованных в СССР в 1980–1990-е гг.[2] Как правило, ограничиваясь пересказом тенденциозных «западных» работ (в духе концепции «Протоколов сионских мудрецов»), советские авторы при характеристике масонства добавляли лишь фразы о «загнивании» капитализма.

Попытка проанализировать публикации о масонстве в отечественной периодике начала века была предпринята Д. А. Андреевым, и хотя его небольшая по объему статья не дает сведений о реальном положении дел в русском масонстве, но она освещает широкий спектр мнений на масонство в российском обществе[3].

Своеобразным сводом публикаций правых газет в Нижнем Новгороде в начале XX в. можно назвать статью А. Н. Лунина[4].

Масонство после запрета в 1822 г. стало предметом диссертации А. Е. Виноградова[5]. С одной стороны, диссертант одним

---

[1] *Nenezić Z. D. Masoni u Jugoslaviji (1764–1980). Beograd, 1987.*

[2] См., например: *Бегун В. Я. Рассказы о «детях вдовы». Минск, 1986; Замойский Л. П. За фасадом масонского храма. М., 1990.*

[3] *Андреев Д. А. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. История. 1992. № 1. С.27–38.*

[4] *Лунин А. Н. Масонство в оценке провинциальной русской Национально-патриотической прессы начала XX века. (По материалам нижегородских газет «Голос Минина», «Минин Сухорук», «Нижегородский церковно-общественный вестник») // Мининские чтения. Нижний Новгород, 1992. С.77–79.*

[5] *Виноградов А. Е. Российское масонство после правительственного запрета 1822 г. Автореф. дисс. на соискание ученой ст. кандидата исторических наук. М., 1992.*

из первых обратил внимание на материалы русских мартинистов и масонов, находящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, с другой стороны, А. Е. Виноградов в своей работе бездоказательно утверждал, что в масонстве процветала «двойная мораль» с индульгенцией на «право узаконенной лжи».

Обзорная, небольшая по объему работа Хельмута Кайлера была опубликована в 1993 г. в масонском историческом ежегоднике[1]. По существу, Х. Кайлер не выдвинул в своей статье никаких новых концепций по сравнению с трудами Л. Б. Хасса, а лишь пересказал ряд ставших уже труднодоступными работ. Нет в статье Х. Кайлера и новых данных, с русскими масонскими архивами он не был знаком, он лишь дополнил данные Л. Б. Хасса сведениями о возрождении масонства в России в начале 1990-х гг., взятыми из французского журнала «Экспресс». Предпринял Х. Кайлер и попытку возобновить публикацию русских масонских документов, однако издание одного из архивных дел берлинской ложи Великий Свет Севера вряд ли можно назвать удачным, так как публикатор из-за незнания русского языка допустил множество опечаток, что, впрочем, не помешало ему требовать возврата архивов из Москвы в Германию[2].

Помимо работ, специально посвященных российскому масонству XX в., существует обширная литература об Ордене вольных каменщиков новейшего времени, где так или иначе упоминается и русское масонство[3].

---

[1] *Keiler H.K.H. Abriß der Freimaurerischen Geschichte in Rußland // Quatuor Coronati. Jahrbuch. № 30/1993. S.147-188.*

[2] *Keiler H. Freimaurer Weißemigrantenloge «Welikij Swet Sewera» Berlin 1922. Gießen, 1993.*

[3] Сводную библиографию о масонстве и отдельные (с многочисленными ошибками) статьи о русских вольных каменщиках см.: *Ligou.* В этой же работе см. сведения обо всех терминах, связанных с масонством.

Подводя краткие итоги, необходимо сказать, что найденные источники по истории российского масонства позволяют рассмотреть это движение в рамках монографического научного исследования, которое отсутствует в настоящее время. Несмотря на все достоинства, работы П. А. Бурышкина, С. П. Тикстона, Л. Б. Хасса не дают полного представления об истории русского движения вольных каменщиков. Настоящая работа задумана как первый, предварительный опыт такого исследования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«НОВОЕ» РОССИЙСКОЕ МАСОНСТВО ЗАГРАНИЦЕЙ (1845—1905)

После запрета масонства в России в 1822 г. вольные каменщики не прекратили своих собраний, однако Орден оказался обреченным на постепенное умирание. Потребовался новый импульс, чтобы возродить масонство в империи.

Работы масонов «теоретического» круга, которые тайно проводились преимущественно в Москве, являлись прямым продолжением работ вольных каменщиков XVIII — первой четверти XIX вв. История этих собраний была частично рассмотрена в моей диссертации (*Серков А. И. Российское масонство. 1800—1861 гг. М., 1991*) и подробнее раскрыта в моей же готовящейся к печати монографии «История русского масонства. Первая половина XIX в.».

Возобновление работ русских вольных каменщиков во второй половине XIX — начале XX в. было связано преимущественно с Францией. К этому времени французское масонство превратилось в организацию, которая меняла свою доктрину в зависимости от политической ситуации в стране.

В период революционного подъема 1848 г. масоны активно демонстрировали свою солидарность с радикалами. Но сразу после подавления антиправительственных выступлений в Европе, в условиях политической реакции, 10 августа 1849 г. Великий Восток Франции принял новую редакцию своей конституции,

где как основной принцип масонства была провозглашена вера в Бога и бессмертие души. Тем самым французский масонский союз подтвердил свою верность основам учения вольных каменщиков, сложившимися в Англии в XVIII веке.

В католических кругах, однако, настойчиво обсуждался вопрос о запрещении масонства. Ответной реакцией на антимасонскую борьбу стало принятие в 1854 г. в Бельгии масонской конституции, в которой был отменен пункт о запрете обсуждения в ложах политических и религиозных вопросов. В 1865 г. изменения были внесены и в конституцию Великого Востока Франции, где теперь говорилось, что масонство «считает свободу совести естественным правом каждого человека и не исключает никого из-за его убеждений». Эволюция Великого Востока Франции завершилась в 1877 г., когда в конституции этого послушания исчезло упоминание о Великом Архитекторе Вселенной; в ответ Великая Объединенная ложа Англии — ложа-матерь всего мирового масонства — перестает считать Великий Восток Франции организацией вольных каменщиков, и он отходит к так называемому «либеральному» масонству.

Именно в этот период трансформации масонства началось новое посвящение русских в масонские ложи. Единичные случаи посвящения купцов, торговцев из России в европейские масонские мастерские можно встретить и в 1830—1840-е гг., но объяснялось это не духовным поиском, а стремлением установить выгодные связи и потому не имело никакого влияния на российскую жизнь. Ситуация изменилась во второй половине 1840-х годов, когда в масонстве стали видеть форму объединения оппозиционных сил. Именно поэтому в масонство вступает М. А. Бакунин, а затем и некоторые русские эмигранты. Например, в середине XIX в. масоном в Женеве был известный памфлетист и специалист в области генеалогии П. В. Долгоруков. Продолжались и масонские традиции, так, в 1859 г. в Париже в одну из

лож вступил кн. С. А. Ухтомский, сын вольного каменщика начала XIX в.

В 1858 г. масоном стал друг А. И. Герцена и М. А. Бакунина Н. И. Сазонов, разочаровавшийся в революционных методах борьбы. В парижскую ложу Генрих IV, которую посещал Н. И. Сазонов, входил также известный вождь алжирского восстания против французов Абд аль-Кадир *[См.: Хасс Л. Б. Четверть века без ложи — времена Александра II // ЛА. Машинопись; Ligou]*.

Попытка разрешить проблемы соотношения нравственности и насилия, преобразований и законности, подтолкнула А. И. Герцена к изданию в 1860 г. в Вольной русской типографии в Лондоне «Записок» сенатора И. В. Лопухина, ключевой фигуры в русском масонстве XVIII в.

Далеко не всегда контакты с масонами приводили к участию в деятельности вольных каменщиков. Например, женевская секция Первого Интернационала пользовалась помещением местного масонского храма Temple Unique, однако Н. И. Утин, один из основателей русской секции Интернационала и бывший член Центрального Комитета «Земли и воли», не был членом братства вольных каменщиков.

> Советские историки стыдливо умалчивали о подобных контактах. Например, Б. П. Козьмин при описании помещения добавил слово «бывший», из чего следовало, что в здании уже не проходили параллельно заседания масонов и революционеров: *Козьмин Б. П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957. С.310.*

Следует особо остановиться на масонских поисках известного теоретика анархизма Михаила Александровича Бакунина (1814—1875). Сведения о его членстве в Ордене вольных каменщиков, к сожалению, отрывочны. Известно, что М. А. Бакунин был посвящен в масонство в 1845 г., а затем стал членом итальянской

ложи Социальный прогресс и масоном во Флоренции. 3 апреля 1865 г. М. А. Бакунину был вручен патент на 32-ю степень Древнего и Принятого Шотландского Устава (всего в этом, одном из наиболее распространенных уставов, 33 степени) от великой консистории Великого Востока Италии. По существу, этим и ограничиваются сведения о масонстве М. А. Бакунина.

Более важны для нас теоретические поиски идеолога анархизма. Во-первых, необходимо сказать о создании М. А. Бакуниным Международного братства, в котором он пытался объединить всех революционеров. Во-вторых, М. А. Бакунин стал автором «Современного катехизиса масонства», в котором обосновал тождество движения вольных каменщиков и революции. Однако, по самой своей природе, масонство не могло стать революционной организацией, и М. А. Бакунину пришлось отказаться от использования масонских форм в своей деятельности.

Несомненно, что большое влияние на планы М. А. Бакунина оказала деятельность итальянских карбонариев и Джузеппе Гарибальди. Последний был посвящен в масонство в нерегулярной ложе в Монтевидео 18 августа 1844 г., в том же году стал членом ложи Друзья Отечества, входившей в союз Великого Востока Франции, а в 1862 г. — великим мастером Великого Востока Палермо. В 1864 г. Дж. Гарибальди, уже масон 33-й степени, занял пост великого мастера итальянского масонства, а в 1881 г. был избран великим мастером устава Мемфис, распространенного в Италии *[См.: Ligou]*.

С деятельностью Дж. Гарибальди, вероятно, было связано и появление на территории Российской империи первых масонских лож после почти полувекового перерыва. Есть данные, что в августе 1868 г. в России палермским Верховным Советом 33-й степени была основана масонская ложа, но даже о точном местонахождении этой мастерской нет сведений.

Под руководством Великого Востока Италии в 1874 г. была основана также ложа в Одессе, Stella di Guistizia, работавшая по Шотландскому Уставу. Однако существование «гарибальдийских» лож в России было кратковременным и с началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. они прекратили свое существование *[См.: Хасс Л. Б. Четверть века без ложи... // ЛА].*

Документальные свидетельства интереса французских масонов к России относятся к периоду Крымской войны. В июне 1856 г. Великий Восток Франции открыл в Крыму в местечке Камыш (Kamiesch) ложу Св. Иоанна Крымского *[См.: BNdF. FM² 862; FM³ 691].*

Во второй половине 1860-х гг. тот же Великий Восток начал организовывать ложи в Румынии и Молдавии (в Измаиле, Яссах, Плоешти и других городах). В данные мастерские, работавшие по французскому уставу и по обряду Мемфис, вступали и российские подданные — уроженцы Кишинева и Одессы *[См.: BNdF. FM² 862].*

Действительное возрождение русского масонства в XIX в. связано, в первую очередь, с именами философа-позитивиста Г. Н. Вырубова и изобретателя электрической лампочки П. Н. Яблочкова.

Друг Огюста Конта, профессор (с 1903 г.) Коллеж де Франс, Григорий Николаевич Вырубов (1843—1913) был посвящен в ложе, работавшей по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу. Он был решительным сторонником «экстерриторизации», то есть выступал за активное участие масонов в общественной деятельности вне лож. Когда ложа, членом которой он был, из-за конфликта с Верховным Советом прекратила свою деятельность, Г. Н. Вырубов 7 января 1874 г. переходит в союз Великого Востока Франции. Здесь состоятельный философ-эмигрант быстро продвигается в масонской иерархии. Первоначально Г. Н. Вырубов становится досточтимым мастером эмигрантской

ложи Роза совершенной тишины, а затем занимает влиятельные посты в Совете Ордена. Так в 1882 г. Г. Н. Вырубов председательствует на конвенте Великого Востока Франции, а с 1885 г. становится вице-председателем Совета Ордена *[См.: Ligou. P.1269]*.

Несмотря на обширные связи в научных и эмигрантских кругах, Г. Н. Вырубов не занимался серьезно русским вопросом в связи с масонством. Возможно, по рекомендации Г. Н. Вырубова в конце 1870-х гг. в масонство был принят молодой эмигрант, участник революционно-демократического движения 1860-х гг. В. Ф. Лугинин.

Более активную позицию по отношению к русскому масонству занимал П. Н. Яблочков, который прошел через посвящение в первые три степени масонства в январе-феврале 1876 г. Павел Николаевич Яблочков (1847–1894), в отличие от Г. Н. Вырубова, отстаивал принципы Древнего и Принятого Шотландского Устава и последовательно был досточтимым мастером (руководителем) трех лож, работавших в Париже под руководством Верховного Совета Франции.

Вероятно, по рекомендации П. Н. Яблочкова стал масоном медик Н. Н. Баженов, который накануне отъезда из Парижа в 1884 г. был сразу же возведен в первые три степени масонства.

Любимым детищем П. Н. Яблочкова была ложа Космос, основанная 25 июня 1887 г. П. Н. Яблочков, ставший первым досточтимым мастером ложи, работавшей в послушании Верховного Совета Франции, предполагал сделать из мастерской элитарную ложу, которая бы объединяла деятелей литературы, науки и искусства — выходцев из Центральной и Восточной Европы. Перед посвящением в ложу или аффилиацией в нее от предполагаемых членов требовали выступить первоначально с докладом, который должен был найти доброжелательный отклик в среде членов Космоса. «Избранность» ложи Космос подчеркивалась и достаточно высокими денежными взносами в казну мастерской.

Подобные принципы Космоса импонировали молодым русским ученым, которые находились в это время в Париже: Е. В. де Роберти, М. М. Ковалевскому, Н. А. Котляревскому. В 1888 г. произошло их посвящение в масонство в ложе Космос, соответственно 9 февраля, 14 марта и 23 апреля. При всем различии интересов и характеров, молодых русских ученых объединяли высокие интеллектуальные запросы, и не случайно, что все трое добились впоследствии признания в научном мире.

Однако жизнь распорядилась так, что ложа Космос не стала в конце 1880-х гг. русским масонским центром. П. Н. Яблочков был полностью занят организацией русского отдела на Международной выставке, а затем тяжело заболел. Н. А. Котляревский, который находился в командировке в Париже для приготовления к профессорскому званию на кафедре истории иностранной словесности, должен был возвращаться в Россию; и хотя масонство повлияло на концепцию его магистерской диссертации о «мировой скорби», где много места было уделено представлениям мыслителей XIX в. об идеальном человеке как высшей ценности, российские условия не позволили ему в дальнейшем вернуться к масонской работе. Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) уехал в Стокгольм для чтения лекций в местном университете. Евгений Валентинович де Роберти (1843—1915), «любопытный пример чисто русского сочетания противоположных взглядов ницшеанства и социализма, презрения к народу и поклонения демократии» *[ГАРФ. Ф.102. ДП 00. 1903 г. Д.986. ЛЛ.5 об.—6]*, также не жил постоянно в Париже, разъезжая с лекциями по всей Европе.

Ложа Космос, лишившись своего лидера, П. Н. Яблочкова, вскоре была усыплена и смогла восстановить работы лишь в 1898 г.

Перечисленными выше лицами не ограничивается число русских масонов, которые были посвящены на Западе. Хотя среди них можно найти и известные имена — врача А. М. Аршавского,

банкира Р. И. Берберова, переводчика И. Д. Гальперина-Каминского, публицистки В. Старковой, экономиста С. Н. Прокоповича, однако участие этих лиц в масонстве носило кратковременный, почти случайный характер.

Известно о двух докладах В. Старковой в парижской ложе Libre Examen: о голоде в советской России (5 марта 1922 г.) и «Толстой и русская революция» (22 июня 1920 г.). См.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.413. Л.89; Бурышкин.*

Русская интеллигенция рубежа веков была увлечена прежде всего деятельностью общественной. Первоначально это было земское движение (многие видные земские деятели: В. А. Оболенский, В. Д. Кузьмин-Караваев, А. М. Колюбакин, Ф. Ф. Кокошкин, И. П. Демидов, А. А. Свечин, Г. Р. Кильвейн и др. — вскоре вошли в русские ложи) и кружок «Беседа» (членами кружка были будущие масоны — Ф. Ф. Кокошкин, В. А. Маклаков, С. А. Котляревский, Ф. А. Головин и др.), затем — «Союз освобождения», возникший в 1903 г. и объединивший интеллигенцию в борьбе за свободу и правопорядок. В инициативную группу по образованию этого союза входили будущие активные масоны: В. Я. Богучарский, Л. И. Лутугин, Е. Д. Кускова, Н. Д. Соколов, В. А. Оболенский и др. *[См., например: Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С.235–237].* В 1904 г. членом этого объединения стал и В. М. Гессен. Необходимо отметить и журнал «Освобождение», в работе которого также принимали участие будущие масоны, например, А. С. Пругавин.

Участие общественных деятелей в организации политических групп, отсутствие масонов в самой России задерживало развитие объединения вольных каменщиков в стране. Однако на заседании земцев-конституционалистов складывался круг людей, соединенных совместной работой. В числе основателей Партии

народной свободы и ее первых членов можно также увидеть имена будущих масонов (С. А. Балавинский, Р. М. Бланк, В. М. Гессен, Ф. А. Головин, Л. И. Лутугин, А. И. Шингарев, С. А. Котляревский и др.).

Лица, ставшие масонами до 1905 г., были более заняты вопросом подготовки свободомыслящих людей. М. М. Ковалевский и Е. В. де Роберти, читавшие курсы лекций в Брюсселе и Лондоне, долгое время были оторваны от российской жизни и даже от среды русской эмиграции в Париже. Именно у них двоих, а также у их друга, юриста Ю. С. Гамбарова возникла идея создания русского высшего учебного заведения за границей. Первоначально планировалось открыть его в Брюсселе, но затем был выбран Париж. Летом 1900 г. эта группа вместе с филологом Е. В. Аничковым приняла участие в организации Русской группы Международной выставочной школы, лекции которой были продолжены и в начале 1901 г.

Сложившийся коллектив стал основой для создания 14 ноября 1901 г. Русской высшей школы общественных наук *[См. воспоминания М. М. Ковалевского: Возрождение. 1951. № 17. С.91–94]*. М. М. Ковалевский стал ее президентом, Е. В. де Роберти — вице-президентом, Ю. С. Гамбаров — генеральным секретарем и Е. В. Аничков — секретарем. В школе, просуществовавшей до 1906 г., преподавали И. И. Мечников, В. А. Анги, С. А. Муромцев, П. Н. Милюков, М. И. Туган-Барановский, В. М. Чернов, Н. И. Кареев, Ф. К. Волков, И. И. Щукин, И. А. Карышев, М. М. Винавер, будущие масоны А. А. Исаев, М. И. Тамамшев, А. В. Амфитеатров, М. С. Грушевский, А. С. Трачевский и др. В русском высшем учебном заведении в Париже читались курсы по философии, истории, литературе, праву, политэкономии, социологии, этнографии, антропологии. В качестве лекторов приглашались люди самых разных политических убеждений, начиная от классических либералов и кончая марксистами

Г. В. Плехановым и В. И. Лениным. Поэт М. А. Волошин, будущий масон, обучавшийся в школе в 1901 г., а в 1902-м читавший в ней доклады о Н. А. Некрасове и А. К. Толстом, отмечал, что профессора школы «стараются сделать курсы как можно более разнообразными и степеней ученых не признают» *[Максимиллиан Александрович Волошин. Из литературного наследия. Вып.1. СПб., 1991. С.140]*. Другой мемуарист писал, что «задачей школы было <...> смягчение резких противоположностей между крайними мнениями, сближение политических групп, способных действовать на общей почве» *[Ковалевский. С.146]*.

В школе была введена символическая плата за обучение — 30 франков в год. Для того чтобы содержать школу, М. М. Ковалевский продал большую часть своего харьковского имения местным крестьянам. Демократизм преподавателей и невысокая плата за обучение привели к тому, что в первый год существования в школе появилось до 200 учеников, а к 1903 г. число учащихся возросло уже до 400 человек. Российское правительство было обеспокоено ростом влияния Русской высшей школы общественных наук и всячески противодействовало ее деятельности, в частности — препятствовало переводу денег на содержание школы из Харьковского банка в Париж на имя М. М. Ковалевского, вынудило возвратиться в Россию А. С. Трачевского и Е. В. Аничкова. От учредителей школы ввиду их «вредной деятельности» требовали или немедленного возвращения в Россию, или перехода на положение политических эмигрантов. Например, подобный приказ о возвращении поступил 21 августа 1903 г. на имя Е. В. де Роберти. Только после того, как он сложил с себя звание профессора школы и прекратил с ней сотрудничество, 22 мая 1904 г. ему было возвращено российское подданство и разрешено пребывание за границей *[См.: ГАРФ. Ф.102. 2 делопр. 1903 г. Д.42. О деятельности школы см. также публикацию писем*

М. М. Ковалевского к А. И. Чупрову: Исторический архив. 1993. № 6. С.171–179].

Преподаватели школы не ограничивались педагогической деятельностью. Например, в 1901 г. Е. В. Аничков и историк И. М. Гревс собирались издавать журнал и в качестве одного из составителей предполагали привлечь М. А. Волошина. Последний писал, что «журнал такой теперь совершенно необходим, т. к. на все новые течения западной мысли и западного искусства редакциями современных русских газет установлена цензура еще более строгая, чем цензура государственная над политическими изданиями» *[Максимиллиан Александрович Волошин. Из литературного наследия. Вып.1. СПб., 1991. С.141].*

Впоследствии масоны — бывшие преподаватели Высшей школы общественных наук вошли в редакции энциклопедических изданий братьев А. и И. Гранат в России (Ю. С. Гамбаров, Е. В. Аничков, М. М. Ковалевский).

Хотя преподаватели русской высшей школы в Париже и не стали масонами в своем большинстве, но именно в среде ее профессуры складывался круг лиц, возродивших Орден вольных каменщиков в России в начале XX в.

Целенаправленная работа по привлечению российских подданных в масонство была возобновлена лишь в 1905 г. и связана с именами М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти. 29 апреля 1904 г. эти вольные каменщики возобновили свое членство в ложе Космос в Париже *[Bulletin Hebdomadaire. 1904. № 1054. P.14]*, а 21 февраля 1905 г. на одном из заседаний ложи М. М. Ковалевский выступил с программным докладом «Проект российской конституции и земство».

Надежда на введение конституционных свобод в Российской империи позволяла перейти к полулегальному распространению идей масонства в стране, но прежде требовалось создать костяк предполагаемых русских лож. В соответствии с подобными

планами М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти 16 мая 1905 г. в ложе Космос посвящают в масонство А. В. Амфитеатрова, Ю. С. Гамбарова, М. И. Тамамшева (все трое подписали январское 1905 г. воззвание М. Горького, где он обвинял Николая II в умышленном убийстве *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.374. Л.17]*), И. З. Лорис-Меликова, А. С. Трачевского, К. В. Аркадакского (Добриновича), а 20 июня — Е. В. Аничкова. Все эти лица уже приобрели известность в российском обществе, что позволяло надеяться на успешное начало масонских работ. 30 января 1906 г. шесть новых русских «братьев» (кроме Добриновича) получили в один день вторую и третью масонские степени, что обеспечивало необходимое число мастеров-масонов для открытия ложи.

А. В. Амфитеатров вспоминал об этом времени: «Перемасонил нас всех Максим Максимович Ковалевский. И. З. Лорис-Меликов, Ю. С. Гамбаров, М. И. Тамамшев, А. С. Трачевский и позже Е. И. Кедрин — это лекторский кружок Русской высшей школы социальных наук, основанной М. М. Ковалевским и долго процветавшей под его управлением <...>

Ложа Космос, в которую мы были приняты, не была подчинена Великому Востоку, а держалась Шотландского устава, что делает большую разницу. М. М. Ковалевский занимал в этой ложе весьма высокое положение <...>

Во главе же, в частности, ложи Космос стоял некий доктор Николь, очень интересный и умный француз-южанин, кажется из евреев» *[Сегодня. 1930. 6 июля]*.

О том, что привело его в масонство, писатель дает пространный ответ. Во-первых, обаяние имени М. М. Ковалевского, который пользовался огромным уважением и в русских, и во французских кругах и за которым можно было идти всюду, куда бы он ни позвал.

Во-вторых, расчеты революционно-политической тактики, как наступательной, так и положительной. А. В. Амфитеатров писал: «Не принадлежа ни к одной из революционных "партий" (по непреодолимому отвращению ко всякой партийной дисциплине), я, тем не менее, стоял на крайнем левом фланге тогдашней революционной эмиграции, сочувствуя в ней наиболее эс-эрам боевикам. Проповедывал объединение революционных сил для активного натиска на ослабевшее самодержавие, славил террор и террористов, издавал непримиримый бунтарский журнал "Красное Знамя", воспевал в прозе Марусю Спиридонову, а в стихах "народолюбца" Стеньку Разина, презирал "куцую" конституцию, компромиссы Государственной Думы — вообще кипел и лез на стену. "Будьте милостивы братцы, дайте чуточку подраться".

При таком революционном настроении и действовании, я очень нуждался в возможности самозащиты на случай полицейского натиска из Петербурга. Все мы жили под постоянною угрозою происков и интриг со стороны заграничных охранников, пресловутого Рачковского, Ратаева и др.

Правда, выдача из Франции за политику предполагалась невозможной, но ведь это в теории, а на практике обход простой: выдать не выдадут, а объявят нежелательным иностранцем и позвольте вам выйти вон за пределы республики.

В том же более или менее состоянии непрерывного Дамоклова риска — уже добро бы под мечом, а то под полицейским тесаком-селедкою, пребывали почти все <...> русские, примкнувшие по совету М. М. Ковалевского к масонству. Главным мотивом к посвящению было желание поставить между собою и произволом русского полицейского нахрапа и французской податливости стену могущественной организации вольных каменщиков. Они сочувствовали русской революции откровенно, по крайней мере в ложах Шотландского устава» *[Там же]*.

В-третьих, по словам А. В. Амфитеатрова, был «интерес романтики, интерес Пьера Безухова».

В отличие от других масонов, А. В. Амфитеатров не делает никакого секрета из своего пребывания в рядах масонства. Вот что он говорит о своем посвящении:

«Единственный обряд показался мне серьезно-ответственным. Это когда после разных фиктивных испытаний "ищущего" ставят с завязанными глазами перед собранием, из которого каждый вправе предложить ему вопрос, а он обязан ответить прямо, искренно, без обиняков и утайки. Так как в это время в ложе царит мертвое молчание, то, если бы даже удалось вам угадать вопрошающего по голосу, вы не знаете, перед какими людьми отвечаете, сколько их, может быть, вас слушает группа друзей, а может быть, когда с вас снимут повязку, вы увидите перед собою своего злейшего врага, перед которым невольно сделали признание, выгодное ему и опасное для вас. Положение щекотливое. Тем более, что и вопросы предлагают щекотливые. Меня, например, после нескольких незначительных французских вопросов, кто-то спросил по-русски с легким еврейским акцентом: "Как вы относитесь к убийству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужным дальнейшее развитие террора?"

Отвечая, конечно, без малейшего удовольствия, думал: хорошо, как спрашивает брат-революционер, а вдруг брат-провокатор...» *[Там же]*.

По возвращении из эмиграции в Россию А. В. Амфитеатров остался в масонской среде и даже был руководителем одной из лож. Несомненно одно лишь, что ритуальная сторона масонской работы писателя никак не интересовала. В своих воспоминаниях он называет ритуал «журавлиными танцами и азбукой для глухонемых».

Привлечение русских в масонские мастерские происходило не только в ложе Космос. Другим посвятительным центром ста-

ла ложа Mont Sinaï (№ 6 в союзе Великой Ложи Франции). Именно в эту мастерскую в апреле 1905 г. перешел поэт М. А. Волошин (он был посвящен в масонство 23 марта 1905 г. в ложе Travail et Vrais Amis Fidèles союза Великой Ложи Франции), а 8 мая 1905 г. одновременно в три степени масонства был принят доцент Московского университета С. А. Котляревский. Возможно, что в тот же день, что и С. А. Котляревский, масоном стал известный журналист Вас. Ив. Немирович-Данченко. Однако Mont Sinaï не стала русским масонским центром в Париже. Возможно, это было связано, помимо других причин, с тем, что в 1906 г. М. А. Волошин начал увлекаться идеями основателя антропософского движения Р. Штейнера, не собирался возвращаться в ближайшее время в Россию, а поэтому и не вел активной работы по распространению масонства в России.

С самого начала М. М. Ковалевский не относился догматически к вопросам масонской идеологии, а поэтому стал привлекать в масонство не только интеллектуалов, готовых к посвятительно-философской работе в ложах, но и лиц, стремящихся к активной политической и общественной деятельности. При посредничестве М. М. Ковалевского 8 мая 1905 г. в парижской ложе Масонский Авангард (союз Великого Востока Франции) состоялось посвящение будущего российского посла во Франции В. А. Маклакова *[См.: Российский архив. V. М., 1994. С.426–427]*. Вскоре (15 июня) в другой парижской ложе Великого Востока Франции — Les Rénovateurs — произошло масонское посвящение еще одного русского — Е. И. Кедрина.

Несмотря на значительный успех посвятительной работы Е. В. де Роберти и М. М. Ковалевского, даже в среде деятелей русского либерального движения существовало предубеждение против масонства. Например, отказываются вступить в масонские ложи такие видные личности, как В. И. Вернадский и П. Н. Милюков.

Таким образом, несмотря на отдельные посвящения российских подданных в масонские ложи, работа по возрождению Ордена вольных каменщиков в России началась лишь весной 1905 г. К июлю этого же года сложился костяк русской ложи союза Великой Ложи Франции (не менее десятка братьев), произошли первые посвящения и в Великий Восток Франции.

Революционные события 1905 г. ускорили процесс формирования общественных и политических организаций в Российской империи. Русские, уже ставшие масонами во Франции, активно включились в этот процесс. Например, С. А. Котляревский и В. А. Маклаков участвовали в образовании Партии народной свободы, Н. Н. Баженов и Е. В. де Роберти стали активными деятелями земского съезда в июле 1905 г. В ходе этого съезда Е. В. де Роберти предложил делегатам обратиться к царю с петицией о предотвращении кровопролития, что вызвало приступ ярости у В. И. Ленина *[См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.11. С.154, 301]*. Конечно же, точка зрения вольных каменщиков, что «гораздо действительнее писать статьи, чем бросать бомбы» *[Ковалевский. С.116]*, не вызывала симпатий у революционеров.

После введения в России первых демократических свобод в 1905 г. М. М. Ковалевскому было предложено издавать на родине вместе с другим будущим масоном И. И. Иванюковым газету типа «Русских ведомостей». В условиях, когда М. М. Ковалевский не был удовлетворен преподавательским составом своей школы, он принял решение возвратиться на родину. С 1906 г. Высшая школа общественных наук была закрыта. Предстояла большая работа в России.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИСТИКИ И ОККУЛЬТИСТЫ (1900–1923)

Одной из форм масонства, проникшей в Россию на рубеже XIX и XX столетий, был мартинизм. Прежде чем обратиться к рассмотрению дискуссионного вопроса о том, является ли вообще мартинизм масонством, следует сказать об идеологах этого движения — докторе Папюсе и мэтре Филиппе.

Личность Жерара Энкосса (1860–1916), более известного под псевдонимом Папюс, знакома всем интересующимся вопросами оккультизма. Один из лучших популяризаторов «сокровенных знаний», автор более 400 статей и 25 книг по вопросам «тайных» наук, он начал серьезно заниматься изучением «посвятительной» литературы в 19 лет. Врач по профессии, Папюс практиковал в области гипноза («животного магнетизма») и являлся владельцем лечебницы (одно время совместно с Филиппом). В 1887 г. Папюс вступил в Теософское общество, активно работал в группах при оккультных журналах; затем вместе со Станиславом де Гуаита стал основателем, а с 1888 г. членом Верховного Совета каббалистического Ордена Розы и Креста. В 1890 г. Папюс со своим другом Огюстом Шабосо создал Орден Мартинистов, в котором со времени образования и до кончины был Великим Мастером Верховного Совета.

Сторонник универсального гностицизма, Папюс смело экспериментировал в области эзотерической теории и, не обладая

цельным мировоззрением, смешивал исторические свидетельства о древних посвятительных обществах, каббалистику, алхимию, науку чисел, теософию и т. д. Какие-либо термины при описании теории и деятельности Жерара Энкосса и его последователей неприменимы, поскольку для них самих не существовало никакой грани, например, между гностицизмом и оккультизмом. Папюс пытался соединить все «науки», имевшие хотя бы оттенок «тайного», а потому мог одновременно быть масоном, каббалистом, розенкрейцером, тамплиером, теософом, гностиком и т. п., но при условии, что в каждом из «тайных» обществ ему предоставлялся руководящий или почетный пост. Одно перечисление разнообразных «школ», «лож», «орденов», в которых состоял Жерар Энкосс, могло бы занять несколько страниц.

Своими учителями Папюс считал двух людей, судьбы которых причудливым образом оказались связанными с Россией. Один из них — маркиз Сент-Ив д'Альвейдр, наставник русского масона А. Ф. Келлера, — являлся, по словам Папюса, воспитателем его ума. Другой — мэтр Филипп — был его духовным учителем. Мэтра Филиппа (1849—1905), выходца из крестьян, целителя и гипнотизера, знают преимущественно по его деятельности в России, реальное влияние его на Орден Мартинистов ограничивалось «духовными» вопросами.

Орден Мартинистов был тесно связан с гностическими и сведенборгианскими ложами, представляющими мистическое и оккультное крыло масонства. Во Франции Папюс и его сторонники не находили признания в среде вольных каменщиков, Великая Ложа Франции и Великий Восток Франции решительно отвергали «регулярность» мартинистов. В этой связи следует упомянуть полемику между Папюсом и одним из выдающихся французских масонов начала XX в., Ш. М. Лимузеном (1840—1909), писавшим под псевдонимом Хирам *[См.: L'Acacia. 1904. № 4. С.19—22, 212—299, 359—363; 1905. № 5. С.19—35]*. В качестве

аргументов в пользу «регулярности» мартинистов Папюс выдвигал не только свое членство во французской сведенборгианской ложе, но и признание Ордена Мартинистов Испанским Национальным масонским Орденом.

После конгресса спиритуалистов и масонов в 1908 г. Папюс вошел в ложи обряда Мемфис-Мисраим и был назначен Великим Мастером этого масонского устава для Франции, т. е. фактически стал приемником Дж. Гарибальди и Великого Мастера Великого Востока Германии Т. Рейсса. Вопрос о масонском характере обряда Мемфис-Мисраим, а тем более Ордена Мартинистов, остается до настоящего времени дискуссионным, но надо по крайней мере признать, что в этих обществах также изучалась (пусть даже и поверхностно) масонская символика.

Орден Мартинистов, как и другие оккультные ответвления масонства, признавал существование святого таинственного знания и считал своей задачей проникновение в тайны мироздания и овладение силами природы. При таком понимании задач на первый план выдвигались вопросы практического применения полученных оккультных знаний, а не масонский символизм. Вопросы посвящения и ритуалы рассматривались Орденом Мартинистов как второстепенные, лишь в качестве механизма подачи оккультных знаний. Следует отметить, что долгое время в Ордене Мартинистов вообще не было особого ритуала, он был составлен лишь в 1913 г. Тедером при помощи Папюса *[См.: Teder. Rituel de l'Ordre martiniste dressé par Teder. Paris, 1913]*. Отсутствие соборной посвятительно-символической работы делало Орден Мартинистов лишь формально масонской организацией, однако облегчало пути проникновения его в Россию. Посвящение сводилось лишь к выдаче диплома, не требовало ни изучения ритуалов, ни наличия специального помещения и реквизита, ни многочисленности собрания; обсуждение организационных принципов построения, идейных принципов совместной работы было совершенно не нуж-

но, — все это предельно упрощало появление новых мартинистских организаций. Весь смысл совместной работы сводился к передаче знаний, однако черпать их можно было из столь распространенной в начале XX в. литературы по «тайным» наукам и самостоятельно. Таким образом, успех Ордена Мартинистов был обеспечен лишь при первых шагах новых адептов, когда покров таинственности еще скрывал «Невидимых начальников» и их реальные знания; затем неизбежно должно было прийти разочарование, а вслед за ним — попытки поиска нового пути.

Через десять лет после образования Ордена Мартинистов, в 1900 г., Папюс отправился в Россию для чтения лекций по магнетизму и оккультизму (затем он побывал в России в 1905 и в 1906 гг.). Однако реальной целью поездки было привлечение влиятельных покровителей. Лекции Папюса в Петербурге заинтересовали великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича и великих княгинь Милицу Николаевну и Анастасию Николаевну («черногорок»). Эта великосветская четверка также стала организатором встречи императора с Филиппом в Компьене 20 сентября 1901 г., в результате которой и этот лидер мартинистов был приглашен в Россию.

Филипп в России «постоянно занимался беседами и мистическими сеансами с их Величествами, Николаевичами и черногорками» *[Половцев А. А. Дневник // Красный архив. 1923. Кн. III. С.242, 246–247]*. Скандал с мнимой беременностью императрицы потребовал отъезда Филиппа, однако, судя по переписке императорской четы, Александра Фёдоровна продолжала чтить мэтра до конца своих дней.

Число исследований, мемуаров и дневников, в которых упоминается о пребывании Папюса и Филиппа в России, составляет несколько сот наименований, однако в своем большинстве они передают лишь темные слухи, легенды или рассказы третьих лиц. Менее всего факты искажены в следующих работах: *Paléologue M. La Russie des*

Tsars. Vol.1. Paris, 1923. P.213; Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т.1. Берлин, 1922. С.235–247; Половцев А. А. Дневник. С.152–153; Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923.

Из исследований о французском мартинизме и его руководителях следует, в первую очередь, назвать работы русских масонов: *Бурышкин П. А. Филипп — предшественник Распутина // НЖ. 1955. Кн.40. С.179–199; Ермолов Б. Н. Мартинизм (историко-философский анализ). Доклад в ложе Юпитер 18 января 1962 г. // ОР РГБ. Ф.754. К.5. Ед.хр.2. Л.3–24;* а также сына Папюса: *Encausse Ph. Papus (Dr. Gérard Encausse): Sa vie, Son œuvre. Doc. inédits sur Philippe de Lyon, maître spirituel de Papus. Paris, 1932; Idem. Le Maître Philippe de Lyon // Encausse G. Traité élémentaire d'occultisme. Paris, 1954. P.297–549.*

Если Филипп как предшественник Распутина неоднократно упоминается мемуаристами и исследователями, то имени Папюса мы практически не встретим в свидетельствах современников. Очевидно, легенда о создании мартинистской ложи в Царском Селе с участием императора не имеет под собой реальной основы. Тем не менее, даже слухи способствовали успеху мартинизма в России: это создавало иллюзию безопасности и вызывало подражание.

О мартинистской ложе во главе с Николаем II пишет лишь преемник Папюса и Тедера, патриарх т. н. гностической церкви Иоанн II (имя, которое он принял на этом посту), глава Ордена Мартинистов Жан Брико: *Bricaud J. Maître Philippe. Paris, 1926. P.37.* Эти сомнительные данные, уже с указанием названия ложи — «Роза и Крест», — повторил историк масонства В. Л. Вяземский: *Вяземский. С.234.*

Филиппу в России активно покровительствовал отставной полковник граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский (р. 1861) — сын сенатора В. Н. Муравьева (1811–1869), брат министра юстиции Н. В. Муравьева (1850–1908), племянник

известного русского государственного деятеля графа Н. Н. Муравьева-Амурского (1809—1881), от которого он унаследовал титул. После фактической высылки Филиппа из России он был назначен Главным Уполномоченным Ордена Мартинистов в России. Это было, несомненно, ценное приобретение для французских мартинистов *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.13—18]*.

В. В. Муравьев был владельцем почти 7 тыс. гектаров земли, посланником в Риме и военным атташе в посольстве в Париже. См. о нем: *Ikonnikov N. F. La noblesse de Russie. Tome j. Part 2. Paris, 1960.* Семейный архив Муравьевых хранится: *РГИА. Ф.995.*

В начале января 1906 г. гр. В. В. Муравьев-Амурский поместил в газетах (в том числе в «Русском слове» и в «Русских ведомостях») объявление о «вызове» лиц, желающих вступить в масонские ложи и получил ряд откликов на эту публикацию. В числе написавших к нему был и Пётр Михайлович Казначеев (р. 1854), юрист, петербургский окружной следователь.

Всего В. В. Муравьев-Амурский получил 63 письма. О перлюстрации писем департаментом полиции, в том числе писем Казначеевых и Н. Н. Баженова, см.: *Аврех. С.227—234.*

Внук масона петербургской ложи Соединенные Друзья, П. М. Казначеев к 1906 г. уже на протяжении тридцати двух лет занимался изучением масонства и собирал документы, книги и вещи по этой теме *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.24. ЛЛ.4—5]*. Он сам (в марте 1919 г.) так вспоминал обстоятельства приема в Орден Мартинистов: «Масонством, мистикой и оккультизмом я интересовался уже давно, но только с 1905 года я вступил на путь практической деятельности. Прочитав на обертке одной из полученных мною из Парижа оккультных книг, что интересующиеся мартинистским орденом должны обратиться к Седиру, я написал ему письмо и получил ответ, что мне следует написать

Папюсу. Я это сделал, и Папюс ответил мне, что если я желаю вступить в этот орден, то нужно написать делегату оного в С. Петербурге графу Муравьеву-Амурскому» *[Казначеев. С.295–307]*.

Почти одновременно, в мае 1905 г., П. М. Казначеев знакомится с «последним представителем старого масонства в России» В. С. Арсеньевым. По-видимому, под влиянием этого общения и в связи с манифестом Николая II от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласившего свободу союзов, П. М. Казначеев составляет проект открытия лож. Основными пунктами этого проекта были: 1) ложа может быть открыта только с разрешения местного губернатора или градоначальника; 2) исключительная цель объединения — «нравственное совершенствование своих членов, которыми могут быть лица всех вероисповеданий»; 3) запрет на обсуждение на заседаниях религиозных, политических и социальных вопросов *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.37]*. Детализировать представления П. М. Казначеева 1906–1907 гг. на развитие посвятительного общества позволяет его переписка с Михаилом Кондратьевичем Исаевым *[См.: Там же. К.1. Ед.хр.15; К.2. Ед.хр.34–36]*. Следует особо подчеркнуть, что П. М. Казначеев выступал за возрождение первоначального духа христианства и за восстановление новиковских лож в России.

Организационная работа, однако, шла очень медленно. В. В. Муравьев-Амурский не открывал мартинистских лож, не занимался распространением среди адептов «посвятительных тетрадей», посвящения проводил самостоятельно (без ритуала и без обязательного прохождения системы степеней) *[См.: Мёбес. Л.1]*. Ближайшим помощником В. В. Муравьева-Амурского был М. К. Исаев, именно он пытался создать «новое братство», организацию мартинистов в Петербурге, число которых ограничивалось десятком человек. Из воспоминаний П. М. Казначеева известно, что летом 1907 г., после годичной переписки,

В. В. Муравьев-Амурский и М. К. Исаев приехали во Владимир, где приняли в Орден Мартинистов всю семью Казначеевых и братьев Соковниных. П. М. и Д. П. Казначеевы были признаны членами третьей мартинистской степени, а жена и дочь П. М. Казначеева — второй.

Система мартинистских степеней была следующей. Лица интересующиеся считались аспирантами, 1-я степень носила название «общники», или ассоциаты (associe); в показаниях Б. В. Кириченко-Астромова указаны степени ассоциата А и ассоциата В. Затем шла 2-я степень «посвященных», или инициатов (initié). Завершала же структуру 3-я (капитулярная) степень «совершенных» членов, или неведомых начальников — суперинор-инкогнитус (Adepte S.·. J.·.). Из членов 3-й степени формировалось руководство мартинистской организации. Один из лидеров мартинистов Г. О. Мёбес указывал также на существование переходной степени кандидата, предшествующей степени полноправного преемственного посвященного неведомого начальника. Показания петербургских мартинистов см.: *Архив УКГБ по Ленинградской области. Уголовное дело № 188/296. 1926 г.* Показания Б. В. Кириченко-Астромова — *С.92–95;* Г. О. Мёбеса — *С.503–512.*

Летом 1907 г. в русском мартинизме начался первый кризис. В. В. Муравьев-Амурский порывает с Папюсом и Филиппом как с «черными» силами. Вместе с ними уходит из мартинизма и М. К. Исаев. К подобному же шагу В. В. Муравьев-Амурский призывал и Казначеевых, но не смог убедить их в правильности своего поступка *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.18. О стремлении Казначеевых в это время перейти к масонской работе см.: Аврех. С.294–297].*

П. М. Казначеев так вспоминал эти события: «Затем дела Муравьева расстроились, относительно Исаева мы убедились, что он шарлатан и наша переписка с ним заглохла» *[Казначеев].* Если В. В. Муравьев-Амурский отошел от деятельности мисти-

ческих организаций, то М. К. Исаев вошел при основании (1 октября 1908 г.) в отделение берлинского Ордена Иллюминатов в Петербурге. Из влиятельных в среде оккультистов лиц членом последней организации стал также переводчик на русский язык всех сочинений Папюса Александр Валерианович Трояновский *[См. «личные дела» членов Ордена Иллюминатов: ЦХИДК. Ф.1412. Оп.1. Д.8430]*.

По-настоящему серьезная деятельность Ордена Мартинистов в России началась с назначением 2 мая 1910 г. Генеральным (Верховным) делегатом этого общества в Петербурге графа Чеслава Иосифовича Чинского, известного «гипнотизера и хироманта» *[О нем см.: Процесс Чинского в истинном свете. СПб., 1908]*. Он привез из Франции «посвятительные тетради» и обрядники Ордена, которые были переведены на русский язык, и начал активно собирать вокруг себя всех интересующихся герметическими (тайными) науками.

Посвятительной работе предшествовала, а затем сопутствовала издательская деятельность, носившая пропагандистский характер. Прежде всего в Петербурге в переводе А. В. Трояновского были изданы наиболее известные труды Папюса.

Почти все русские переводы Папюса переизданы в 1990-е гг.: «Первоначальные сведения по оккультизму», «Философия оккультиста», «Человек и вселенная», «Каббала или Наука о Боге, Вселенной и человеке», «Генезис и развитие масонских символов. История ритуалов. Происхождение степеней. Посвящение. Легенда о Хираме. (То что должен знать мастер)», «Практическая магия», «Предсказание Таро...» О пропагандистском характере своих изданий говорили и сами мартинисты, см.: *ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.19. Л.8.*

Сам Ч. И. Чинский (мартинистское имя Punar Bhava), уже знакомый читающей публике по книге «Графология» (СПб., 1903), при помощи своего секретаря, переводчицы Е. К. Лосской, издает в 1910 г. в Петербурге две работы: «Отец Иоанн

Кронштадтский. Оккультистический этюд...» и «Страдание самоубийцы в потустороннем мире. Мистическое откровение...» В 1911 г. в Петербурге начала издаваться и отдельная серия — «Библиотека мартинистов», в которой вышли сочинения Ч. И. Чинского и Е. К. Лосской *[Магические сеансы с медиумом Яном Гузиком, под управлением Пунар Бхава (Чеслава Иосифовича фон Чинского). Пер. с франц. С предисловием Папюса. СПб., 1911; Чинский Ч. И. Собрание предсказаний на 1910—11—12 год. СПб., 1911; Лосская Е. К. I. Философия спиритизма и формация медиумов. Из наблюдений спиритических феноменов. С предисловием Punar Bhava. II. Психотерапия. СПб., 1911]*.

Важнейшим изданием мартинистов стал ежемесячный журнал герметических или оккультных (тайных) наук «Изида». С 1909 г. по № 11 за 1911 г. редактором-издателем его был И. К. Антошевский, а затем (по 1916 г.) А. В. Трояновский.

Наибольшей популярностью пользовались труды самого Ивана Казимировича Антошевского (1873—1917), ранее выпустившего ряд исторических работ о печатях, о русских книжных знаках, о Мальтийском Ордене, о евреях-христианах, а затем серьезно занявшегося мартинистской работой: «Библиография оккультизма <...> 1783—1909» (СПб., 1910; второе издание с введением Ч. И. Чинского (Пунар Бхава) и биографией автора, составленной Е. К. Лосской, — СПб., 1911); «Орден Мартинистов. Его происхождение, цели, значение и краткий очерк его истории» (СПб., 1912).

Из переписки семьи Казначеевых известно, что в круг чтения мартинистов и их окружения в России также входили книги Л. К. де Сен-Мартена, Э. Леви, А. Безант, Ч. Ледбитера, Р. Штейнера. Примечательно, что в список авторов работ по «тайноведению» попал и «великий старец», как называли его мартинисты, — Л. Н. Толстой. Внимание мартинистов привлекали издания самого разного уровня — журналы «Ребус» и «Mysteria»

(последний присылал из Парижа Папюс), сочинения И. В. Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви», Ю. Гамбергера «Учение Якоба Бёме», Брандлер-Прахта «Оккультизм», Бхагават-гита.

Публикация пропагандистски-популяризаторских брошюр находила отклик преимущественно в провинции. В данных изданиях были помещены адреса секретарей, с которыми можно было вступить в переписку (так поступила, например, Л. Д. Рындина *[См. ее «Дневник»: РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Д.2. Л.19]*), часто письма предлагалось адресовать непосредственно Папюсу и Ч. И. Чинскому. Интерес «оккультная литература» вызывала в Харькове, Курске, Липецке, Кисловодске, Армавире и других городах, но круг лиц, установивших связи с мартинистами, был очень узок. Один из будущих мартинистов М. П. Македонский в письме к П. М. Казначееву писал: «Все мы разбросаны по разным местам нашей обширной матушки-Руси, но при наличности хотя бы письменного и даже не частого общения мыслей не может не установиться между нами братская связь» *[ОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.61]*.

Круг чтения «собратьев» по оккультизму дает определенное представление об интересах мартинистов. Это медитации, оккультные науки, литература о розенкрейцерстве, масонстве и т. д. Были поставлены и две конкретные задачи — работать в области оккультных исследований и способствовать распространению интереса к оккультизму *[См. например: Там же. К.3. Ед.хр.12. ЛЛ.4–6]*.

9 июля 1910 г. Ч. И. Чинский передал петербургскому градоначальнику заявление с просьбой о легализации Ордена Мартинистов в России, но, не дожидаясь разрешения, начал практическую деятельность. Он познакомился с уроженцем Риги и выпускником физико-математического факультета Петербургского университета Григорием Оттоновичем фон Мёбесом (р. 1868),

человеком с «уже вполне сложившимся эзотерическим миросозерцанием», посвятил его в мартинистскую степень Неведомого начальника (высшая в Ордене), а также снабдил его почетным дипломом на степень доктора герметизма Парижской Высшей герметической школы *[Показания Мёбеса. 28 апреля 1926 г.]*.

Один из учеников Г. О. Мёбеса, преподававшего в это время в общих классах Пажеского корпуса, вспоминал его так: «Худой, очень некрасивый, с каким-то немного перекошенным лицом, с пенснэ на носу, Мёбес являлся примером исключительного, универсального учителя» *[Каменский В. Памяти Г. О. фон Мёбеса // Союз Пажей. Сборник, посвященный выдержкам из воспоминаний бывших пажей. Париж, 1962. № 22. С.8]*. Благодаря этому человеку в 1910 г. была открыта и первая мартинистская ложа в России — Св. Аполлония Тианского в Санкт-Петербурге, где Г. О. Мёбес стал руководителем.

После поездки П. М. Казначеева в столицу, как он пишет в воспоминаниях, он «был назначен специальным делегатом Ордена для Средней России и получил патент на учреждение ложи во имя Апостола Иоанна. Ложа была открыта во Владимире 5 августа 1910 года Мёбесом в качестве особого уполномоченного <...> Ложа собиралась во Владимире в течение зимы 1910—1911 года» *[Казначеев]*. В июне 1911 г. П. М. Казначеев вышел в отставку и переехал в Москву, куда (6 декабря 1911 г.) перенес и работы ложи, которая стала заседать на квартире Казначеевых, а затем — актрисы Л. Д. Рындиной, жены издателя и будущего видного масона в эмиграции С. А. Соколова. Была также открыта мартинистская ложа в Маньчжурии, однако вскоре она была усыплена (закрыта) *[См.: Мёбес. Л.4]*.

Переезд семьи Казначеевых в Москву укрепил их связи с В. С. Арсеньевым. Глава семейства в своих воспоминаниях свидетельствовал, что В. С. Арсеньев в личных разговорах «открыл мне много весьма важного <...> Книги и рукописи, переданные

им мне, представляют из себя нечто в высшей степени ценное: скажу только о собственноручной рукописи С.-Мартена (перевод из Бёме) и учении Розенкрейцеров (на немецком языке, напечатанном в Альтоне)» *[Казначеев. Под «учением Розенкрейцеров» подразумеваются «Тайные фигуры розенкрейцеров», изданные в 1785 г.]*. Доверительное общение П. М. Казначеева и В. С. Арсеньева впоследствии дало повод известному писателю Ю. К. Терапиано в своих полуочерках, полувоспоминаниях о русских мартинистах (содержащих в основном легендарные сведения) заявить, что в 1911 г. произошло слияние новиковского масонства с Орденом Мартинистов *[См.: РМ. 1965. 29 мая. № 2314; НРС. 1950. 3 февраля. № 13797]*.

Если в Москве мартинисты XX в. постепенно эволюционировали к масонству (проведение ритуальных собраний, подчеркнуто христианская позиция), то в Петербурге стала отчетливо вырисовываться тенденция к независимому от Франции развитию. Из-за денежных афер в июне 1911 г. Ч. И. Чинский был выслан под гласный надзор полиции в свое имение Кочево Белозерского уезда Новгородской губернии *[См.: Аврех. С.293–302]*. В связи с отсутствием Верховного делегата Российской Верховной Делегации русским мартинистским ложам было предоставлено право непосредственно сноситься с Верховным Советом Ордена Мартинистов в Париже. Это значительно усилило влияние в Петербурге Г. О. Мёбеса и И. К. Антошевского, которые в апреле 1912 г. начинают проводить работы ложи Аполлония во славу Великого Архитектора Вселенной. Г. О. Мёбес, как он сам впоследствии заявлял в своих показаниях 20 апреля 1926 г., «недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов Ордена, его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического Ордена Креста-Розы», неофициально ушел из

Ордена Мартинистов и начал выступать с публичными лекциями *[Показания Мёбеса. 20 апреля 1926 г. Публикацию лекций см.: Курс энциклопедии оккультизма, читанный Григорием Оттоновичем Мёбесом в 1911–1912 году в Петербурге. Вып. 1–2. СПб., 1912]*.

Летом 1912 г., минуя Ч. И. Чинского, Г. О. Мёбес получил разрешение на самостоятельную деятельность русского Ордена. Воспользовавшись этим, он в августе 1912 г. провозгласил независимость русских мартинистов, а ложу Аполлония — Великим Советом России (Великой Ложей) *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.21. Л.33–35; К.2. Ед.хр.4; Ед.хр.46]*. П. М. Казначеев сообщил о серьезных нарушения в Петербурге Ч. И. Чинскому, обвинил Г. О. Мёбеса в отходе от мартинизма и в пропуске при посвящении первых двух степеней. В ответ Ч. И. Чинский отстранил Г. О. Мёбеса от ведения дел Ордена в Петербурге и назначил П. М. Казначеева «управляющим» мартинистами в России (Российской Верховной Делегацией). В качестве признания заслуг П. М. Казначеева ему также был вручен диплом «доктора герметизма».

Обладая властными полномочиями, П. М. Казначеев «выдал С. К. Маркотуну патент на учреждение ложи Св. Апостола Андрея в Киеве» *[Казначеев]*.

Двоевластие (одна и та же должность была предоставлена «парижскими» представителями Г. О. Мёбесу и П. М. Казначееву) вносило неопределенность во взаимоотношения между сторонниками Ордена Мартинистов в России. Butator (мартинистское имя Г. О. Мёбеса) требовал, ссылаясь на авторитет Папюса, присоединения всех российских членов Ордена к независимой Великой Ложе Аполлония. Требовалось получить в Париже разъяснения по поводу сложившейся ситуации, и эта задача была возложена на Л. Д. Рындину (орденское имя — Tapephis). Будучи представительницей «московского» крыла мартинизма, Л. Д. Рындина добилась отречения французских руково-

дителей от Г. О. Мёбеса, который был объявлен самозванцем; ложа Аполлония была официально закрыта, а все ее бумаги отобраны *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.14. Л.1 об.; Ед.хр.19]*.

В письме к Л. Д. Рындиной от 18 ноября 1912 г. П. М. Казначеев писал: «Если я о чем жалею, то только о прекращении личных дружеских отношений с Butator'ом. Падение выдающихся братьев как следствие их гордыни составляет обычное явление в посвященных обществах "Люциферианы", всегда было и будет повторяться до бесконечности: я убежден, что в этом возмущении Butator к нам не вернется <...> Ввиду закрытия ложи Аполлония <...> я вполне одобряю ваше намерение учредить в С.П.б. новую ложу. Назовите ее ложей Св. Апостола Петра. Это свяжет ее с городом <...> и с тем вероисповеданием, к которому мы принадлежим. Кроме того, она будет в pendant к нашей ложе Св. Иоанна и Киевской — Ап. Андрея. Все это подчеркнет христианский характер русского м<артинизма>, тогда как "бывшая" ложа Аполлония носила характер антихристианский» *[Там же. Ед.хр.29]*.

Ситуация окончательно определилась в конце 1912 г., когда Г. О. Мёбес официально сообщил Папюсу, что в Петербурге утверждается Автономный разряд мартинизма русского послушания *[Показания Мёбеса. 28 апреля 1926 г.]* с «Невидимым магистром» (Butator'ом) и генерал-инспектором И. К. Антошевским. В ответ Верховный Совет Ордена Мартинистов в Париже лишил петербуржцев всех званий, связанных с обществом, и фактически передал управление П. М. Казначееву *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.9]*.

Противодействие между Москвой и Петербургом было связано не с борьбой за власть, не с соперничеством авторитетов, а с разными подходами к деятельности общества. Г. О. Мёбес приоритетными считал оккультные знания, а П. М. Казначеев — посвятительные традиции. С переходом большей части петербургских мартинистов к независимым работам последняя,

фактически иллюзорная нить, связывавшая их с масонством, была прервана. Возникшие впоследствии в их среде организации: Орден мартинистов Восточного послушания, Мартинезический разряд строгого восточного послушания, Автономное русское масонство — безусловно относятся уже к парамасонским обществам *[Об их развитии см. публикацию В. С. Брачева: Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.1. Л., 1991. С.252–279]*.

В конце 1912 г. глава киевских мартинистов С. К. Маркотун (в Ордене Мартинистов — Narcissus), отправившись в Италию, взял с собой письменное приветствие к местному Генеральному делегату и ложе мартинистов. В Италии С. К. Маркотун, по ручательству П. М. Казначеева и благодаря рекомендации Папюса, «был принят в ложи шотландского и философского обрядов» *[ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.19]*. Как свидетельствует в своих воспоминаниях П. М. Казначеев, С. К. Маркотун был посвящен в 18-ю «шотландскую степень», а новому лидеру российских мартинистов «прислали два патента: один 6-й степени философского масонства, а другой 33-й степени масонства шотландского» *[Казначеев]*.

Под руководством П. М. Казначеева деятельность Ордена Мартинистов в России активизировалась. Уже в 1913 г. планировалось открыть мартинистские ложи в Туле, Житомире, Литве, Харькове, на Кавказе *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.19. Л.4–9]*. Формальное руководство оставалось за Ч. И. Чинским (Верховным делегатом Российской Верховной Делегации), однако он перед Первой мировой войной «переехал в Варшаву, а когда к ней стали приближаться германские войска, то во время усиленных магических действий лишился рассудка и был помещен в лечебницу для душевных больных. Его секретарь Лосская сообщила об этом в Париж, после переписки Папюс в качестве гроссмейстера Ордена поручил» П. М. Казначееву управление Делегацией «вплоть до выздоровления Чинского» *[Казначеев]*.

Связи с Парижем ограничивались перепиской по организационным вопросам и посылкой «необременительных» денежных взносов, которые направлялись во Францию «на пропаганду» идей мартинистов *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.59]*.

Российские члены Ордена пытались установить контакты и с другими странами, например, в 1914 г. Л. Д. Рындина хотела связаться с немецкими мартинистами, но адреса последних скрывались французскими руководителями *[См.: РГАЛИ. Ф.2074. Оп.1. Д.2. Л.34]*.

В этих условиях в среде московских и киевских мартинистов все более усиливался интерес к масонству, однако возможные контакты с Великим Востоком Франции и его дочерними организациями в России не могли быть установлены из-за идейных разногласий. М. П. Македонский в письме к П. М. Казначееву от 17 марта 1914 г. писал: «Думаю, что настоящее масонство, это английское начала XVIII века с тремя Иоанновскими степенями, современное же политиканствующее французское только зовет себя масонством. Едва ли бы настоящие масоны стали бы политиканствовать» *[ОР РГБ. Ф.116. К.2. Ед.хр.61. Сходные взгляды были присущи и П. М. Казначееву, который принадлежал к «крайней правым» и выступал против политики в масонстве. См.: Аврех. С.297]*.

Реальная возможность основать масонскую ложу в России из мартинистов появилась в апреле 1917 г. П. М. Казначеев в своих воспоминаниях так описывал обстоятельства создания в Москве масонской ложи Семён Гамалея к Кубическому Камню: «Между тем в Киеве Маркотуном параллельно с мартинистской была учреждена и масонская ложа. Член этой ложи особенно ревностный масон Георгий Константинович Таропьяно *[Ю. К. Терапиано]* был переведен офицером в один из московских пехотных полков. Он стал посещать нашу ложу Св. Апостола Иоанна, и когда Временным правительством была объявлена свобода союзам, то мы учредили ложу, в которую кроме меня и Таропьяно

вошли еще Гольторп, имевший 16-ю степень, и сын, имевший 3-ю степень от Маркотуна из его ложи. Открытие ее последовало, однако, непосредственно только в октябре, когда в нее вступили еще бар. Каульбарс, генерал Новицкий, бывший в Москве как делегат на Поместном соборе, Хорват, Назарьев и Шилов.

Ложа в течение зимы 1917—1918 года собиралась несколько раз, а в последний раз 13 июня, после чего вследствие наступившего террора собрания были прекращены» *[Казначеев]*. Известно также, что на одно из заседаний ложи предполагалось пригласить для выступления М. А. Волошина *[См.: ОР РГБ. Ф.116. К.3. Ед.хр.12. Л.12]*.

Официальное закрытие лож не прекратило, однако, неофициальных собраний, при этом, в 1918—1920 гг., масонские заседания сочетались с мартинистскими *[См.: Там же. К.4. Ед.хр.16]*. Последнее свидетельство о существовании розенкрейцерской ложи в Москве во главе с П. М. и Д. П. Казначеевыми относится к ноябрю 1923 г., когда русские масоны союза Великой Ложи Франции через Н. П. Вакара отправляли из Парижа вещевые посылки «братьям» в Россию *[См.: Николаевский. С.185]*.

Таким образом, после кончины Папюса, русские мартинисты в Москве переходят к масонским работам, постепенно вытесняющим мартинистские собрания.

* * *

В обобщающем докладе по истории русского масонства В. Л. Вяземского можно прочесть: «Есть сведения, что, например, новиковская л.·. "Нептун" в Петербурге существовала беспрерывно; в ней был посв.·. известный историк мас.·. Пыпин, а также адмирал Беклемишев, доживший до глубокой старости, до наших дней, и, после "Нептуна", принимавший видное участие в л.·. "Карма", уже при достиччимате вел. кн. Александра Михай-

ловича. Ее членом был многим нам памятный бр.·. А. П. Веретенников, принимавший участие в наших мастерских на Иветт» *[Вяземский. С.233]*.

Эти сведения можно уточнить, привлекая масонские источники. Во-первых, из «личного» масонского дела А. П. Веретенникова известно, что он был посвящен 12 апреля 1917 г. в петербургской ложе Карма, работавшей под руководством вел. кн. Александра Михайловича (это же подтверждает и лично знавший А. П. Веретенникова П. А. Бурышкин *[См.: Лотос. Л.34]*), а затем 27 мая того же года возведен во 2-ю и 3-ю степени. Формально ложа продолжала существовать до конца 1919 г., однако фактически бездействовала после большевистского переворота, что и вызвало переход А. П. Веретенникова в немецкий масонский кружок в Петербурге (см. об этом ниже). Во-вторых, о работе Ордена Рыцарей Филалет и ложи Карма свидетельствуют Л. Д. Кандауров, А. Ф. Керенский и М. С. Маргулиес, достаточно хорошо осведомленные о масонских делах в России *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а. Л.14; Записка Кандаурова. ЛЛ.16–18; Kerensky A. Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P.89; Николаевский. С.100]*. В-третьих, сохранилось письмо М. Анатольева, рассказывающее о работе лож Шотландского Устава в Петербурге в 1916–1917 гг. *[См.: GLdF. № 523]*. В-четвертых, существует свидетельство Ю. В. Руммеля о петербургской ложе Северная Пирамида *[См.: Hass. S.288–289]*. На основании этих свидетельств восстанавливается следующая картина.

В начале 1890-х гг. масон Шотландского Устава сириец Алкаест (вероятно, это псевдоним, заимствованный из терминологии алхимиков) основывает в Париже новую систему, которую объявляет преемницей Ордена филалетов Ш.-П.-П. Савалетт де Ланжа (1745–1797 (1798)), масона союза Великого Востока Франции. В самом конце XIX в. создается и теософская («филалетская») ложа Карма, которая отказывается от контакта

с масонскими послушаниями во Франции, скрывает имена своих руководителей под псевдонимами, однако пытается вести открытую пропаганду своего учения среди иностранцев. Ложа Карма провозглашает, что является истинной преемницей розенкрейцеров. Воссозданный Орден Рыцарей Филалет, якобы возрождая подлинные масонские обряды (распространенные некогда в Швеции и являющиеся прообразом Шотландского Устава), тем самым один лишь может претендовать на роль истинного вселенского масонства.

Следует сразу отметить, что основанный Алкаестом Орден никак не связан с созданным в 1928 г. в США Обществом филалетов, в числе членов которого были, в частности, О. Вирт и Р. Киплинг.

В ложу Карма вступает русская феминистка, выпускница историко-филологического факультета Парижского университета Варвара Васильевна Авчинникова-Архангельская, которая назначается делегатом Ордена Рыцарей Филалет в России *[О ней см.: Аврех. С.288–294. См. также: Авчинникова-Архангельская В. В. Вселенское масонство и обновленное розенкрейцерство. Доклад делегата Ордена Рыцарей Филалет <...> С приложением послания главы Ордена Алкаеста к В. А. и письма П. М. Невежина. СПб., 1911]*.

По возвращении на родину В. В. Авчинникова-Архангельская пытается создать структуру нового «масонского» Ордена. В 1910–1911 гг. она выступает с лекциями о масонстве в помещении Тенишевского училища, а затем находит приверженца в лице отставного офицера Николая Николаевича Беклемишева, редактора журнала «Море», давно интересовавшегося масонством. В это время, после кончины Алкаеста, в Париже разгорается скандал, связанный с аморальным поведением членов Ордена.

В этих условиях центр Ордена переносится в Россию, где принимается решение о недопущении женщин в ряды организации, а также о том, что следует считать членом Ордена любого,

кто хоть однажды посетил заседание «филалетов». Новой организации начинает покровительствовать великий князь Александр Михайлович, мечтавший сыграть в России роль, аналогичную той, которую играл во Франции в 1830 г. Людовик Филипп. Для пропаганды идей Ордена Рыцарей Филалет в помещении Морского музея собирается обширная масонская коллекция, там же выделяется отдельная квартира для заседаний.

Взгляды Н. Н. Беклемишева на масонство были противоречивы и непоследовательны. Этот представитель русского флота считал, что современное западное масонство является орудием в руках политиков и революционеров и играет отрицательную роль в мире. Однако выводы Н. Н. Беклемишева были неожиданны: необходимо не бороться с масонством, не запрещать его, а легализовать, поставить на службу императорской России, противопоставить русский Орден вольных каменщиков разрушительному масонству Англии, Франции и других держав *[О взглядах Н. Н. Беклемишева см.: Аврех. С. 290–291; Андреев Д. А. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве // Вестник Моск. ун-та. Сер.8. История. 1992. № 1. С.29–34]*. Особое внимание Н. Н. Беклемишев, долгие годы прослуживший на флоте, начинает уделять пропаганде русского национального масонства как возможного механизма по возрождению России как великой морской державы. В своем журнале «Море» Н. Н. Беклемишев регулярно помещает статьи, разоблачающие западное масонство и восхваляющие традиции Ордена вольных каменщиков в России.

Активная позиция Н. Н. Беклемишева не могла не принести своих плодов. Вероятно, после кончины в 1914 г. В. В. Авчинниковой-Архангельской генерал-майор Н. Н. Беклемишев становится великим провинциальным мастером в Петербурге и начинает открытие «филалетских» лож. К 1917 г. складывается самостоятельная структура «орденских» мастерских в Петербурге: Северная Пирамида, Два Горизонта, Четыре Элемента, Карма

и Нептун *[Сведения Л. Д. Кандаурова об открытии в 1898 г. в Петербурге лож Пирамида и Карма не находят подтверждения в других источниках. См.: Записка Кандаурова. Л.16]*. Одну из этих лож возглавляет М. Добрянский *[См.: GLdF. № 523]*, а другую — великий князь Александр Михайлович, последовательный сторонник обновления русского флота, адъютантом которого некогда был Н. Н. Беклемишев (Л. Д. Кандауров, впрочем, считал, что великий князь оказывал лишь покровительство Ордену).

Не позднее 1916 г. в Петербурге была образована и Великая Ложа Астрея *[См.: Hass. S.289]*.

Многочисленные публикации самого Н. Н. Беклемишева и его сотрудников в журнале «Море» могут служить косвенным материалом для характеристики взглядов членов Ордена Рыцарей Филалет. В этой связи привлекает внимание активное участие в этом периодическом издании известной исследовательницы русского масонства Т. О. Соколовской. Хотя и неизвестно об участии Т. О. Соколовской и ее мужа М. К. Соколовского в деятельности лож, однако их взгляды совпадали с точкой зрения Н. Н. Беклемишева в положении об особенном пути русского масонства и в признании значительности этого явления.

Архив Т. О. Соколовской и ее мужа хранится в РГАЛИ, фонд 442. Материалы из их коллекции, посвященной масонству, находятся также в ГЛМ. Там же сохранились фотографии спектакля, поставленного Т. О. Соколовской в 1922 г. (в память о столетии запрета масонства в России), где «разыгрывалось» заседание ложи (с участием супружеской пары Соколовских), что, конечно, еще не говорит об их членстве в Ордене вольных каменщиков. Однако следует принять во внимание и указание Л. Д. Кандаурова, что каждый, кто посетил лишь однажды заседание «филалетов», считался членом Ордена.

Соколовские считали, что только иоанновское масонство первых степеней с задачами нравственного совершенствования человека имеет право на существование и должно быть легализовано и поэтому,

вероятно, не вошли в организацию Н. Н. Беклемишева, в которой не отрицалась возможность воздействия на государственную политику. Примечательно, что именно в письме (1907 г.) к М. К. Соколовскому будущий мартинист И. К. Антошевский говорил о трудностях в попытках «организовать настоящую ложу, цель коей не будет исключительно политика» *(РГАЛИ. Ф.442. Оп.1. Д.26. Л.1).*

Сходных взглядов придерживался и П. А. Чистяков — будущий издатель оккультного журнала «Ребус». В 1908 г. он пытался издавать журнал «Русский Франк-масон», который объединил бы будущих «братьев» в Москве и привел к легализации масонства в России, но из-за полного провала издание прекратилось после выпуска двух номеров. Л. Д. Кандауров в своей «Записке» отмечал, что идеи «Ребуса» находили отклик у великих князей Николая Николаевича, Петра Николаевича и Георгия Михайловича.

Орден Рыцарей Филалет, просуществовавший по 1918 г., практически ничего не определял ни в жизни страны, ни даже в жизни флота, где, казалось бы, великий князь Александр Михайлович мог оказывать влияние. Сам Н. Н. Беклемишев был сторонником идей журнала П. Б. Струве «Освобождение» *[О придворной «фронде» и о влиянии Н. Н. Беклемишева на вел. кн. Александра Михайловича см.: НЖ. 1981. Кн.144. С.112–123]*, другие члены его организации, как А. П. Веретенников и М. Анатольев, были скорее склонны к мистицизму, чем к политике. Например, М. Анатольев в 1918–1940 гг. был активным членом таллинского отделения лондонского Теософского общества *[См.: GLdF. № 523]*.

Политический консерватизм Н. Н. Беклемишева, а главное — время образования ложи Карма в Париже и в Петербурге заставляют усомниться в информации В. Л. Вяземского о том, что в Кронштадте работала «новиковская» ложа Нептун, членом которой был А. Н. Пыпин. Взгляды Н. Н. Беклемишева и А. Н. Пыпина очень во многом различались: в 1904 г., когда скончался А. Н. Пыпин, Н. Н. Беклемишев стоял на

крайне консервативных позициях, а о деятельности лож в России в то время не приходится говорить. Кроме того, если сведения, приведенные В. Л. Вяземским, верны, то возникает вопрос, почему в документах о тайных собраниях масонов новиковского круга после 1822 г. они не находят никакого подтверждения.

Подводя итоги, следует сказать, что деятельность Ордена Рыцарей Филалет, как и Ордена Мартинистов, стояла в стороне от основного пути масонства и ограничивалась влиянием на очень узкий круг лиц. В развитии двух обществ, образованных во Франции, были черты сходства: это попытка влияния на российские придворные круги, замкнутость, провозглашение себя хранителями традиций при реальном отсутствии преемственности. Проявились общие черты и в совпадении основных дат в развитии обоих орденов: 1910 г. — перенос работ в Россию, 1917 г. — период наибольшей активности.

Связи оккультно-эзотерических кружков в России с масонством не ограничивались вышеприведенными примерами. Например, Л. Д. Кандауров в своей «Записке» упоминает о розенкрейцерах в Москве, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде (досточтимый мастер Бурыгин), Полтаве (ложа Кирилл-Мефодий, о которой Ю. К. Терапиано утверждал, что она, как и ложи Иордан (Феодосия, 1914—1915 гг.) и Северное Сияние (Киев), работала под управлением ложи Нарцисс *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.175. Л.9]*); а в марте 1906 г. XXI конгресс венгерских масонов принял решение о посвящении в Орден вольных каменщиков русских эзотериков, обратившихся с просьбой о принятии. Несомненно лишь то, что оккультные кружки в России не оказали сколь-нибудь значительного воздействия на общественную и культурную жизнь страны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ МАСОНСТВА В РОССИИ (1906–1917)

Как уже упоминалось, именно возможность влиять на общественное мнение через прессу побудила М. М. Ковалевского возвратиться в Россию. Он принимается за издание газеты «Страна», активными участниками которой становятся вольные каменщики А. С. Трачевский, И. И. Иванюков, Ю. С. Гамбаров, Н. А. Котляревский и др. *[См. воспоминания М. М. Ковалевского об этом периоде его жизни: Возрождение. 1953. № 25. С.89–101].* Секретарем этой газеты, издававшейся на средства киевского миллионера И. Терещенко, был также масон — И. З. Лорис-Меликов.

Манифест 17 октября 1905 г., формально провозгласивший право собраний и союзов в России, открыл перед русскими масонами возможности и по восстановлению структуры Ордена вольных каменщиков в стране. Первым начал работы по возрождению русского братства тот же М. М. Ковалевский.

11 января 1906 г. он обратился в Совет Ордена Великого Востока Франции с просьбой делегировать представителей для открытия ложи в Москве или Петербурге. При посредничестве руководителя журнала «L'Acacia» Ш. Лимузена, входившего как в союз Великого Востока Франции, так и в объединение Великой Ложи Франции, М. М. Ковалевскому было предоставлено право на открытие лож в России.

15/28 ноября 1906 г. в Москве была открыта временная ложа Возрождение, которая начала работать по французскому

ритуалу. Досточтимым мастером ложи был избран Н. Н. Баженов, 1-м стражем — В. А. Маклаков, 2-м — Е. В. Аничков, оратором — С. А. Котляревский, секретарем — В. И. Немирович-Данченко. Через несколько дней в Петербурге была основана еще одна ложа — Полярная Звезда.

Все документы об открытии лож Возрождение и Полярная Звезда были найдены П. А. Бурышкиным и приведены им в главе «Великий Восток Франции и масонство в России. Сэншоль и Буле» его монографии по истории российского масонства XX века. Факсимильное воспроизведение этих документов см.: *Keiler H.K.H. Abriß der Freimaurerischen Geschichte in Rußland // Qualuor Coronati. Jahrbuch. № 30/1993. S.166–178.* Отметим, что М. С. Маргулиес в своем докладе о возрождении масонства в России называл 1-м стражем ложи Возрождение М. М. Ковалевского (см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а. Л.13*). Одно из писем М. М. Ковалевского к Ш. Лимузену, а также документы, свидетельствующие о посвящении в масонство в декабре 1906 г. А. А. Орлова-Давыдова, которые не были известны П. А. Бурышкину, хранятся в настоящее время у французского историка-масона А. Комба.

Почему М. М. Ковалевский, масон союза Великой Ложи Франции, посвященный уже в 18-ю степень Древнего и Принятого Шотландского Устава, вдруг обратился с письмом к чуждому ему масонскому послушанию, к Совету Ордена Великого Востока Франции? Это было связано с внутренним положением Великой Ложи Франции, которая переживала сложный период отделения от Верховного Совета и деятельность которой была направлена на масонскую работу в пределах Франции. Это объясняется также внутриполитической ситуацией в России: из соображений конспирации открыть ложи с французским ритуалом было легче (обрядность в них была упрощена); кроме того, вопросы нового социального устройства больше занимали умы интеллигенции в России, чем посвятительная работа. В этом

отношении установка Великого Востока Франции на активное участие в политической жизни страны была несомненно близка новому поколению русских масонов.

Следует также отметить, что среди французских масонов перелом в отношении к России произошел именно в 1906 г. Об этом свидетельствует внушительная манифестация 20 сентября 1906 г. на генеральной ассамблее Великого Востока Франции по адресу присутствовавшего на собрании Е. И. Кедрина *[См.: Grand Orient de France. Compte rendu des travaux de l'assemblèe générale du 17 au 22 septembre 1906. Paris, 1906. P.124—127. См. также: La Franc-Maçonnerie demasquèe. 1907. Mars. P.134—143]*. Изменилась позиция и Великой Ложи Франции, которая на ежегодном конвенте также приняла специальное постановление по вопросу о развитии масонства в России *[См.: Compte Rendu des travaux du convent de la Grande Loge de France (Rite Ecossais) du 1906. Paris, 1906. P.10—12, 115—116. См. также: La Franc-Maçonnerie demasquèe. 1907. Mai. P.141—142]*.

Образование Партии народной свободы, Радикальной партии демократических реформ, Народно-социалистической партии; выборы в I-ю Государственную Думу, ее роспуск; борьба, связанная с Выборгским воззванием; открытие Клуба кадетов — все это задержало начало организационной работы по развитию масонства внутри России. Когда же в политической жизни наступило относительное затишье и благоприятное отношение французских вольных каменщиков к распространению масонства в России стало очевидным, началась активная работа по привлечению новых членов. С декабря 1906 г. на квартире Д. О. Бебутова «с большим разбором» начался прием новых братьев. Быстрый рост числа масонов в России вновь поставил на повестку дня вопрос о легализации в масонском мире русских лож. Весной 1907 г. «предварительные переговоры было поручено вести Кедрину и Ковалевскому». Выбор этих лиц был, конечно же, обусловлен не их ведущим положением в двух политических партиях, не

их участием в работе I-й Государственной Думы, а налаженными связями в среде французских масонов.

У М. М. Ковалевского возникла возможность получить признание от Великой Ложи Франции, возвратиться к принципам своего «материнского» объединения, что и было им сделано. Осенью 1907 г. М. М. Ковалевский привез в Россию два патента на открытие лож в Петербурге и Москве от Великой Ложи Франции. «Кедрин же ничего не мог устроить» *[Николаевский. С.128]*.

Таким образом, перед масонством в России встал вопрос, по какому пути идти. Новопосвященные вольные каменщики, неожиданно составившие большинство, решили, что Великий Восток Франции признаваем всюду и «предоставляет полную свободу веры», а «Шотландский рит» «требует верования в Бога» и никаким влиянием не пользуется *[Там же]*, а поэтому желательно принадлежать к Великому Востоку.

В начале 1908 г. было решено провести общее собрание российских масонов, на котором М. М. Ковалевский предложил воспользоваться уже полученными от Великой Ложи Франции дипломами на открытие лож в Москве и Петербурге, а не дожидаться приезда делегации от Великого Востока Франции. Подобное предложение вызвало противодействие со стороны Е. И. Кедрина и его сторонников. «С Ковалевским остались только его близкие друзья Гамбаров, Иванюков, де Роберти и Аничков» *[Там же. С.130]*. Таким образом, не успев еще учредиться, русское масонство оказалось расколотым на несколько частей.

Помимо лож Великого Востока были созданы 5 регулярных лож союза Великой Ложи Франции, из которых особенно влиятельной была московская «шотландская» мастерская, а также английские ложи в Петербурге и Архангельске (к рассмотрению сведений о них мы обратимся ниже).

2 февраля 1908 г. представители лож в Петербурге и Москве, Д. О. Бебутов и Н. Н. Баженов, отправились в Париж, чтобы окончательно определить вопрос со статусом русских мастерских. Во Франции они были сразу же приняты «гроссмейстером» Луи Лафером (Лаффером), «лидером радикалов» во французском парламенте, и посвящены в высшие масонские степени. Как выразился Д. О. Бебутов, «очень с нами носились» *[Николаевский. С.131]*.

6 мая 1908 г. Совет Ордена принял решение о направлении братьев Бертрана Сэншоля и Георга Буле для официального открытия работ в России. Во исполнение этого постановления Сэншоль и Буле отправились в Россию и инсталлировали 9/22 мая 1908 г. в Петербурге ложу Полярная Звезда. Через два дня была инсталлирована в Москве и ложа Возрождение. Тогда же была основана и ложа в Варшаве *[См.: Записка Кандаурова. Л.8]*.

Луи Лафер (1861–1829), профессор риторики, сенатор, масон с 1889 г., президент Совета Ордена в 1903–1905 и в 1907–1909 гг. Был известен своими радикально-социалистическими взглядами.

Бертран Сэншоль (1844–1930), инженер, масон с 1882 г., друг М. А. Бакунина, с 1892 г. член Великой коллегии ритуалов, ее оратор, с 1890 г. член Совета Ордена, в 1908 г. его вице-президент.

Георг Буле (1855–1920), промышленник, в 1905–1907 гг. вице-президент Совета Ордена, в 1908 г. великий канцлер Великой коллегии ритуалов.

Подробное описание «визита французов» см.: *Николаевский. С.132–134*. М. С. Маргулиес и Д. О. Бебутов свидетельствуют, что инсталляция ложи Полярная Звезда произошла на квартире В. А. Маклакова (см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а. Л.13; Николаевский. С.132*). На инсталляции присутствовали М. М. Ковалевский и отколовшиеся с ним от Великого Востока масоны, но только как гости (см.: *Там же. С.133*).

Так начался новый период развития масонства в России, который продлился менее двух лет. До самороспуска Великого

Востока в России было создано 9 лож. В Петербурге, кроме «главной ложи», Полярной Звезды, из соображений безопасности (многолюдство и частота собраний могли привлечь внимание полиции) после февраля 1909 г. были также открыты — Северное Сияние, Заря Петербурга и «военная ложа». Во время поездки М. С. Маргулиеса, С. Д. Урусова и Д. О. Бебутова по стране в Одессе была открыта ложа Истина. При активном участии депутатов Государственной Думы историка И. В. Лучицкого и землевладельца Ф. Р. Штейнгеля в Киеве в начале и середине 1909 г. были открыты две ложи, одна из которых была названа Киевская Заря. Продолжала свои работы московская ложа Возрождение, которая в 1908 г. открыла «дочернюю» мастерскую Звено одной цепи в Нижнем Новгороде. Последняя из упомянутых лож, хотя и получила титул «провинциальной» (предполагалось, что она будет вести пропаганду масонства на востоке страны), объединяла не более 6 членов. Из воспоминаний Д. О. Бебутова также известно, что «велись переговоры об открытии лож в Саратове и Курске. Приезжавшему с Кавказа Здановичу, принятому в Петербурге, поручено было подготовить организацию на Кавказе» *[Николаевский. С.143]*.

Помимо «главы из воспоминаний» Д. О. Бебутова, являющейся основным источником по истории русского масонства 1908—1910 гг. *(Там же. С.125—147)*, сохранилось «личное дело» С. Г. Поляка (возобновившего свое членство в масонстве уже в эмиграции, в Берлине), в котором содержатся сведения о ложе в Нижнем Новгороде. См.: *ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.82.*

Масоны высших степеней были объединены в капитул 18-й степени; не исключено, что таких капитулов было даже два — в Москве и Петербурге. Вслед за Д. О. Бебутовым и Н. Н. Баженовым, получившими 18-ю степень в Париже в феврале 1908 г., в эту капитулярную степень во время приезда Сэншоля и Буле

были возведены А. А. Орлов-Давыдов, Е. И. Кедрин, В. А. Маклаков, Г. Х. Майдель, М. С. Маргулиес, а после ноября 1908 г. Ф. А. Головин и С. Д. Урусов *[Николаевский. С.131, 133, 136]*.

Для создания независимой структуры русского масонства требовалось не только образовать ложи и капитулы, но и сформировать руководящие органы Ордена вольных каменщиков. Эта задача была поставлена перед русским масонским конвентом, который был созван в ноябре 1908 г. За три дня заседаний (в первый день председательствовал М. М. Ковалевский, во второй — Д. О. Бебутов, в третий — Ф. А. Головин) был фактически заключен союз между русскими масонами Великого Востока и вольными каменщиками круга М. М. Ковалевского, была поставлена задача «устраивать масонство во всех крупных городах» и сформированы Верховный Совет и Совет 18-ти (для капитулярных степеней). Д. О. Бебутов описывает сложную систему выборов в руководство Ордена вольных каменщиков в России, специально разработанную на конвенте *[См.: Там же. С.135]*.

В Верховный Совет русского масонства вошли: Д. О. Бебутов — секретарь, Ф. А. Головин — 1-й страж, М. С. Маргулиес — 2-й страж, С. Д. Урусов — председатель. Вскоре в Верховный Совет был кооптирован и А. А. Орлов-Давыдов; предполагалось, что он возьмет на себя финансовые затраты масонов, а потому ему была предоставлена должность казначея *[См.: Там же. С.136]*.

В Совете 18-ти официальные посты были распределены следующим образом: председатель — Д. О. Бебутов, 1-й наблюдатель — М. М. Ковалевский, 2-й наблюдатель — Е. И. Кедрин, секретарь — Г. Х. Майдель, оратор — М. С. Маргулиес.

Когда Верховный Совет собрался, «то сразу занялся вопросом устройства лож в других городах и установлением сношений с масонами других стран» *[Там же]*. Без признания в масонском мире независимости русского масонства, конечно же, не могло идти речи о его истинности (регулярности).

«В виду <...> политического положения» в стране русские вольные каменщики не могли письменно обратиться ко всем масонским державам и опубликовать решение о собственной независимости. Поэтому было решено «заручиться рекомендательными письмами» в Великом Востоке Франции, «объехать масонов всех стран и лично заявить о существовании, избегая огласки через прессу» *[Николаевский. С.138, 135]*.

Подобное отсутствие письменных свидетельств о существовании независимого русского Ордена вольных каменщиков предопределило пренебрежительное отношение к нему последующих поколений масонов. Например, В. Л. Вяземский писал: «Это "кустарное" масонство ни в каких сношениях с иностранными мас.'. державами не состояло» *(Вяземский. С.235)*.

В самом начале 1909 г. М. С. Маргулиес и С. Д. Урусов «побывали в Швейцарии, Италии и Будапеште. Всюду они были радушно приняты, и нужные отношения установлены» *[Николаевский. С.149]*. Также «предполагалось посетить Лондон, Берлин и Швецию, но поездке этой не суждено было осуществиться» *[Там же. С.143]*. Д. О. Бебутов, а затем и присоединившиеся к нему М. С. Маргулиес и С. Д. Урусов посетили также Константинополь (Д. О. Бебутов провел в Константинополе более двадцати дней, М. С. Маргулиес и С. Д. Урусов — более десяти), где подробно ознакомились с системой масонской пропаганды в турецких войсках и с распространением движения вольных каменщиков в среде младотурок *[См.: Там же. С.139–142]*.

Определенную роль в установлении дружеских связей с масонами Турции сыграло армянское происхождение Д. О. Бебутова. Личные контакты были установлены с руководителями партии «Единение и прогресс», младотурецкого движения и турецкого масонства: депутатом Эмануэлем Карассо, Ахмед Ризой, Энвер Пашой и Талаат Пашой.

Ахмед Риза был знаком с Д. О. Бебутовым еще по Парижу, где возглавлял заграничный центр младотурок и издавал (с 1892 г.) газету «Мешверет» («Дебаты»). — Энвер Паша (1881—1922), с февраля 1914 г. военный министр и начальник Генерального штаба Турции. Вместе с Талаат Пашой входил в негласный триумвират руководителей государства. После поражения Турции в Первой мировой войне бежал в Германию, затем жил на территории советской России. Участвовал в басмаческом движении, убит в боях с Красной Армией. — Талаат Паша Мехмет (1874—1921), после младотурецкой революции занимал посты министра внутренних дел, министра почт и телеграфа. В феврале 1917 — октябре 1918 г. — великий визирь. 2 ноября 1918 г. подал в отставку и бежал в Германию, где был убит армянским студентом. Первый по времени (с 1909 г.) Великий мастер Великого Востока Турции.

Подробное знакомство с масонством в Турции (сформированным под влиянием политического крыла Ордена вольных каменщиков Италии и Франции) отрицательно сказалось на дальнейшем развитии лож в России. Пример турецкого масонства показал, что оно может стать основой для объединения политических сил в борьбе с самодержавием, добиваться реальных результатов в этой борьбе (младотурецкая революция 1908 г.), способствовать примирению народов в многонациональном государстве. Очень скоро, впрочем, выяснилось, что декларация принципов свободы, равенства и братства не смогла предотвратить резни армян в Турции, идеологами которой выступили как раз бывшие руководители масонства.

Активное участие в политической жизни, свойственное Великому Востоку Франции и Великому Востоку Турции, стало образцом и для русского вольного каменщичества со времени его возрождения в 1906—1908 гг. Это подтверждали и руководители Великого Востока в России. Как вспоминал М. С. Маргулиес, «с самого начала Совет ставил задачу "обволакивание власти людьми, сочувствующими масонству"» *[Николаевский. С.100]*.

Сходные фразы мы можем встретить и у Д. О. Бебутова: «Мне казалось, при создании масонства, можно было во всех центрах иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникать во все отрасли государственной жизни и незаметно для самого правительства сдвинуть жизнь со стоячего болота. На масонство я смотрел как на единственное средство объединить людей разных лагерей, конечно, прогрессивных, и объединить <...> лишь на культурно-просветительной работе, на делах городского управления. Для политики могли бы существовать ложи» *[Николаевский. С.145–146]*.

Число посвященных в мастерские Великого Востока в России не превышало 100 человек, членство в ложах более 80 масонов в этот период подтверждено сейчас документально. Почти четверть членов лож принадлежала к Партии народной свободы. Следует отметить, что петербургские ложи заседали «над помещением бывшего клуба» кадетов, где «ежедневно собиралась думская фракция» этой партии *[Там же. С.134]*. Масонами были депутаты Государственной Думы (разных созывов) А. Н. Букейханов, Ф. А. Головин, В. А. Караулов, Е. И. Кедрин, А. М. Колюбакин, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, Н. В. Некрасов, В. П. Обнинский, В. А. Оболенский, А. А. Свечин, К. К. Черносвитов, А. И. Шингарев, Ф. Р. Штейнгель, большая часть перечисленных лиц входила и в Центральный комитет партии.

Уже события, связанные с роспуском I-й Государственной Думы и составлением обращения группы депутатов «Народу от народных представителей», продемонстрировали, что совместная деятельность представителей различных политических партий необходима и возможна.

Так называемое Выборгское воззвание было принято на собрание депутатов распущенной Государственной Думы, среди которых было около 120 кадетов и около 80 представителей других партий. В воззвании был выдвинут лозунг пассивного сопротивления власти.

Уже IV съезд Партии народной свободы (24—28 сентября) отказался от подобного лозунга. В декабре 1907 г. по обвинению в составлении воззвания было осуждено 167 депутатов, приговоренных к 3 месяцам тюрьмы и лишению права быть избранными. См.: *Дело о Выборгском воззвании. Стенографический отчет о заседаниях Особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты 12—18 декабря 1907 г. СПб., 1908; Винавер М. М. История Выборгского воззвания. Пг., 1917; Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М.; Л., 1939.* Среди подписавших Выборгское воззвание были и масоны Великого Востока (некоторые из перечисленных ниже лиц стали вольными каменщиками уже после роспуска I-й Государственной Думы): А. Н. Букейханов, С. А. Котляревский, В. П. Обнинский, В. А. Оболенский, А. А. Свечин, Ф. Р. Штейнгель, С. Д. Урусов.

Активную роль в русском масонстве периода Великого Востока играли руководители Радикальной партии демократических реформ, образованной во время выборов в I-ю Государственную Думу и просуществовавшей до конца 1907 г., — И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. С. Маргулиес, С. Д. Урусов. Уже в названии партии подчеркивалась связь с руководителями Великого Востока Франции, в том числе с Луи Лафером, однако реального единства ни с французскими «братьями», ни внутри партии не было.

Если «радикалы» обычно рассматриваются как партия «правее» кадетов, то «левый» фланг масонства занимали члены Партии социалистов-революционеров и сочувствующие их программе: В. М. Зензинов, С. Д. Мстиславский, П. Н. Переверзев, О. Я. Пергамент, П. М. Макаров и др. Формально эсеры не занимали ключевых постов в масонских мастерских, но своей активной позицией в ложах усиливали радикализм русского масонства и способствовали его большей политизации. (Впоследствии, в период Великого Востока народов России, никто из эсеров — членов нового масонского союза «активно не участвовал в работе партии» *[Чермак. Л.8].*)

«Промежуточное» положение между кадетами и эсерами занимали народные социалисты и представители фракции трудовиков в Думе: Н. С. Розанов, А. А. Булат, А. А. Демьянов (оба последние — лидеры фракций в Государственной Думе).

Были в русском масонстве периода 1906—1909 гг. и представители национальных партий (И. З. Лорис-Меликов, Г. Ф. Зданович, В. Л. Геловани), однако национальный вопрос еще не стоял в повестке дня, а следовательно влияние этих лиц в масонстве не было значительным.

Помимо политически-партийной и думской работы русских масонов объединяла и общественная деятельность. Например, в клубе «Образование», основанном 29 сентября 1909 г., одновременно состояли М. М. Ковалевский и А. А. Орлов-Давыдов. Встречались вольные каменщики в редакциях газеты «Радикал» и журнала «Былое», известно и о взаимопомощи масонов в служебной деятельности *[См., например: Николаевский. С.146]*.

> Тесная связь масонов с политическим движением дала повод видному масону в эмиграции В. Л. Вяземскому заявить о работе лож Великого Востока в России, что она «шла вяло, малоинтересно. Собирались лица, большей частью встречавшиеся в общественных организациях» *(Вяземский. С.235)*.

Деятельность масонов Великого Востока в России подготовила организацию союза Великого Востока народов России; ни в идейных установках, ни в принципах построения между двумя послушаниями не было разрыва. Например, исключительно важная роль секретаря Верховного Совета определилась уже с 1906 г. Занимавший этот пост Д. О. Бебутов вспоминал, что ему поручили «составление списков, выдачу денег и всякие сношения» *[Николаевский. С.131]*. Однако развитие ситуации в России требовало более четкого построения масонской организации, чем это было в Великом Востоке.

Одной из причин реорганизации русского масонства стала боязнь провокаторства. Следует отметить, что ситуация была инспирирована самими вольными каменщиками.

Н. А. Морозов узнал от А. А. Орлова-Давыдова о провокаторской роли Е. Ф. Азефа и был послан в мае 1908 г. «оппозиционной тайной организацией в Париж со специальной миссией известить Натансона, что достоверно известно, что Азеф служит в Департаменте полиции» *[Фигнер В. Н. Полное собрание сочинений в семи томах. Т.3. М., 1932. С.285]*. Когда же М. А. Натансон отказался верить сообщению Н. А. Морозова, масоны через А. И. Браудо организовали встречу А. А. Лопухина с В. Л. Бурцевым. Дальнейшие события хорошо известны по воспоминаниям самого В. Л. Бурцева, отметим лишь, что в разоблачении Е. Ф. Азефа принимал активное участие еще один масон — С. Е. Кальманович.

Не исключено, что разоблачение Е. Ф. Азефа было частью сложной игры С. Д. Урусова и А. А. Лопухина, направленной на то, чтобы убедить Николая II даровать конституцию. Кроме воспоминаний В. Л. Бурцева *(В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991)*, о разоблачении Азефа см.: *Городницкий Р. А. Боевая организация Партии социалистов-революционеров (1901–1911 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995.*

Разоблачение Е. Ф. Азефа распространило в среде масонов, в первую очередь эсеров, паническую боязнь проникновения агентов Департамента полиции во все общественные организации *[См., например, свидетельство М. С. Маргулиеса: Николаевский. С.108]*. Обвинения в недостаточной конспирации, в «болтовне», в «политической неблагонадежности» обрушились на Н. Н. Баженова, Е. И. Кедрина, М. С. Маргулиеса, В. А. Маклакова *[См.: Там же. С.50, 143–144]*. Были проведены специальные расследования о деятельности С. С. Жихарева и Д. О. Бебутова как

информаторов Департамента полиции *[См.: Николаевский. С.143–144, 119]*. В первом случае поводом к расследованию послужили, вероятно, связи С. С. Жихарева с Боевой организацией Партии социалистов-революционеров, которой он помогал материально *[См.: Минувшее: Исторический альманах. 18. М.; СПб., 1995 (по указателю)]*. Определенного ответа, как в случае с Е. Ф. Азефом, не было получено, перед С. С. Жихаревым были даже принесены извинения, и он продолжал свою масонскую деятельность; относительно же Д. О. Бебутова установилось мнение как об информаторе Департамента полиции, не подтвержденное однако документально.

Российское правительство действительно пыталось «отыскать» масонов, но сотрудники Департамента полиции действовали в данном случае крайне неуклюже. Документы о «миссии» коллежского асессора В. К. Алексеева были опубликованы известным историком и масоном Великого Востока П. Е. Щёголевым. См.: *Щёголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.* См. также: *Былое. 1917. № 4 (26). С.108–145; Падение царского режима. По материалам чрезвычайной комиссии Временного Правительства. Т.III. Л., 1925. С.332–334.*

Единственной реальной «утечкой» информации было интервью Е. И. Кедрина, опубликованное в «Русском слове», где он признал свою принадлежность к масонству и объявил, что имеет степень мастера *[См.: Русское слово. 1908. 8 ноября. № 260]*. Впоследствии именно эта газетная статья была объявлена причиной «усыпления» лож в России *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а. Л.14]*.

Д. О. Бебутов так описывал процедуру закрытия лож: «В феврале 1910 года решено было созвать собрание из 12 братьев для выяснения всех циркулирующих слухов и обсудить, что дальше делать <...> Сперва хотели поставить вопрос: закрыться или нет <...> Решение было предоставить ложам самим решать дальнейшую судьбу. При таком неопределенном настроении ложи

предпочли временно уснуть» *[Николаевский. С.144–145]*. Однако, свидетельства лиц, продолжавших работы в ложах, позволяют предположить, что произошло «усыпление» не лож, а отдельных масонов. Так, например, А. Я. Гальперн писал: «Маргулиеса и Баженова перестали приглашать на собрания, дали им знать, что их не зовут на них, и вообще от них законспирировались, а Кедрина, который был одним из наиболее уважаемых членов ложи и даже Venerable'м, не устраняя прямо и не объявляя ему этого решения, стали под разными предлогами не приглашать на собрания» *[Там же. С.50]*.

Анализ состава лож периодов Великого Востока Франции и Великого Востока народов России показывает, что произошло «усыпление» масонов, установивших тесные контакты с Францией и получивших капитулярные степени (Д. О. Бебутов, Н. Н. Баженов, Е. И. Кедрин, В. А. Маклаков, М. С. Маргулиес и др.); представителей национальных партий (И. З. Лорис-Меликов, В. Л. Геловани) — формальным поводом опять-таки объявлялась склонность к «болтовне»; лиц, живших в Петербурге и не занимавшихся активной политической деятельностью — так фактически были выведены все профессора, которые стояли у истоков масонства в России, поскольку они тяготели к «философскому», а не к «политическому» масонству.

Таким образом, в феврале 1910 г. завершился недолговременный период масонства Великого Востока Франции в России. Ведущее французское масонское послушание не смогло создать структуру Ордена вольных каменщиков в царской державе. У масонов в России не было своего устава, они не добились признания в мире; посвятительно-философская сторона масонства оказалась забытой (примечательно, что не известно ни об одном докладе в ложах), не было создано и общественно-политической системы влияния масонства на жизнь в стране. Можно было бы вспомнить о преподавательской деятельности масонов на Высших женских курсах и об образовании ими Психоневрологического

института в 1908 г., однако это было связано с именами М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти, возглавлявших работы по Шотландскому Уставу, а не в союзе с Великим Востоком Франции.

После фактического провала работы Великого Востока Франции в среде русских вольных каменщиков этот масонский союз попытался активизировать работы на национальных окраинах Российской империи. В Вильно была открыта ложа Литва, среди польских уроженцев в Петербурге образовалась и другая мастерская — Белый Орел *[См.: Hass. S.134, 138]*. Возможно, что к союзу Великого Востока Франции в 1911 г. принадлежала и петербургская ложа Федерация *[См.: GLdF. № 500]*. Не вызывает сомнения и посвящение в ложу данного союза (ею руководил П. Н. Переверзев) в Петербурге в 1917 г. Н. Б. Глазберга. Однако влияние Великого Востока Франции было сведено практически на нет.

А. Д. Марголин, вероятно, умышленно указал на принадлежность своей ложи к признанному во Франции послушанию, чтобы продолжить свою масонскую работу, не начиная путь с посвящения в 1-ю степень. (Возможно, что ложи «К. К. Черносвитова» и Федерация — это одна и та же мастерская.). О том же, что Н. Б. Глазберг не искажает информацию, говорит его посвящение во 2-ю масонскую степень, чего не могло быть в союзе Великого Востока народов России. См.: *GLdF. № 638; GOdF. Архив ложи Свободная Россия.*

Во французских научных изданиях появилось предположение, что масоном Великого Востока Франции был и небезызвестный В. И. Ульянов (Ленин). Дело в том, что один из друзей «вождя революции», шансонье Г. М. Монтегю (Брунсвик) (1872—1952) с 1902 г. был активным членом ложи L'Union de Belleville в Париже *[См.: Ligou. P.701]*. Однако гипотеза о посвящении В. И. Ленина не может быть подтверждена документально, поскольку многие документы ложи не дошли до нашего времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«ДУМСКОЕ» МАСОНСТВО (1910–1923)

Реорганизация масонства в России была начата А. М. Колюбакиным уже в 1910 г. Вероятно, основой возрожденной организации стала ложа А. Я. Гальперна, о которой последний вспоминал в разговоре с Б. И. Николаевским *[См.: Николаевский. С.51. Вероятно, об этой же ложе как о «тесном кружке» вспоминал Д. В. Философов. См.: РО РНБ. Ф.814. Д.3. Л.14]*.

Окончательно новый масонский союз сложился к лету 1912 г., когда в Москве был проведен конвент вольных каменщиков (см. об этом ниже). Созыву этого конвента содействовала напряженная организационная работа. Во-первых, в конце 1911 г. произошло объединение с ложами Шотландского Устава *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.182. Л.21]*. Об активной помощи М. М. Ковалевского масонам союза Великого Востока народов России вспоминал и Е. П. Гегечкори *[См.: Николаевский. С.79–80]*. Вероятно, когда основные оппоненты М. М. Ковалевского — Е. И. Кедрин и Д. О. Бебутов — были выведены из лож, возникла реальная возможность союза всех русских масонов и не только в мастерских высших степеней. Во-вторых, к новому русскому масонскому союзу перешли также «английские» масоны в России. Пока в России находился основатель «английских» лож, настоятель англиканской церкви посольства Великобритании в Петербурге Б.-С. Ломбард, связи с родиной масонства еще имели смысл, после отъезда священника надо было ориентироваться уже на

российских братьев. В новый масонский союз переходит депутат Государственной Думы В. П. Басаков, лидер «английской» ложи в Петербурге *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.182. Л.21. Об «английской» ложе на Васильевском острове см. также: Записка Кандаурова. Л.14. Данные «Записки» Л. Д. Кандаурова об отъезде Б.-С. Ломбарда противоречат, однако, сведениям справочника «Весь Петербург»]*. К Великому Востоку народов России присоединяется и «английская» ложа в Архангельске *[См. письмо-дополнение Л. Д. Кандаурова к своей «Записке»: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26а. Л.14]*. До 1912 г., вероятно, был проведен еще один конвент русского масонства: по крайней мере, в Верховный Совет были избраны, вместо «усыпленных» братьев, Н. В. Некрасов (секретарь), Г. Д. Сидамон-Эристов, В. А. Степанов. Сохранялись и связи с Великим Востоком Франции, но только через «инициатора и организатора» нового союза С. Д. Урусова *[См.: Николаевский. С.65]*.

В 1912 г. новое масонское объединение окончательно сложилось. Оно выгодно отличалось от лож Великого Востока в России тем, что закрепило свои идейные установки в «Положении об Орденской организации» *[эта конституция Великого Востока народов России сохранилась в архиве Н. В. Чайковского: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.601]*.

В качестве задач и целей Ордена провозглашалось создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского союза, в котором, при сохранении за каждым свободы политического действия, ведется общая работа по утверждению и защите прав человека и гражданина *[См.: Там же. Л.1]*.

Наиболее точное определение задач организации было дано А. Я. Гальперном: «Стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России. Политического заговора, как сознательно поставленной цели, в программе нашей работы не было, и если бы кто-либо попытался в задачи организации такой

заговор ввести, то это вызвало бы протесты со стороны многих. Был, правда, целый ряд лиц, из них часть очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись, — например, Мстиславский и Некрасов. Но в организации они свою точку проводили осторожно и закрепить ее в качестве официальной точки зрения организации не стремились <...> Задачи личного усовершенствования для многих тоже играли весьма значительную роль. Таких, как Чхеидзе, которые эту сторону организации совершенно не воспринимали, было очень мало. Для некоторых же эта сторона задачи организации имела главное значение. Так, например, в Киеве преобладали в организации люди, для которых эстетические задачи стояли на первом месте» *[Николаевский. С.62–63]*.

Таким образом, в постановке задач масонства русские вольные каменщики первоначально стремились следовать идеям Великого Востока Франции и революции 1789 г. «в их наиболее первобытном — не искаженном и не усложненном виде» *[Там же. С.63]*. Однако активное участие в политической жизни страны привело к тому, что точка зрения некоторых масонов, что их организация носит определенно революционный характер и стремится к насильственному перевороту, переносилась на все российское масонство. (Уже в «Записке» Л. Д. Кандаурова утверждалось, что целью «думского» масонства являлось ниспровержение самодержавия и установление демократического строя.)

Анализ мемуарных свидетельств показывает, что Великий Восток народов России не создавался как надпартийная политическая организация, но, постепенно удаляясь от чисто масонских задач, приобрел характер политического объединения к 1915–1916 гг. *[См., например: Там же. С.50, 53, 76, 82, 103; Чермак]*.

Подобной эволюции способствовали изменения в масонском уставе *[См.: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.601]*. Система степеней масонства была фактически отменена. В Великом Востоке народов

России остались лишь две ступени — ученика и мастера. Перевод из учеников в мастера обычно производился через год. Как свидетельствовал А. Я. Гальперн, «право решения вопроса, когда именно следует произвести подобное повышение, принадлежало ложе. Но иногда повышение в степени производили по инициативе Верховного Совета» *[Николаевский. С.52]*. Кандидат на мастерскую степень должен был, до своего утверждения в новом масонском качестве, выступить с речью. Например, Е. П. Гегечкори перед посвящением в степень мастера выбрал для выступления тему «О роли масонства в революционной борьбе» *[См.: Там же. С.81]*. Звание мастера «давало право приема других в ложу» *[Там же]*. Таким образом, система нравственного совершенствования, духовного развития, принятая в классическом масонстве, была практически уничтожена.

Были изменены и принципы приема в масонство. Перед посвящением кандидат отвечал на ряд вопросов: о требованиях к самому себе, об отношении к семье, отечеству, человечеству, религии, войне, космополитизму, государственному устройству (об этих вопросах, с небольшими разночтениями в формулировке, рассказывали почти все мемуаристы *[См.: Там же. С.51, 77–78, 82–83; Чермак. Л.3; Никонов С. А. Воспоминания // Частный архив (Москва). С.4–5]*). Если ответы удовлетворяли масонов, то совершался обряд посвящения нового брата с принесением клятвы о соблюдении тайны и сообщения пароля или знака *[См.: Николаевский. С.78. 110; Никонов С. А. Воспоминания. С.5]*. При этом были отменены «все фартуки, вся амуниция», значительно упрощен ритуал *[Николаевский. С.110]*.

Допускалось привлечение в организацию женщин. Надо однако сказать, что прием женщин был разрешен не *«впервые»*, как об этом пишет Е. Д. Кускова *(Там же)*, а практиковался Великим Востоком Франции уже с 1774 г. и стал основой работ в ложах Международного масонского ордена «Друа юмен» с конца XIX в. Число «сестер»

в России было невелико, достоверно известно лишь о посвящении Е. Д. Кусковой и З. Н. Гиппиус, что скорее было исключением, а не правилом.

Каждая ложа могла избирать из своего состава ряд должностных лиц: венерабля (председателя), 1-го и 2-го наблюдателей (стражей, надзирателей), оратора, казначея и секретаря. Председатель ложи вел собрания и осуществлял связи с Верховным Советом (через секретаря последнего), оратор являлся хранителем устава и следил за его соблюдением. Некоторые должности в ложах Великого Востока народов России постепенно теряли значение. Например, А. Я. Гальперн вспоминал, что фактически были объединены должности младшего надзирателя и секретаря (он сохранял «события из жизни и деятельности ложи» в своей памяти *[ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.601. Л.3]*), что сбор членских взносов перешел от казначея к председателю *[См.: Николаевский. С.51–52, 78]*. Таким образом, в русских ложах 1910–1917 гг. исчезла не только обрядность и система степеней, но и «офицерские» масонские должности.

В уставе Великого Востока народов России было записано, что ложа должна состоять из 7–14 членов. В случае, если число масонов в мастерской превышало установленную норму, то ложа должна была создать новую мастерскую из 7 человек, то есть разделиться *[См.: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Л. 601. Л.2–3]*. Однако известны и исключения, например, ложа Л. К. Чермака насчитывала 16 человек, было превышено предельное число и в Думской ложе *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.182. Л.24]*.

Число лож в период расцвета дореволюционного масонства достигало 42 *[См.: Там же]*. Наибольшее число братьев (около 95 человек) было в Петербурге, где работало не менее 11 лож. Второй по численности была киевская организация, где существовало 7 лож. Две масонские мастерские работали в Москве.

Ложи были открыты также в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Самаре и Саратове.

О деятельности лож в провинции известно очень мало. Можно лишь строить предположения о круге их влияния. Например, средой распространения масонских идей в Саратове мог стать бывший дружеский круг Н. К. Авьерино (сам он уже переехал на жительство в Москву): А. Д. Нессельроде, Балавинский (имя не указано) и Е. С. Кальманович. См.: *НЖ. 1943. Кн.7. С.336.*

Существовала специальная военная ложа на Юго-западном фронте. (Возможно, что это «походная» ложа С. С. Жихарева, хотя М. С. Маргулиес и относит ее существование к периоду Великого Востока Франции *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26а. Л.13].*)

Число лож на национальных окраинах было также значительно, они были открыты в Одессе, Харькове, Полтаве (или Кременчуге), Минске, Витебске, Кутаиси, Тифлисе, Риге, Ревеле, Вильно, Ковно. Учитывая ограничение числа членов одной ложи, можно говорить о 350—400 масонах союза Великого Востока народов России.

Высшим законодательным органом масонского Ордена в России был конвент вольных каменщиков, который по уставу должен был собираться не реже одного раза в год. На конвент избирали по одному представителю от каждой ложи, на нем присутствовали также члены предыдущего Верховного Совета.

Переход к новому организационному построению русского масонства произошел именно на таком конвенте летом 1912 г. в Москве. На двух заседаниях, длившихся целый день и проходивших на квартирах С. А. Балавинского и Ф. А. Головина, были депутаты всех существовавших в 1912 г. лож. Петербург представляли: А. М. Колюбакин, А. Я. Гальперн, Н. В. Некрасов, В. А. Степанов, В. А. Виноградов, А. И. Браудо,

К. Г. Голубков, А. Ф. Керенский; Москву — С. А. Балавинский, Ф. А. Головин, С. Д. Урусов, В. П. Обнинский; Киев — М. С. Грушевский, Н. П. Василенко, Ф. Р. Штейнгель; Нижний Новгород — Г. Р. Кильвейн; были депутаты от Минска и Одессы *[Данные о работе конвента содержатся в воспоминаниях А. Я. Гальперна. См.: Николаевский. С.53–55]*. Председательствовал на конвенте Н. В. Некрасов. Было рассмотрено два вопроса: «о конституировании русской масонской организации» и о ее названии. По первому вопросу было принято решение о создании независимого русского союза без предварительного согласования с Великим Востоком Франции. Сложнее оказалось решить второй поставленный вопрос. «Подавляющее большинство конвента стояло за название "Великого Востока России"; Грушевский же требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова "Россия". Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко.

Против Грушевского выступили все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня <...> В конце концов было принято название "Великий Восток народов России"» *[Там же. С.54–55]*. Конвент 1912 г. принял также решение о выработке устава новой организации.

Следующий конвент собрался летом 1913 г. в Петербурге на квартире В. А. Степанова. Из «новых участников на этом конвенте был В. Я. Богучарский-Яковлев и, кажется, Скобелев. Конвент этот, после обсуждения и внесения поправок, принял <...> проект устава» Великого Востока народов России *[Там же. С.61]*.

В 1914 г. конвент «не мог состояться из-за начала войны и мобилизации ряда братьев». В 1915 г. конвент вновь не был

созван из-за тяжелой моральной атмосферы в связи с выступлением С. Д. Мстиславского *[См.: Николаевский. С.66]*.

В 1916 г. состоялся последний масонский конвент в России. Он заседал летом в Петербурге на квартире В. А. Степанова и длился два дня. Депутатами были от Петербурга — Н. В. Некрасов, А. Ф. Керенский, В. А. Степанов, И. П. Демидов, В. А. Виноградов, А. В. Карташев, Д. П. Рузский, А. А. Мейер, А. А. Демьянов, К. Г. Голубков и А. Я. Гальперн; от Москвы — Ф. А. Головин и С. Д. Урусов; от Киева — Д. Н. Григорович-Барский, Ф. Р. Штейнгель, Н. П. Василенко и др.; от Екатеринбурга — Л. А. Кроль; от Саратова — А. А. Никонов; присутствовали и делегаты от Харькова, Самары, Риги, Ревеля, Одессы, Вильно, Витебска. Конвент 1916 г. был посвящен обсуждению положения на фронте и в стране. Большая группа провинциальных делегатов настаивала на переходе к революционным действиям, однако, благодаря выступлениям Н. В. Некрасова, В. А. Степанова и А. Я. Гальперна, резолюция конвента 1916 г. была составлена без учета заговорщических планов *[Там же. С.68]*.

Важнейшей функцией конвентов были перевыборы Верховного Совета, который являлся реальным руководящим органом русского масонства, его исполнительным органом. По уставу Великого Востока народов России порядок избрания Верховного Совета был таков:

«Большинством в 7/8 голосов конвент избирает трех выборщиков. Секретарь Верховного Совета последнего состава подсчитывает голоса и, не оглашая результатов голосования, сообщает выборщикам о состоявшемся избрании.

Выборщики избирают затем трех членов Верховного Совета и по избрании таковых слагают с себя полномочия.

Избранные три члена Верховного Совета немедленно доизбирают еще трех членов Верховного Совета.

В последующем Верховный Совет еще может доизбирать членов, но с тем, чтобы общее их число не превосходило 18.

По избрании первых 6 членов Верховный Совет открывает свои работы и избирает секретаря.

Имена членов Верховного Совета конвенту не сообщаются» *[ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.601. Л.4]*.

Важнейшей функцией Верховного Совета было открытие новых лож и контроль за приемом новых членов. Все кандидатуры для посвящения в Петербурге обсуждались председателем ложи и секретарем Верховного Совета. Последний играл руководящую роль во всем Великом Востоке народов России: через него велись все сношения Верховного Совета и лож; он был докладчиком в Верховном Совете по всем текущим делам; хранил деньги, собранные через венераблей лож *[См.: Николаевский. С.56–57]*.

Секретарем Верховного Совета до конвента 1912 г. и в 1915 г. был Н. В. Некрасов, с лета 1912 г. до конца 1914 г. — А. М. Колюбакин, в 1915–1916 гг. — А. Ф. Керенский, с лета 1916 г. — А. Я. Гальперн, с декабря 1918 г. — С. А. Балавинский, с лета 1919 г. — И. П. Демидов.

К 1912 г. в Петербурге, а после 1914 г. и в Киеве, то есть в городах, где число лож превышало пять, были созданы и местные советы. В местные советы входили венерабли лож, а в петербургский — также секретарь Верховного Совета. Главной задачей местных советов была координация деятельности лож *[См.: Там же. С.62]*.

Механизм работы масонских лож был таков. В отдельных ложах «шли обмены мнений по всем основным вопросам, вставшим в порядок дня Государственной Думы и политической жизни вообще» *[Там же. С.84–85]*. Как таковых докладов не было, был «обмен информацией», было «общее желание сговориться и затем действовать в общем направлении» *[Там же. С.105–106]*. «Все предложения, вынесенные в отдельных ложах», посту-

пали в Верховный Совет (он работал также как ложа), «многие вопросы он и сам поднимал. Принятые им решения обычно имели характер только руководящих указаний, значение которых было только морального порядка. При вынесении их Верховный Совет всегда стремился найти линию, приемлемую для людей всех тех взглядов, которые были объединены в ложах, — и в этом была их сила» *[Николаевский. С.63]*.

Для реализации решений создавались специальные ложи (по роду занятий) — думская, военная, литературная. «Особенно важное значение в жизни организации имела думская ложа, руководству которой Верховный Совет уделял исключительно большое внимание <...> В ней Совет стремился создать объединение левой оппозиции <...> Думская группа заботилась о сглаживании всякого рода конфликтов и трений между различными левыми фракциями в Государственной Думе и к облегчению их совместных выступлений. Особенно много удавалось делать в этом направлении в конституционно-демократической партии; выступления кадетов-масонов и кадетов думской фракции и даже в Центральном Комитете кадетской партии были всегда координированы со взглядами Верховного Совета и проникнуты действительным чувством братства. У социал-демократов дело обстояло много хуже — это объясняется личными свойствами Чхеидзе, его большим скептицизмом в отношении к задачам организации» *[Там же. С.58–59]*. В думскую ложу Розы входили руководители Партии народной свободы В. А. Виноградов, Н. К. Волков, И. П. Демидов, А. М. Колюбакин, Н. В. Некрасов, А. А. Орлов-Давыдов, В. А. Степанов (а членами ЦК этой партии были также масоны Ф. Ф. Кокошкин, К. К. Черносвитов, А. И. Шингарев, Ф. А. Головин, Д. Н. Григорович-Барский, Н. П. Василенко, Ф. Р. Штейнгель, А. Н. Букейханов, А. А. Свечин и др.); лидеры меньшевиков — Е. П. Гегечкори, М. И. Скобелев,

Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели; прогрессисты — И. Н. Ефремов и А. И. Коновалов; «трудовик» А. Ф. Керенский.

В литературную ложу хотели принять «крупных журналистов из важнейших левых газет» *[Николаевский. С.59]* и привлекли к ее работе С. Д. Мстиславского, В. Я. Богучарского, А. А. Мейера, А. В. Карташева и, вероятно, Н. Н. Суханова. А. Я. Гальперн так вспоминал о воздействии масонов на общественное мнение через печать: «Из "Речи" в ложи никто не входил <...>, тем не менее на эту газету мы в известных пределах воздействовали, давая туда через Клячко-Львова нужную информацию; Львов, который сам в организации не состоял и о существовании ее не знал, проводил через газеты все, что нам казалось полезным и в нужном для нас освещении; особенно хорошо он это дело выполнял в 1917 г.» *[Там же]*.

Часто велись «разговоры о необходимости проникновения в армию», но большого влияния в среде военных масонство не получило *[См.: Там же. С.60]*.

Создавались специальные ложи и по принципу «полезности» того или иного лица для масонства. Например, создание специальной ложи для Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус обеспечило влияние на Петербургское религиозно-философское общество, а для Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича — на Техническое и Вольное экономическое общества *[См.: Там же. С.110, 57–58]*. Руководителями последнего были также масоны: М. М. Ковалевский, В. Э. Брунст, А. И. Венцковский, Д. П. Рузский и др. *[Деятельность этой организации была приостановлена в 1915 г. См.: Биржевые ведомости. 1915. 30 октября. № 15179 (утрен. вып.)]*.

Можно выделить несколько «масонских» центров в Петербурге, где служили и работали вольные каменщики, ставшие таковыми уже в начале века (А) или в последующем (Б):

1) Петербургская городская дума — (Б): Э. П. Беннигсен, Л. А. Велихов, Я. Н. Гордеенко, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. М. Макаров и др.;

2) высшие учебные заведения (Психоневрологический институт, Высшие женские курсы, Высшие курсы П. Ф. Лесгафта и др.) — (А): М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков, Ю. С. Гамбаров, Е. В. Аничков, Вяч. И. Иванов, Н. О. Лосский, Н. А. Котляревский, И. В. Лучицкий, А. В. Карташев, С. И. Метальников, В. М. Гессен, М. П. Чубинский, В. И. Бауман, Н. А. Морозов, А. А. Мейер; (Б): К. С. Агаджаньян, Д. М. Одинец, В. Н. Сперанский и др.

3) Петербургская судебная палата и Петербургский коммерческий суд (присяжные стряпчие, присяжные поверенные и их помощники) — (А): Б. Г. Барт, М. В. Беренштам, А. Я. Гальперн, А. К. Гольм, В. Я. Гуревич, Н. Б. Глазберг, В. Л. Геловани, А. А. Демьянов, А. А. Исаев, С. Е. Кальманович, А. Ф. Керенский, Е. И. Кедрин, М. С. Маргулиес, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. К. Черносвитов, И. Н. Сахаров, Г. Д. Сидамон-Эристов, А. Ф. Стааль; (Б): Л. М. Берлин, Л. М. Брамсон, П. А. Брюнелли, Б. Л. Гершун, К. П. Гес де Кальве, А. Э. Дюбуа, Б. И. Золотницкий, И. Х. Завриев, М. К. Адамов, М. Г. Казаринов, А. М. и Е. М. Кулишеры, И. А. Кистяковский, Я. И. Конигиссер, Н. Г. Нидермиллер, Н. В. Майер, А. Д. Лаврентьев, С. В. Познер, Б. С. Орнштейн, П. Н. Переверзев, Н. В. Петровский, Я. М. Шефтель, А. С. Шапиро, Г. Б. Слиозберг, М. Д. Ратнер, Б. Е. Шацкий и др.

Аналогичная ситуация была и в Москве. Например, в сословие присяжных поверенных и их помощников в старой столице входили — (А): О. Б. Гольдовский, П. М. Казначеев, А. Р. Ледницкий, В. А. Маклаков, И. Н. Сахаров; (Б): И. В. Авдиев, С. К. Авьерино, С. А. Балавинский, Ф. К. Богров, О. С. Бернштейн, Г. Б. Забежинский, М. Я. Имханицкий, В. В. Короленко, Л. С. Меерович, М. П. Кадиш, Д. С. Навашин, А. Ю. Раппопорт, В. К. Туржанский.

Иными словами, в начале века масонство получило наибольшее распространение в среде политических деятелей, либеральных профессоров и адвокатов.

Одним из первых вопросов, вставших перед Великим Востоком народов России, был вопрос об уставе масонского союза. Есть сведения, что устав был написан В. П. Обнинским *[См.: Записка Кандаурова. Л.11]*, однако достаточно хорошо осведомленный

в вопросах жизни нового масонского союза А. Я. Гальперн утверждал, что устав был составлен С. Д. Масловским-Мстиславским при помощи С. Д. Урусова *[См.: Николаевский. С.61. Уже упоминавшийся текст устава из архива Н. В. Чайковского незначительно отличается от опубликованного варианта. См.: История СССР. 1989. № 6. С.129–134; Масонство и масоны. Сборник статей. Вып. 1. М., 1994. С. 111–117].*

Активная роль С. Д. Масловского несомненна и в постановке вопроса о царской власти. Как известно, «характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично — за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова — революционный патриотизм» *[Николаевский. С.63]*. Однако подобные настроения еще не вели к политическому авантюризму всей организации. Когда осенью 1915 г. «Мстиславский заявил, что считает необходимым организовать заговор на жизнь государя, что для такого заговора имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства», то к этому предложению отнеслись «в высшей степени отрицательно» *[Там же. С.65–66]*.

Тем не менее, даже в среде масонов ложу Верховного Совета стали считать центром заговора, что привело к глубокому кризису Великого Востока народов России в 1915 г. Отрицать, что в Верховном Совете рассматривались планы по устранению от власти Николая II, не позволяет свидетельство Н. С. Чхеидзе. Он говорил: «И в ложах, и в Верховном Совете встал вопрос о политическом перевороте. Ставился он очень осторожно, не сразу. — Переворот мыслился руководящими кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота <...> В этот период Верховным Советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту — помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые

совершались по прямому поручению Верховного Совета; помню сборы денег на нужды такого переворота» *[Николаевский. С.88]*. Лишь после решительного протеста украинских масонов была прекращена работа в ложах по подготовке переворота, центр заговора переместился к группе Крымова — Гучкова, которые масонами не были *[См.: Там же. С.92–93, 95–96]*. При этом следует отметить, что руководители Верховного Совета (А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов) были осведомлены о планах дворцового переворота и постоянно сообщали о них *[См.: Там же. С.68–69]*.

Особую позицию, по-видимому, занимал Н. В. Некрасов. Из воспоминаний А. И. Гучкова известно, что он, Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко стали инициаторами подготовки дворцового переворота, «дабы предотвратить развитие стихийных сил революции» *[НЖ. 1986. Кн.162. С.192. См. также: Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993]*. Планировалось захватить царский поезд и заставить государя отказаться от престола в пользу сына. Однако события Февральской революции не позволили свершиться планам заговорщиков. Очевидно лишь одно — что ни дворцовый заговор, ни Февральская революция не были подготовлены тайным масонским центром.

В ложах велась и активная работа по созданию «левого блока из кадетов и других революционных групп», который стал бы столь же мощным объединением, как Прогрессивный блок в Государственной Думе *[Николаевский. С.66]*. Возможно, что подобная работа была направлена и против распространения влияния «Прогрессивного кружка» во главе с масонами М. М. Ковалевским, И. Н. Ефремовым, М. П. Чубинским и др. *[О «Прогрессивном кружке» см.: Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С.97–98]*.

Активизация «левого» крыла в Верховном Совете была связана и с привлечением в ложи И. И. Скворцова-Степанова, Н. Д. Авксентьева, Б. В. Савинкова.

Больше времени на заседаниях лож стало занимать обсуждение текущего политического момента. Например, вырабатывалась общая позиция по вопросам о нарушениях П. А. Столыпиным основных законов, о поддержке в 1913—1914 гг. стачечного движения, о создании рабочих групп при Военно-промышленных комитетах, о границах будущей Польши *[См.: Николаевский. С.67, 79, 87; Чермак. Л.5]*.

Однако степень политизации лож не следует и преувеличивать. Л. К. Чермак вспоминал: «В такое чрезвычайное время, как война 14—17 гг., когда вся жизнь шла под влиянием этой войны и наше внутреннее положение, настроение народных масс <...> представляло чрезвычайный интерес и имело огромное значение, — как в предложениях от высших властей, так и в поднимавшихся беседах, этим вопросам отводилось чрезвычайно малое место, если вообще отводилось. На первом плане были вопросы "высокой политики" <...> Когда я попытался обратиться к нашему внутреннему положению, к настроению трудового народа, к тому, что ожидает нас после окончания войны, особенно если оно не будет благоприятно для России, то меня просто замолчали. Нам неоднократно внушали, что революционная работа не наше дело, что мы организация надпартийная, что мы должны направлять через наших братьев, членов Думы, ход нашей жизни и т. п.» *[Там же. ЛЛ.5—6]*. Отметим при этом, что неудовлетворенность «аполитичностью» сказалась именно в ложе Л. К. Чермака, членами которой были бывшие народовольцы и основатели первого социал-демократического кружка в России (масонами Великого Востока народов России были «благоевцы» В. Г. Харитонов, Н. А. Бородин, В. А. Кугушев).

Окончательный отход Великого Востока народов России от масонства, даже в его наиболее политизированных формах, произошел в январе-феврале 1917 г. Число лож сократилось до 28—30, но работа в организациях стала более интенсивной. В этих

условиях Верховный Совет принял решение оставить в ячейках общества лишь лиц, пригодных для будущей административной работы *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.182. Л.24; Вяземский. С.236]*. Было также признано «необходимым в целях влияния на общественное настроение устраивать более широкие собрания» с привлечением не-масонов *[Николаевский. С.89]*. В своих воспоминаниях А. Я. Гальперн и Н. С. Чхеидзе указывали, что подобные собрания стали проходить у Н. Д. Соколова и что о них рассказал Н. Н. Суханов *[См.: Там же. С.70, 89; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т.1. М., 1991]*.

По существу, деятельность лож Великого Востока народов России накануне революции прекратилась, осталась лишь политическая группа «руководящих деятелей Верховного Совета»: А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, А. В. Карташев, Н. Д. Соколов и А. Я. Гальперн, которые «все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении» *[Николаевский. С.71]*. Таким образом, в январе-феврале 1917 г. произошел переход от политического масонства к политической группе.

После Февральской революции часть «братьев» уклонилась от активной работы в ложах, например, Н. С. Чхеидзе *[См., например: Чермак. Л.8]*, а объединение превратилось в аппарат по раздаче административных постов в центре и на местах *[См., например: Николаевский. С.72, 104]*.

Конечно же, нельзя отрицать факта деятельности «думского» масонства, но связи с радикально настроенной буржуазией были для руководителей масонского Верховного Совета важнее контактов внутри лож. Следует также отметить, что многие деятели Февральской революции (М. В. Родзянко, кн. Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, Н. И. Астров, М. В. Челноков и др.) были враждебны Ордену.

«Основная забота» членов Верховного Совета с февраля 1917 г. «состояла в воздействии на левые партии в целях удержания

их в русле коалиционной политики». Подобная тактика проводилась бывшими масонами и на Демократическом совещании. Было проведено и несколько заседаний Верховного Совета, были приняты решения о форсировании заключения мира, о борьбе с украинским сепаратизмом, о поддержке П. Н. Переверзева, опубликовавшего документы о связях большевиков с Германией *[Николаевский. С.72–74]*. Однако деятельность Верховного Совета не была уже связана с общемасонским обсуждением текущих важных вопросов.

Новая попытка возрождения организации приходится уже на начало 1918 г. По инициативе А. А. Исаева масоны обсуждают вопросы борьбы с большевиками и возобновления заседаний. Затем эти же вопросы поднимаются С. Ф. Знаменским во Владивостоке в годы Дальневосточной республики *[См.: Там же. С.101]*, но реального восстановления масонской структуры Великого Востока народов России не происходит.

В послеоктябрьский период центр работ переносится в Киев. Сведения о работе Великого Востока народов России в это время содержатся в опросе Д. М. Одинца, проведенном для парижской ложи Астрея А. В. Давыдовым *[ЛА]*. Из материалов опроса следует, что в 1918 г. активную работу по продолжению собраний без использования ритуала и без изучения символики проводила киевская ложа Астрея, возглавляемая Н. П. Василенко. В соответствии с точкой зрения украинских масонов было изменено название организации — «масонство Народов Востока Европы». К киевскому областному совету «при большевиках перешли права Верховного Совета». В реформированной организации «работа шла исключительно политическая — примирение острых национальных противоречий между украинцами и великороссами».

О влиянии центрального органа «масонства Народов Востока Европы» трудно судить из-за недостатка сведений, но учиты-

вая, что Д. М. Одинец (член областного совета с 1919 г.) и Н. П. Василенко занимали ключевые посты в правительствах масонов П. П. Скоропадского и С. В. Петлюры, недооценивать новую организацию не следует.

Вероятно, с масонством была связана вся группа Н. П. Василенко, представленная затем большевистскими властями «киевским областным центром действия». Впрочем, активизация группы Н. П. Василенко относится на период тайного нахождения в Киеве Н. П. Вакара, масона уже «парижского призыва».

Происходили попытки возрождения работ и на национальных окраинах бывшей Российской империи. Во второй половине 1918 г. или в начале 1919 г. по уставу Великого Востока народов России бывшим депутатом Государственной Думы и петербургским масоном А. И. Венцковским открывается ложа в Варшаве. Летом 1920 г., уже после кончины основателя, ложа становится регулярной, получает название Правда и входит в союз Великой Народной Ложи Польши *[См.: Hass. S.324]*.

Более успешным было развитие ложи Lithuanie в Ковно, основанной около 1912 г. членами виленской ложи Единство в союзе Великого Востока народов России. Ковенская ложа возобновила свои работы по конституции российского политического масонства в 1921 г. и за два года создала новую масонскую структуру в Литве. Ложей были открыты мастерские в Паневежисе и Шяуляе, а в 1923 г. и в Ревеле. Возглавляемая великим мастером М. П. Ромером (известным адвокатом), наместным мастером М. Биржинским (профессором университета), оратором Э. Кайрисом (лидером социал-демократической фракции в литовском парламенте), секретарем и казначеем М. Слежявичюсом (главой литовского правительства в 1919 и в 1926 гг.), ложа Lithuanie, вероятно, обладала не меньшим влиянием, чем политическое масонство в России; по крайней мере, она заявляла, что в ее составе много журналистов и депутатов. 23 августа 1923 г.

ковенская ложа направила в Международную масонскую организацию просьбу о признании ее в качестве Великого Востока Литвы, однако дальнейшая судьба прибалтийского масонства неизвестна *[См.: ЦХИДК. Ф.92. Оп.1. Д.13679]*.

Бессвязные попытки восстановления деятельности организации лишь подтверждают факт разрыва между Верховным Советом Великого Востока народов России и первичными ячейками общества. Реанимировать российское политическое масонство могло лишь создание нового руководящего центра. Летом 1919 г. «ряд членов Верховного Совета встретился в Париже», в их числе были А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, С. А. Балавинский, Н. К. Волков, И. П. Демидов, А. Я. Гальперн. Было принято решение «восстановить <...> организацию в эмиграции». В Верховный Совет были введены Н. Д. Авксентьев, Я. Л. Рубинштейн, новым секретарем избран И. П. Демидов *[Николаевский. С.74]*.

В Париже была создана и тайная ложа, работавшая «домашним порядком» по конституции Великого Востока народов России. В число членов этой Независимой русской ложи вошли В. А. Оболенский, В. М. Зензинов, А. А. Орлов-Давыдов, Я. Л. Рубинштейн, А. И. Коновалов, И. П. Демидов *[См.: Вяземский. С.236]*, а возможно также Д. Н. Григорович-Барский и В. В. Теплов. Бурную деятельность попытался развить и А. Ф. Керенский, которому «удалось прочесть доклад о большевизме даже в Англии, в местной ложе» *[Там же]*. Но уже никто «не верил в дело. К этому уже присоединялось и сильное отрицательное отношение многих братьев к Керенскому» *[Николаевский. С.74]*.

Отсутствие контактов Великого Востока народов России с иностранными масонскими союзами сыграло определяющую роль в прекращении собраний. Одни, как А. И. Коновалов, А. А. Орлов-Давыдов, Н. Д. Авксентьев, П. Н. Переверзев, предпочли

присоединиться к французским ложам Великого Востока; другие начали свой масонский путь с 1-го градуса в союзе Великой Ложи Франции; третьи (В. А. Оболенский, Я. Л. Рубинштейн, И. П. Демидов, А. Ф. Керенский, А. Я. Гальперн) были вынуждены прекратить собрания, «все двери перед этими масонами были закрыты» *[Вяземский. С.236]*, новых же сторонников они не могли найти.

Таким образом, абсолютизация социальной стороны программы Великого Востока Франции превратила его дочернюю организацию в замкнутое политическое образование, несостоятельность которого была доказана временем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ РУССКОГО МАСОНСТВА В ИЗГНАНИИ (1917–1924)

Вскоре после Февральской революции 1917 г. Великий Восток Франции решил основать франко-русскую ложу в Париже *[Circulaire du Grand Orient de France. Année 1917 (1 avril). № 2]*. П. А. Бурышкин так оценивал сложившуюся ситуацию: «Великий Восток, который хотел сохранить преемственную связь своего зарубежного русского масонства с довоенным, всячески шел навстречу образованию особой русской ложи, создание которой встречало сомнения со стороны самих русских братьев» *[Бурышкин]*.

Действительно, русские эмигранты, жившие во Франции с дореволюционных времен, не стремились к обособлению от парижских лож, да и численность российских масонов была невелика. Ситуация несколько изменилась в 1917–1918 гг., когда центрами посвящения русских в союзе Великого Востока Франции становятся две ложи: Братство (Fraternité) и Братство Народов (Fraternité des Peuples). В первой из названных мастерских 27 сентября 1917 г. происходит посвящение царского вице-консула в Париже Л. Д. Кандаурова, которому предстояло стать лидером русских вольных каменщиков, а в 1918 г. — крупного промышленника и консула в Нью-Кастле М. К. фон Мекка. Вероятно, российские представители рассчитывали найти в масонских ложах поддержку со стороны французской общественности в своей

антибольшевистской борьбе. Не случайно, что в 1919—1921 гг. в ложу Братство вступают еще два видных дипломата: атташе русского посольства в Париже К. Изразцов и секретарь консульства в Париже, а затем вице-консул в Брюсселе Л. А. Нисалович.

В 1917 г. Л. Д. Кандауров входит также в ложу Братство Народов, а в январе 1918 г. ее членами становятся Е. В. Аничков, один из ближайших помощников М. М. Ковалевского в русских ложах, генерал С. М. Война-Панченко и отставной статский советник А. А. Костин.

Лишь к концу 1918 г., 1 декабря, в Париже образуется Русский масонский комитет, который должен был заняться вопросами распространения масонских идей и стать руководящим центром будущего российского братства вольных каменщиков. Организаторами комитета стали: Л. Д. Кандауров, М. К. фон Мекк, С. М. Война-Панченко, а также русские эмигранты в Париже и масоны еще с дореволюционных времен: адвокат А. И. Грубер, художник М. П. Широков, поэт и общественный деятель А. Д. Нессельроде, комиссар военного министра Временного правительства во Франции адвокат Е. И. Рапп. Таким образом, под председательством Л. Д. Кандаурова был создан орган, в котором были представлены как официальные российские лица, так и представители общественности.

Следует отметить, что комитет начал свои работы по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу, что свидетельствовало об отходе его членов от установок Великого Востока Франции и о симпатиях к идеям Великой Ложи Франции. Чем это объясняется? Вероятно, члены комитета своими работами по Шотландскому Уставу подчеркивали свое отличие от политиков, входивших в Великий Восток народов России, которых в 1919—1921 гг. Великий Восток Франции был готов признать вольными каменщиками.

Действительно, в 1919—1921 гг. в ложах Братство и Братство Народов появляются такие известные общественные деятели, как И. Н. Ефремов, А. И. Коновалов, М. А. Алданов, И. И. Фондаминский-Бунаков, П. И. Кугушев, М. С. Маргулиес, С. К. Маркотун, Б.В. Савинков, С. А. Соколов и др. *[См., например: GOdF. Архив ложи Fraternité des Peuples].*

Вероятно, Великий Восток Франции планировал создать в многонациональной ложе Братство Народов, куда входили болгары, румыны, евреи, турки, итальянцы, швейцарцы, основу для будущей русской мастерской. В 1919—1923 гг. в эту ложу пытаются привлечь всех лиц, так или иначе связанных с Россией. Помимо аффилированных членов лож Великого Востока Франции (М. С. Маргулиес, Е. В. Аничков, Л. Д. Кандауров) в Братстве Народов начинают регуляризировать мартинистов (С. К. Маркотун и члены его киевской ложи Нарцисс), членов Великого Востока народов России (Б. В. Савинков, вновь привлеченный к Ордену усилиями М. К. фон Мекка и Л. Д. Кандаурова *[См.: ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.81. Л.2 об. — 3 об. (сообщено Р. А. Городницким)]*); привлекать лиц, посвященных в других странах (М. Носсович, Г. де Пробаг Краснодебский — последний был членом брюссельской ложи Les Amis Philantropes, что, возможно, повлияло на посвящение в ней в 1923 г. Л. М. Берлина и на участие в ее работах Л. Д. Кандаурова); искать в Париже «профанов», родившихся в России (И. Пистшальский, Г. Мусник). Но, судя по пассивной роли Л. Д. Кандаурова в ложе, в Великий Восток Франции шли именно из-за простоты вступления и регуляризации.

Характерно, что С. К. Маркотун при регуляризации указал, что был посвящен в 1910 г., т. е. еще до визита в Италию. Иными словами, первые мартинистские степени были приравнены ложей Братство Народов к масонским.

Л. Д. Кандауров был готов сотрудничать с новыми масонами Великого Востока Франции в антибольшевистской борьбе, но большинство членов данного союза не мог назвать своими политическими единомышленниками. Расхождения во взглядах, в том числе на роль и задачи масонства, предопределили постепенную эволюцию группы Л. Д. Кандаурова от Великого Востока Франции к Великой Ложе. Однако понадобилось несколько лет, чтобы от идей общественной деятельности и взаимопомощи перейти к посвятительно-символической работе. По существу, было необходимо заново проходить школу масонства. Примечательно, что хотя формально Русский масонский комитет существовал до апреля 1922 г. (когда был образован Временный комитет российского масонства), никто из его членов, кроме самого Л. Д. Кандаурова, не принял участия в оформлении структуры русских лож. Лишь новое поколение масонов, прошедших через посвящение в мастерских союза Великой Ложи Франции, оказалось способным создать автономное русское братство вольных каменщиков.

Предпочтение, которое русские масоны стали отдавать Великой Ложе Франции, объясняется, в ряду других причин, непоследовательностью Великого Востока Франции в его отношении к большевизму. Так, российских вольных каменщиков возмутила резолюция конвента Великого Востока Франции от 21 декабря 1919 г., в которой было заявлено, что идеи и практические действия большевиков соответствуют идеалам Великого Востока, поскольку являются реализацией Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Перелом в настроениях Великого Востока Франции произошел лишь в 1920 г., когда началась массовая эмиграция из России.

21 апреля 1920 г. Совет Ордена, руководство высшими градусами, пригласил на свое заседание А. Ф. Керенского, который

выступил с сообщением о причинах и ходе развития русской революции. А. Ф. Керенский в своем докладе настойчиво доказывал антинародный и антидемократический характер большевистского переворота и требовал разрыва всех отношений с советской Россией, в первую очередь экономических.

Окончательный переход Великого Востока Франции на антисоветские позиции произошел лишь в 1922 г., после Четвертого конгресса Коминтерна. Дело в том, что коммунистический конгресс потребовал от своих адептов выхода из лож и расценил масонство как одну из «форм политического прислужничества мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции перед крупным капиталом» *[Четвертый конгресс Коминтерна. М., 1980. С.64. См. также: Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933. С.347–349]*. В ответ Великий Восток Франции заявил, что советский режим — диктатура, подобная венгерской и итальянской.

Политическое приспособленчество Великого Востока Франции не вызывало доверия у русских масонов, однако старые французско-русские контакты подчас оказывались сильнее. Не следует также забывать, что именно в ложах Великого Востока в Париже начала складываться группа, составившая основу первых русских организаций вольных каменщиков в эмиграции.

Великому Востоку Франции необходимо было четко определить свою позицию еще в двух принципиально важных вопросах: о «думском» и об украинском масонстве. Имеют ли они вообще право носить название масонских организаций?

Ни для кого не было секретом, что многие члены лож Великого Востока Франции затем вошли в состав союза Великого Востока народов России, который у многих ассоциировался с именем А. Ф. Керенского. Неприятие личности этого человека было после большевистского переворота столь сильным, что даже бывшие политические единомышленники А. Ф. Керенского

готовы были винить его во всех бедах России. Тем не менее глава Временного правительства оставался на Западе наиболее известным политическим деятелем, и Великий Восток Франции не хотел отказываться от влияния на членов «думской» масонской организации. Принятие в ложу Братство А. И. Коновалова, входившего даже в изгнании в Верховный Совет «думского» масонства, заставило часть российских вольных каменщиков подчеркивать свое отличие от «карбонариев и заговорщиков».

Принципиально другой путь регуляризации предпочли такие масоны, как Д. М. Одинец, Н. В. Чайковский, В. Д. Кузьмин-Караваев, которые решились на присоединение к работам Великой Ложи Франции; хотя это и требовало прохождения всех масонских степеней, начиная с ученической, но подчеркивало их неприятие политиканства. Подчеркнем, что осознанный выбор русскими масонами работ по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу произошел не сразу, а после 1922 г., когда Верховному Совету Франции было поручено создание структуры русских высших масонских степеней; лишь тогда часть русских вольных каменщиков прекращает свое членство в союзе Великого Востока Франции.

Не менее сложным был второй, «украинский» вопрос, стоявший перед Великим Востоком Франции. Великий Восток Франции вступил в переписку с Великой Ложей Украины в период, когда главой украинского правительства и великим мастером тамошнего масонства был С. В. Петлюра. Затем для ознакомления с обстановкой на Украину был направлен председатель Великого Востока Франции Шарль Дюбрель, который по завершении визита высказался за официальное признание правительства Украины. В пользу С. В. Петлюры и за оказание помощи Украине началось лоббирование во французском парламенте со стороны масонов, например, Анри де Бульона. Подобные предложения были одобрены правительством Франции и командующим

американским экспедиционным корпусом в Европе. В качестве ответного жеста право представлять Украину при Лиге Наций было передано члену Великого Востока Франции Броше. Конечно же, поддержка украинского сепаратизма не могла вызвать «братских» чувств у русских масонов.

Украинское масонство за рубежом возникло одновременно с посвящением первых русских эмигрантов во французские ложи. Попытка его самостоятельной деятельности была предпринята в 1919 г. Наиболее активно с идеей восстановления Великой Ложи Украины в эмиграции выступали ее представители — С. К. Маркотун и Н. А. Шумицкий, которые подчеркивали самостоятельность и традиционность украинского масонства и опасность большевизма в русском движении вольных каменщиков *[См.: Hass L. Wolnomularski Paryż w końcowym okresie I wojny Światowej i w czosie Konferencji pokojowej 1919 roku // Polska. Niemcy. Europa. Poznań, 1977. S.373]*.

Однако затем в украинском масонстве произошел фактический раскол. 30 октября 1919 г. С. К. Маркотун обратился с письмом в руководство Великого Востока Франции, в котором обвинял С. В. Петлюру и его сторонников в попытке использовать масонство в сепаратистских целях *[См.: ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.406. Л.1]*.

С. В. Петлюра и Н. А. Шумицкий, в свою очередь, попытались обосновать идею независимости украинского масонства. Была составлена целая легенда о происхождении орденской организации на Украине. В соответствии с ней, 17 января 1900 г. был проведен 1-й Украинский масонский конгресс, который образовал Великую Ложу Украины Соединенные Славяне, объединившую 5 тайных лож — в Киеве (Святой Андрей), Житомире, Каменец-Подольске, Одессе и Полтаве. Конгресс, якобы, также способствовал последующему открытию еще трех мастерских на Украине: в 1901 г. ложи Шевченко (Харьков), в 1904 г.

ложи Братство (Чернигов), в 1917 г. ложи Молодая Украина (Киев). За заявлениями С. В. Петлюры и Н. А. Шумицкого, скорей всего, ничего, кроме амбиций и политического расчета, не стояло.

В этой связи следует сказать несколько слов о реальной истории масонства на Украине. Немногочисленные свидетельства о его существовании были обобщены Л. Б. Хассом в статье, изданной ложей Голос Украины *[См.: Hass, Maçonnerie ukrainienne]*.

В 1912 г. мартинистом С. К. Маркотуном были установлены связи с итальянским масонством. Великая Ложа Италии выдала ему патент на открытие в Киеве ложи Нарцисс, которая в 1917 г. получила новое название — Нарцисс и Соединенные Славяне. В 1915—1918 гг. в эту ложу были посвящены А. М. Галип, Б. Данковский, Г. Лысенко, Ю. К. Терапиано и ряд других лиц *[См.: GOdF. Архив ложи Fraternité des Peuples]*.

В 1919 г. лидеры национального движения, связанные с ложей Нарцисс, решили известить масонские союзы о создании Великой Ложи Украины, рассчитывая, что подобный шаг привлечет внимание масонов на Западе к положению в новообразованном государстве. За подписью С. В. Петлюры, А. Н. Левицкого, Ф. Море и Петрова было составлено письмо, извещавшее о том, что 18 сентября 1917 г. ложа Андрея Первозванного была провозглашена Великой Ложей Украины и лишь она одна имеет право представлять украинское масонство *[Документы, связанные с этим письмом, см.: BNdF. Rés. FM² 153]*. В этот же день новая Великая Ложа провозгласила своим великим мастером С. В. Петлюру, а великим секретарем А. Н. Левицкого, после убийства С. В. Петлюры ставшего главой «государства».

Подобный шаг украинских националистов был вызван, в первую очередь, стремлением утвердить свое положение во Франции, так как именно в 1919 г. к ложе Братство Народов (Великий Восток Франции) стали присоединяться члены киевской ложи

Нарцисс *[См.: GOdF. Архив ложи Fraternité des Peuples; Hass, Maçonnerie ukrainienne]*. Если бы С. В. Петлюра не объявил о своем «первенстве», то С. К. Маркотун и его сторонники оказались бы единственными представителями украинского масонства.

Более убедительными, чем упомянутое выше письмо 1919 г., для Великого Востока Франции оказались, вероятно, записки С. К. Маркотуна в Совет Ордена (30 октября 1919 г.) и в ложу Братство Народов (май 1920 г.) о распространении влияния Германии и Ватикана на юге России *[См.: ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.406; GOdF. Архив ложи Fraternité des Peuples]*. Расчет С. К. Маркотуна оказался верным, и Великий Восток Франции решил не помогать украинским сепаратистам как проводникам политики своих извечных врагов.

Тогда окружение С. В. Петлюры попыталось найти в масонстве новых союзников. Украинскому послу в Париже, а затем председателю Союза украинских эмигрантских организаций, Н. А. Шумицкому, удалось заинтересовать украинскими масонскими делами канцлера Международной масонской ассоциации (AMI), Великого Мастера Великой Ложи Швейцарии Эдуарда Картье Ла Тента (1855–1925). В результате это объединение признало Великую Ложу Украины и отнесло ее к числу самых старых лож (за дату основания был взят 1817 г., время основания ложи Соединенные Славяне в Киеве) *[См.: Quartier La Tente E. Bureau International des Relations Maçonniques pendant 18 premières années de son existence (1902–1920). Bern, 1922. P.44]*. Однако уже в конце сентября 1923 г. конвент Международной масонской ассоциации отклонил просьбу о приеме Великой Ложи Украины в AMI. Поводом для отклонения Великой Ложи Украины стало попустительство ее великого мастера, С. В. Петлюры, еврейским погромам.

Показательно, что после убийства С. В. Петлюры оппонентами на процессе по данному делу были будущий вице-председатель консистории Россия, Г. Б. Слиозберг, обвинивший С. В. Петлюру в антисемитизме, и Н. А. Шумицкий, оправдывавший его. Сам Н. А. Шумицкий был членом исследовательской ложи St. Claudis союза Великой Независимой и Регулярной Ложи Франции — единственного французского масонского объединения, признанного в первой половине XX в. Великой Ложей Англии. — Об образовании и деятельности Международной масонской ассоциации см.: *Combes A. Les relations maçonniques internationales (1877–1940) // Humanisme. Revue des Franc-Maçons du Grand Orient de France. Juin 1994. № 216. P.97–101.*

Несмотря на подобное решение Международной масонской ассоциации, украинские националисты находили поддержку среди части руководства AMI, а не позднее 1925 г. самопровозгласили Верховный Совет Украины, который образовал подобный же руководящий орган высшими степенями в Румынии. Деятельность украинского национального масонства ограничивалась лишь эффектными заявлениями, а потому не признавалась крупными масонскими объединениями. Новая попытка привлечь к себе внимание была предпринята в 1933 г., когда в Международную масонскую ассоциацию поступило письмо от «киевских» масонов о тайных работах украинских вольных каменщиков на территории СССР *[См.: Hass, Maçonnerie ukrainienne]*. Это письмо вызвало интерес в Женеве, но после проверки было объявлено поддельным, вопрос о признании Великой Ложи Украины вновь был снят с повестки дня и об украинском масонстве долгие годы никто больше не вспоминал.

Таким образом, Великий Восток Франции, который не мог и не хотел четко обозначить свое понимание русской революции, вопроса о соотношении политики и масонства, проблем национально-государственного устройства бывшей Российской империи, постепенно терял приверженцев в среде русских беженцев.

Существование двух, параллельно работающих послушаний вплоть до 1960-х гг. составляло одну из характерных особенностей масонства во Франции. Великий Восток и Великая Ложа Франции, соперничавшие друг с другом, иногда находившиеся в состоянии открытой борьбы, иногда пытавшиеся согласовать свою деятельность или даже объединиться, продолжали свою обособленную жизнь. Двойственность масонской организации во Франции являлась отражением двоякого понимания самой сущности Ордена вольных каменщиков. Что, прежде всего, необходимо масону? Устремить взоры к Великому Строителю Вселенной, трудиться над обработкой грубого камня во имя отвлеченных идеалов морали и справедливости — или идти в самую гущу жизни и проповедью моральных законов внести струю улучшения в политическую и общественную борьбу? Нужны ли ритуал и символика как отграничение посвятительного сообщества от бытовой или обывательской среды — или можно лишь терпеть их как пережиток прошлого?

Точного водораздела между двумя позициями не было, и выбирать русским братьям было трудно между установками двух французских послушаний. Великий Восток долгое время являлся крупной общественной и политической силой во Франции, он входил в состав Международной масонской ассоциации и Международной лиги франк-масонов; с другой стороны, хотя и не признанный английским масонством, Верховный Совет Франции (и связанная с ним Великая Ложа Франции) был материнской организацией для структуры высших градусов Шотландского Устава в Европе и являлся долгое время символом универсальности масонства.

Когда вопрос стоял о регуляризации русских масонов, то первенство принадлежало Великому Востоку Франции, при посвящении же в высшие степени руководящую роль перехватил Верховный Совет Франции.

Большую роль здесь сыграло личное участие в деле восстановления русского масонства видных деятелей французского Ордена вольных каменщиков. Если для русских эмигрантов масонство позволяло заручиться поддержкой промышленных и банковских кругов Западной Европы и Америки, влиять на общественное мнение западных государств, то для французских масонов это был шанс перехватить инициативу у немцев и англичан, которые долгое время по своему влиянию первенствовали в России, в том числе и в масонстве.

Многие французские авторитетные братья искренно верили, что русскому масонству суждена блестящая будущность и что успех его не за горами. Среди этих братьев следует, в первую очередь, назвать Мориса Монье (1877—1931), журналиста, масона с 1899 г., великого мастера Великой Ложи Франции в 1922—1924, 1925—1928, 1930—1931 гг., оратора Верховного Совета Франции. Он был не только искренним другом России и русских, но и глубоко верил, что в судьбах России масонству отведена первенствующая роль. Горячим сторонником развития русского масонства был и деятельный член Верховного Совета и один из руководителей ложи Тэба Р. Шалле (Шайе), «исключительный по своему авторитету и эрудиции, ярко выделявшийся на сравнительно сером фоне современного французского масонства» *[Воспоминания П. А. Бобринского (рукопись), цит. по: Бурышкин]*.

Эти и некоторые другие французские масоны, близкие им по настроению, помогли созданию русского масонства. На конференции Верховных Советов 1922 г. в Лозанне, первой после мировой войны, по докладу Верховного Совета Франции была обсуждена русская проблема. Все полномочия по созданию русской масонской структуры были предоставлены французскому послушанию высших степеней.

Первоначальная программа Л. Д. Кандаурова и его друзей имела в качестве характерной особенности стремление обеспечить действенное участие масонства в восстановлении России. Однако общественно-политические задачи не доминировали над посвятительной стороной работы братства вольных каменщиков. По мнению Л. Д. Кандаурова, масонский Орден как посвятительное сообщество является залогом единения. Первые русские масоны в эмиграции создавали (по их же определению) нечто вроде «технократии» или даже «синархии» — общество лиц, исполненных древней посвятительной мудростью и готовых взять на себя всю тяжесть борьбы за духовное возрождение народа.

Ложами, которые первыми обратили внимание на русскую эмиграцию, а не на отдельных ее представителей, стали три мастерские союза Великой Ложи Франции: Англо-Саксонская ложа, Тэба (Фивы) и Космос.

Первая из упомянутых лож (№ 343 в союзе) значительно отличалась от других мастерских союза. Это была ложа, основанная еще в эпоху постоянного пребывания в Париже короля Эдуарда VII. Во-первых, она работала не по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу, а по обряду Эмулейшн (сокращенному Йоркскому ритуалу). Во-вторых, она проводила свои заседания на английском языке. Отличия в ритуальной системе обусловливали такие особенности ложи, как отсутствие «зодческих» работ, особое внимание к ритуалу, который все офицеры должны были знать наизусть, широкая благотворительная деятельность. В Англо-Саксонскую ложу вступали те русские эмигранты, для которых было предпочтительнее общение на английском языке, у которых уже сложились контакты с англичанами в Первую мировую и Гражданскую войну, которые надеялись найти в масонстве готовую форму для помощи беженцам из России, а не систему нравственно-философского совершенствования.

Первым прошел через обряд посвящения в Англо-Саксонской ложе (18 апреля 1919 г.) профессор конституционного права, барон С. А. Корф, однако в том же году он переселился в Вашингтон и не участвовал впредь в жизни русских лож. Вслед за ним, 6 мая 1919 г., был посвящен бывший депутат Государственной Думы, видный общественный деятель Е. П. Ковалевский, но и он не стал активным участником масонского движения.

Более важным для последующей истории русского масонства оказался прием в ложу 26 мая 1919 г. капитана гвардейской конной артиллерии Н. В. Мариновича и контр-адмирала С. А. Посохова. Огромным приобретением для русского масонства стал прием 8 декабря 1919 г. Н. В. Чайковского.

В 1920 г. состоялось посвящение в Англо-Саксонскую ложу бывшего сослуживца Н. В. Мариновича гвардейского офицера П. А. Бобринского, кавалергардов Е. Ф. Гагарина и В. В. Кочубея, генерала и директора Николаевского кавалерийского училища М. К. Марченко, бывшего вице-председателя Российского Красного Креста Д. С. Навашина. Затем были приняты в масонство полковник лейб-гвардии Конного полка А. П. Альбрехт, финансист М. Я. Берлин, полковник и инженер А. И. Верблюнский, банкир Ф. А. Гинзбург, бывший русский военный атташе в США Н. Л. Голеевский, судовой агент Г. Ф. Гофман, директор транспортного предприятия Г. Б. Каменка, командир Чеченского конного полка А. Ф. Келлер, известный педагог Б. Е. Лепковский, помощник бывшего русского военного атташе во Франции гр. А. А. Мордвинов, бывший главнокомандующий Петроградского военного округа П. А. Половцев и др.

Даже частичное перечисление русских членов Англо-Саксонской ложи показывает, что в ней объединилась русская военная, финансовая, титулованная элита.

Посвящение в следующие степени масонства производилось очень быстро, как впрочем и в других ложах, принимавших русских эмигрантов. Например, немногим более месяца потребовалось Н. В. Мариновичу, чтобы достичь мастерской степени.

Русские масоны: П. А. Половцев, Н. Л. Голеевский, Г. Б. Каменка, М. Я. Берлин и др. — занимали в ложе различные офицерские посты *[См. протоколы заседаний Англо-Саксонской ложи в 1925–1928 гг.: ЦХИДК. Ф.118. Оп.1. Д.95]*. Контакты с мастерской продолжались и после образования русских лож, здесь следует вспомнить и о взаимных аффилиациях, и о том, что Англо-Саксонская ложа стала проводить заседания в русском масонском доме на рю де л'Иветт.

Ложа Тэба уже с 1917 г. стала активно изучать проблемы, связанные с русской революцией и большевизмом. Это не могло не привести к тому, что русские вольные каменщики стали часто посещать заседания этой мастерской. В 1919–1921 гг. происходит аффилиация или посвящение в ложу Тэба русских эмигрантов: Л. Д. Кандаурова, служащего российского консульства П. И. Кугушева, М. К. фон Мекка, журналиста А. А. Морского, Б. В. Савинкова, И. Н. Ефремова, гвардейского офицера В. Н. Скрябина, адвоката Г. Б. Слиозберга, промышленников А. И. Мамонтова и Л. М. Вургафта, книготорговца и издателя Я. Е. Поволоцкого, литератора Я. М. Цвибака (Андрей Седых). Таким образом, в ложе объединились русские масоны как из Великой Ложи Франции, так и из Великого Востока Франции, игравшие ведущую роль при становлении русского масонства в эмиграции. Перечисленными вольными каменщиками число русских посетителей не ограничивалось.

К 1920 году русские стали также офицерами ложи: М. К. фон Мекк — оратором, Л. Д. Кандауров — 2-м экспертом, П. И. Кугушев — 1-м дьяконом. После того как оратором в ложе стал русский брат, в ней стали заслушиваться не только доклады о русских проблемах, но и сообщения самих российских вольных

каменщиков. Например, 3 мая 1920 г. В. Н. Скрябин поделился своими впечатлениями о поездке по Австрии и Венгрии, 18 декабря 1921 г. Г. Б. Слиозберг говорил о голоде в России, 6 декабря 1920 г. А. И. Мамонтов рассказал о положении российской промышленности до начала Первой мировой войны и при большевиках, дважды в марте 1922 г. о положении российского братства и о борьбе с антимасонскими настроениями говорил А. А. Морской *[Протоколы заседаний ложи Тэба хранятся: ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.703. Там же см., например, доклад М. К. фон Мекка о большевизме (Л.5–6)]*.

Ситуация изменилась в 1923 г., когда были образованы мастерские, работавшие на русском языке (см. об этом ниже). Вопросы морального совершенствования в это время вытесняют «русскую проблему». Эти изменения определили и новую тематику докладов русских масонов *[См.: ЦХИДК. Ф.118. Оп.1. Д.123. Л.27–34]*. Становлению российского масонства активно помогали уже упоминавшийся Р. Шалле, памяти которого была затем посвящена одна из первых русских масонских книг XX в. (см. прим.1 на стр.15), а также известный эзотерик Рене Генон (1886–1951), который, после исключения из мартинистских лож в 1909 г., вошел в ложу Тэба.

С формированием самостоятельных русских лож связи россиян с Тэба не были прерваны: например, впоследствии Я. М. Цвибак занимал в этой ложе посты хранителя печати и помощника секретаря, Л. Д. Кандауров стал в 1924 г. 1-м стражем мастерской, а в 1926 г. русские масоны занимали четыре важнейших поста: 1-й обрядоначальник — А. А. Морской, секретарь — Я. Е. Поволоцкий, оратор — В. Н. Скрябин, 1-й страж — Г. Б. Слиозберг *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.704. Л.19. Из «русских» докладов этого времени см. сообщение В. Н. Скрябина 20 апреля 1925 г. о морали (ЦХИДК. Ф.118. Оп.1. Д.123. Л.27–29)]*.

Ложа Космос, в которой русские традиции были достаточно сильны (можно вспомнить П. Н. Яблочкова, Е. В. де Роберти, М. М. Ковалевского), также активно привлекала в свои ряды русских эмигрантов. Первоначально к ложе присоединился Л. Д. Кандауров. 22 апреля 1919 г. в Космосе происходит посвящение инженера путей сообщения Ф. Ф. Макшеева, шурина Л. Д. Кандаурова, а 17 июня того же года В. Д. Аитова. Он сам так вспоминал обстоятельства своего приема:

«Возвратясь в конце 1918 года в Париж с французской военной миссией, к которой я был прикомандирован (в 1916 году), я вскоре познакомился с Леонтием Дмитриевичем Кандауровым, занимавшим должность помощника моего отца, тогда Русского генерального консула во Франции. Я тут же сошелся с Леонтием Дмитриевичем. Он состоял до Февральской революции первым секретарем Русского Генерального Консула во Франции, но, тогда как все служащие царского времени подали в отставку, после революции он один остался, не из материальных выгод, а потому что действительно сочувствовал Февральской революции. Когда Леонтий Дмитриевич предложил мне сделаться вольным каменщиком, я знал о масонстве только позорную историю генерала Андре, который, будучи военным министром (с 1901 до 1905 года), всячески тормозил повышение в чинах офицеров, посещавших церковь. Генерал Андре точно знал фамилии этих офицеров, благодаря специальным фишкам некоей масонской организации. И, конечно, я наотрез отказался от масонства. Но Кандауров уверил меня, что прекрасно меня понимает, но что шпионы генерала Андре были все членами Великого Востока, тогда как он предлагает мне войти в другую масонскую организацию, "Великую Ложу Франции", членом которой он состоял. Сам он тоже был посвящен в ложе Великого Востока, но оттуда ушел, когда познакомился с настроениями его адептов. Он убедил меня».

«До вступления в масонство мысль о духовном совершенствовании мне не приходила в голову, — продолжает В. Д. Антов. — Я считал, что долг мой "как врача" был следить за наукой, чтобы давать моим больным максимум того, что медицина может сделать для них. И Символ этого открытого мною в масонстве долга (т. е. духовного повышения) был Великий Архитектор Вселенной, к совершенству которого мы должны стараться приблизиться <...>

По мере того, как я повышался по масонским градусам, Великий Строитель Вселенной все меньше и меньше становился символом и все больше и больше принимал характер живого существа <...> Под влиянием наших масонских собраний я стал убеждаться, что Дух руководит миром <...>

Я стал регулярно ходить в церковь и даже, в 1946 году, принял православие, потому что православное богослужение гораздо больше, чем все другие, давало мне чувствовать присутствие Великого Духа Вселенной <...>

Я утверждаю, что нельзя быть настоящим масоном, если не верить в Бога, как в Высокое Духовное Начало, символом которого является Великий Строитель Вселенной. К достижению этого идеала каждый масон должен стремиться всеми своими силами <...>

Всей душой молю Великого Строителя Вселенной о том, чтобы хоть половина жителей земного шара устремилась к высоко духовному уровню, о котором пророчествует Масонство.

Тогда на земле установится мир и в заблудшем человечестве — братство народов» *(Вестник. 1961. № 8. С.3–6, 8)*.

До конца 1919 г. в ложу Космос были также привлечены доктор медицины Аким О. Маршак, инженер путей сообщения В. А. Нагродский.

В 1920 г. в ложе появились новые русские члены: 10 марта был посвящен в масонство бывший депутат Государственной Думы, доктор права Э. П. Беннигсен, а 15 июня — известный сатирик А. П. Шполянский (Дон Аминадо), который однако не стал активным участником русского масонства.

В следующем, 1922 г., 17 мая и 21 июня, в Космос были приняты соответственно инженер Ю. О. Бурнштейн и известный промышленник А. И. Путилов.

Самый массовый прием российских беженцев в Космос состоялся в декабре 1922 г. В числе посвященных были историк К. К. Грюнвальд, офицер В. В. Лыщинский-Троекуров, журналист и общественный деятель Д. С. Пасманик, Александр О. Маршак, К. Д. Старынкевич.

Наиболее важным для русских членов ложи Космос был период до 1924 г., когда они проходили своеобразную масонскую «школу» в мастерской. Однако, в отличие, например, от Англо-Саксонской ложи и ложи Тэба, в Космосе русские не занимали офицерских постов.

С 1924 г. начинается выход из ложи бывших россиян, так как с образованием новых русских лож им было необходимо сосредоточиться на работе в Астрее, Гермесе, Северном Сиянии. В 1924 г. из ложи Космос хотели выйти в отставку Ф. Ф. Макшеев, К. К. Грюнвальд, В. В. Лыщинский-Троекуров, Д. С. Пасманик, К. Д. Старынкевич, Э. П. Беннигсен, В. А. Нагродский. Однако продолжали числиться, хотя во многом формально, А. И. Путилов, Ак. О. Маршак и др.

Не часто звучали в мастерской и доклады русских членов. Перечислим некоторые из них:

21 июня 1919 г. — М. К. фон Мекк. О психологии большевизма;

21 октября 1920 г. — Ф. Ф. Макшеев. О борьбе с большевизмом генерала Юденича на северо-западе России;

7 мая 1920 г. — Э. П. Беннигсен. О кооперативном движении в России как факторе будущего возрождения страны;

1 и 15 июня 1920 г. — по русскому вопросу говорили Э. П. Беннигсен и Ак. О. Маршак;

23 мая 1922 г. — Г. Б. Слиозберг. Франко-русские взаимоотношения;

20 февраля 1923 г. — Ак. О. Маршак. О прогрессе в хирургии.

21 апреля 1925 г. — К. К. Грюнвальд. Пробуждение Китая; Д. С. Пасманик. О факторах современного мирового кризиса (см. протоколы ложи Космос: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.281.* О докладах см. также: *Там же. Д.285. Л.13–21*).

Лишь через 9 лет в ложе вновь громко прозвучала «русская» тема. На заседании 31 октября 1933 г. с докладами о России до большевистской революции и о современном положении в СССР выступили Н. В. Тесленко и М. С. Маргулиес *[См. об этом заседании: ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.287; Ф.730. Оп.1. Д.51].*

Меньше русских эмигрантов проходило через посвящение в других парижских ложах союза Великой Ложи Франции. Например, в ложе Герой Человечества были приняты в масонство издатели М. Г. Корнфельд (5 января 1923 г.) и И. Ф. Штерн (3 февраля 1922 г.), доктор медицины А. П. Фиников (5 июня 1925 г.), журналист А. В. Давыдов (5 мая 1922 г.), а в ложе Труд и истинные друзья — бывший российский вице-консул в Париже В. Е. Ден (21 марта 1922 г.), гвардейский офицер, член правительства А. В. Колчака в Омске А. Н. Скрябин (1921 г.), адвокат П. А. Соколов и секретарь Б. В. Савинкова Б. А. Фюрстенберг (27 сентября 1921 г.).

В это время и в последующем русские по происхождению масоны неоднократно выступали с сообщениями во французских, египетских, мексиканских и др. ложах, но, как правило, их участие в иностранных масонских ложах было эпизодическим и выходит за рамки нашего исследования. Назовем лишь несколько лож, где «русское» влияние было наиболее значительным: Гарибальди, Масонский авангард (Великий Восток Франции), Пламенеющая звезда (Великая Ложа Франции). Доминирующей темой сообщений было положение в советской России, но встречались доклады и на профессиональные для авторов темы, и о русской литературе (преимущественно творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского). Например, в ложе Les Travailleurs 8 марта 1920 г. выступали Б. В. Савинков и

М. К. фон Мекк; в ложе Effort также выступал Б. В. Савинков; 17 декабря 1924 г. П. А. Соколов выступил с докладом на французском языке «Еврейская каббала и масонство» в ложе Travail et Vrais Amis Fidèles; А. И. Путилов 18 июня 1924 г. говорил в ложе Масонский авангард о Первой мировой войне и русско-немецких отношениях, а В. А. Маклаков 28 декабря 1925 г. в той же ложе рассказал о положении в Российской коммунистической партии (См., например: *ЦХИДК. Ф.113. Д.523. Л.36, 79 об.*).

Помимо иоанновских лож, русские масоны проходили своеобразную школу в мастерских высших степеней.

Следует прежде всего отметить ложу совершенствования Шотландское Совершенство (№ 385), где в 1921—1937 гг. состояло 44 русских вольных каменщика, в том числе В. А. Нагродский, Г. Б. Слиозберг, А. А. Бобринский, А. А. Морской, А. П. Беннигсен, П. А. Бурышкин, Н. В. Маринович, С. А. Посохов *[См., например: ЦХИДК. Ф.93. Оп.2. Д.62]*. Особенно был активен в этой ложе В. А. Нагродский, который не менее 7 раз выступал с докладами в 1929—1931 гг. Темами его сообщений были традиции пифагорейцев, книга Зогар, каббала, проблемы Востока и Запада *[См. протоколы ложи: ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.633]*. Меньшим было влияние ложи Философская Паперть, в которой в 1919—1933 гг. через степени совершенствования прошли 5 русских масонов.

Кроме того, необходимо упомянуть капитул Верные шотландцы (№ 72), в котором в 1922 г. председательствовал Л. Д. Кандауров. В этом капитуле прошли посвящение в следующие степени П. А. Бурышкин, С. А. Посохов, Н. А. Шумицкий, Ф. Ф. Макшеев, А. И. Мамонтов, В. Д. Аитов, Б. В. Савинков, П. И. Кугушев. Другим центром стал капитул Милосердная дружба, в который преимущественно вступали члены Англо-Саксонской ложи. Секретарем этого капитула был Н. В. Маринович, казначеем — С. А. Посохов, членами — П. А. Бобринский, М. Я. Имханицкий и В. Д. Аитов.

Важную роль в становлении российского масонства в эмиграции играл и ареопаг Лютеция, в который входили Л. Д. Кандауров, С. А. Посохов и Ф. Ф. Макшеев — фактические руководители эмигрантов — вольных каменщиков.

12 февраля 1920 г. в Париже была основана еще одна группа вольных каменщиков — Объединение (Федерация) славянских масонов *[Статуты Объединения славянских масонов см.: ЦХИДК. Ф.111. Оп.1. Д.324]*. В качестве главной задачи Объединения было провозглашено слияние воедино всех славянских масонских союзов. 6 июня 1920 г. временные руководители Объединения славянских масонов были официально избраны на свои посты. Президентом стал М. К. фон Мекк, вице-президентом — польский министр иностранных дел С. Патек, секретарем — С. К. Маркотун, помощником секретаря — Н. В. Маринович, казначеем — Н. И. Наумов (в «профанской» жизни — служащий банка).

Члены Объединения считали, что необходимо идти не по пути создания русских лож, а затем Верховного Совета русского масонства, а стремиться к объединению славян — вольных каменщиков в капитуле. Предполагалось, что одной из основных задач капитула станет антибольшевистская пропаганда, помощь для ведения которой предполагалось получить из Великобритании и США *[См. переписку масонских организаций с Н. В. Чайковским: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.604. Л.1–5]*.

Однако уже в 1921 г. стало понятно, что Объединение не может реально работать. М. К. фон Мекк уехал в Каир, С. Патек был назначен послом в Токио, С. К. Маркотун и Н. В. Маринович фактически порвали с русским масонством из-за разногласий с Л. Д. Кандауровым.

* * *

В апреле 1920 г., когда число русских масонов в Париже оказалось достаточным для основания независимой ложи, были предприняты конкретные действия в этом направлении. Группа русских масонов, преимущественно члены лож, работавших по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу, образовала инициативную группу, получившую название Предварительный Комитет по разработке плана учреждения русских лож в Париже. Основателями Комитета стали Н. В. Чайковский, Н. В. Маринович, Е. И. Кедрин, С. К. Маркотун, Л. Д. Кандауров, И. Н. Ефремов, И. И. Фондаминский-Бунаков, Ф. Ф. Макшеев, В. А. Нагродский, С. А. Посохов, Б. В. Савинков, С. А. Иванов и С. А Корф. Затем к работе Предварительного Комитета подключились В. Д. Аитов, Э. П. Беннигсен, П. И. Кугушев, А. И. Мамонтов, Н. И. Наумов, С. А. Соколов, П. А. Бобринский и Л. Х. Ревелиотти *[См.: Юпитер]*. Заседания Комитета проходили каждую четвертую субботу, на них обсуждались практические шаги по созданию независимого русского масонства в Париже.

Необходимость сбора средств для основания русского масонства требовала и какого-либо официального учреждения, которое бы не ограничивало сферу своей деятельности исключительно масонством, но одновременно являлось бы «прикрытием» для Предварительного Комитета. Такой орган был создан в январе 1921 г. в Париже и получил название русский благотворительный комитет Добрый Самаритянин (Le Bon Samaritain); его внутренний регламент был скопирован с масонских регламентов отдельных лож.

Президентом благотворительного комитета стал Н. В. Чайковский, вице-президентами — Е. И. Кедрин и С. К. Маркотун, генеральным секретарем — Н. В. Маринович, членами — В. Д. Аитов и П. А. Бобринский. В качестве своих основных

целей этот комитет провозгласил: оказание помощи жертвам Гражданской войны в России; налаживание системы продовольственной помощи; организацию трудоустройства и создание для этого трудового бюро; создание сельскохозяйственных колоний. Таким образом, Добрый Самаритянин должен был стать основой для активной социальной деятельности русских масонов, независимо от их политических взглядов, объединить вольных каменщиков при общем признании моральных основ и человеческих прав *[См.: Письма и воззвание «Доброго Самаритянина» и ответы на письма Н. В. Чайковского // ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.608. Л.2]*. Предполагалось обратиться за помощью к масонам других стран и в первую очередь к американским вольным каменщикам *[См.: Там же. ЛЛ.4, 7]*.

Важным делом в области взаимопомощи было создание в 1919—1921 гг. Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Вдохновителями и руководителями данного Комитета стали вольные каменщики Великой Ложи и Великого Востока Франции: Р. М. Бланк, Н. В. Чайковский, А. Д. Нессельроде, С. А. Иванов, В. М. Зензинов, М. А. Алданов, И. И. Фондаминский-Бунаков, И. Н. Ефремов, В. К. Агафонов, В. А. Маклаков, С. И. Метальников, Н. В. Тесленко, Д. М. Одинец, А. В. Карташев, П. П. Гронский, С. В. Познер, М. А. Осоргин и др. Созданный по инициативе масонов, Комитет уже в середине 1920-х гг. превратился во влиятельную общественную организацию, деятельность которой далеко выходила за рамки братства вольных каменщиков. О деятельности Комитета см.: *Кельнер Е. В., Познер В. Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции. (Из архива Соломона Познера) // Russian Studies. СПб., 1994. Т.I. С.269—320.*

Вот как описывает этот период в своих воспоминаниях 1948 г. П. А. Бобринский:

«Вскоре после моего посвящения (10.X.1920) осенью того же 1920 года я был приглашен С. А. Посоховым на его маленькую квартиру на rue Marcadet на Монмартре, чтобы встретиться

с другими русскими братьями. На этом собрании присутствовали, кроме самого хозяина и представившего меня в Англо-Саксонскую ложу бр.·. Мариновича, братья Аитов и Мамонтов, служивший в русском консульстве в Париже седой, но моложавый кн. Кугушев и сам российский консул Леонтий Дмитриевич Кандауров, с которым я тогда впервые познакомился. Из этого первого с ним соприкосновения я вынес большое впечатление, как от него самого, так и от значительности и таинственности предпринимаемого нами дела — организации русского масонства заграницей, в целях введения его затем в России, сразу же по установлении там демократического строя. Тогда, несмотря на уже ясно обозначившийся провал белого движения, это казалось вопросом недалекого будущего...

За этой первой встречей последовали другие. На этих частных совещаниях, которые происходили зимою 1920—1921 года, как и первое, на частных квартирах, я познакомился с другими русскими братьями: Ф. Ф. Макшеевым, женатым на сестре Л. Д. Кандаурова, сыгравшим одну из первых ролей в первоначальный период русского масонства; В. А. Нагродским, мужем известной писательницы, впоследствии деятельной сестры "Droit Humain"; с небезызвестным украинским деятелем Маркотуном, бывшим досточтимым киевской ложи "Нарцисс", мартинистом и братом 90-й степени рита Мизраим, приобщившимся к одной из лож Великого Востока; кадетом Кедриным, разошедшимся с Милюковым и образовавшим диссидентную группу Народной Свободы; графом Э. П. Беннигсеном <...> На одном из этих частных совещаний, уже весною 1921 года, было решено образовать "Инициативную группу" по организации русского масонства и собираться впредь регулярно в нейтральном месте. Таковым была выбрана большая "Таверна" на углу rue Sufflot и Boulevard St. Michel, около Пантеона <...>, где с того времени и стали происходить наши совещания.

Помню хорошо эти собрания в небольшом, мало уютном кабинете на втором этаже, без окон, довольно тускло освещенном электричеством. На первом же собрании, которое состоялось летом 1921 года, председателем "Инициативной Группы" был избран бр.·. Кандауров. В состав же группы вошли, кроме уже перечисленных мною братьев, еще бр.·. Наумов (посвященный в 1919 году в ложу La Fraternité des Peuples), генерал Марченко, бывший начальник Николаевского кавалерийского училища, приехавший из Швейцарии старый политический эмигрант Ефремов, народный социалист, как и Н. В. Чайковский, и Б. В. Савинков, социалист-революционер и террорист, автор революционных романов.

Леонтий Дмитриевич вел наши собрания с обычной для него властностью и непримиримостью к чужому мнению. В результате уже с первого собрания присутствовавшие раскололись на два противоположные лагеря. С точки зрения одних, нашей первой, очередной задачей должно было быть учреждение русской символической ложи в составе всех участников группы. Вопрос о высших градусах должен был быть отложен до времени, когда он естественно возникнет в ходе организационного роста русского масонства. Таким образом, сторонники этой точки зрения, которую с особым рвением отстаивали братья Посохов и Маркотун, отнюдь не отрицали значения высших градусов, но видели в постепенном строительстве, на твердых основах снизу, непременное условие успеха. Противоположный лагерь возглавлял сам Леонтий Дмитриевич, деятельно поддерживаемый братом Макшеевым. Их точка зрения заключалась в том, что организовывать нужно сверху, "авторитетно", а потому начать с учреждения масонской мастерской возможно высшей степени. Такой мастерской, по их мнению, на первое время должен был стать русский розенкрейцеровский капитул.

Таким образом, обозначился первый идеологический конфликт в еще краткой истории нашего общего дела. Расхождение сразу же обострилось, и уже второе собрание Инициативной группы приняло чрезвычайно бурный характер. Обе стороны оказались непримиримыми и не хотели уступать. Наконец вопрос был поставлен на голосование, и небольшим большинством голосов был принят проект бр.·. Кандаурова. В результате этого решения — и это показывает, насколько разгорелись страсти, — братья Посохов, Маркотун и Маринович покинули собрание, а первые два, Посохов и Маркотун, окончательно вышли из состава Инициативной группы».

С. К. Маркотун, Н. В. Маринович и С. А. Посохов вышли из предварительного комитета 23 июня 1921 г. и больше никакого участия в создании русских лож не принимали. Все трое требовали, наряду с другим, исключения из Инициативной группы Б. В. Савинкова за его деятельность в Варшаве.

«Сейчас, в уже почти исторической перспективе четверти века, — продолжает П. А. Бобринский, — ясно, что практического значения этот раскол не имел и что, конечно, было легко его избежать при более гибком управлении нашими трудами... На третьем собрании Инициативной Группы, которое прошло вполне миролюбиво, так как оппозиция отсутствовала, было принято решение назвать новоучреждаемую мастерскую "Астрея", в память о Великой Ложе "Астрея"... Было решено немедленно по учреждении капитула основать и символическую ложу, под тем же титулом "Астрея" — по примеру "Trinitaires", имевших в нашей юрисдикции розенкрейцеровский капитул и синюю ложу того же названия.

Хлопоты по учреждению ложи были поручены бр.·. Ф. Ф. Макшееву» *[Воспоминания П. А. Бобринского цит. по: Бурышкин]*.

Приняв решение о создании русской ложи в Париже, Инициативная группа поспешила заручиться поддержкой Великой

Ложи и Верховного Совета Франции. В петиции, которая была им послана, были обозначены следующие мотивы и условия:

«1) Необходимо создать русское масонство для переноса его в Россию.

2) Это в интересах Ордена вообще и Французского масонства особливо, обе страны в понимании членов группы связаны исторически как в прошлом, так и в будущем. Русское масонство будет проводником этой идеологии.

3) Необходимо регуляризировать те русские ложи, которые существовали в России перед революцией.

4) Первой русской ложей должна быть ложа высших градусов, состоящая уже из опытных русских братьев, способных руководить посвятительной наукой молодых. Создание с самого начала синей ложи неизбежно сделало бы из нее трибуну политических распрей масонов неопытных и незнакомых с духом Ордена.

5) Ввиду сего Группа полагает разумным основание сначала Русского Капитула, члены коего обязались бы: а) перенести его в Россию по миновании советского террора, б) все члены обязуются быть в то же время членами французских капитулов, пока они в Париже, в) 30% членов этого Капитула будут в первое время французские братья, и работы будут вестись на французском языке» *[Юпитер]*.

«Инициативная группа подняла также ходатайство перед Лигой Наций о назначении представителя русской эмиграции помощником Комиссара по делам русских беженцев. Это ходатайство поддержали представители Лиги Наций от Сербии, Болгарии, Чехии и Финляндии». И. Н. Ефремов «был командирован для этого в Женеву, но его попытки окончились ничем, так как выбор такого представителя всеми беженскими организациями всех стран был бы невозможен» *[Там же]*.

Работа по образованию капитула была проведена с чрезвычайной быстротой. Все формальности были выполнены

Л. Д. Кандауровым, как вспоминает П. А. Бобринский, «в рекордный срок». Инициативная группа провела свое первое заседание на квартире Ф. Ф. Макшеева 21 декабря 1920 г., а уже 26 февраля 1921 г. была обсуждена смета по образованию капитула. В июне того же года Верховный Совет Франции разрешил открыть капитул Астрея, 21 октября — утвердил конституцию мастерской.

Большую роль в образовании русского капитула Астрея сыграл П. А. Бобринский, который являлся председателем группы по образованию розенкрейцерской мастерской. Благодаря денежному взносу А. И. Путилова удалось перевести вопрос о русском капитуле в практическую область.

Л. Д. Кандауров в своей «Записке» писал, что создание русского масонства во Франции встретило противодействие со стороны советской власти. Возможно и безосновательно, он считал, что «Чека этому всячески через своих агентов противилась. Это выражалось как в распускании всяких вздорных слухов (о черносотенстве русских братьев, о том, что они получают субсидии от одного иностранного правительства, о том, что многие из них, вследствие их деятельности в мире профанском, находятся накануне привлечения к уголовной ответственности), так и в прямой обструкции со стороны членов Комитета, находившихся на службе у Чеки. Кроме того, применялся и испытанный способ ссоры русских братьев, как между собой, так и с французскими братьями» *(Записка Кандаурова)*.

Русский капитул Астрея был торжественно инсталлирован 15 ноября 1921 г. Ему был присвоен № 495 в списке французских лож высших степеней. Свои заседания он стал проводить в 1-ю субботу каждого месяца в помещении Великой Ложи Франции на рю Пюто. Первыми руководителями капитула Астрея стали: Л. Д. Кандауров (председатель), П. И. Кутушев (казначей), Ф. Ф. Макшеев и Н. В. Маринович (соответственно 1-й и 2-й стражи). Видную роль, помимо перечисленных лиц,

в капитуле играли также А. И. Мамонтов, Г. Б. Слиозберг, Э. П. Беннигсен и Н. И. Наумов *[См. о работе капитула в первые годы его существования протоколы мастерской: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.13; Д.20].*

С открытием капитула Астрея деятельность Инициативной группы была завершена, ее архив был сдан капитулу, к которому перешло теперь все руководство русским масонским движением. Прекратило свое существование и общество Добрый Самаритянин.

Известно о нескольких докладах, прочитанных в капитуле в 1922 г. (на французском языке), несмотря на то, что он занимался преимущественно вопросами создания русского масонства во Франции.

2 февраля 1922 г. в капитуле с докладом «Русский вопрос и планы возрождения России» выступил А. И. Мамонтов. 21 июля того же года Г. Б. Слиозберг рассказал об «Истории каббалы». 3 ноября тот же докладчик выступил с сообщением «Философия истории у О. Шпенглера ("Der Untergang des Abendlandes")». В обсуждении данного доклада приняли участие Ф. Ф. Макшеев, М. Г. Казаринов, Э. П. Беннигсен, а также французские братья: Албахари, досточтимый мастер французской ложи Пламенеющая Звезда, и О. Вирт.

1 декабря 1923 г. о символизме у древних и в примитивном искусстве рассказал П. А. Половцев. В обсуждении приняли участие Албахари, П. А. Бобринский, А. А. Лобанов-Ростовский, А. А. Мордвинов, А. В. Давыдов, Д. А. Шереметев, А. П. Клягин, Г. Б. Слиозберг и О. Вирт.

Выборы офицерского состава капитула на 1924 г. принесли в мастерскую важные изменения. Председателем капитула стал Н. В. Чайковский (занимал этот пост по 1925 г.), оратором В. Д. Аитов, канцлером (секретарем) Э. П. Беннигсен (был на этом посту по 1927 г.), 2-м стражем А. И. Мамонтов.

Назовем некоторые доклады 1924 г. в русском капитуле.

В марте 1924 г. о «Кризисе философии и оккультизме» рассказал Н. Л. Голеевский (см. также: *ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.607. Л.32*).

6 июня П. А. Бобринский выступил с докладом «Пути русской религиозной философии», в обсуждении которого приняли участие А. А. Мордвинов, Ф. Ф. Макшеев, Н. Л. Голеевский, Э. П. Беннигсен и С. А. Соколов.

4 июля 1924 г. Г. Б. Слиозберг рассказал о «Возникновении Розенкрейцерства» (о докладах П. А. Бобринского и Г. Б. Слиозберга см. также: *Там же. Д.604. Л.10, 11*).

14 января 1922 г. была инсталлирована и первая русская «синяя» ложа в Париже (№ 500), названная в честь Директоральной ложи начала XIX в. Астреей. Основателями ее стали: Ф. Ф. Макшеев, А. И. Мамонтов, Д. С. Навашин, Н. В. Маринович, В. Н. Скрябин, В. Д. Аитов, С. А. Соколов (Кречетов), П. А. Бобринский, Г. Б. Слиозберг, А. И. Путилов, Э. П. Беннигсен, Ю. О. Бурнштейн, Н. В. Чайковский, П. И. Кугушев, Н. И. Наумов, М. А. Артамонов, Л. Д. Кандауров и В. А. Нагродский.

Особенностью инсталляции ложи было присутствие делегации Верховного Совета Франции — случай исключительный для «синих» лож, что подчеркивало связь с одноименным русским капитулом.

Первым «венераблем» ложи стал Ф. Ф. Макшеев, пост секретаря занял А. В. Давыдов, депутатами ложи были избраны Н. В. Чайковский и В. Д. Аитов.

С первых же дней своего существования ложа в основу своих работ положила рассмотрение «общих и социальных вопросов», т. е. проблем русской эмиграции, возрождения России, начал символики, связи с русским братством. Во внутреннем уставе ложи Астрея было записано в первом пункте: «Каждый

вступивший в ряды Русск.·. Воль.·. Кам.·. тем самым признает, что он не может быть неверующим и атеистом и что, наоборот, он становится борцом за дух и за свободу духа против материализма и безбожия». В том же документе было установлено, что «ложа должна стремиться не к увеличению количества братьев, но лишь к их высокому качеству. Таковыми качествами должны почитаться не только ум, образованность и знания, но и способность к восприятию мас.·. настроений и бр.·. единения в духе Вн.·. Уст.·., а также порядочность, верность слову, жертвенность и активная любовь к людям» *[ЛА. См. также печатный внутренний регламент ложи: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.10. Л.62 и сл.]*.

Значительная часть времени первоначально уходила на посвящение в масонство новых членов, аффилиацию русских братьев. До конца 1922 г. в ложе Астрея были посвящены В. Н. Бухало, П. А. Мещерский, врач С. Я. Зильберштейн, банкир А. З. Иванов, доктора права А. П. Нагель, С. С. Новосёлов и А. А. Фрейганг, промышленник и инженер А. П. Клягин, бывший гвардеец А. А. Лобанов-Ростовский, поручик В. Н. Скосырев, промышленник Я. Х. Кузнецов, музыкант Н. К. Авьерино, гвардейский офицер Д. А. Шереметьев, журналист Е. В. Ратнер, Е. А. Буткевич, адвокат Л. М. Берлин, банкир и переводчик, будущий редактор «тетрадей» «Возрождение» И. И. Тхоржевский, В. Л. Вяземский, офицер М. Н. Фрост, журналист Ю. Ф. Семёнов, Б. В. Дезобри, М. Г. Казаринов, историк Д. М. Одинец, промышленник С. Г. Лианозов, А. А. Бобринский, И. А. Кривошеин, М. Н. Сейделер, присоединились к ее работам А. А. Мордвинов, Г. Ф. Гофман, А. Н. Скрябин, П. А. Соколов, А. А. Морской, В. Е. Ден, генерал П. А. Половцев, И. Ф. Штерн. Всего к концу года в ложе было уже около 60 братьев.

В 1923 г. ряды ложи вновь значительно пополнились благодаря посвящению В. Д. Кузьмина-Караваева, бывшего флотского офицера П. М. Соймонова, Р. Р. Унгерн-Штернберга, Т. С. Бурмистрова, Л. Л. Афанасьева-Малиновского, С. А. Голенищева-Кутузова,

Ю. Ф. Волошинова, А. П. Волконского, бывшего гвардейского артиллериста и актера В. К. Никитина, А. С. Волковысского, инженера С. Г. Ротинова, П. Л. Штейнгеля, К. Н. Хагандокова, Б. А. Гуревича, журналиста В. Е. Татаринова, А. Р. Гернгросса, певца С. С. Леонарди, А. В. Амилахвари, Н. П. Вакара, бывшего офицера П. В. Погожева, И. А. Кистяковского, Г. А. Извольского, И. И. Гайдарова и присоединению М. Я. Берлина, Д. С. Пасманика, В. В. Парсонса, В. В. Лыщинского-Троекурова, Б. А. Фюрстенберга, П. А. Ливена и В. В. Кочубея. За два года существования число членов ложи превысило сто человек.

Протоколы заседания ложи 1922–1924 гг. см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.13 а;* журнал посещений: *Там же. Д.15.* О деятельности ложи в 1922 г., в том числе и ее внутренний регламент см.: *Там же. Д.10.*

С самого начала ложа установила связи с другими центрами русской эмиграции, поскольку А. А. Фрейганг жил преимущественно в Бельгии, а В. Н. Скосырев и С. А. Соколов перебрались в Берлин.

В 1923 г. Ф. Ф. Макшеев и А. В. Давыдов остались на своих прежних постах (досточтимого мастера и секретаря). Другие офицерские должности занимали: 1-го стража А. И. Мамонтов, 2-го стража Э. П. Беннигсен, оратора Г. Б. Слиозберг, казначея Н. И. Наумов.

Из «зодческих» работ в ложе Астрея в 1922–1923 гг. известны следующие:

15 апреля 1922 г. С. А. Соколов говорил об «Основных принципах русского масонства (развитие русского организованного масонства)» (затем этот доклад был повторен С. А. Соколовым в ложе Великий Свет Севера. См.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.13 а. Л.17; Д.13. Л.289*);

24 ноября того же года С. С. Новосёлов — «О трудовой помощи русским беженцам» (см.: *ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.604. Л.61*).

К 1923 г. относится доклад В. Д. Аитова о метафизике; в том же году, в частности:

10 марта — С. Г. Лианозов. Русская нефть и мировая политика;
14 апреля — И. И. Тхоржевский. Об истории аграрной проблемы в России;
10 ноября — В. Е. Ден. Брат Жозеф де Местр в России (см.: *Там же. Ф.730. Оп.1. Д.189 а. Л.11–21*).

За Астреей последовало открытие и других русских лож: Северное Сияние и Гермес, а 13 апреля 1922 г. был формально основан и Временный комитет российского масонства — прообраз предполагаемой Великой Ложи, но он изначально бездействовал, и вся административная работа была сосредоточена в руках Л. Д. Кандаурова и его ближайших помощников по капитулу Астрея. Лишь впоследствии Временный комитет нашел себе логическое развитие в Совете Объединения русских лож Шотландского Устава.

Временный Комитет состоял из следующих братьев: Л. Д. Кандауров (председатель), Г. Б. Слиозберг (вице-председатель), В. Д. Аитов (казначей), А. И. Мамонтов (секретарь), П. А. Половцев. Главной функцией Временного Комитета было заведывание финансовыми делами российского масонства. «Прикрытием» этой организации было Русское сообщество интеллектуального сотрудничества, где должности были распределены таким же образом.

В. Д. Аитов вспоминал о составе русского масонства первых лет: «Купцы, интеллигенты, чиновники, военные, столбовые дворяне, евреи, инородцы, социалисты, монархисты, православные, мусульмане, безбожники. Люди, которые в других условиях никогда не встретились бы друг с другом, не оценили и не полюбили бы друг друга. Их объединила одинаковая любовь к родине и желание ей служить. Наша духовная и идеологическая спайка была так велика, что русское масонство является единственной русской организацией, которая сохранила в эмиграции свое един-

ство. Все другие раскололись: было два союза адвокатов, два союза инженеров, две академические группы. Даже православная церковь состояла из трех частей» *[Воспоминания В. Д. Аитова здесь и ниже цит. по: Бурышкин]*.

Самой крупной силой во всей массе уже многочисленного русского масонства продолжал оставаться Л. Д. Кандауров, а его ближайшим помощником стал Г. Б. Слиозберг, занявший в Ордене вольных каменщиков с первых дней своего вступления исключительное положение.

Здесь уместно привести характеристики руководителей русского масонства, которые дал в своих воспоминаниях В. Д. Аитов, потому что личности руководителей играли огромную роль в создании российского братства.

«Могучим сеятелем» русского масонства был, несомненно, Л. Д. Кандауров (1880—1936). «Среднего роста, широкоплечий и плотный, с круглым лицом и большим лбом, от всей его фигуры исходила необычайная решимость и энергия. Кроме того, он обладал железной волей, был бесконечно деятелен, прекрасно разбирался в людях и умел, что довольно редко, соединять свой отвлеченный идеал с практическими необходимостями ежедневной жизни. До известной степени даже цель для него оправдывала средства, и, конечно, это свойство еще помогало ему успевать в его работе. Но я должен сказать, что он не злоупотреблял этим свойством и что он всегда подчинялся в важных вопросах покойному бр.·. Генриху Борисовичу Слиозбергу, с которым он был очень тесно связан и который имел на него большое влияние.

Помню, как один раз Леонтий Дмитриевич сказал Генриху Борисовичу в полушутливом тоне, что он может получить для нужд русского масонства довольно крупную сумму денег, через посредство одной дамы, которая жила с богатым стариком. Говоря и ехидно улыбаясь, Леонтий Дмитриевич смотрел в упор на

бр.·. Генриха Борисовича. Тот слушал молча с опущенными глазами и выражением полного безразличия. Потом Генрих Борисович посмотрел на Леонтия Дмитриевича и отрицательно покачал головой... и богатый старик сохранил свои деньги».

А вот как В. Д. Аитов вспоминает Г. Б. Слиозберга:

«Генрих Борисович родился в 1863 году в бедной еврейской семье. Его отец был меламедом, т. е. учителем в еврейской школе. Он сам учился в такой же школе и готовился быть раввином. Но судьба решила иначе, и когда ему исполнилось 12 лет, он поступил в русскую гимназию, к которой он подготовился в несколько месяцев; для этого ему пришлось изучить, помимо других предметов, и русский язык. Он выдержал блестяще все экзамены в третий класс, но он так плохо и с таким акцентом говорил тогда по-русски, что директор гимназии посоветовал его отцу отдать его во второй класс.

Впоследствии Г. Б. стал в Петербурге известным адвокатом. Способный, умный, спокойный и тихий, он отличался своей доброжелательностью и добротой. Выражение его бледного лица в очках, с белой бородой, было немного суровое, но тем не менее всегда ласковое. Но главной его чертой была редкая одухотворенность. Все свое детство Г. Б. провел в изучении Библии, в которой на каждой странице Божество участвует в жизни своего народа. Это оставило в его душе неизгладимый след. Божество было для него чем-то реальным и близким, и Генрих Борисович безусловно имел с Ним конкретное общение; это не только чувствовалось, но и передавалось окружающим.

Г. Б. был исключительным помощником для Л. Д. во Временном Комитете, и это сочетание двух настолько разных личностей было для начинающегося русского масонства одним из залогов успеха. Л. Д. выбирал людей, входил в малейшие детали, обдумывал каждую мелочь. Можно сказать, что ничего не делалось в масонстве без его ведома и одобрения. Он был прекрасным

организатором и жил исключительно для масонства. А Генрих Борисович своим влиянием давал организации духовно-общественное направление, пропитанное истинно-русским патриотизмом. Это не значит, что чисто материальные вопросы его не интересовали. Нужны были деньги: Л. Д. их доставал среди масонов, но сравнительно небольшими суммами, главным образом ежемесячными взносами. Г. Б. получил сразу 150.000 франков от одного богатого банкира-патриота, которого он убедил в том, что масонство может сыграть очень полезную роль в России».

Говоря о ближайших помощниках Л. Д. Кандаурова в ту пору, нельзя не вспомнить и Александра Ивановича Мамонтова (1869–1936), много поработавшего на пользу масонства на более скромных и незаметных ролях. Происходивший из семьи известных промышленников, А. И. Мамонтов был большим любителем искусства и хорошим музыкантом, нередко изображавшим при посвящении «колонну гармонии». Прежде он был членом правления крупного металлургического завода и имел близкие связи с представителями французского капитала в России. Попав рано в эмиграцию, он быстро прошел по ступеням посвятительной лестницы, что многих удивляло, поскольку вопросы ритуала и символики не были его специальностью. Но в вопросах политических и материальных А. И. Мамонтов был незаменим и проявлял необычайную преданность масонству до последних лет своей жизни.

По воспоминаниям В. Д. Аитова, особое значение имела работа в масонстве трех лиц, которые «создали» душу русского братства. Это «бр.·. Пасманник — сила, бр.·. Кузьмин-Караваев — разум и бр.·. Чайковский — любовь».

«Бр.·. Даниил Самойлович Пасманник родился в 1866 году в культурной еврейской семье. Когда он окончил медицинский факультет в Женеве, он был оставлен при университете для занятия кафедры. Но Даниил Самойлович увлекся общественной

жизнью и стал играть роль в революционном и социалистическом движении. Он был другом Ленина, что не мешало ему принимать участие в сионизме. Когда началась первая великая война, бр.·. Даниил Самойлович за революцией открыл Россию и стал сторонником войны до конца.

Даниил Самойлович был человеком совершенно исключительной энергии и он о себе не думал. В молодости он страдал хронической формой туберкулеза легких, на которую он обращал внимание постолько, посколько она мешала ему работать профессионально или на общественном поприще. У него было темное изможденное лицо с черной с проседью бородой. Когда он вставал, чтобы говорить, все думали, что он сейчас упадет. Но скоро его глаза зажигались, какая-то огромная сила в нем развивалась, и он — я думаю, что таковы были еврейские пророки, — своим горячим словом зажигал в наших сердцах любовь к родине, любовь к человечеству, любовь к социальной справедливости. Даниил Самойлович умер в 1930 году, и его вдохновенная сила от нас ушла навсегда».

«Бр.·. Кузьмин-Караваев был совсем в другом духе. Владимир Дмитриевич, внешне во всяком случае, был человеком спокойным, человеком науки, логики и холодного разума. Родился он в 1859 году в богатой дворянской семье. Он кончил Пажеский Корпус и потом поступил офицером в кирасирский полк. Богатый, очень красивый, бр.·. Кузьмин-Караваев мог бы ограничиться блестящей светской жизнью гвардейского офицера, но ему нужно было что-то другое. Он поступил в Военно-Юридическую Академию, которую он кончает в 1890 году, — и скоро там же получает кафедру. Несколько лет он посвящает себя науке, в которой создает себе выдающееся положение. В 1905 году он подает в отставку и отдает себя общественному служению; первое место он скоро тогда занимает в первой революции в рядах либеральной оппозиции. И вот, человек с таким прошлым,

когда ему исполнилось почти 65 лет, поступает в ложу "Астрея". Я помню, как на первой агапе после своего посвящения Владимир Дмитриевич, как все ученики, прислуживал ко столу. Но скоро он стал нашим учителем. Спокойно, с беспощадной логикой он освещал самый сложный вопрос. В нем говорил, как будто, исключительно разум. Но в нем горело пламя веры, что человек может совершенствоваться помимо всяких умственных качеств и в этом залог будущего».

«Третий наш учитель был брат Николай Васильевич Чайковский. Через всю жизнь Ник. Вас. проходит красной нитью характерная черта: с молодых лет до последней минуты жизни он искал только возможности морального и духовного совершенствования, для того, чтобы принести пользу своему народу. Таким образом, Ник. Вас. был масоном 50 лет до своего посвящения, ибо одна из главных задач Вольного Каменщика есть совершенствование для блага других. В 1872 году (ему было тогда 22 года) бр.·. Ник. Вас. образовал в Петербурге тайный кружок, как раз целью которого было личное совершенствование в самом широком смысле этого слова. Скоро по всей России образовалось 50 таких кружков. Каждый кружок изображал как бы ложу, которая своими представителями — мы сказали бы, своими депутатами — сносились с другими ложами и центром. Эта организация привела к знаменитому движению в народ. Когда все эти люди пошли в народ, чтобы мирно учить крестьян, как нужно строить жизнь, — это, может быть, было не ярко, но в истории нет более замечательного, более красивого, более идеалистического политического движения. После неудачи этого движения, когда в революционных кругах стала преобладать идея насилия, идея террора, — Ник. Вас. покинул Россию и поселился в Америке, где в религиозных поисках он старался найти те условия, при которых человеческое общество может жить свободно, мирно и счастливо. Это ему не удалось, но он продолжал

искать, и вот в 1919 году он был посвящен в Англо-Саксонскую ложу. Не знаю, нашел ли Ник. Вас. истину у нас. Но я знаю, что он был нашим учителем; я знаю, что своим примером, своими прекрасными вдохновенными речами, своим истинным и проникновенным пафосом он создавал нашу коллективную душу; я знаю, что он давал нашему молодому масонству свое внутреннее содержание и что он вливал в наши традиционные ритуальные формы тот дух истинного Вольного Каменщика, с которым он родился.

Этот дух был дух любви. Он жил с этим духом до конца своей жизни и умирая, его последнее слово было: любовь».

В самом деле, за несколько дней до смерти, в день Пасхи, 4 апреля 1926 г. больной Чайковский написал братьям письмо, где между прочим говорил: «Такой большой день, а я так беспомощен, что ничем не могу проявить себя во имя его... Вот то лучшее, что у меня есть на душе для людей... Тайна жизни — любовь... Великая же истинная любовь есть всегда жертвенное горенье, как свеча перед иконой, души, томимой жаждой выявиться, осуществиться в творении, так что в творении победа жизни над смертью и разрешение ее тайн. Блаженны любящие, верующие и творящие, ибо они обладают всеми тремя: Любовью, Верой и Надеждой...» *[Письмо Н. В. Чайковского цит. по воспоминаниям П. А. Бобринского; см. также: Н. В. Чайковский. Сб. статей. Париж, 1929]*.

Организация и ритуальный порядок работ складывались постепенно, но с самого начала был установлен тот метод, по которому работали русские мастерские. Собрание состояло из двух частей: торжественное заседание в храме и его ритуальное продолжение — братская агапа. Этот метод, необычный для французских послушаний, вполне соответствовал традициям старого русского масонства, где застольные ложи были одним из главных элементов масонской активности, и особенностям жизни в

условиях эмиграции. Собрания начинались сравнительно рано в храме, а заканчивались застольной беседой, где обычно шло обсуждение заслушанного или делались сообщения. Трапеза организовывалась на чисто братских началах, более состоятельные братья брали на себя главную тяжесть материальной стороны устройства, и все могли присутствовать и принимать участие в общей беседе. Если бы было нужно новое свидетельство ритуального значение масонских агап, то опыт русского зарубежного масонства мог бы служить убедительным примером. Не подлежит сомнению, что превосходно организованные трапезы способствовали сплочению русских масонов.

Первоначально русские ложи собирались на рю Пюто, но трапезы часто проводились в Тургеневском обществе, одним из руководителей которого был П. И. Кугушев.

Вот как вспоминает В. Л. Вяземский об этих застольных встречах:

«Как будто это было не 25 лет назад, а вчера, ярко стоят в моей памяти чудные вечера, которыми часто заканчивались наши собрания на Пюто, и происходившие на самой плас Пигаль в громадной студии, где помещалось так называемое "Тургеневское общество". Попечителем этой студии, совсем, как студия большого художника, с многочисленными картинами, разбросанной в поэтическом, "богемном", но красивом беспорядке мебелью, коврами и т. п., был наш бр.·. Пётр Иванович Кугушев. Все по мере сил помогали устройству агап, новогодних встреч, пасхальных "разговейных" столов, на которых высились огромные (специально где-то заказывавшиеся бр.·. Кугушевым) пасхи, куличи и т. п., происходивших при интимном, уютном освещении. Говорились прекрасные речи, создавалось какое-то особенное настроение. По большей части все заканчивалось импровизированными концертами, участниками коих, кроме автора этих строк, были братья, давно нас покинувшие: А. И. Мамонтов,

Ник. Конст. Аверьино, Андрей Лобанов-Ростовский, Борис Дезобри, Пётр Ливен... Но настали черные дни для Тургеневского общества. За недостатком средств оно было ликвидировано, но потребность в каком-то "своем частном" помещении для агап настолько привилась, что она и послужила поводом создания русского масонского дома 29 rue de l'Yvette» *[Цит. по: Бурышкин]*.

Некоторую трудность представлял вопрос ритуала; русского текста не было, пришлось переводить с французского языка и не только переводить, но и приурочить его к русским традициям и русским настроениям. Ритуал закрытия и открытия работ не представлял никакой трудности, но с обрядом посвящения дело было иначе. Ритуал Великой Ложи Франции был подвергнут некоторым изменениям. Ввиду того, что некоторые русские братья пришли из Англо-Саксонской ложи, которая работала по сокращенному Йоркскому обряду, ряд изменений был внесен в духе этого последнего, с введением некоторых особенностей, которые должны были отвечать старым русским традициям (например, текст русской молитвы). Но как бы то ни было, русский ритуал оказался удачным и позволял сделать церемонию посвящения торжественной. Доклады были, как упоминалось, редки, но каждый представлял собой событие, что объяснялось высоким культурным уровнем первых русских масонов. Одного имени докладчика было бы достаточно, чтобы наполнить масонский храм. Но не в выборе тем, не в ораторском искусстве докладчиков была причина высокой посещаемости.

На масонскую работу участники лож смотрели чрезвычайно серьезно, для них это было не исполнение долга, а подлинный праздник, которого с нетерпением ждали и к которому готовились. И такое настроение жертвенности и энергии было свойственно едва ли не всем без исключения. Это, конечно же, производило сильное впечатление на французских братьев, которые

посещали русские ложи. Подобный высокий настрой был тем более важен, что французские масоны, особенно из Великого Востока Франции, первоначально враждебно относились к «белым» русским.

В этой связи следует сказать, что первые русские масоны союза Великой Ложи Франции в начале 1920-х гг. придерживались в основном политических взглядов, которые были провозглашены в июне 1921 г. на съезде Русского национального объединения. Членами организационного комитета национального (зарубежного) съезда, а затем объединения были «идеологи» Астреи В. Д. Кузьмин-Караваев, Ю. Ф. Семёнов, Д. С. Пасманик, Г. Б. Слиозберг и (в будущем) Н. В. Тесленко. Съезд подтвердил верность принципу вооруженной борьбы с большевизмом и образовал «надпартийный» Русский национальный комитет. Его возглавил в качестве председателя президиума бывший масон А. В. Карташев (он же в 1923—1926 гг. редактировал «Вестник Русского национального комитета»), в руководство организации вошел и Е. П. Ковалевский. Местное отделение Русского национального комитета в Югославии возглавлял также масон, Н. Н. Салтыков. Провозглашая своей целью борьбу против большевизма, за единую неделимую Россию, масоны — члены Астреи хотели одновременно дистанцироваться от идеологии «национал-патриотизма». В мае 1924 г. Н. В. Тесленко вышел из состава Русского национального комитета из-за разногласий с монархистами и сложил с себя полномочия председателя правой группы Партии народной свободы.

В апреле 1923 г. русские вольные каменщики (в разное время) Г. Б. Слиозберг, В. К. Агафонов, Н. Д. Авксентьев, З. Н. Гиппиус, К. В. Мочульский и С. И. Метальников стали инициаторами создания (а затем и наиболее деятельными членами) Лиги борьбы с антисемитизмом *[См.: например: Последние новости. 1923. 11 апреля. № 914]*. Преодоление ксенофобии всегда

было важной проблемой в русском обществе, и, конечно же, пройти мимо проявлений антисемитизма российские вольные каменщики не могли. Ситуация осложнялась тем, что «правая» печать активно старалась переложить ответственность за развал Российской империи с монархии на «заговорщиков-жидов». Новое общество первоначально активно принялось за организацию многочисленных лекций, однако уже к середине 1920-х годов стало очевидным размежевание политических сил в русской эмиграции, что превращало выступления членов Лиги борьбы с антисемитизмом в национально-партийные сходки. Поэтому со второй половины 1920-х годов деятельность Лиги постепенно сворачивается, и вольные каменщики начинают уделять больше внимания организации взаимопомощи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РУССКОЕ МАСОНСТВО СОЮЗА ВЕЛИКОГО ВОСТОКА ФРАНЦИИ (1924–1939)

В 1920—1922 гг., как мы видели, русские масоны во главе с Л. Д. Кандауровым одновременно состояли и в Великом Востоке, и в Великой Ложе Франции. Это объясняется целым рядом причин, отметим лишь главные. Во-первых, у русских не было еще четкого представления о всех идейных различиях между двумя послушаниями: Великий Восток отвечал их стремлению к общественной деятельности, Великая Ложа Франции — движениям «русской души». Во-вторых, используя соперничество двух родственных масонских союзов, русские вольные каменщики добились быстрого признания и широкой внутренней автономии во Франции.

Активизация работ по Шотландскому Уставу и создание вертикальной структуры русского масонства означали, что Великий Восток уступил (и надолго) в идейной борьбе за влияние на русское масонское движение. Следует отметить, что это произошло вопреки интересу, который проявляли французские ложи Великого Востока к «русской проблеме».

Например, на заседания французских лож постоянно приглашались для выступлений русские и украинские масоны (М. С. Маргулиес, Н. Д. Авксентьев, Н. А. Шумицкий, С. К. Маркотун). Торжественно в Великом Востоке Франции была отмечена и реинтеграция 18 февраля 1920 г. В. А. Маклакова.

В 1923 г. идея создания русской ложи Великого Востока Франции была возрождена одним из основателей Партии социалистов-революционеров, председателем Предпарламента Н. Д. Авксентьевым и одним из организаторов союза и журнала «Освобождение» С. А. Балавинским, т. е. людьми, имевшими значительный общественный вес, тесно связанными с деятельностью Великого Востока народов России (признания которого даже пытался добиться С. А. Балавинский, но безуспешно) и не участвовавшими в эмигрантском масонском движении 1917—1922 гг. Иными словами, Великий Восток Франции, потеряв контроль над русскими масонами-эмигрантами «первого призыва», вновь занялся созданием русской масонской структуры.

Однако на практический путь работа по организации русской ложи в Великом Востоке Франции встала чуть позднее, с приездом в Париж М. С. Маргулиеса, который вместе с Н. Д. Авксентьевым возглавил инициативную группу. 26 ноября 1924 г. «было подано прошение Совету Ордена, 3 декабря Совет дал новой ложе конституционную грамоту, а 26 декабря состоялась ее торжественная инсталляция. Название "Северная Звезда" было выбрано в память о прежних русских ложах — в истории русского масонства было четыре "северных" и две "полярных" Звезды, — и этим подчеркивалась связь с прежним русским Братством Вольных Каменщиков» *[Северная Звезда. С.7]*.

Русские вольные каменщики хотели назвать ложу «Полярная Звезда», что говорило бы о передаче традиций петербургской мастерской начала XX века, но в послушании Великого Востока Франции такая ложа уже была.

На инсталляции присутствовал Б. Сэншоль, приезжавший некогда в Россию, что должно было символизировать преемственность старого российского и нового эмигрантского масонства. Была приглашена и небольшая группа гостей из Астреи: Л. Д. Кандауров, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. Л. Вяземский.

«Первым Досточт. Маст. был выбран бр. Н. Д. Авксентьев. Его крупный общественный опыт и дар руководства собраниями помогли сразу поставить работу ложи на достойную высоту и вести ее в традициях прежней русской интеллигенции. Ложа собиралась регулярно два раза в месяц — каждый второй и каждый четвертый четверг: торжественные заседания происходили в храме на ул. Кадэ, комитетские — сначала на частных квартирах, потом в храме на Кадэ» *[Северная Звезда. С.8–9]*.

В число 16 основателей ложи, кроме Н. Д. Авксентьева и М. С. Маргулиеса, входили: писатель М. А. Алданов; бывший офицер русского экспедиционного корпуса во Франции М. О. Бобровский; владелец ювелирного дела А. З. Вильк; бывший полковник Генерального штаба Н. Н. Пораделов; посол Временного правительства в Париже В. А. Маклаков; известный политический и революционный деятель С. А. Иванов; члены ложи Астрея В. Н. Бухало и А. С. Волковысский; упоминавшиеся в прошлой главе А. И. Грубер, Л. М. Вургафт, Я. Е. Поволоцкий; один из создателей Союза русских писателей и журналистов в Париже Б. С. Миркин-Гецевич; доктор медицины М. И. Рейтборже; Л. Юдицкий.

В брошюре о ложе указано, что учредителей было 15 *(Северная Звезда. С.8)*, П. А. Бурышкин же называет имена 16 основателей (см.: *Бурышкин, Д. Л. С. З.)*. Состав Северной Звезды, как указывает П. А. Бурышкин, был «первоначально <...> гомогенный, это был левый сектор русской общественности, где для масонства на первый план выдвигались цели морального и гуманитарного порядка, возможность занятия политикой не отрицалась, а ритуализм и символика уходили на вторую очередь» *(Бурышкин)*.

«С первых дней своей масонской деятельности ложа установила твердые основания, на которых должны были базироваться привлечение и прием новых братьев. В большинстве случаев ложа сама выбирала новых участников своей работы. Вопрос

о приеме ставился только после того, как ложа убеждалась, что выдвинутый кандидат пригоден и достоин включения в братскую цепь. Этот метод всецело оправдал себя, и редко какая ложа сумела объединить в своем храме такое число представителей интеллигенции, ученого мира, писателей, государственных и общественных деятелей. Братья с высшим образованием составляли подавляющее большинство членов ложи. Многие из них привыкли владеть пером или устно излагать свои мысли в понятной и внешне совершенной форме. Не возникало никакой трудности в выборе докладчика по любому вопросу — философскому, научному, литературному или социально-политическому: достаточно было поручить это одному из братьев, который именно в этой области за стенами храма пользовался широкой и заслуженной известностью» *[Северная Звезда. С.8]*.

До войны 1939 г. в ложу пришло еще 120 человек. Одни, как Р. М. Бланк, Л. А. Кроль, Д. М. Одинец, П. Н. Переверзев, В. М. Шах, были восстановлены в своих масонских правах; другие, в основном литераторы и политические деятели, как Я. И. Линцбах, Ак. О. Маршак, М. А. Осоргин, Е. Ф. Роговский, Я. М. Цвибак, С. В. Познер, Я. М. Шефтель, Г. Л. Тираспольский, присоединились к Северной Звезде; третьи (таковых было 85 человек) были посвящены в самой ложе. В числе принятых в Северную Звезду были, как правило, люди, широко известные в среде русской эмиграции, — промышленные и банковские деятели, врачи, ученые, литераторы, художники, политические деятели: А. С. Альперин, Р. И. Берберов, И. Я. Билибин, Г. Э. Вейнштейн, В. М. Вершинин, П. П. Гронский, Я. С. Гурович, В. В. Завадский-Корсак, В. Г. Колокольцов, М. А. Кроль, К. Р. Кровопусков, С. С. Крым, А. М. Кулишер, А. П. Ладинский, А. Б. Лаховский, И. С. Магат, Н. М. Мельников, С. И. Метальников, П. А. Нилус, А. А. Подобедов, М. М. Тер-Погосьян, А. И. Хатисов, Я. Л. Делевский, В. И. Якобсон и многие другие.

Благодаря руководству Н. Д. Авксентьева, занимавшего пост досточтимого мастера Северной Звезды в первые четыре года существования ложи, удалось избежать решений, которые бы пагубно сказались на мастерской. «В ответ на предложения союза с сербским масонством, безоговорочного сближения с другими иностранными ложами, в ответ на предложение выработать такую программу работ, в которой главную роль играли бы вопросы злободневности, — он призвал братьев к подлинной масонской деятельности и в первую очередь к непременному отречению от профанного мира. Он говорил о том, что цели масонства в нем самом и в его исканиях и в глубинном восприятии братского общения со всем человечеством» *[Северная Звезда. С.14]*.

Первоначально задача ложи рассматривалась «как средство для объединения усилий в защите интересов России перед французским общественным мнением, на которое стремились воздействовать через французские масонские ложи» *[Там же. С.10]*. Именно защита демократических идеалов, показ реальной обстановки дел в России — стали главными темами заседаний ложи. Первый же доклад, с которым выступил Н. Д. Авксентьев, назывался «Россия и французская демократия». 16 декабря 1925 г. М. А. Алданов рассказал о русском масонстве и декабристах, что было связано со столетним юбилеем выступления на Сенатской площади.

В 1925 г. перед конвентом Великого Востока Франции был поставлен «вопрос о восстановлении франко-русских отношений. Ложа напряженно готовилась к выступлению на Конвенте, и ее делегат бр. Авксентьев произнес настолько яркую и убедительную речь, что Конвент, выслушав ее, постановил отвергнуть предложение подготовительной комиссии и продолжать борьбу за демократические идеалы и в русском вопросе. Этот исключительный успех русской ложи на Конвенте привлек к ее деятельности общее внимание, и целый ряд бр., в частности

Н. Д. Авксентьев, М. С. Маргулиес и Л. А. Кроль, постоянно приглашались во французские ложи для сообщений по русским делам» *[Северная Звезда. С.10]*.

Особенно активен в антисоветской пропаганде в среде французов был М. С. Маргулиес (1868/69–1939). В. Л. Вяземский вспоминал: «Не могу не сказать несколько самых теплых слов о бр.·. Мануиле Сергеевиче Маргулиесе. Это был прежде всего человек, во многом походивший на Л. Д. Кандаурова. Бурного темперамента, выдающийся оратор, добрейший человек, этот брат должен быть золотыми буквами записан в истории русского фр.·.м.·. всех обедиансов. Его главнейшей заслугой было неутомимое ознакомление французских бр.·.бр.·. с сущностью большевизма в России. Он читал все советские газеты, собрал огромную документацию — политическую, экономическую, читал сам доклады в многочисленных ложах, организовывал доклады антибольшевистского характера. Тогда как мы большей частью говорим обо всем этом в нашей среде, для М. С. задачей номер один его мас.·. работы была именно эта пропаганда среди французов. Он ее доблестно осуществлял — честь ему, слава и вечный покой за это!» *[Вяземский. С.241]*.

Отметим, что М. С. Маргулиес был постоянным докладчиком на темы советской действительности не только в ложах. См., например, о его докладе 2 мая 1935 г. в доме русских трудящихся христиан «Положение в СССР после 7-го съезда Советов»: *Возрождение. 1935. 30 апреля. № 3618.*

Однако только борьбой с большевиками ложа не могла заниматься, иначе она утратила бы свой «русский характер» и стала бы лишь каким-то информационным центром для нужд французских масонов (руководство Великого Востока, надо сказать, русских масонов к этому подталкивало, не случайно лишь М. С. Маргулиес достиг высших степеней в Великом Востоке Франции).

Ложа постепенно занялась также изучением истории русского масонства и его традиций, ряд докладов был сделан о наиболее выдающихся деятелях масонства XVIII—XIX вв. — Н. И. Новикове, И. Г. Шварце, А. Ф. Лабзине, И. В. Лопухине. Стали в мастерской появляться и «доклады, в которых бр. сообщали ложе о результатах своих научных изысканий» *[Северная Звезда. С.11]*.

По-новому стали складываться и отношения с французскими братьями, совместно с которыми была образована франко-русская группа Se connaitre (Знать друг друга). Кроме того, была пробуждена франко-русская ложа La Rose du Parfait Silence (Роза Совершенной Тишины), которой некогда руководил Г. Н. Вырубов *[См.: Там же. С.10]*.

«Особенностью ложи "Северная Звезда" была углубленная и искренняя попытка возможно полнее осуществить в своих рядах идею подлинного братства» *[Там же. С.12]*. Особенно много сделал для популяризации идеи братства Михаил Александрович Осоргин (1872—1942). «Почти всегда, во всяком своем выступлении, будь то доклад или официальная речь оратора, он говорил хотя бы несколько слов о том, что братство является основным принципом, на котором масонство держится, и не случайно, говоря про масонское послушание, он называл его обычно не "Орден", а "Братство" вольных каменщиков. Он выдвигал, как основную цель масонов, искание истины, проникновение в великие тайны природы, познание тайн бытия, а осуществление этого искательства он видел только в братском единении вольных каменщиков. Он понимал отсутствие догм, отсутствие обязательных верований как следствие равенства братьев в ложе, на пути познания каковых не должно быть ничего стесняющего их свободу» *[Бурышкин. Д. Л. С.3.]*.

Если М. А. Осоргин и его сторонники в ложе вкладывали в понятие братства «смысл мистический и символический», то

«другие, как бр. Л. А. Кроль, были склонны настаивать прежде всего на его практическом осуществлении; но эта чисто формальная разница понимания не только не вредила идее братства, а напротив, способствовала ее обогащению <...>. В "Северной Звезде", как и в других ложах, были братья разного материального положения и стало быть разных материальных возможностей. Нужно было призвать к жертвенности одних, облегчить участь других и сделать это так, чтобы не разорвать братскую цепь» *[Северная Звезда. С.12]*.

Споры о мистическом или практическом понимании братства находили отражение даже в зодческих работах членов ложи. Например, свою точку зрения в докладе «Вольный каменщик и профанский мир» (5 декабря 1929 г.) представил М. А. Кроль. Настроение братского союза выразил в своем выступлении, озаглавленном «Мой масонский идеал», выдающийся ученый В. К. Агафонов, который сказал, что «постепенным подбором, постепенным самоусовершенствованием создается группа людей широко терпимых, отзывчивых, братьев по духу. В их среде будет расти и шириться истина, раскроются братские души и произойдет, пусть на мгновение, то слияние, которого так жадно ищет человек» *[ЛА]*. Об атмосфере истинного братства вспоминали все члены ложи, принимавшие в ее жизни активное участие. «Общение между братьями продолжалось и за пределами храма: по инициативе Л. А. Кроля бр. собирались утром, по воскресеньям, в кафе для дружеской беседы» *[Северная Звезда. С.12]*, и эта традиция сохранялась, пока были живы члены ложи.

Период истории ложи, когда русская проблема доминировала на ее заседаниях, закончился лишь в 1930 г. Апогеем стало проведенное 29 апреля этого года «белое закрытое заседание, устроенное по инициативе ложи "Анатоль Франс", где с докладом о положении в России выступал Керенский. В этом собрании участвовало более 800 братьев, и оно прошло с полным

успехом» *[Северная Звезда. С.10]*. Интерес к докладу А. Ф. Керенского понятен, так как он выступал с подобным же сообщением в январе 1930 г. во французской палате депутатов по приглашению радикал-социалистов и в Генеральной федерации труда. Конечно же, французские масоны не хотели ни в чем уступать парламентариям и профсоюзным деятелям.

Сходное собрание для выступления «профанов» (А. Ф. Керенского и П. Н. Милюкова) предполагалось устроить 10 мая 1932 г., однако оно не состоялось, поскольку Совет Ордена попросил его отменить, боясь каких-нибудь осложнений. Вместо этого А. Ф. Керенский был дважды приглашен выступить не на масонском собрании, а в зале Великого Востока Франции в мае-июне 1932 г. с открытыми докладами «Приказ № 1» и «От июльского восстания к Корнилову». 24 июня того же года в том же помещении вновь выступал русский «профан», писатель Е. И. Замятин (см.: *Хроника*). В качестве примера подобных же «информационных докладов» в Северной Звезде можно упомянуть еще о выступлении 5 октября 1930 г., на этот раз уже масона, Ф. С. Маркова, на тему «Государственное устройство России и масонство» (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.62. Л.40*).

Около 1930 г. в ложе исключительное и особое значение было придано приему молодежи. Инициатором выступил М. А. Осоргин, который подготовил по данному вопросу отдельный доклад. Он в частности сказал: «До сих пор мы особо старательно привлекали в Л.·. людей с именем, с общественным положением, с уже установившимися взглядами, обычно — с политическим прошлым. Этим мы достигли того, что Ложа наша составилась из квалифицированных интеллигентов и в этом отношении вероятно является исключительной по своему составу из всех Л.·. Великого В.·. Ф.·.

Но та же самая система отбора людей по их интеллектуальной ценности, при том людей сложившихся, камней шлифованных,

а не серых, приводит к тому, что в ней не производится и не может производиться важнейшая работа, для которой и существуют мастерские В.·. Кам.·. первого градуса: работа по отеске серого камня, по нравственному воспитанию людей. Самые эти выражения для нашей Л.·. лишены своего истинного значения и звучат формально и условно. Между учеником, подмастерьем и мастером в нашей среде разницы нет, она естественно утрачена. И наша мастерская, наш Храм скорее всего квалифицированного состава аполитический и внепартийный клуб, члены которого согласились выполнять полушутя-полусерьезно известные обычаи и ритуалы, чтобы оградить себя от легкого вторжения в их среду случайных элементов и достигнуть большей интимности общения. Нам эта интимность нравится, мы не чужды эмоций, допускаем известную степень театральной душевности бесед, оставаясь нестрогими рационалистами и непедантичными скептиками <...>

Идея Братства В.·. К.·. есть идея воспитания людей, идея упрочения в человеке человеческого, истребления в нем того, что в профанском мире людей разъединяет и восстановляет друг против друга. Задача Братства В.·. К.·., в его идеальном и исторически правильном понимании, есть насаждение братских начал в обществе, где слишком неподобающе высокое место занимает *борьба* идей, навыков и действий, и неподобающе низкое — их согласование. Вне этой идеи масонство есть только голая формула, архаизм и напрасная театральность.

Учить терпимости, человечности и братским чувствам, упражняться в этом благородном труде — можно с пользой лишь в среде людей, поддающихся воспитанию, готовых к самовоспитанию, восприимчивых, молодых, не сложившихся окончательно <...> Нужна нам молодежь, которой мы могли бы передать идеи, здесь нас объединившие: идеи терпимости к чужим убеждениям, независимости своих, высокой человечности и бескорыстного

общественного служения. Только работа над молодежью — рядом и совместно с нею — может сделать нашу мастерскую настоящим масонским храмом, а не случайно снятым для приятного клуба помещением» *[ЛА]*.

Призыв был услышан, и ложа Северная Звезда стала быстро пополняться новыми, молодыми по возрасту членами.

Изменение ситуации в ложе отразилось и на ее офицерском составе. Со времени основания ложи ее руководителем был Н. Д. Авксентьев (лишь на 1930–1931 г. молоток досточтимого мастера был передан П. Н. Переверзеву, бывшему для более молодых братьев «воплощением связи с былой русской общественностью и с "орденом русской интеллигенции"» *[Северная Звезда. С.14]*), оратором (до середины 1930 г.) — В. А. Маклаков, а 1-м стражем (по 1928 г.) — М. С. Маргулиес. Теперь эти масоны дореволюционной формации невольно уступили первенство в ложе А. С. Альперину (досточтимый мастер в 1933–1936 гг.), М. М. Тер-Погосьяну (досточтимый мастер в 1937–1938 гг.) и М. А. Осоргину (оратор в 1931–1933 и 1937–1938 гг., досточтимый мастер в 1938–1940 гг.).

В 1931 г., после кончины Л. А. Кроля, в ложе были введены ритуальные траурные заседания, что являлось первым признаком возвращения мастерской к посвятительно-символической стороне масонства. Этому же процессу, несомненно, способствовала деятельность нового оратора Северной Звезды — М. А. Осоргина, который «был одним из ее главных и любимых духовных руководителей. Масонская работа всецело занимала его внимание как в храме, так и за пределами храма» *[Там же]*.

Первая речь М. А. Осоргина как оратора относится к 1930 г. Это была речь к новопосвященным. М. А. Осоргин особо остановился на отношении к ритуалу. «Для одних ритуал — пережиток и сплошная формальность, для других — поэзия, для третьих — нечто священное» *(Осоргин I. С.11)*. Сам оратор отстаивал вторую точку зрения.

В следующей речи к новопосвященным (4 июля 1931 г.) М. А. Осоргин, в частности, сказал: «Масонство вовсе не система нравственных положений, и не метод познания, и не наука о жизни и даже, собственно, не учение. Идеальное масонство есть *душевное состояние* человека, деятельно стремящегося к истине и знающего, что истина недостижима <...> Братство Вольн.·. Кам.·. есть организация людей, искренне или только официально верящих в приход более совершенного человечества <...> Иначе — союз нравственной взаимопомощи». *(Там же. С.17.* Подлинник см.: *РГАЛИ. Ф.1464. Оп.1. Д.60).*

Свое видение принципов масонства М. А. Осоргин ярко изложил еще в двух речах к новопосвященным 4 февраля и 2 июня 1932 г., в речах к мастерам (5 ноября 1931 г.) и к подмастерьям (7 января 1932 г.). 6 октября 1932 г. М. А. Осоргин выступил в ложе с докладом, озаглавленным «Вольный каменщик за стенами храма», в котором отстаивал точку зрения, что и в «профанской» жизни масон должен следовать идеологическим установкам братства (см. текст доклада: *Осоргин I. С.61–72*). См. также речь М. А. Осоргина о масонских символах *(РГАЛИ. Ф.1464. Оп.1. Д.60).*

* * *

Смена курса Северной Звезды в начале 1930-х гг. привела к тому, что вокруг М. С. Маргулиеса «стали группироваться братья, полагавшие главной целью своей масонской работы попытку непосредственного воздействия на иностранное общественное мнение через масонские ложи и освещение задач, стоящих перед эмиграцией и Россией» *[Северная Звезда. С.13].*

Положение в Северной Звезде было неспокойным не только из-за внутренних разногласий. В 1932 г. русский эмигрант П. Горгулов убил президента Французской республики Поля Думера, бывшего масона Великого Востока Франции и секретаря Совета Ордена в 1892 г. Убитый президент был в свое время исключен из мастерских, но ложи союза Великого Востока провели спе-

циальное траурное заседание, посвященное памяти руководителя государства. В этой связи среди французских масонов усиливалось недоверие к «белым» эмигрантам. Недоумение у масонов вызывала и политика премьер-министра Эдуарда Эррио, который, с одной стороны, выступал за помощь русским эмигрантам, а с другой — признал в 1924 г. СССР, в 1932 г. заключил с ним договор о ненападении и не противодействовал с необходимой решимостью активизировавшимся французским ксенофобам. Такая ситуация стала еще одной причиной разделения русской ложи Великого Востока и образования наиболее политизированными братьями отдельной ложи.

Ложа, получившая название Свободная Россия, была инсталлирована 25 сентября 1931 г. в Париже Г. А. Вороновым. Членами-основателями новой мастерской были: М. С. Маргулиес, В. А. Маклаков, М. А. Осоргин, банкир и промышленник Р. И. Берберов, адвокат Я. С. Гурович, администратор Э. Бо, Л. М. Вургафт, П. Н. Переверзев, М. А. Алданов, бывший глава правительства Армянской Республики А. И. Хатисов, С. Е. Эпштейн, бывший председатель Совета министров Южно-Русского правительства Н. М. Мельников, профессор П. П. Гронский, А. П. Фиников, В. К. Агафонов, адвокат Н. В. Петровский, адвокат и банкир С. З. Гальперин, Б. С. Миркин-Гецевич, Я. М. Шефтель, профессор Г. Л. Тираспольский.

Стремление повлиять на французское общественное мнение, в том числе и на членов Великой Ложи Франции, во многом определило работы ложи по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу, а также приглашение на инсталляцию В. Д. Аитова, Г. Я. Смирнова, Д. Н. Вердеревского, В. А. Нагродского, Н. В. Тесленко и других русских масонов из союза Великой Ложи Франции.

В первом офицерском составе ложи Свободная Россия основные офицерские должности были распределены следующим

образом: венерабль — М. С. Маргулиес, 1-й страж — А. И. Хатисов, 2-й страж — А. П. Фиников, оратор — Я. С. Гурович, секретарь — Р. И. Берберов, великий эксперт — С. Е. Эпштейн, казначей — Э. Бо, дародатель — А. С. Левицкий.

Документы первых лет существования Свободной России находятся: *GOdF. Архив ложи Свободная Россия.* Список первого офицерского состава ложи из данного архива несколько отличен от хранящегося: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.31. Л.4.* Например, в «московском» документе 2-м стражем назван Н. М. Мельников, экспертом С. З. Гальперин, а дародателем Г. Л. Тираспольский. Более точным представляется «французский» документ: в пользу его большей точности говорит тот факт, что в «московском» варианте В. Н. Бухало и М. И. Рейтборже уже названы офицерами, хотя они стали членами ложи лишь 18 января 1932 г.

14 декабря 1931 г. в ложе состоялось первое принятие «профанов»: военного Б.-Б. Егиазарова-де-Норка, адвоката и журналиста И. Х. Завриева, доктора права М. М. Липмана (родственника М. С. Маргулиеса), бывшего помощника хранителя Эрмитажа Н. Мацнева, математика Е. Г. Когблетианца.

Массовый прием новых членов продолжался в течении всего 1932 г. В результате за год своего существования ложа Свободная Россия увеличилась вдвое, что не могло не повлиять на характер ее работ. Продолжался ее рост и в последующие годы.

В 1932 г. к ложе присоединились А. С. Альперин, В. Н. Бухало, М. И. Рейтборже, Я. М. Цвибак, А. Е. Райгородский, Н. Б. Глазберг, адвокат А. Ф. Стааль, инженер-агроном Н. Руднев, журналист В. Е. Татаринов и упоминавшийся выше А. А. Орлов-Давыдов, были посвящены коммерсант М. А. Джаншиев, офицер артиллерии Г. М. Арнольди, банкир В. Гольд, известный сатирик Саша Чёрный, художник К. М. Катков, музыкант В. И. Поль, профессор музыки И. Гузевич, дипломат К. И. Джакели, известный коллекционер и журналист Я. Б. Полонский (родственник М. А. Алданова), инженер-геолог К. Татарский, доктор медицины З. И. Тёмкин (актив-

ный член Союза сионистов-ревизионистов, проводившего иногда свои собрания в помещении Великого Востока Франции на рю Кадэ), видный адвокат Б. Л. Гершун, профессор консерватории А. М. Михельсон, студент М. С. Трухачев, агроном Г. Андерс, коммерсант И. Елигулашвили, литератор Г. В. Немирович-Данченко, инженер А. А. Шайкевич, издатель О. Г. Зелюк, адвокаты С. С. Егиазаров и А. А. Пароннан, журналисты Л. М. Неманов и К. К. Парчевский, бывший дипломат А. А. Чебышев, коммерсант И. Мечников, юристы С. А. Будаговский, В. К. Туржанский и А. С. Шапиро.

Из посвященных в 1933 г. в ложе можно упомянуть адвоката И. Ф. Кельберина, коммерсанта М. Багдассариана, оперного певца Ф. Я. Рича (Рабиновича), виолончелиста Ю. А. Шора; из работавших в Свободной России в последующие годы — художников И. Я. Билибина и А. Б. Лаховского, писателей и журналистов Р. Б. Гуля, А. П. Шполянского (Дон Аминадо), Г. Б. Забежинского и И. М. Троцкого.

Из докладов первых нескольких лет существования Свободной России упомянем сообщения В. Е. Жаботинского «Исповедь убежденного мещанина» (11 ноября 1932 г.; см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.31. Л.9*) и А. А. Чебышева «Мальтийский Орден со времени его основания по настоящий день» (14 июня 1933 г.).

Попытка М. С. Маргулиеса и его новой ложи продолжать антисоветскую пропаганду обострила противоречия в среде русских масонов Великого Востока Франции. Особенно резкими разногласия стали в 1932 г. После одного из собраний оратор ложи Северная Звезда М. А. Осоргин обратился к досточтимому мастеру Свободной России с заявлением нижеследующего содержания:

«В четверг 25 февраля в торжественном заседании достопочтенной ложи "Свободная Россия" был прочтен доклад осведомительного характера на французском языке в присутствии около 250 братьев, главным образом из французских лож. Вопреки воле Дост. Маст., допустившего лишь вопросы докладчику, а не

обмен мнений, этот доклад вызвал ряд печальнейших и неуместных в масонской среде возгласов и поступков. Достаточно сказать, что несколько братьев (около 40), резко политически настроенных, демонстративно покинули храм.

Я не позволю себе входить в обсуждение этого события. Но так как достопочтенная ложа Свободная Россия есть сестра и дочь нашей ложи и почти все ее члены остаются членами ложи Северная Звезда, то по своему званию оратора ложи я пользуюсь случаем и отчасти даже считаю себя обязанным заявить следующее:

Устав Великого Востока запрещает ставить на обсуждение в ложах трех первых степеней вопросы, могущие обострить между братьями политическую рознь и вызвать на этой почве споры и столкновения.

Я не настаиваю на этом запрещении, так как самое понятие "запрещение" считаю неприемлемым для Лож свободных и автономных в направлении и характере своих работ.

Но выше буквы устава — обычаи нашего братства, также решительно осуждающие политический и религиозный уклон в работах мастерских.

Если наконец и ссылки на обычаи недостаточны, так как в ложах французских эти обычаи резко нарушаются, то остается несомненным, что вся идеология братства вольных каменщиков, стремящаяся объединять людей разнообразных политических взглядов на служение задачам высоко нравственного порядка и целям не временным и случайным, а вечным и взаимно договоренным, — такая идеология отрицает не только политические споры и пререкания, но и выбор тем, которые могли бы также споры вызвать.

Как брат, избранный вами на пост блюстителя устава, обычаев и чистоты идеологии в нашей ложе, я обращаю ваше внимание на происшедшее печальное событие, как на наглядное и яркое

доказательство мудрости масонских обычаев и разумности узаконений устава и постановлений конвентов по этому вопросу. Малейшее их нарушение грозит нашим ложам если не развалом, то идеологическим вырождением.

Мне известно, что в нашей ложе могут быть братья, с этим не согласные и оценивающие иначе и самый случай, и его значение, и даже одобряющие политические выступления и в нашей, и в других ложах, в частности французских. Вполне уважая искренность их суждений, я буду рад выслушать всякие возражения в собраниях комитетских и офицерских» *[Это и нижеследующие письма М. А. Осоргина цитируются по: Бурышкин, Д. Л. С. З.].*

Здесь уместно сказать несколько слов о политических взглядах М. А. Осоргина (о его идейной эволюции см. также: *Осоргин М. А. Времена. Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992; Звенья. Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.489–536).*

В послеоктябрьский период М. А. Осоргин последовательно выступал:
в 1918 г. — против развязывания Гражданской войны;
в 1921 г. — за сотрудничество с отдельными советскими государственными деятелями в организации помощи голодающим;
в 1923–1924 гг. — за возвращение на родину на достойных условиях;
в 1925–1926 гг. — против разработки планов военного похода в Россию.

Подобная позиция подчас встречала непонимание со стороны противников советской власти и их резкую критику (см., например: *Гуль Р. Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.1. Нью-Йорк, 1981. С.186 и сл.*). В свою очередь, это вызывало у М. А. Осоргина недоверие к политической деятельности, а затем и ее неприятие.

Между тем М. А. Осоргин не был одинок в своих взглядах ни в среде русской эмиграции в целом, ни среди масонов в частности. Уже с 8 июня 1924 г. в Париже, а затем и в других центрах русской эмиграции существовала политическая организация — Республиканско-

демократическое объединение, — которая боролась против позиции «правого» Зарубежного съезда, против идей интервенции в Россию, «делая ставку на внутренние силы русского народа» *(Наше слово. Орган Республиканско-демократического объединения. Париж, 1934. № 3. С.22)*. Бессменным руководителем РДО был П. Н. Милюков. В статье, посвященной памяти редактора «Последних новостей», Н. П. Вакар писал: «В эмиграции ни один политический лидер, кажется, не имел такого малого числа постоянных сторонников, как Милюков. Созданное им Республиканско-демократическое Объединение (РДО) едва насчитывало несколько десятков членов и ежегодно раскалывалось на части, не поспевая за вождем, не попадая в ногу <...> Милюков начал поворачивать эмиграцию "лицом к России" тогда, когда это еще считалось преступлением» *(НЖ. 1943. Кн.6. С.373)*.

Американский профессор и бывший масон, Н. П. Вакар, конечно же, несколько утрировал, говоря о положении П. Н. Милюкова в эмиграции. Не следует забывать, что многие масоны дореволюционной поры и вольные каменщики «парижского призыва» либо состояли в РДО, либо сочувствовали идеям данной организации, но «устали» от работы в политических объединениях. Председателем общества был Г. М. Арнольди, товарищами председателя — А. П. Марков, П. А. Брюнелли и П. П. Гронский, секретарем В. Н. Бухало, членами или «друзьями» объединения — А. М. Кулишер, И. П. Демидов, А. Ю. Раппопорт, Д. М. Одинец, В. А. Оболенский, Н. В. Чайковский, С. Л. Поляков-Литовцев, Н. Д. Авксентьев, А. С. Альперин, Н. К. Волков, Л. А. Кроль, Г. Д. Гурвич, Б. С. Миркин-Гецевич, Д. Н. Григорович-Барский, М. А. Струве, И. М. Троцкий, И. И. Фондаминский-Бунаков, М. С. Маргулиес, В. Н. Сперанский, Л. М. Неманов, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович и многие другие (см. издания организации П. Н. Милюкова: *Бюллетень Республиканско-демократического объединения. Париж, 1925—1931; Наше слово. Орган Республиканско-демократического объединения. Париж, 1934—1939. № 1—10*). Даже перечисление имен говорит о том, что идеи П. Н. Милюкова активно пропагандировались в беженской прессе, на страницах газет.

Конфликт между М. С. Маргулиесом и М. А. Осоргиным был своеобразным масонским спором о методах борьбы за демократию в России. Приведем выдержки еще из двух писем, поскольку они ярко освещают ситуацию в русских ложах Великого Востока.

16 марта 1932 г. М. А. Осоргин писал к М. С. Маргулиесу:

«Дорогой Мануил Сергеевич.

Я тоже не могу быть на обсуждении моего заявления. И не очень жалею: с точки зрения масонской идеологии вопрос ясен и бесспорен, но обсуждаться он будет, конечно, в плоскости профанской.

Если бы мы жили в России, я бы с Вами согласился: борьба за свободу и братство у себя — одна из настоящих задач Братства вольных каменщиков. Не впутывая в политическую борьбу наши ложи, мы бы насаждали в них семена высокой человечности и прав личности — уже для борьбы вне масонских лож. Там было бы за нами знание, полная уверенность, подлинность и близость целей. Здесь этого нет и быть не может. Здесь на лицо только злоба обиженных судьбой неудачников, полнейшее невежество в делах и настроениях России. Потеря почвы и скудость мысли, утомленной и утратившей ясность. Допустим, Вы прекрасно справитесь с докладом о "пятилетке", использовав два одинаково пристрастных источника: советский и эмигрантский; но за Вами пойдут "возрожденцы" с докладами о необходимости ориентации на Японию, за ними экс-генералы, мечтающие об интервенции и губернаторских постах в "освобожденной России". Все это в качестве первосортного продукта, "здоровой русской мысли" будет преподнесено французским лавочникам и торгующим совестью депутатам на предмет дальнейшей обработки уж в их рядах, их средствами и в их целях. Это ли называется "борьбой за свободу и братство"? Полноте! Это только вызовет резкий раскол в наших рядах, потому что ведь не все же могут

принимать за подлинную "борьбу" эмигрантскую мышью суету в пределах недосягаемости. Там иное дело, там даже и неправая, она была бы благородной в своей искренности; здесь она более чем бесплодна, противна и низка. И не один я так думаю.

Но все это в плоскости профанской. В плоскости же чисто масонской, повторяю, вопрос прост. Пока наши узы не окрепли, мы должны избегать всего могущего нас разделять непримиримо — политики, религии, национальных счетов. Вы говорили, что тогда Братству нечем оправдать свое существование? Так значит весь смысл его существования — борьба политических и партийных взглядов? Вопрос о преимуществе разных государственных систем? Обсуждение наилучших форм государственного полицейского насилия? Рациональное устройство тюрем? Протест против "бессудных казней" с терпимостью "казней по суду"? В этом одном смысл Братства, существующего столетия? Вы старый Вольный каменщик. Я моложе; если Вы меня убедите в этом — я должен буду уйти из братства, как в свое время ушел из непогрешимых партий. Но вернее я уйду из тех выродившихся лож, где так думают, потому что имею свое мнение и свою любовь, которыми не поступлюсь ради личных отношений. Для участия в таком масонстве положительно не стоило отдавать так много времени и раздумьям, и сомнениям, и книгам, и усилиям быть верным идеям Братства и в личной жизни, и в творческих опытах. Было проще остаться эс-ером и кривляться на митингах "Дней" *[М. А. Осоргин во время революции 1905–1907 гг. активно помогал членам Партии социалистов-революционеров, а в 1922 г. в Берлине редактировал литературный отдел газеты "Дни" — А. С.]*.

Вы поймете мою откровенность — для меня это не случайный вопрос. При всех братских чувствах, которые я, надеюсь, не нарушал, я не только не согласен с Вашим определением задач и сущности масонства, и существенного в братстве, но и буду везде и всюду с Вами бороться, конечно, не с Вами лично, а с Вашим взглядом и определением. И не упущу случая сказать

всем неопрофанившимся братьям, что такой уклон нашей "деятельности" грозит нам истинной гибелью, вторжением бацилл митинга и улицы. Как брат, избранный оратором, я это счел долгом заявить — я так буду поступать и впредь, пока могу. Ни я себя, ни Вы меня не уважали бы, если бы я не был последовательным в своих убеждениях, а утрачивать Ваше уважение я не намерен потому, что им дорожу.

Вот это я называю борьбой за свободу и братство у себя, т. е. здесь, в наших ложах, где это уместно и где все компетентны быть такой борьбы сознательными участниками, где такая борьба не вызовет ни ссор, ни драки, ни обвинений в продажности, ни демонстративного ухода из храма. Борьба идей — в границах масонского взаимоуважения.

Я боюсь быть неясным. Пользуясь масонскими связями — ведите какую угодно политическую борьбу и пропаганду. Но вести ее в ложах запрещает устав даже такого профанского, ультрапрофанского повиновения, каков Великий Восток Франции. Даже он понимает опасность и стремится ее ограничить. Но выше уставов обычай, выше обычаев идеология Братства Вольных Каменщиков, иного толкования не допускающая.

Странно, что Вам, многоопытному и многознающему, я это говорю».

В другом письме М. А. Осоргин объяснял, что его заявление по существу «сводится к призыву противиться вторжению в работы наших Лож политики и политиканства»:

«На собрании ложи Свободная Россия произошло нечто совершенно недопустимое в братской среде: кричали о "продажности" и был настоящий скандал, с уходом братьев из Храма. Иначе и не может быть, когда масонский храм обращают в арену политического митинга; есть для этого профанские залы и улица, а пути Братства никогда не совпадают с путями улицы — они им прямо противоположны.

Если даже мыслима и возможна мирная и приличная политическая пропаганда в масонских ложах (такие примеры были) — то она все-таки принимает задачи Братства. Кто не ощущает этого в полной мере и безоговорочно, тот, по моему мнению, не преодолел профанского сознания и не стал Вольным Каменщиком.

Самое для нас страшное — скатиться в бездонную пропасть, в какую безудержно скатывается масонство французское, в частности, ложи Великого Востока Франции, к которому мы *случайно* принадлежим. Если мы, русские, не задумаемся над этим и не удержимся, — скатимся и мы.

Таково, Дост. Маст., мое давнее и глубокое убеждение. Относясь к нашему Храму, как к единственному кусочку земли, где можно спасаться от политических дрязг, газетных потасовок, взаимных оскорблений и боевых выкриков на почтенном от неприятеля расстоянии, — всей этой унизительной профанской суеты, для которой достаточно места и вне масонских храмов, я счел своим долгом откровенно это высказать, воспользовавшись удивительным по последовательности и доказательности примером».

В 1933 г. идейное разделение русских лож Великого Востока становится очевидным; братья предпочитают уже не работать в двух мастерских одновременно, а осознанно остаются лишь в одной ложе. Так, 28 сентября 1933 г. из Северной Звезды уходят М. И. Рейтборже и Б. С. Миркин-Гецевич, а в декабре того же года из Свободной России — Я. С. Гурович, Н. М. Мельников, Н. В. Петровский, Г. Л. Тираспольский, Л. М. Вургафт, А. С. Левицкий, Я. М. Шефтель. Первоначально хотел перейти в Северную Звезду и И. Х. Завриев, но затем он был исключен из масонства вообще. Радикальные взгляды руководства Свободной России, вероятно, повлияли на то, что такие ее члены, как М. И. Рейтборже, К. С. Агаджаньян, Э. Бо, стали склоняться к переходу в союз Великой Ложи Франции.

Усилившиеся разногласия между Северной Звездой и Свободной Россией привели к тому, что последняя из упомянутых лож стала заседать не в здании Великого Востока Франции, а в помещении русского масонского храма на рю де л'Иветт. Особенно тесным было сотрудничество Свободной России с ложами союза Великой Ложи Франции в 1934—1935 гг., когда мастерская провела ряд совместных заседаний с Лотосом и Астреей.

В 1934 г. в ложе Свободная Россия прозвучали доклады:

Б. Л. Гершун. Франк-масонство и адвокатура;

В. Гольд. Воспоминания о двух с половиной годах, проведенных в советских тюрьмах (9 мая, совместное заседание с ложей Лотос);

К. К. Парчевский. П. Чаадаев, его жизнь и творчество (13 июня, вероятно, к 150-летию философа).

С докладами на исторические темы на заседания Свободной России приглашались В. Л. Вяземский и П. А. Бурышкин.

Известно о двух докладах начала 1935 г.:

9 января Л. М. Неманов сделал сообщение «СССР, Германия и Франция в конце 1934 г. Впечатления из Женевы»;

14 февраля М. С. Маргулиес говорил о «Внутреннем кризисе в СССР. Убийстве Кирова» (ранее, 28 января, со сходным докладом — «Дело об убийстве Кирова по новейшим русским и иностранным данным» — М. С. Маргулиес выступал в помещении Очага русской музыки. См.: *Возрождение. 1935. 20 января. № 3518.* Подробный отчет об этом докладе см.: *Там же. 1935. 1 февраля. № 3530. С.5).*

* * *

Если в ложе Свободная Россия стала доминировать «политика», то в Северной Звезде с 1934 г. господствующей идеей можно назвать общественное служение русской интеллигенции. Вопросы морали, нравственности, демократии являлись главными темами докладов данной мастерской союза Великого Востока

Франции. Большое влияние на членов Северной Звезды, представлявших преимущественно левое политическое крыло эмиграции, оказали идеи Л. Н. Толстого.

Так, учение великого писателя неоднократно рассматривал в своих выступлениях (в мастерской и вне ее стен) многолетний оратор Северной Звезды В. А. Маклаков. См., например: *Маклаков В. А. Толстой и большевизм. Речь. Париж, 1921*; Он же. *О Льве Толстом. Две речи. Париж, 1929.* (Перечень работ В. А. Маклакова см.: *Фостер Л. А. Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968. Т.2. Бостон, 1970.)* Не без влияния В. А. Маклакова к личности Л. Н. Толстого неоднократно обращался и биограф политика Г. В. Адамович. См., в частности, позднейшее издание: *Адамович Г. Толстой. Речь на собрании в Париже 3-го декабря 1960 года. Париж, 1960.*

Однако и от политизации Северная Звезда отказывалась очень медленно. Например, 7 января 1933 г. В. Е. Жаботинский выступил с докладом «О социальной революции в Библии» *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.31. Л.2]*.

8 февраля 1933 г. М. А. Осоргин прочитал в Свободной России доклад «О масонском равнодушии» *[текст его см.: Осоргин I. С.51–60]*. 2 марта ему было предложено повторить этот доклад в Северной Звезде, но М. А. Осоргин представил новый вариант выступления, озаглавив его «Убийцы Хирама». Сообщение вызвало оживленное обсуждение, в ходе которого М. А. Осоргин четко выразил свое масонское кредо: «Масонское единение — прекрасная и высокая вещь. Но если мы, в масонской нашей работе и практике, остановимся на одном этом, на взаимном исследовании и трогательных братских объятиях, — то наша Л.·. замрет и окостенеет в формах клубного благодушия. Этого я боюсь больше всего, и менее всего боюсь повторять, что наша главная работа — искания на путях познающей личности, определение ясного и чистого масонского миропонимания, работа

лабораторная ради задач вечных и единственно важных для Вольных Каменщиков — задач познания бытия и разумом и высшим творческим соборным постижением» *[Осоргин I. С.72; полный текст доклада и выступления в ходе обсуждения — С.61–72]*.

20 апреля 1933 г. в ложе Северная Звезда с докладом «Идея братства в истории масонства» выступил П. А. Бурышкин (ранее, 17 января, с этим же докладом на французском языке П. А. Бурышкин выступил в ложе Пламенеющая Звезда; текст доклада см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.150*), а 1 июня в мастерской прозвучало сообщение «Тайные орденские течения в советской России от 1922 по 1927» (см.: *Там же. Ф.112. Оп.2. Д.31. Л.11*).

13 июля ложа чествовала 70-летие своих членов М. А. Кроля и В. К. Агафонова, а 5 октября А. И. Каффи сделал принципиально важный доклад «Мнфы, символы и ритуалы» (см.: *Там же. Ф.730. Оп.1. Д.51. ЛЛ. 189. 198)*, который был опубликован ложей.

В конце 1933 г. ложа Северная Звезда была без предупреждения и без требования объяснения закрыта по постановлению Совета Ордена за рассылку французским ложам материалов, касающихся голода в России. Вновь ложа возобновила свои работы лишь в марте 1934 г. после обстоятельных разъяснений досточтимого мастера, но забыть несправедливость было трудно. Несправедливость была тем более очевидной, что, в отличие от Свободной России, ложа стремилась максимально избегать обсуждения вопросов, связанных с политикой. Например, по настойчивой просьбе М. А. Осоргина Северная Звезда отказалась обсуждать вопрос о принудительном труде в СССР *[Выступление М. А. Осоргина по этому поводу хранится в ЛА]*.

Общий настрой братьев Северной Звезды хорошо передают слова П. Н. Переверзева, который сказал 7 июля 1935 г.: «Среди многочисленных общественных, политических, профессиональных и других группировок масонство, может быть, лучшее, что создали на чужбине русские беженцы».

5 декабря 1935 г. М. А. Осоргин выступил в ложе Северная Звезда с докладом «Ритуал и традиция», в котором высказался за мистическое отношение к ритуалу *[Текст доклада см.: Осоргин I. С.90–93]*.

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями, и некоторые утверждения докладчика подверглись критике. А. И. Каффи доказывал «рискованность и несостоятельность» тезисов доклада. Д. Я. Брун указывал, что «настоящая эпоха отмечена успехом науки и гибелью морали. Символика нужна, но только в области чувств и настроений. Доклад удачен только в тех местах, где нет логики». П. А. Бурышкин видел в традиционности спасение масонства и недоумевал, зачем с точки зрения докладчика нужны масонские символы, если каждый может их понимать по-своему. М. П. Кивелинович считал, что человечество стоит между двух бездн — рациональной и иррациональной и что масонская идея невозможна без идеи иррациональности. Н. Д. Авксентьев говорил, что «философское значение ритуала сводится к тому, что он является как бы внешним признаком отрешения от профанного мира для ощущения братской настренности, для нового восприятия человечества» *[Северная Звезда. С.9]*.

Победила точка зрения М. А. Осоргина, который считал, что «как бы мы ни изменяли ритуалы, упрощая их или усложняя, модернизируя или возвращаясь к традициям старины, — никакая реформа не будет благотворной без предварительного утверждения масонства, как Союза посвященных, своей целью имеющего творческое познание тайны Природы, тайны человеческого бытия, тайны возрождения. При всяком ином понимании и толковании масонства — естественным следствием явятся не реформы ритуалов, а их полная отмена и обращение нашего Братства в мирской кружок людей, избранных по признаку умственной зрелости и достойного нравственного поведения. Такой кружок будет не плох и очень полезен, но нет ни причин, ни

смысла отождествлять его с Братством Вольных Каменщиков, как не будет смысла оставаться в нем для тех, чьи духовные запросы идут дальше обычных профанских, хотя бы самых благородных» *[Осоргин М. А. О посвящении в степень мастера. Речь в капитуле Северная Звезда 29 марта 1934 г. // ЛА]*.

В Великом Востоке Франции, по словам М. А. Осоргина, ритуал был «печальным следствием борьбы против догматической церковности путем уклона в такую же, только вывернутую наизнанку, догматику и не менее печальным пережитком периода позитивизма и материализма <...> Модернизаторы ввели обряды, напоминающие урок в первоначальной школе, и трактовку банальностей, оскорбительных для более или менее развитого человека» *[Осоргин М. А. О ритуале 2-й степени. Речь в капитуле 19 июня 1933 г. // ЛА]*. При этом обряд был крайне упрощен, например, ритуал посвящения во 2-ю степень в русских ложах Великого Востока Франции не практиковался.

В другой своей речи М. А. Осоргин дал еще более беспощадную характеристику «французского» ритуала: «Он состоит из нагромождения нравственных сентенций социально-мещанского порядка, художественно-презренной литературной формы и упадочной, школьно-балаганной театральности. Он унизителен для символического масонства, располагающего для украшения своей ритуальной практики символами веков и мифами народов. Он философски бессмысленен и может только принижать сколько-нибудь развитое сознание» *[Осоргин М. А. О ритуалах 3-й степени. Речь в капитуле 20 декабря 1938 г. // ЛА]*.

Под председательством М. А. Осоргина была создана особая ритуальная комиссия, которая внесла некоторые изменения в обряды, имея в виду, главным образом, что масонство в эмиграции должно готовиться к возвращению на родину. Сохранились три доклада председателя ритуальной комиссии, прочтенные им в верховном капитуле Северная Звезда и посвященные пересмотру

текста ритуалов 2-й и 3-й степеней *[Текст речей — в ЛА. Здесь же хранятся и ритуалы 1-й степени с правкой офицеров ложи Северная Звезда]*. Идейным оппонентом М. А. Осоргина в вопросе о точном исполнении ритуалов выступал Я. Л. Делевский, который говорил о том, что необходимо проявлять терпимость в данном вопросе.

В 1936 г. была опубликована книга М. А. Осоргина «Вольный каменщик», что вызвало весьма много разговоров в русской масонской среде (так, 5 ноября в ложе Свободная Россия своими впечатлениями о романе поделился П. А. Бурышкин). Некоторые указывали, что автор зашел слишком далеко в раскрытии «масонской тайны»; другие считали, что масонство изображено в повести в слишком непривлекательном виде, что может также повредить Ордену. Наконец, было мнение, что свойственный автору субъективный подход к масонству дает профанам неверное представление об организации вольных каменщиков. Несомненно, что М. А. Осоргину, считавшему главной целью своей повести борьбу с «обывательщиной», действительно больше удалась критика темных сторон современной масонской организации во Франции.

Несмотря на разногласия с М. С. Маргулиесом, М. А. Осоргин продолжал посещать и ложу Свободная Россия. 8 октября 1936 г. на торжественном собрании лож Свободная Россия, Астрея и Юпитер он прочитал доклад на тему «Путь русского вольного каменщика». Свое сообщение он посвятил доказательству тезиса, что масонство является «символическим союзом посвященного познания Природы» — «единственного учителя и единственного источника познания» *[Осоргин I. С.102, 106; полный текст доклада — С.102–112]*. Этот доклад М. А. Осоргина также имел отклик среди русских масонов, и 11 декабря по его поводу в Свободной России выступал Б. Л. Гершун.

2 апреля 1936 г. по инициативе ложи Северная Звезда было устроено собрание всех русских масонов в Париже (независимо от принадлежности к тому или иному союзу), посвященное памяти академика Павлова.

Можно предположить, что это собрание походило на подобное же заседание «Памяти И. П. Павлова», проведенное 27 марта 1936 г. в зале при американской церкви и организованное обществами русских врачей, химиков, Академической группой, Академическим союзом и Научно-философским обществом в Париже (см.: *Возрождение. 1936. 25 марта. № 3948*). На этом мартовском собрании прозвучали и доклады масонов: К. С. Агаджаньяна «Значение работ И. Павлова для нервно-психиатрической клиники» и С. И. Метальникова «Условные рефлексы и иммунитет». См. подробный отчет о заседании и изложение докладов: *Там же. 29 марта. № 3952. С.5.* См. также статью В. Е. Татаринова об И. П. Павлове: *Там же. 28 февраля. № 3922. С.3.*

Во второй половине 1930-х гг. русские ложи Великого Востока Франции вступают в период тяжелого кризиса. Из рядов Северной Звезды в 1936—1937 гг. были исключены или вышли в отставку В. М. Шах, А. С. Альперин, А. П. Марков, Н. В. Макеев, А. П. Фиников, Р. И. Берберов, А. С. Левицкий, скончались члены ложи: С. С. Крым, И. Л. Тригер, И. С. Магат, Д. Я. Брун, П. П. Гронский. В начале 1938 г. из ложи уходят Я. И. Линцбах и Г. Л. Тираспольский. По болезни перестал участвовать в работах ложи Ак. О. Маршак, в Россию уехал И. Я. Билибин, в Страсбург — Г. Д. Гурвич.

Для выхода из кризисной ситуации М. А. Осоргин активно привлекает к работам ложи своих друзей и знакомых, преимущественно молодых писателей. В Северную Звезду входят А. Савельев (С. Г. Шерман), Л. Ф. Зуров, В. Н. Емельянов, В. А. Прейсман. Работа ложи активизируется.

В 1937—1938 гг. важнейшие офицерские посты в ложе занимали: досточтимого мастера М. М. Тер-Погосьян, оратора

М. А. Осоргин и П. Н. Переверзев, секретаря Вад. Л. Андреев и А. И. Позняк.

3 ноября 1938 г. досточтимым мастером был избран М. А. Осоргин. На инсталляционном собрании он, в частности, сказал от своего имени и «от имени нового состава должн.·. лиц» о желании, «не обольщаясь чрезмерными надеждами, сделать все возможное <...>, чтобы между русскими ЛЛ.·. Вел.·. В.·. Фр.·. и русскими ЛЛ.·. В.·. Л.·. Фр.·. отношения взаимотерпимости и официального взаимопризнания заменились настоящим братским духовным общением, полновесным и искренним, подлинной общей работой во имя общей цели». Сам М. А. Осоргин видел «*конечную* цель» «в форме полного объединения и общего Русского Востока» *[Осоргин I. С.136]*.

Начали уходить из жизни и старейшие члены Свободной России: в 1936 г. скончался основатель ложи Я. С. Гурович, в 1937 г. — С. З. Гальперин.

После кончины М. С. Маргулиеса курс Свободной России изменился. Одной из попыток «помочь Свободной России стать на новые рельсы <...> было устройство 2 февраля 1939 года совместного собрания» двух лож Великого Востока Франции. Досточтимый мастер Северной Звезды М. А. Осоргин отметил на этом собрании, «что обе ложи встретились в признании и толковании посвятительного пути нашего символического братства» *[Бурышкин. Д. Л. С. З.]*. Изменения произошли и в офицерском составе ложи Свободная Россия, лидером которой стал Б. Л. Гершун.

Кроме названных выше, в последние предвоенные годы в Северной Звезде и Свободной России прозвучало еще немало докладов.

В ложе Северная Звезда:

весна 1936 г. — М. А. Осоргин. Исповедь мастера (текст доклада см.: *Осоргин I. С.94–101)*;

2 июля 1936 г. — П. Н. Переверзев. Символизм 1-го градуса;

3 декабря 1936 г. — А. С. Альперин. Элиты и массы (о докладах 1936 г. см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.36. Л.1; Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.101, 116*);

4 февраля 1937 г. — М. А. Кроль. Основы исторического масонства. Эволюция масонских идей (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.85*);

4 марта 1937 г. — В. К. Агафонов. Масонство, мораль, человечество;

1 апреля 1937 г. — П. Н. Переверзев. Вечные истины у Шекспира;

6 мая 1937 г. — М. П. Кивелиович. Трехсотлетие «Discours de la Métode» Декарта;

1 июля 1937 г. — М. П. Кивелиович. Наука и ее пределы;

4 ноября 1937 г. — М. А. Осоргин. О суверенной л.·. (текст доклада см.: *Осоргин I. С.125–134*);

2 декабря 1937 г. — М. П. Кивелиович. Философия масонства;

3 февраля 1938 г. — П. А. Бурышкин. Масонство и сектантство;

5 мая 1938 г. — Н. Д. Авксентьев. Русская проблема и русское масонство (совместное заседание с ложей Свободная Россия);

2 июня 1938 г. — М. П. Кивелиович. Масонство и политика (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.13*);

1 декабря 1938 г. в ложе вновь в поддержку масонского ритуала говорил М. А. Осоргин (см. текст речи: *Осоргин I. С.138–143*);

18 апреля 1939 г. Н. Д. Авксентьев и М. А. Кроль рассказали о работе конвента Великого Востока Франции;

4 мая 1939 г. С. Г. Шерман выступил с докладом «Кризис современной этики и масонство»;

1 июля 1939 г. в ложе Северная Звезда прозвучал доклад М. П. Кивелиовича «Наука и ее пределы» (см.: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. Л.10; GLdF. № 536*).

Всего до конца 1939 г. состоялось около трехсот собраний ложи Северная Звезда. Обычно им предшествовали комитетские заседания, на которых устанавливалась программа торжественного собрания, которая надлежащим образом готовилась, чтобы не нарушить строгого хода предстоящих работ. Тематика докладов,

как видно из приведенного списка, не ограничивалась русским вопросом: главной задачей членов ложи было осознание себя и поиски собственного пути.

6 июля 1939 г. ложа Северная Звезда собралась последний раз перед летним перерывом, затем нормальный ход работ был прерван войной.

В ложе Свободная Россия были прочитаны следующие доклады:

26 октября 1936 г. сообщение о конвенте Великого Востока Франции сделал А. И. Ерухманов;

10 декабря 1936 г. М. С. Маргулиес привел «Несколько статистических данных о докладах на политические темы в ложах Великой Ложи и Великого Востока Франции»;

14 января 1937 г. о «Шотландском масонстве» говорил В. Е. Татаринов;

11 марта 1937 г. о советских тюрьмах вновь рассказал В. Гольд, но уже в связи с первым процессом «троцкистов»;

Несколько раз выступал с докладами в Свободной России Р. Б. Гуль. 24 февраля 1938 г. он сделал сообщение на тему «Писатель и цензура в СССР (по неопубликованным данным)». Год прочтения другого его доклада (28 января) «О Дзержинском — организаторе ВЧК-ГПУ» точно не известен.

1 марта 1938 г. Л. М. Неманов рассказал о «Современном положении Европы»;

24 числа того же месяца П. А. Бурышкин — о «Всемирном братстве вольных каменщиков»;

9 июня 1938 г. в ложе прозвучал доклад В. Е. Татаринова «Философия масонства»;

9 марта 1939 г. — Г. Б. Забежинский. Вопрос С (доклад при посвящении);

25 апреля 1939 г. — П. А. Бурышкин. Очерк истории западноевропейского масонства;

11 мая 1939 г. — В. Е. Татаринов. История русского масонства;

8 июня 1939 г. — И. Ф. Кельберин. По истории русского масонства в начале XX в.;

8 июля 1939 г. — В. И. Поль. О йоге старой и новой.

* * *

Мы видели, какую значительную роль играл в обеих русских ложах Великого Востока М. А. Осоргин. М. А. Осоргин, как и другие выдающиеся вольные каменщики русского зарубежья — Л. Д. Кандауров, П. А. Бобринский, Г. Я. Смирнов, М. В. Гардер, — сумел сформировать свое духовное течение в масонском Братстве. Любимым же творением М. А. Осоргина была ложа Северные Братья. В своем предсмертном письме М. А. Осоргин писал друзьям: «Весь смысл жизни — общение с хорошими людьми, союз душ, легкий и свободный» *[НРС. 1967. 10 декабря. № 19998]*. Эта фраза является лучшей характеристикой ложи Северные Братья.

История создания ложи Северные Братья такова. Как уже было сказано, прием большой группы молодежи в ложу Северная Звезда в 1931—1932 гг. кардинально изменил ситуацию в мастерской. Помимо обособившихся членов Свободной России в Северной Звезде сложилась группа вольных каменщиков (преимущественно молодых по своему масонскому возрасту), которая интересовалась масонством как «символическим тайным братством» людей, связанных не только взаимной приязнью и взаимной терпимостью, но и особым подходом к «изучению вопросов бытия» *[Осоргин II. С.9]*. Заседания же ложи Северная Звезда проходили не чаще двух раз в месяц и то и дело посвящались обсуждению вопросов официального характера.

Новая тенденция была чутко уловлена М. А. Осоргиным, который уже зимой 1931—1932 гг. при очень малом числе участников стал выступать с сообщениями о символике и истории масонства. Однако первые встречи больших результатов не дали: после нескольких собраний кружок прекратил свое существование. Объяснение этому может быть двоякое: или молодые члены не проявили достаточного интереса и рвения (только один

из них остался прочным членом ложи), или же М. А. Осоргин в тот момент не был еще на достаточной высоте, чтобы заразить других своим интересом и направить занятия должным образом.

Годом позднее, осенью 1932 г., дело пошло много успешнее. 30 октября В. Б. Сосинский обратился с письмом к М. А. Осоргину с предложением «организовать кружок, нечто вроде семинара, для серьезного изучения масонства» *[Осоргин II. С.9]*. Письмо В. Б. Сосинского совпало с личным намерением М. А. Осоргина, хотя он никак не предполагал быть руководителем, а считал, что будет учиться наравне с другими.

Почему предложение стать руководителем было обращено к М. А. Осоргину, объясняет в своей статье памяти писателя его младший друг и «брат» Г. Д. Гурвич: «Осоргин был самым молодым по духу представителем русской эмиграции, и эта вечная его молодость делала из него вождя, не только всей русской литературной молодежи заграницей, но и всей вообще русской молодежи в эмиграции, поскольку она оставалась верной русской культурной традиции» *[НЖ. 1942. Кн.4. С.358]*.

Результатом письма В. Б. Сосинского к М. А. Осоргину был устный разговор между ними и Вад. Л. Андреевым, во время которого были намечены возможные участники группы, и сразу же начались собрания, сначала немногочисленные. Протоколов первого года деятельности группы не сохранилось. Дошло только несколько подготовительных записей М. А. Осоргина и одно вступление в беседу, из которого мы узнаем, что это было уже собрание расширенного типа с приглашением братьев из Свободной России и членов лож союза Великой Ложи Франции.

Итак, группа была создана, чтобы не заставлять всех принимать участие в обсуждении официальных вопросов и, с другой стороны, чтобы предоставить молодым членам познакомиться ближе с символикой и историей масонства. В этой самочинно возникшей группе сообщения делались всеми, кто этого хотел, и

о том, что его интересовало. Опыт показал, что такого рода занятия могут дать хороший результат.

На седьмом собрании, на котором было сделано упомянутое вступление в беседу, программа была предложена следующая:

1. Сообщение о конституции Великого Востока и обычаях лож.
2. Общее введение в понятие о символах.
3. Замечание о шотландском обряде посвящения.
4. Сообщение по истории русского масонства.
5. Для желающих указание знаков, касания и пр.

К этому же периоду занятий группы относятся, вероятно, небольшие доклады М. А. Осоргина о символическом миропонимании, о ритуальном ученическом шаге, о строительных символах и т. д.

В дальнейшем работа группы происходила в области достижения единства масонских взглядов. Конечной целью было идейное влияние на ложи, уделявшие меньше времени символической и ритуальной сторонам работ.

В конце года были намечены темы для разработки их в течении лета. Часть из них тогда же была распределена между участниками.

Еще 9 апреля 1934 г., при обсуждении вопроса о названии группы, было выбрано название Северные Братья (предлагались также наименования: Квадратура Круга; Золотое Сечение; Пылающий Факел; Невидимый Свет; Магнит). А 12 ноября 1934 г. 16 масонов из ложи Северная Звезда, 2 из Гамаюна, 1 из Астреи и 2 из ложи Jérusalem Ecossaise подписали акт учреждения «правильной и совершенной» ложи под названием Северные Братья.

В 1934—1936 гг. были разработаны и собственные ритуалы открытия и закрытия ложи, являющиеся сокращенным вариантом Древнего и Принятого Шотландского Устава.

В начале каждого года ложа выбирала досточтимого мастера, двоих надзирателей, оратора, секретаря, заведующего чайной трапезой, дародателя и привратника.

1934—1935 год был закончен призывом М. А. Осоргина остаться при вере в то, что братство вольных каменщиков — последняя несдавшаяся крепость гуманизма, уважения к человеческой личности, попытка охранить ее права и ее достоинства при всяком общественном и государственном строе. В мире нет спасения культурным одиночкам-идеалистам, и только вольные каменщики еще противостоят натиску темных сил, чтобы или победить, или погибнуть, не бесславно, не рабами, а как гибнут свободные, завещая знамя своей свободы будущим поколениям.

Зимой 1936—1937 гг. ложа пошла по пути дальнейшего традиционного устройства. Были избраны постоянные должностные лица, поручено секретарю ведение протоколов, утверждена печать и избрана комиссия из трех членов ложи для выработки проекта окончательной конституции ложи. Открытие и закрытие работ ложи происходило всегда в ритуальном порядке.

15 февраля 1937 г., на 101-м заседании, ложа торжественно отпраздновала начало второй сотни заседаний. На этом собрании присутствовала делегация ложи Северная Звезда, признавшей таким образом официально независимую ложу Северные Братья.

Два дня спустя первый мастер ложи М. А. Осоргин направил во все русские ложи Парижа письмо о работах своей мастерской: «Незав.·. Л.·. Северных Братьев учреждена в полном согласии с обычаями и традициями мирового масонства особым актом <...> За 100 заседаний ее посетили 104 бр.·.бр.·., принадлежащие к ДД.·. ЛЛ.·. Северной Звезды, Астреи, Юпитера, Северного Сияния, Гамаюна, Гермеса, Свободной России и Лотоса, а также братья ЛЛ.·., работающих на французском языке.

По принадлежности к послушаниям, бр.·.бр.·. распределялись: принадлежащих к послушанию Вел.·. Вост.·. Фр.·. — 56, к послушанию В.·. Л.·. Ф.·. — 48.

Не добиваясь официального признания и, в то же время, стремясь сделать посещение Л.·. вполне отвечающим уставам обоих послушаний, Неэ.·. Л.·. Северных Братьев, работая ритуально по обряду шотландскому древнему и принятому, ограничивала свой ритуал открытием и закрытием раб.·.раб.·., допуская на свои собрания лишь масонов регулярных и не производя ни принятия профанов, ни повышения в степенях.

За 100 заседаний были сделаны братьями 124 доклада и вступления в беседу, исключительно связанные с изучением масонской идеологии, с вопросами ритуала и символики и другими вопросами в их масонской постановке. Заседания происходили в 1 градусе; в чтении докладов приняли участие свыше трети бр.·.бр.·., Ложу посещавших, в обсуждении доклада обычно участвуют почти все братья. — Из 104 братьев-посетителей около половины были лишь 1—5 раз, остальные могут считаться близкими участниками работ, и до 25 бр.·.бр.·. пропускали раб.·. лишь в редких исключительных случаях. Ввиду тесноты помещения (Л.·. собирается на частной квартире), Л.·. не стремилась привлекать посетителей; тем не менее средняя посещаемость, возрастая с каждым годом (от 13 до 20), за последний год превысила 20. На юбилейном торжественном собрании 15.2.37 присутствовало 44 бр.·.бр.·.

Работая независимо и самостоятельно над усвоением и разработкой масонского миропонимания, Л.·. за основное правило считала внушать бр.·.бр.·. мысль о необходимости главное свое внимание обращать на деятельность в лоне тех ЛЛ.·., к которым они принадлежат по посвящению, чтобы тем самым, через посредство Неэ.·. Л.·. Северных Братьев, поддерживать живую связь между всеми ЛЛ.·., работающими в Париже на русском языке, без различия послушаний. Таким образом, свою работу Л.·. считала и считает преимущественно образовательной и подсобной. Этим она снискала внимание не только отдельных бр.·.бр.·.,

но, как она надеется, и братских организаций, из которых одна уже дала ей официальное признание, послав делегацию на ее юбилейное собрание» *[ЛА]*.

Масонский год был закончен пожеланием М. А. Осоргина, чтобы по примеру Северных Братьев учреждались и другие свободные объединения в целях работы познавательной и практики добрых братских отношений. При этом М. А. Осоргин напомнил, что ложа есть основа и центр Братства.

Следующий год был закончен 11 апреля 1938 г. обзором деятельности ложи за время ее регулярного существования. М. А. Осоргин напомнил мотивы ее учреждения:

1. Невозможность отдавать много времени серьезным занятиям в ложах-матерях.

2. Случайное деление русских братьев на два послушания.

3. Стремление объединить на занятиях чисто масонскими проблемами только тех, кто ими действительно интересуется.

В большинстве случаев работе ложи не предшествовали заранее приготовленные вступительные доклады. Основной общей чертой всех докладов и прений в ложах является их строго масонский характер. Если они не имели масонство своим непосредственным предметом, то всегда в той или иной форме имели связь с масонством и неизбежно приводили к постановке чисто масонских вопросов.

Самый характер прений был всегда, даже при обсуждении вопросов, где сталкивались противоположности, истинно братски-масонским, ибо принцип абсолютной терпимости и уважения к любому искреннему мнению в этой ложе был незыблемое и обязательное для всех правило.

В заключение М. А. Осоргин заявил, что считает роль ложи законченной и в дальнейшем слагает с себя почетную обязанность ее руководства. По его мнению, ложа должна перейти к какому-то новому периоду творчества — или присоединиться к

одному из послушаний и расширить свои задачи, или распасться на ряд других независимых лож для общей работы. Другие участники ложи не согласились с такой точкой зрения, и работы были прерваны лишь до осени.

Следующий, последний год существования ложи Северные Братья, несмотря на мнение М. А. Осоргина, прошел в той же напряженной работе при большой посещаемости. Работы велись под председательством П. Н. Переверзева, их характер оставался тем же. В отчетном протоколе отмечено, что главной задачей каждого члена была творческая инициатива, а задачей ложи как целого — сочувственное содействие. Круг затронутых тем был чрезвычайно широк, были представлены все оттенки масонской идеологии, но — еще раз было отмечено — какова бы ни была тема докладов, она всегда разбиралась в масонском освещении и в ее зависимости от целей братства.

Всего за время своего существования ложа провела 150 заседаний.

Сохранилось перечисление работ в ложе, докладов, прочитанных в ней, и тематика бесед. Приведем этот перечень.

09.10.1933 г. М. А. Осоргин. Вступительное слово; А. И. Каффи. О лучезарной дельте.

16.10.1933 г. М. П. Кивелнович. О символах в математике.

23.10.1933 г. М. Ю. Иорданский. О букве «Г»; П. Н. Переверзев. Об отобрании металлов и о перчатках.

30.10.1933 г. А. И. Каффи. Об использовании мифотворчества XIX в.

06.11.1933 г. А. И. Каффи. О традиции в масонстве.

13.11.1933 г. М. А. Осоргин. О связи символов и ритуалов.

20.11.1933 г. Масонское миропонимание.

27.11.1933 г. П. Н. Переверзев. Об эволюции толкования библейской легенды; А. И. Каффи. Дополнения к докладу.

04.12.1933 г. О нужности ритуалов.

11.12.1933 г. М. А. Осоргин. О масонской традиции.

18.12.1933 г. П. Н. Переверзев. Предложение образовать две параллельные группы; Г. Э. Вейнштейн. О масонском ковре; М. А. Осоргин. Дополнения к докладу.

01.01.1934 г. Обсуждение тем исторического характера. Дальнейшая организация собраний; Г. Э. Вейнштейн. О некоторых символах.

08.01.1934 г. М. А. Осоргин. Об изучении символов.

15.01.1934 г. Ю. М. Певцов-Модрах. О Великом Архитекторе Вселенной.

22.01.1934 г. В. Е. Татаринов. О современном германском масонстве; М. А. Осоргин. О регулярности лож и повиновений.

29.01.1934 г. О временном закрытии ложи Северная Звезда; А. И. Каффи. О мировоззрении Якова Бёме.

03.02.1934 г. М. А. Осоргин. Об истории ложи Северная Звезда.

12.02.1934 г. Разговор об общих событиях.

19.02.1934 г. А. И. Каффи. Об истории девиза «Великий Архитектор Вселенной»; Обсуждение доклада Осоргина о «Великом Русском Востоке».

26.02.1934 г. М. А. Осоргин. О масонском отношении к тревожным политическим моментам, о терпимости и примирительной роли Братства.

05.03.1934 г. А. И. Каффи. Продолжение доклада о «Великом Архитекторе Вселенной».

12.03.1934 г. М. А. Осоргин. О масонском «деланьи», об активности личной и соборной.

19.03.1934 г. Продолжение разговора о «деланьи», т. е. участии в профанской жизни.

26.03.1934 г. Я. И. Линцбах. Об отрицательном взгляде на ритуалы.

02.04.1934 г. Чтение отрывков из книги «Магазин свободнокаменьщической»; О темах будущего года; О названии группы.

09.04.1934 г. Избрано наименование Северные Братья; О творчестве в области ритуалов.

16.04.1934 г. М. А. Осоргин. Отчет за год; А. И. Каффи. О творчестве в области символики.

24.09.1934 г. Об условиях учреждения ложи; Г. Д. Гурвич. О противоположности начал магического и религиозного.

01.10.1934 г. Об образовании ложи вне повиновений.

08.10.1934 г. А. И. Каффи. О халдейской религии.

15.10.1934 г. М. А. Осоргин. Об отношении братства к убийству человека.

22.10.1934 г. М. А. Осоргин. Об инциденте при голосовании в ложе Северная Звезда.

29.10.1934 г. М. А. Осоргин. О ритуале масонского крещения.

05.11.1934 г. А. И. Каффи. Об алхимии.

12.11.1934 г. М. А. Осоргин; П. Н. Переверзев. О соответствии идеи прогресса масонской идеологии.

19.11.1934 г. Прочитан акт учреждения ложи; О прогрессе с точки зрения масонской символики.

26.11.1934 г. О возможной форме конкретной политической работы в ложах.

3.12.1934 г. Ю. М. Певцов-Модрах. (Письмо) О политике в масонстве.

10.12.1934 г. Обсуждение доклада А. И. Каффи в ложе Северная Звезда «Кризис братства Вольных каменщиков» и о понятии символа «Великий Строитель Вселенной».

17.12.1935 г. Я. И. Линцбах. Об антиномии по Канту и Гегелю; М. А. Осоргин. О Мизраизме.

07.01.1935 г. А. А. Морской. О внутреннем храме.

14.01.1935 г. В. Л. Андреев. Отцы и дети масонства.

21.01.1935 г. М. А. Осоргин. О русском масонстве после закрытия лож в 1822 г.; Строительство внутреннего и внешнего храма.

28.01.1935 г. А. И. Каффи. Рецензия о журнале «La Chaine d'Union»; М. А. Осоргин. О церкви.

04.02.1935 г. Ю. М. Певцов-Модрах. Об антицерковности и антидогматичности масонства.

11.02.1935 г. А. П. Прокопенко. О Тамплиерах; О понимании масонства.

18.02.1935 г. П. А. Нилус. О ритуале и реформах его; М. А. Осоргин. О масоне, читающем газету.

25.02.1935 г. А. П. Прокопенко. О тайне.

4.03.1935 г. П. А. Бурышкин. Об исторических источниках легенды о Хираме.

11.03.1935 г. М. А. Осоргин. О значении термина «познание природы».

25.03.1935 г. Ю. М. Певцов-Модрах. Символика 1-й степени.

апрель 1935 г. М. А. Осоргин. Годовой отчет.

30.09.1935 г. Об участии масонства в профанских событиях.

07.10.1935 г. М. П. Кивелнович. О законе причинности в современной науке.

14.10.1935 г. А. П. Прокопенко. О «человеколюбии».

21.10.1935 г. В. И. Степанов. Искания (исповедь).

28.10.1935 г. О положении масонства в других странах.

04.11.1935 г. А. И. Позняк. Изложение статьи Пьера Гилемона о ландмарках.

11.11.1935 г. В. М. Лиссим. О ложах в Польше, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии и Греции.

18.11.1935 г. Ю. М. Певцов-Модрах. О морали в масонстве.

25.11.1935 г. В. Л. Андреев. О внутренних врагах масонства.

02.12.1935 г. М. М. Мабо (отец). О равнодушном масоне.

09.12.1935 г. Я. И. Линцбах. О пользе и необходимости людоедства.

16.12.1935 г. М. П. Кивелнович. О символике в науке и масонстве.

23.12.1935 г. Д. Я. Брун. О Шарле Рише; С. Я. Левин. О лозунге: «Deus meumque ius».

30.12.1935 г. О смысле масонского общения.

06.01.1936 г. А. И. Каффи. Национализм и масонство.

13.01.1936 г. В. И. Степанов. О развитии религиозного сознания в человеке.

20.01.1936 г. Ю. М. Певцов-Модрах; М. А. Осоргин. О посвятительном пути.

27.01.1936 г. В. А. Грюнберг. О посвятительном пути.

03.02,1936 г. Д. Я. Брун. О посвятительном пути.

10.02.1936 г. М. А. Осоргин. Об истории ложи Северные Братья (для новопосвященных);

Ю. М. Певцов-Модрах. О символизме.

17.02.1936 г. А. И. Каффи. О масонстве.

24.02.1936 г. С. А. Луцкий; М. А. Осоргин. О масонском мироощущении и определении понятия масонство.

02.03.1936 г. М. П. Кивелиович. О равноденствии и астрономическом годе; Г. И. Газданов. О юбилеях и безвременности масонства.

09.03.1936 г. М. П. Кивелнович. О золотом сечении.

16.03.1936 г. П. А. Бурышкин. О масоне-историке.

23.03.1936 г. П. Н. Переверзев. О Канте.

30.03.1936 г. Продолжение беседы о Канте.

06.04.1936 г. Г. И. Газданов. Об «опустошенной душе».

13.04.1936 г. М. А. Осоргин. Годовой отчет.

05.10.1936 г. О масонском секрете и масонской тайне.

12.10.1936 г. М. А. Осоргин. Тезисы доклада «Путь русского масона», прочитанного в ложе Северная Звезда 8.10.1936 г.

19 и 26.10.1936 г. Ю. М. Певцов-Модрах. Вершина светящейся дельты.

02.11.1936 г. Д. Я. Брун. Соборное творчество.

09.11.1936 г. А. П. Прокопенко. Стихотворный перевод из Гераклита; Беседа о литературе и стилях.

16.11.1936 г. А. И. Каффи. Письмо по вопросам о масонской работе, возможности активной работы и проч.

23.11.1936 г. С. А. Луцкий. Вопросы современности, в частности отношение к испанским событиям.

30.11.1936 г. Продолжение разговора на ту же тему; О масонском методе суждений.

07.12.1936 г. М. П. Кивелнович. О пределах терпимости и возможной политической ориентировке масона.

14.12.1936 г. Б. М. Петрусевич. О социальном прогрессе, развитии человеческих обществ, созидании лучшей человеческой природы и т. д.

21.12.1936 г. О перспективах сблнжения с русскими ложами Великой Ложи Франции.

28.12.1936 г. П. Н. Переверзев. Развитие темы о счастьи и о понятии «благородный человек».

04.01.1937 г. Х. Г. Кафьян. О критике.

11.01.1937 г. М. А. Осоргин. О масонской терпимости.

18.01.1937 г. М. А. Осоргин. Попытка логического доказательства масонского положения: «Разума недостаточно для постижения истины».

25.01.1937 г. Обсуждение предыдущего доклада.

01.02.1937 г. Ю. М. Певцов-Модрах. Об «Истине» с точки зрения профанской и масонской.

08.02.1937 г. М. А. Осоргин. О сотом заседании ложи и отчет о работе; А. П. Прокопенко. О религиозно-сексуальной смуте в страдальческой жизни и творчестве Пушкина.

15.02.1937 г. Краткое сообщение о деятельности ложи за истекший период; Приветствия разных масонов, в т. ч. А. С. Альперина.

22.02.1937 г. М. П. Кивелнович. О масонской работе на службе идеальных задач масонства.

01.03.1937 г. И. С. Магат. Масонский символизм и биологические явления природы.

08.03.1937 г. Ф. Ф. Оболенцев. О теории эволюции.

15.03.1937 г. И. С. Магат. Профессор Павлов как мыслитель.

22.03.1937 г. А. П. Прокопенко. О двуедином масонстве.

29.03.1937 г. Я. И. Линцбах. Оправдание масонского посвящения с общечеловеческой точки зрения.

05.04.1937 г. О рациональном и иррациональном познании в масонстве.

12.04.1937 г. Отчет работ за год.

04.10.1937 г. Обсуждение вопросов административного и организационного характера.

11.10.1937 г. Ю. М. Певцов-Модрах. О первом параграфе конституции Андерсона.

18.10.1937 г. П. Н. Переверзев. О книге Метерлинка.

25.10.1937 г. К. М. Миклашевский. Гипертрофия искусства.

01.11.1937 г. В. Л. Андреев. Зависимость личности от окружающей среды.

08.11.1937 г. М. А. Осоргин. Тезисы доклада «О суверенной ложе», прочитанного в ложе Северная Звезда 4.11.1937 г.

15.11.1937 г. М. А. Осоргин. По поводу истории конституции Андерсона; Чтение перевода Конституции.

22.11.1937 г. П. А. Бурышкин. О шотландском уставе.

29.11.1937 г. Сообщение о переписке с Линцбахом; М. П. Кивелнович. Орфеисты и Пифагорейцы.

06.12.1937 г. М. А. Осоргин. Обращение к новопосвященному.

13.12.1937 г. Продолжение беседы предыдущего собрания; Об определении понятия масонства.

20.12.1937 г. П. А. Бурышкин. О русском розенкрейцерстве екатерининского времени.

27.12.1937 г. А. С. Фёдоров. Размышления по поводу гибели Пифагорейской школы.

03.01.1938 г. Г. Б. Забежинский. Универсализм и интернационализм (повторен 10.02.1938 в Свободной России).

10.01.1938 г. П. Н. Переверзев. О презрении к профанскому миру; П. С. Иванов. О масонском понимании.

17.01.1938 г. П. А. Бурышкин. Масонство и старообрядчество.

24.01.1938 г. Обсуждение мысли, высказанной Делевским, об отсутствии правды в мире.

31.01.1938 г. Я. Л. Делевский. Добавление к обсуждению на предыдущем заседании о борьбе с ложью в мире.

07.02.1938 г. Ю. М. Певцов-Модрах; М. А. Осоргин. О несовместимости посвятительного пути с выступлениями масонства, как организации, в мире профанском; А. И. Каффи. Значение испанского опыта.

14.02.1938 г. А. П. Прокопенко. О Сократе.

21.02.1938 г. Беседа о соединении масонских держав.

28.02.1938 г. И. И. Рафалович. О современном положении вещей с точки зрения рядового человека.

07.03.1938 г. М. А. Кроль. О взаимоотношениях между личностью и обществом.

14.03.1938 г. П. А. Бурышкин. О ландмарках.

21.03.1938 г. Обсуждение вопроса о дальнейшем существовании ложи.

28.03.1938 г. Ф. Ф. Оболенцев. О впечатлениях от пребывания в масонстве.

04.04.1938 г. П. М. Сафир. О впечатлениях от пребывания в масонстве.

11.04.1938 г. М. А. Осоргин. Заключительное и прощальное слово. Отчет о деятельности за год.

24.10.1938 г. Избрание нового председателя и должностных лиц и обсуждение дальнейших работ.

07.11.1938 г. А. С. Альперин. Об организации еврейской ложи в Великой Ложе Франции.

28.11.1938 г. П. Н. Переверзев. На тему: «Мысль изреченная есть ложь».

05.12.1938 г. О соборности в масонстве.

26.12.1938 г. А. П. Прокопенко. Кризис великой идеи.

02.01.1939 г. А. И. Каффи. О соборном творчестве.

23.01.1939 г. К. П. Новосёлов. О необходимости градусов в масонском Братстве.

06.02.1939 г. М. П. Кивелиович. Рациональность и иррациональность.

06.03.1939 г. П. Н. Переверзев. Основные этапы масонского посвящения.

27.03.1939 г. П. С. Иванов. Русское масонское сознание 18-го века в лице его представителя Лопухина.

03.04.1939 г. М. А. Осоргин. О дне равноденствия.

24.04.1939 г. М. А. Осоргин.; П. Н. Переверзев. Отчет о деятельности ложи; М. А. Осоргин. К русским братьям.

Доклады М. А. Осоргина, прочтенные в ложе Северные Братья, были опубликованы *[Осоргин II]*. Бессмысленно пересказывать эти речи, которые, вероятно, являются лучшим, что было создано М. А. Осоргиным.

В заключение позволим себе привести обширные выдержки из речи С. А. Луцкого памяти М. А. Осоргина от 27 ноября 1946 г.

«Большой это был человек, сложный и в сложности своей необыкновенно цельный. Литература и гуманизм, душевный анархизм и масонство, внешний атеизм и внутренняя несомненная религиозно-мистическая настроенность души, с верой, если не в Бога, то в какую-то высшую мудрость, внешнее презрение к человеческому стаду и особенное умение любить и чувствовать каждого человека в отдельности — все это переплеталось в нем так причудливо, что нельзя говорить о каждой из этих сторон его жизни отдельно, а говорить сразу обо всем невозможно. Поэтому лучше всего будет, если я стану перед Вами просто *думать* о нем вслух <...>

И вот раньше всего я вспоминаю Ложу "Сев. Бр." — любимое детище М. А. <...>

М. А. хотел вначале создать только учебную ложу, но мечтал, что когда-нибудь из нее вырастет новое, независимое от французского русское Масонство. В Ложе мог принимать участие всякий масон любого повиновения <...> Постепенно она стала настоящим связующим центром всего русского масонства Парижа. Всякий брат мог прийти в нее и самым фактом своего присутствия делался членом Ложи.

Мы долго не знали, как назвать эту Ложу. Названий предлагалось много, одно из них было: "Ложа Избранного Михаила" (такая Ложа была когда-то в России). Помню, как М. А. смутился от этого названия и наотрез отказался. Остановились на "Сев. Бр.".

Первое время собрания наши протекали без всякого ритуала, потом М. А. выработал наш собственный ритуал с девизом, характерным для него: "Познание, Независимость, Творчество". Постепенно Ложа обогащалась, появился молоток и наугольник, на стене засветилась Лучезарная Дельта, и голубым пламенем развернулось вышитое Т. А. [Осоргиной] знамя. Собирались мы без лент, но вероятно позже и ленты появились бы. Собирались по-семейному, за круглым столом, на диванах, пили чай и т. д.

Вначале председательствовал на собраниях М. А., что было вполне естественно, так как организатору Ложи надлежало хоть первое время руководить ею. Но потом М. А. стал просить бр.·. председательствовать поочередно и когда никто на это не решался — сам назначал какого-нибудь молодого брата, чтобы он мог поучиться...

Под конец мы решили, что М. А. должен стать законным ДМ, и ему пришлось согласиться. Но обоих надзирателей он назначал сам на каждом собрании.

Ложа работала страстно и плодотворно, и многим братьям помогла она стать настоящими масонами. Собирались четыре раза в месяц. Когда должен был настать день 101-го собрания, мы решили устроить праздник. Вышел он на славу <...>, говорились горячие речи, и вообще все было в приподнятом и возвышенном тоне. А сам М. А. сиял именинником. Мы поднесли ему в подарок два бронзовых подсвечника и тут же вставили в них свечи и погасили электричество. И пламя свечей колебалось и трепетало от учащенного и горячего дыхания взволнованных братьев.

А М. А. роздал нам крошечные бронзовые лопаточки (с цифрой 101), которые мы прицепили к нашим лентам <...>.

Вскоре после 101-го собрания М. А. решил, что места у него слишком мало для все увеличивающейся Ложи, и она была перенесена на квартиру другого брата <...>

Можно ли говорить о М. А., не говоря о наших незабываемых Понедельниках? Как раскрывался на них М. А.! И с каким нетерпением мы ждали их! Помню... зима... Ко мне приходит мой любимый брат, и мы торопимся поужинать, чтобы не опоздать. Мы быстро идем по Bd de Port Royal, пустынному, морозному и лунному, и наши шаги отчетливо стучат по асфальту. Мы оба уже как-то особенно по-масонски настроены и готовы любить весь мир и биться за правду. Хорошо идти к М. А., хорошо быть масоном, хорошо жить на свете, и вообще, мы знаем, что все будет хорошо.

Вот мы пришли и сразу же попадаем в особый мир доверия, ласки и дружбы. Мих. Андр. уже за столом в черной бархатной русской рубашке с белым воротничком и манжетами. Перед ним раскрытая Библия и молоток... <...> В маленькой комнате чудом каким-то поместилось уже больше 20 человек, и я знаю, что всем им так же душевно тепло, как и мне. Мы садимся, пьем чай, курим и бессвязно беседуем.

— "Ну, братья, пора начинать"... И М. А. открывает в ритуальном порядке собрание Независимой Ложи "Сев. Бр.", и три ангела Познания, Независимости и Творчества незримо и тихо слетают к нам.

— "О чем мы будем сегодня говорить? Есть ли у бр. доклад или тема, волнующая их?".

Доклада может и не быть, но тем всегда много, ибо жизнь волнующе-богата, а все же начинать никто не решается. Тогда М. А., привыкший уже к такому началу и знающий, что братьев надо чем-нибудь "зацепить", заводит сам разговор <...> Очень тихий и спокойный, на какую-нибудь из "наших вечных" тем, но так искусно построенный, что сразу всех пронзает <...> И тут уже начинается наша соборная неразбериха и горение <...> Происходит "масонское чудо", профанам непонятное, раскрывается "масонская тайна", и хотя "ум человека ограничен и истина недостижима", но атом истины уже среди нас, *внутри нас* — живой и страстный <...>

Так проходили наши прекрасные Понедельники, и уходя с них, мы бережно несли в душе обретенное богатство <...>

Из речей М. А., так же, как из речей других братьев, часто невольно можно было заключить, что "посвящение" или "посвященность" есть действительно некая благодать, спускающаяся на брата и делающая его масоном <...> М. А. — яростный противник стихов — был настоящим поэтом в жизни и в масонстве (что для него было одно и то же), а поэзия без формы обойтись не может. И символика была формой, вне которой он не мог творить поэзию жизни, королевское искусство масонства <...>

Несомненно, что он был большим мистиком и не очень энергично это отрицал. Эта мистическая настроенность его для меня вполне ясна и сквозит во всех его докладах <...>

Не все братья бывали всегда и полностью согласны с М. А. в его толковании сущности и цели Масонства. Но все преклонялись

перед его какой-то особенной мудростью, перед его горением и душевной чистотой и в этом смысле он был нашим учителем <...>

В памяти моей будут жить слова, сказанные им Т. А. [Осоргиной] за несколько дней до смерти:

"Я остался верен до конца, ни от чего не отказался и знаю, что был на правильном пути и что надо так продолжать <...>

Я понимаю, что идеи растут и меняются и что изменения неизбежны во всем живом.

Скажите им, чтобы они хоть сохранили побольше поэзии — символики масонства..."» *[ЛА]*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МАСТЕРСКИЕ ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОРГАНИЗАЦИИ (1924–1939)

А. Ложа Астрея

1924 г. стал для русского масонства в изгнании во многом определяющим. Во-первых, как мы видели, начал складываться круг масонов, тяготеющих к идеям Великого Востока Франции. Во-вторых, русские вольные каменщики союза Великой Ложи Франции перешли от массового приема «профанов» в свои ряды к индивидуальной посвятительной работе, что вело к обособлению отдельных групп и к созданию новых лож. Быстрый рост ложи Астрея естественно поставил вопрос об открытии этих мастерских.

Офицерские должности в ложе Астрея в 1924 г., в основном, остались за теми же масонами. Отметим лишь, что 1-м стражем стал А. В. Давыдов, секретарем Д. А. Шереметев, а депутатами в Великой Ложе Н. В. Чайковский и В. Д. Кузьмин-Караваев.

16 февраля 1924 г. состоялось совместное заседание Астреи и новой ложи Северное Сияние, на котором с докладом «Мировой кризис и вероятная роль масонства» выступил А. И. Путилов.

Наиболее активными были работы Астреи до летнего перерыва. Так, в марте 1924 г. были заслушаны доклады: И. И. Тхоржевский «Советская конституция»; А. А. Лобанов-Ростовский «Русская философия»; П. А. Бобринский «Упадок и возрождение русской литературы»; В. Д. Кузьмин-Караваев «Преступление и наказание»;

Г. Б. Слиозберг «Франция и Россия до установления советской власти»; а в мае: Э. П. Беннигсен «Несколько замечаний о Евразии». (Основой раздела о ложе Астрея стали материалы ее архива: *ЦХИДК. Ф.730; GLdF. № 500.*)

Переход к новым условиям работы происходил постепенно. Например, предпринимались попытки привлечь братьев Великого Востока к работам ложи Астрея. Так, 5 июня 1924 г. на заседании мастерской выступил будущий член Северной Звезды В. А. Маклаков, который раскрыл свое понимание исторической роли революции 1917 г. как этапа трансформации России. Доклад вызвал оживленное обсуждение, в котором принимали участие как французские братья, так и русские масоны.

Выделение из Астреи новых русских мастерских (о чем пойдет речь в следующих разделах этой главы) не могло не сказаться на работах первой русской ложи. Во-первых, сократилось число новых посвящений, во-вторых, на заседаниях до конца года не было прочитано больше ни одной «зодческой» работы, в-третьих, потребовалось изменить офицерский состав мастерской.

М. Г. Корнфельд вспоминал: «"Астрея" переживала свой первый внутренний кризис, проявившийся в весьма бурной предвыборной кампании <...> В ложе обнаружилось несколько непримиримых течений, и было ясно, что об единогласном избрании не могло быть речи. При сложившейся конъюнктуре ложе грозил раскол, — до того момента, когда была предложена кандидатура брата Антова (не принимавшего никакого участия в предвыборной кампании) <...> Все тучи сразу же рассеялись, и в ложе воцарился мир и всеобщее благорасположение» *[Вестник. 1963. № 12. С.5]*.

Кроме досточтимого мастера Владимира Давидовича Антова (1879–1963), в конце 1924 г. на ключевые посты были выбраны следующие лица: 1-й страж — Л. Д. Кандауров, 2-й страж — В. Л. Вяземский, оратор — С. С. Новосёлов, секретарь — К. К. Грюнвальд *[См. протоколы ложи: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.18]*.

Новые посвящения в мастерской проводились преимущественно для других, недавно образованных русских лож.

В 1924 г. в Астрее были посвящены И. А. Вачнадзе, Г. С. Воеводский, Л. А. Гринчук-Лукашевич, В. В. Захаров, но особо следует отметить прием в масонство К. В. Гвоздановича, П. П. Рябушинского (младшего) и М. П. Чубинского, а также присоединение к ложе М. Г. Корнфельда, А. П. Веретенникова и К. К. Грюнвальда. По разным причинам из ложи вышли Д. С. Навашин, В. А. Нагродский, А. П. Нагель, В. Н. Скосырев и В. Е. Татаринов.

В 1925 г. ложа была усилена благодаря присоединению И. В. Авдиева, Н. И. Свешникова, А. С. Яковлева, Г. Н. Левинсона, генерала Ф. С. Маркова и Н. В. Тесленко. Число братьев увеличилось также в связи с посвящением в масонство С. О. де Витта, М. И. Мамонтова, Б. М. Петрусевича, адвоката Л. С. Мееровича, В. Р. Титце, П. П. Потемкина, К. Г. де ля Люби, А. И. Фидлера, К. А. Эрманса (он был близким другом Ф. И. Шаляпина) и др. В то же время были радированы Ю. Ф. Волошинов и П. М. Соймонов.

Особенно был активен в ложе в 1925 г. Н. В. Чайковский, который 31 января рассказал о сущности социализма, а 11 апреля о социализме и христианстве *[Об этих докладах см.: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.604. ЛЛ.33 об.. 65; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.12. ЛЛ.58–59; Д.183. Л.28; Николаевский. С.191–192; см. также доклады Н. В. Чайковского «Аграрный вопрос и масонство» и «Задачи братства в России»: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.607]*. Из докладов этого же года упомянем отчет Г. Б. Слиозберга о поездке в США (13 июня).

В 1926 г. Астрея продолжала работать под руководством В. Д. Аитова *[О работе ложи в 1926 г. см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.14]*. Другие офицерские должности в ложе занимали: 1-й страж — В. Л. Вяземский, 2-й страж — А. П. Веретенников, оратор — С. С. Новосёлов, секретарь — К. К. Грюнвальд, казначей — Н. И. Наумов. Депутатами ложи были Г. Б. Слиозберг, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. А. Бобринский.

Число членов ложи продолжало увеличиваться, несмотря на тяжелые потери: кончина Н. В. Чайковского, П. П. Потемкина, М. Я. Берлина, К. Д. Старынкевича и отставка таких видных масонов, как М. П. Чубинский, А. В. Давыдов, А. И. Путилов, Б. В. Дезобри, В. Н. Скрябин, А. П. Клягин. Значительным приобретением для русского масонства было посвящение его будущих лидеров Г. Я. Смирнова и адвоката С. К. Сочивко.

Наряду с названными, в 1926 г. в Астрее были посвящены С. К. Авьерино, З. Г. Ашкинази, В. П. Владимиров, присоединен А. П. Фиников; радиированы А. В. Амилахвари, И. А. Вачнадзе, Е. А. Буткевич.

В феврале 1926 г. депутаты ложи В. Д. Кузьмин-Караваев и Г. Б. Слиозберг доложили о внеочередном конвенте Великой Ложи Франции, который рассматривал вопрос о борьбе против фашизма. В этой же связи с обстоятельным докладом о попытках разрешения мирового кризиса выступил Д. С. Пасманик.

Следующим принципиально важным докладом в Астрее стало сообщение Н. В. Тесленко о русской национальной идее (12 июня). Ложу интересовали не только вопросы мировоззрения и современной политики (например, 13 ноября Г. Б. Слиозберг говорил о государственном и актуальном праве), но и чисто масонские темы. В качестве примера приведем сообщение Л. Д. Кандаурова 10 июля о документах русского масонства XVIII—XIX вв.

В 1927 г. произошли серьезные изменения в офицерском составе ложи. В. Д. Аитов был назначен пожизненным почетным венераблем ложи, а досточтимым мастером Астреи стал Владимир Леонидович Вяземский (1889—1960), который занимал данный пост по 1930 г. 1-м стражем был избран К. К. Грюнвальд (находился на этом посту по 1929 г., потом был сменен И. А. Кистяковским), 2-м стражем — Ф. С. Марков (его сменили в 1928 г. П. А. Мещерский, в 1929 г. С. О. де Витт, в 1930 г.

Г. Я. Смирнов), должность секретаря два года занимал Г. Н. Левинсон (а затем И. А. Кривошеин), оратором стал Н. В. Тесленко (в 1929 г. — А. А. Бобринский, в 1930 г. — В. А. Грюнберг); депутатами ложи в эти четыре года попеременно были Г. Б. Слиозберг, П. А. Бобринский, М. Г. Корнфельд, А. П. Веретенников, Г. Н. Левинсон. Названные лица определяли жизнь русской мастерской Астрея в конце 1920-х гг.

Новый офицерский состав способствовал привлечению значительного числа русских беженцев в ложу. В результате к 1929 г. число членов Астреи превысило 100 человек и продолжало расти дальше.

В числе посвященных в 1927 г. были: П. С. Вельяминов-Зернов, А. Э. Дюбуа, Н. В. Майер, Н. М. Неклюдов, Д. А. Оболенский, Э. Л. Рабинович, А. Г. Миркович, Г. С. Тиханович, журналист Л. Д. Любимов, О. М. Сейделер, Б. О. Фредман-Клюзель, Н. В. Савицкий и др. В этом же году к ложе присоединился и адвокат Д. М. Казанджиев, но в отставку вышли Г. С. Воеводский, К. В. Гвозданович, Ф. Ф. Макшеев, Г. Ф. Гофман, И. И. Тхоржевский, П. А. Ливен. Скончался Л. С. Меерович.

В 1928 г. из ложи были исключены (в основном за неуплату взносов) А. З. Иванов, П. И. Кугушев, И. Ф. Штерн, С. К. Авьерино, в отставку вышли Э. П. Беннигсен, П. В. Погожев, В. В. Лыщинский-Троекуров, С. Я. Зильберштейн, С. А. Соколов, А. А. Мордвинов, А. И. Мамонтов, В. Е. Ден, которые стали работать в других мастерских. Из новых членов Астреи отметим бывших берлинских масонов — писателя И. С. Лукаша и В. П. Свободина, а также новопосвященных: П. Ф. Яковлева, В. А. Грюнберга, М. Э. Бодиско, шахматистов О. С. Бернштейна и А. А. Алехина, бывшего офицера А. А. Нечаева, присяжного поверенного Д. М. Петрова, музыканта В. К. Кодолбана, инженера М. А. Маргулиса.

В 1929 г. был радиирован Н. П. Вакар, который давно перестал посещать заседания ложи, в отставку временно вышел Ф. С. Марков. Были посвящены М. В. Домбровский, Г. Ф. Эвальд, М. К. Адамов,

А. А. Поляков, А. М. Волконский, В. П. Августинович, В. М. Гордовский, Л. А. Киркель (см. «личные» масонские дела новопосвященных: *ЦХИДК. Ф.730).*

В 1930 г. произошло посвящение владельца гостиниц Л. М. Робинсона, заведующего информационным отделом газеты «Возрождение», литератора С. Г. Долинского, философа В. Н. Сперанского, писателя П. П. Тутковского, адвоката Б. И. Золотницкого, сына масона К. Н. Майера, шофера Н. К. Самбора, видного земского деятеля В. В. Вырубова и др. Но становились все ощутимее и потери ложи: были радированы М. А. Маргулис и А. Э. Дюбуа, умер Д. С. Пасманик, практически весь год отсутствовали на заседаниях М. К. Адамов, И. В. Авдиев, Л. Д. Кандауров, Н. В. Майер.

Изменилась с 1927 г. и тематика докладов в ложе. В «зодческих» работах стали доминировать изучение символизма и выступления на исторические темы, рассмотрение общих вопросов.

Перечислим некоторые из докладов:

12 февраля 1927 г. — Ю. Ф. Семёнов. Изменение настроений в России и их приближение к нашим (об этом докладе, в обсуждении которого принимали участие К. К. Грюнвальд, В. А. Нагродский, И. А. Кистяковский, А. А. Мордвинов, Н. В. Тесленко, Э. П. Беннигсен, П. А. Мещерский, см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.19. С.7–9; Д.183. ЛЛ.7–23*);

9 апреля 1927 г. — А. А. Бобринский. О Св. Граале;

14 мая 1927 г. — Д. С. Пасманик. Роль масонства в современной русской жизни;

10 декабря 1927 г. — А. А. Бобринский. Об английском масонстве.

Из докладов 1928 г., в первую очередь, упомянем сообщение почетного великого мастера Великой Ложи Франции, вице-командора Верховного Совета Франции Бернара Веллхоффа (1855–1933) «Международные масонские отношения в нынешний момент» (11 февраля). Два доклада (10 марта и 21 июля) были прочитаны в ложе А. А. Бобринским, они соответственно назывались: «Астрология и Библия» (этот доклад был положен

в основу печатной брошюры А. А. Бобринского, изданной в том же году в Париже под заглавием «Астрономия и Библия») и «Первые века христианства по неизданным нехристианским источникам».

Известно еще о трех сообщениях 1928 г. (о работах ложи в 1928 г. особо см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.14*):

9 июня — А. П. Веретенников. Очерк о масонстве в Скандинавии и Германии;

12 мая — М. Г. Слиозберг. Политическая и общественная роль масонства в прошлом (несколько эпизодов);

10 ноября — А. А. Морской. Восемнадцать месяцев в Соединенных Штатах.

9 марта 1929 г. З. Г. Ашкинази выступил с докладом «Метафизика музыки» (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.57. Л.2*);

13 марта 1929 г. А. Ф. Келлер рассказал о символике 3-й степени и легенды о Хираме;

13 апреля 1929 г. на совместном заседании с Гермесом Н. В. Тесленко подробно рассмотрел «Религиозные и национальные потрясения в Московской Руси во второй половине 17-го в.»;

29 июня 1929 г. И. С. Лукаш блестяще рассказал о быте московских мартинистов эпохи Н. И. Новикова (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.19 а. ЛЛ.40, 47; Д.61. ЛЛ.31,34*);

14 декабря 1929 г. (по другим сведениям, 11 января 1930 г.) С. К. Сочивко выступил с докладом «Революция и преступление».

К 1929 г. относится эпизод с демонстративным уходом из Астреи А. Г. Мирковича, который считал, что Астрея полностью следует «указаниям» «Последних новостей» и занимается «травлей» умеренного курса «Возрождения». Поступок А. Г. Мирковича во многом был обусловлен тем, что ложа подвергла резкой критике Л. Д. Любимова (он рекомендовал в свое время А. Г. Мирковича в ложу), который опубликовал в «Возрождении» ряд антимасонских статей. Сам Л. Д. Любимов еще пять лет проработал в Астрее и был исключен в 1934 г.

Известно о пяти докладах, прочитанных в ложе в 1930 г.:

30 января (совместное заседание с ложей Гермес) — Н. В. Тесленко. Церковь и государство со времени Петра Великого до наших дней;

8 марта — Е. В. Ратнер. Религия и наука;

10 мая — И. С. Лукаш. Россия и Русь. Некоторые новые теории;

15 октября — Л. А. Кроль. Масонство и политические партии;

8 ноября — Л. Д. Любимов. Впечатления, вынесенные из поездки в Польшу.

Кроме того, 3 июля Г. Н. Левинсон сделал в ложе отчет о съезде лож парижского района (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.66. ЛЛ.45, 110, 17; Д.19 а. ЛЛ.144, 19; Д.62. ЛЛ.24, 40; GLdF. № 535*).

В 1931 г. пост досточтимого мастера ложи занял Георгий Яковлевич Смирнов, 1-м стражем был выбран С. К. Сочивко.

В ложе состоялось четыре новых посвящения, однако впоследствии лишь К. П. Каплан и А. Л. Поляков действительно внесли свой вклад в русское масонство, остальные принятые в Астрею не надолго задержались в ее рядах.

Из докладов, которые прозвучали в этом году в Астрее, следует упомянуть следующие:

14 февраля — И. С. Лукаш. Масонская Россия (опыт познания России);

20 апреля — П. Н. Переверзев. Задачи русского масонства перед родиной;

4 июля — А. А. Поляков. Опыт исторического обоснования масонства;

30 июля — М. Г. Корнфельд. О посвящении и закрытии работ;

12 сентября — Л. Д. Любимов. В фашистской Италии;

14 ноября — Е. В. Ратнер. Судьбы человека (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.62. ЛЛ.18–30; Д.61. Л.57; Д.63. ЛЛ.58–69; GLdF. № 500*).

В 1932 г. ложа вновь работала под руководством Г. Я. Смирнова. Обязанности секретаря выполнял В. М. Гордовский.

В отставку из мастерской вышли Н. В. Тесленко, А. П. Фиников и Л. А. Гринчук-Лукашевич. В течение года в ложу были посвящены музыкант П. И. Ковалев, писатель А. П. Каменский, Р. И. Лее, В. Н. Ивашев, Н. Л. Барклай де Толли, промышленник А. Б. Каган, купец В. Ю. Расин, бывший офицер А. В. Поливанов.

Привлечение новых масонов в Астрею потребовало провести 24 ноября 1932 г. специальное инструкционное заседание в 1-й степени, на котором А. А. Бобринский подробно рассказал об идее ритуального посвящения, М. Г. Корнфельд говорил «О символике 1-го градуса», а М. К. Адамов «О работе вольных каменщиков 1-го градуса» *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.62. Л.31; Д.61. Л.50; Д.63]*.

Ложа по-прежнему уделяла большое внимание философским вопросам. 12 марта член Северной Звезды С. И. Метальников сделал в ложе доклад «Бессмертие и эволюция смерти», 23 июня И. Н. Голенищев-Кутузов — «Духовное существо», а 10 декабря Е. В. Ратнер — «Философия случая».

На заседаниях ложи с рассказом о «Положении на Дальнем Востоке» 13 февраля, 9 апреля и 14 мая и в октябре (на совместном заседании с Гамаюном) выступал Л. В. Гойер, который был хорошо знаком с реальным положением вещей. 11 июня своими путевыми впечатлениями о поездке по Америке, Европе и России поделился В. П. Августинович.

В 1932—1933 гг. ложа Астрея, как и все русское масонство, переживала острый кризис. Конфликт М. А. Осоргина с М. С. Маргулиесом, описанный нами в предыдущей главе, был ярким выражением процессов дезинтеграции, затронувших все русские ложи. Распространение в Европе фашистской идеологии требовало четкого обоснования антибольшевистской деятельности, размежевания с крайне правым лагерем врагов коммунизма, пересмотра методов борьбы за демократию в СССР. Многими русскими изгнанниками отказ, например, от идеи вооруженного

вторжения в советскую Россию расценивался как предательство. Однако политические радикалы оказались в явном меньшинстве в русских ложах и покидали Орден вольных каменщиков.

В 1933 г. последствия политического размежевания в ложе стали особенно ощутимыми. По различным причинам, в том числе и из-за политических разногласий с большинством членов, были радиированы: П. А. Соколов, П. А. Мещерский, З. Г. Ашкинази, М. Г. Корнфельд, И. С. Лукаш, Б. А. Фюрстенберг, Л. Л. Афанасьев-Малиновский. В этом же году в отставку из Астреи вышли такие видные масоны, как П. А. Половцев, П. А. Бобринский, Н. М. Неклюдов и А. П. Веретенников. Столь значительные потери не могли быть восполнены несколькими посвящениями (коммерсанта П. Фельза, В. Э. Ансельма и Ю. М. Певцова-Модраха).

Тем не менее, ложа продолжала активную работу по изучению идеологии масонства, положения в мире и в советской России.

23 февраля три члена ложи выступили с докладами о положении науки и культуры в советской России: А. Л. Поляков рассказал о современном состоянии науки и искусства, А. П. Каменский — литературы, а С. К. Сочивко — философии (в переработанном виде С. К. Сочивко повторил свой доклад 18 марта 1933 г. в ложе Гермес и 17 апреля 1935 г. в ложе совершенствования Друзья Любомудрия).

Принципиальный характер носил доклад 14 марта депутата ложи Г. Б. Слиозберга: «Идеология и задачи русского масонства». Член ложи Юпитер М. М. Филоненко 13 мая рассказал членам ложи Астрея о «Значении германского переворота» в мировой политике. Данный доклад заставил серьезно обсудить проблемы демократии, в ходе обсуждения выступили Д. А. Шереметев, О. С. Бернштейн, С. К. Сочивко. К. П. Каплан даже предложил распространить работу М. М. Филоненко в печатном

виде *[Протоколы Астреи этого времени см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.51 (особо лл.322–331). О докладах см. также: GLdF. № 500; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.21; Д.22. Л.6].*

Затем ложа обратилась к масонской проблематике. 25 мая С. Н. Третьяков выступил с докладом «Масонское понятие о Великом Архитекторе Вселенной», в обсуждении которого приняли участие Б. М. Петрусевич, Д. Н. Вердеревский, Д. В. Репнин и другие.

22 июня А. П. Каменский говорил в Астрее «О братской любви». Его сообщение дополнили К. К. Грюнвальд, Н. В. Майер, Е. В. Ратнер, В. А. Грюнберг, Д. Н. Вердеревский и С. О. де Витт.

После летнего перерыва, 14 октября, П. А. Бурышкин обратил внимание братьев ложи на тему «Русское масонство и русская литература» *[С этим же докладом П. А. Бурышкин выступил 3 января 1935 г. в ложе Свободная Россия. Текст доклада см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.185].*

Традиционным для конца октября (26 числа) было сообщение Г. Б. Слиозберга о работах конвента 1933 г.

14 и 23 ноября в ложе были соответственно заслушаны доклады: С. К. Сочивко «Свобода» и С. Н. Третьякова «Идеология капитализма», вызвавшие активное обсуждение в ложе. Обсуждение первого из упомянутых вопросов было, после вступительного слова того же С. К. Сочивко, продолжено в ложе 9 декабря, в нем приняли участие М. Г. Казаринов, Г. Б. Слиозберг, Д. А. Шереметев, К. К. Грюнвальд и Д. Н. Вердеревский. В дискуссии же по докладу С. Н. Третьякова участвовали Е. В. Ратнер, М. Г. Слиозберг, К. К. Грюнвальд, Н. В. Майер, Д. М. Петров и Д. Н. Вердеревский.

После того как два года Астреей руководил Г. Я. Смирнов, досточтимым мастером ложи стал на три года, с 1933 по 1935 г., Игорь Александрович Кривошеин (1889–1968). В ложе наметился

подъем, который был следствием политики И. А. Кривошеина на создание универсального русского масонства.

В 1934 г. в Лотос окончательно перешел К. П. Каплан, в отставку из Астреи вышли И. А. Кистяковский и В. Р. Титце. Однако ложа усилилась благодаря присоединения к числу ее действительных членов В. Е. Татаринова и М. И. Рейтборже из Свободной России, Ф. С. Маркова из Юпитера и Э. Л. Фельдзера из Гермеса. В ложе Астрея в 1934 г. были посвящены в масонство адвокат В. М. Лиссим, артист Н. В. Страхович-Лаврецкий и инженер Р. И. Горленко.

25 января 1934 г. музыкант П. И. Ковалев выступил в ложе с докладом «Кризис европейской культуры и масонство», а В. Л. Вяземский сделал сообщение «Несколько слов о русской геральдике».

В феврале-марте ложа преимущественное внимание уделяла изучению идейных основ масонства. 10 февраля В. Е. Татаринов прочитал доклад «Масонство Северного Устава». (Ранее, 22 января того же года, В. Е. Татаринов выступил со сходным докладом «О современном германском масонстве» в ложе Северные Братья). 27 февраля В. Л. Вяземский рассказал «О градусе мастера в Йоркском ритуале», В. Е. Татаринов — «О символике 3-й степени немецкого масонства», Г. С. Тиханович — о центре в ритуале 3-го градуса, секретарь ложи А. А. Морской — о символике 3–7-й степеней Шотландского Устава, А. Р. Гернгросс — о символике чисел, относящихся к 3-му градусу. 10 марта П. А. Бобринский выступил в Астрее с докладом об «Уложении Великой Ложи Астрея 1815 г.».

Ложа продолжила цикл конференций о масонской символике 28 июля 1934 г., когда «О познании во 2-м градусе» говорили Р. Ф. Булатович и В. Е. Татаринов.

(См. о докладах 1934 г.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.21. ЛЛ.32–66.* См. также «моральный отчет» оратора ложи за 1934 г.: *Там же. Д.51. ЛЛ.290–303).*

Ложа активно участвовала в совместных работах с другими русскими мастерскими. Большой интерес в связи с распро-

странением в мире идей фашизма и расового превосходства вызвал в среде русских масонов доклад Н. Н. Протасьева «Евгенизм и его роль в вопросах современности», прочитанный 12 мая 1934 г. на заседании лож Астрея, Лотос и Северное Сияние. В обсуждении данного сообщения приняли участие Д. Н. Вердеревский, В. Е. Татаринов, Д. А. Шереметев, В. В. Захаров, В. А. Грюнберг и др. Осенью Л. В. Гойер рассказал «О Японии в 1934 г.», а 10 ноября на совместном заседании с ложей Свободная Россия М. С. Маргулиес выступил с докладом «СССР от 17-го съезда по настоящее время». 24 января 1935 г. на совместном заседании лож Астрея и Лотос В. Е. Татаринов говорил на тему «Масонство и политика». *[Еще 3 ноября 1928 г. В. Е. Татаринов выступил с докладом на ту же тему в берлинской ложе Великий Свет Севера. См. о докладе: Лотос. С.29; GLdF. №№ 500, 638; ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.13. Л.27; Д.17. Л.35; Д.21. Л.4; Ф.730. Оп.1. Д.51. ЛЛ.285 об. — 288, 307; Д.80; Ф.1354. Оп.1. Д.8. ЛЛ. 6, 27].* Оживленный обмен мнениями, вызванный докладом, показал, что, разделяя личную точку зрения докладчика по поводу значительного интереса современной политической жизни для масонства, ложа тем не менее считала незыблемым утверждение, что пути масонства и политики различны, даже если и допустить известное сходство социальных целей, которые ставят перед собой отдельные политические группировки и Орден Вольных Каменщиков.

Курс на сближение Астреи с другими русскими мастерскими был следствием сознательной политики досточтимого мастера ложи И. А. Кривошеина. Подобная направленность работ имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, ложа получила возможность постоянно знакомиться с лучшими зодческими работами на русском языке, с другой — консервативно настроенные члены Астреи стали все чаще покидать ложу. В 1935 г. этот процесс продолжился: выходят в отставку из мастерской Д. А. Шереметев, С. А. Голенищев-Кутузов, В. П. Свободин, Ю. Ф. Семёнов,

И. А. Кистяковский, А. И. Мамонтов, Д. М. Казанджиев, что было связано преимущественно с работой этих вольных каменщиков в других ложах. В том же году из Астреи исключают П. П. Тутковского. Пополнились же ряды ложи лишь тремя новопосвященными, это — А. С. Гросман, А. В. Гранов и С. П. Тикстон, которые активно включились в масонскую работу. Присоединился к ложе адвокат П. А. Брюнелли.

О докладах этого года см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.51. ЛЛ.289–313; GLdF. № 500.* Два из них были посвящены историческим темам. 28 февраля, на совместном заседании с ложей Свободная Россия, В. Л. Вяземский рассказал о «Междуцарствии 19 ноября — 14 декабря 1825 г.», а П. А. Бурышкин 13 апреля прочитал свой доклад «Французские эмигранты в русском масонстве XIX в. Русские масоны в Париже в 1815 г.» (см. текст доклада на французском языке: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.156*).

24 октября В. М. Лиссим поделился своими масонскими впечатлениями о поездке по Восточной Европе. В этом же году Н. М. Неклюдов сделал краткое сообщение о своих масонских работах в Африке.

Досточтимым мастером ложи в 1936 г. стал Владимир Евгеньевич Татаринов (1891–1060), занимавший этот пост три года, обязанности секретаря выполнял В. Э. Ансельм.

В 1936 г. члены ложи впервые отчетливо осознали, что необходимы решительные меры для привлечения новых лиц в мастерские. Дело в том, что если в 1926 г. численность членов Астреи достигала 100 человек, то в 1936 г. в ложе осталось лишь 50 вольных каменщиков. Несмотря на присоединение Д. Л. Вельяшева и Л. И. Каца, посвящение Н. Крузенштерна, Л. Б. Бернштейна и Ф. Ф. Оболенцева, число действительных членов ложи вновь сократилось: последовало 5 отставок и 8 радиаций (в числе радиированных были Е. В. Ратнер, А. Р. Гернгросс и П. Фельз). И хотя перед ложей еще не встал вопрос о «кворуме», т. е. о замещении всех офицерских должностей

мастерами на каждом собрании, Астрея стала все чаще проводить заседания совместно с другими русскими ложами в Париже. Тем самым Астрея не только поддерживала свои «дочерние» мастерские, но и определяла высокий уровень масонских работ русского братства вольных каменщиков *[См.: Моральный отчет оратора ложи Астрея за 1936 г. // ЛА]*.

В 1936 г. Астрея провела 23 заседания, на 10 из которых были прочитаны доклады. О докладах см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.10, 57, 61.*

Трое братьев поделились впечатлениями о своих поездках: К. К. Грюнвальд (12 декабря) и В. М. Лиссим — по Центральной Европе, а Д. Л. Вельяшев — по Эфиопии, где он провел два года.

В докладе В. Л. Вяземского «14 лет Астреи» преимущественное внимание было уделено рассказу о создании русского масонства в эмиграции. Об истории масонства также говорили П. А. Бурышкин «Русское масонство и православная церковь в прошлом и настоящем» (9 мая) и В. Е. Татаринов «Причины закрытия масонства в России в XIX в.» (25 июня).

Большое внимание в ложе традиционно уделялось символизму. Например, 8 февраля С. О. Витт познакомил братьев со своим докладом «Альбигойцы и следы их связей с легендой о Граале», о магических элементах в посвящении рассказал лидер русского масонства Л. Д. Кандауров, а А. Ф. Келлер посвятил свою «зодческую» работу символическому значению посвящения в степень мастера («Что такое посвящение»).

Вопросы современности нашли отражение не только в уже упомянутых докладах В. Л. Вяземского, П. А. Бурышкина и В. Е. Татаринова, но и в докладе А. В. Гранова «Маккиавелизм и масонство» (28 мая).

В 1937 г. ложа продолжала нести потери. Самой тяжелой из них была смерть одного из руководителей масонства, Г. Б. Слиозберга. В отставку из мастерской по личным причинам вышли К. П. Каплан и С. К. Сочивко, в Юпитер перешел 2-й страж

Астреи В. Э. Ансельм, несколько человек были радиированы. Пополнились ряды ложи лишь реинтеграцией М. Г. Корнфельда.

Первым в новом году стал (13 февраля) доклад Д. А. Шереметева «На путях посвятительной традиции («Вехи для ищущих»).

Тема, предложенная к обсуждению в мастерских Великой Ложей Франции, — «Будущее свободы» — побудила досточтимого мастера Астреи, В. Е. Татаринова, выступить 8 мая с докладом на эту тему. Ранее, в феврале-апреле, ложа трижды устраивала собеседования на темы «Личность и коллектив» и «Личность и свобода», на которых со вступительным словом выступал Д. Л. Вельяшев. 13 марта с докладом на заседание Астреи был приглашен французский масон Арие, рассказавший об этике Св. Павла и этике иудаизма, а 10 апреля А. В. Гранов осветил один из аспектов проблемы свободы в докладе «Принцип свободы в хозяйственной деятельности человека» *[О докладах см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.10. Л.9; Д.45. ЛЛ.283—283 об.; Д.51. Л.29 об.; Д.61; Д.5; Архив А. С. Пушкин]*.

В ложе прозвучало также два информационных сообщения: В. М. Лиссим рассказал о масонстве в Египте, а К. К. Грюнвальд поделился своими впечатлениями о поездке по Центральной Европе.

10 июля М. Г. Слиозберг выступил с докладом «Постепенная замена прежнего правосознания новым».

Традиционные для масонства вопросы были освещены в докладе А. С. Гросмана «Терпимость».

28 октября представители ложи в Федеральном Совете В. Л. Вяземский и И. А. Кривошеин рассказали об очередном конвенте Великой Ложи Франции.

13 ноября 1937 г. и 14 мая 1938 г. П. А. Бурышкин говорил в ложе Астрея об отображении русского масонства XIX в. в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и А. Ф. Писемского «Масоны» (тексты обоих докладов см. соответственно: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.161; Д.206.* Переработанный текст доклада о «Войне и мире» см. также: *РВК. 1946. № 2. С.6—14; Вестник. 1963. № 11. С.17—23).*

Вообще о работах 1937 г. см.: *Моральный отчет оратора // ЛА.* См. также: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.62.*

В 1938 г. число действительных членов ложи продолжало уменьшаться. В отставку вышел М. Г. Казаринов, были радинированы А. А. Алехин, В. П. Августинович, Л. М. Берлин, К. Г. де ля Люби, отец и сын Майеры и другие. Пополнились же ряды ложи лишь реинтеграцией В. П. Свободина и присоединением члена ложи Гермес, выдающегося пианиста А. И. Лабинского. Офицерский состав ложи оставался стабильным.

Если попытаться определить доминирующую тему в «зодческих» работах 1938 г., то ее можно сформулировать как «Основы масонства и будущее человечества». С данной темой так или иначе были связаны наиболее яркие доклады.

27 января 1938 г. с программными речами выступили В. Е. Татаринов и Д. Л. Вельяшев. Первый рассказал о ландмарках *[См.: GLdF. № 500; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.57. Л.32; Д.51. Л.272]*, второй говорил об основных принципах масонских конституций *[Текст доклада см.: Бюллетень. Июль 1939. ЛЛ.2–4]*. Своеобразным продолжением речей досточтимого мастера и 1-го стража стал доклад (24 февраля) М. Г. Корнфельда «Великий Архитектор Вселенной».

Затем в ложе Астрея были прочитаны следующие доклады (см.: *GLdF. № 536; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.10; Д.57; Д.64; Д.62; Д.45. Л.215; Ф.1354. Оп.1. Д.2. Л.18; Д.12. Л.5*):

А. С. Гросман. Будущее демократии (28 апреля);

П. А. Бурышкин. Русское масонство и православная церковь в прошлом и настоящем (9 мая);

В. Е. Татаринов. Происхождение русской революции (26 мая).

На двух заседаниях ложи Астрея выступили специально приглашенные докладчики. 23 июня член Федерального Совета Ломм сделал доклад «Мистицизм, Вера, Разум», а 10 декабря М. П. Кивелнович (член ложи Северная Звезда) — «Идеи пифагорейства в современной науке».

29 марта ложа организовала закрытое заседание, на котором А. Ю. Раппопорт выступил с сообщением «Суд Сталина над ветеранами Ленина».

27 октября 1938 г. с сообщением о ежегодном конвенте Великой Ложи Франции вновь выступали В. Л. Вяземский и И. А. Кривошеин.

В 1939 г. досточтимый мастер ложи сменился — им был избран Сергей Павлович Тикстон (1903–1981). Другие важнейшие должности в мастерской заняли: 1-й страж — В. П. Свободин, оратор — Г. Я. Смирнов, депутат — И. А. Кривошеин.

Последние предвоенные месяцы не внесли сколько-нибудь значительных перемен в работу ложи. Следует отметить лишь радиацию С. О. де Витта, который 15 лет был активным членом ложи.

Из докладов можно упомянуть сообщение Р. Ф. Булатовича о Фоме Аквинате (11 марта 1939 г.), в обсуждении которого приняли участие Г. Я. Смирнов, П. Н. Переверзев и П. А. Бурышкин. Два доклада были посвящены истории русского масонства. 13 мая 1939 г. В. Л. Вяземский нетрадиционно рассказал о «Непонятной странице русской истории», отказавшись от рассмотрения «Эпохи императора Николая I» как исключительно реакционной *[О докладе см.: Бюллетень. Июнь 1939. Л.5]*. Доклад В. Л. Вяземского был своеобразно продолжен П. А. Бурышкиным, который 10 июня прочел говорил в ложе о «Русском масонстве после указа (1822 года) императора Александра I».

Б. Ложа Северное Сияние

Быстрый рост русских масонов в Астрее позволил поставить вопрос об открытии новых русских мастерских в Париже. 2 декабря 1923 г. состоялось учредительное собрание второй русской

ложи, а 14 января 1924 г. произошла ее торжественная инсталляция. Ложа была названа Северное Сияние и получила в союзе Великой Ложи Франции № 523.

О работе ложи Северное Сияние см.: *GLdF. № 523: Архив ложи А. С. Пушкин.*

Учредителями Северного Сияния стали 19 масонов: А. И. Мамонтов, П. А. Половцев, П. А. Бобринский, П. И. Кугушев, Э. П. Беннигсен, В. Л. Вяземский, Ф. Ф. Макшеев, Н. В. Чайковский, А. А. Мордвинов, А. П. Клягин, Б. В. Дезобри, М. Н. Сейделер, Н. Л. Голеевский, П. А. Мещерский, В. В. Лыщинский-Троекуров, П. А. Ливен, К. Н. Хагандоков, Ю. Ф. Волошинов и В. В. Кочубей. В состав учредителей вошли преимущественно бывшие русские военные, но это не превратило новую мастерскую в арену для «дискуссий на военные темы, о последствиях бывшей войны или о перспективах грядущей». «Ложа "Северное Сияние" скоро сделалась центром изучения вопросов ритуальной символики и посвятительной эзотерики. В масонском учении эту ложу прежде всего интересовал его христианский характер и связанность с проблемами религиозной философии. Ложа эта постепенно стремилась стать, — как это она сама формулировала впоследствии, — христианским посвятительным центром. Ее деятельность имела большое значение в деле согласования посвятительных знаний синих и красных лож и подготовки кадра братьев, способных воспринять доктрину высших ступеней посвятительной лестницы. Этот уклад работы имел горячих сторонников и идеологических противников. А Л. Д. Кандауров с присущим ему острословием говорил: "Чтобы быть членом "Северного Сияния", нужно ходить в церковь или по меньшей мере уметь ездить верхом..."» *[Бурышкин]*.

Первоначально большое влияние на развитие ложи оказали два фактора. Во-первых, 8 учредителей мастерской уже входили

в ложи совершенствования, что позволяло сосредоточиться на чисто масонской посвятительной работе. Во-вторых, следует учесть, что ключевые посты в Северном Сиянии заняли бывшие члены Англо-Саксонской ложи, работавшей по обряду Эмулейшн: досточтимый мастер — П. А. Половцев (первым досточтимым мастером ложи был выбран А. И. Мамонтов, но фактически с самого начала эти обязанности исполнял П. А. Половцев, который стал венераблем на период 1925—1926 гг.), 1-й страж — П. А. Бобринский, депутат ложи — Н. В. Чайковский, великий эксперт — Н. Л. Голеевский.

В середине 1920-х гг. идеи «английского» масонства, очевидно, доминировали в Северном Сиянии. П. А. Бобринский 28 июня 1924 г. на совместном заседании с Англо-Саксонской ложей выступает с докладом об «Англо-русских масонских отношениях в ходе истории», вызывающем оживленный обмен мнениями, в котором принимают участие англичанин Деннн, Э. П. Беннигсен и Ф. Ф. Макшеев. Н. П. Вакар в 1924—1926 гг. трижды на заседаниях мастерской говорит о соотношении эзотеризма и православия. Серия этих докладов Н. П. Вакара активно обсуждается не только в Северном Сиянии (Э. П. Беннигсен, В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. Л. Голеевский, С. К. Маркотун) — один из докладов, «Пути греко-славянской эзотерической мысли», был передан П. А. Половцевым Кружку русских масонов в Англии, о котором пойдет речь ниже, и стал там предметом обсуждения на нескольких собраниях.

Помимо учредителей ложи, в ее работах до начала Второй мировой войны принимают активное участие: служащий В. А. Абакумов, бывший полковник лейб-гвардии Конного полка А. П. Альбрехт, член Прометея А. Е. Андрус, бывший военный летчик А. И. Березитский, Р. Ф. Булатович, вице-президент Общества русской православной культуры в Париже, гвардейский офицер А. П. Беннигсен, журналист А. Б. Волгин, промышленник

И. И. Воронцов-Дашков, капитан 2-го ранга В. К. Жданов, служащий американского консульства во Франции А. И. Игнатьев, А. Ф. Келлер, инженер-химик Б. К. Краевич, доктор медицины Ю. Л. Макеев, инженер и поэт Н. С. Муравьев, бывший офицер Б. П. Огарев, бывший российский консул Б. П. Пелехин, бывший офицер П. В. Погожев, товарищ председателя и секретарь Общества русских врачей имени Мечникова в Париже Н. Н. Протасьев, служащие П. А. Куликов, А. А. Панов, Г. И. Соболевский и Д. В. Репнин, писатель Н. Я. Рощин (он стал сотрудничать с НКВД уже после ухода из масонства), музыкант В. В. Скрябин, бывший земский деятель Г. Н. Товстолес, инженер П. В. Шиловский.

В период руководства Петра Александровича Половцева (1874—1964) мастерская уделяла внимание двум вопросам: истории масонства и эзотерическим течениям в мире.

Например, в феврале-марте 1924 г. Н. Л. Голеевский выступил с тремя докладами под общим названием «Введение в изучение гностицизма». 24 мая того же года А. А. Мордвинов (по другим данным Ф. Ф. Макшеев) говорил о «роли оккультных наук в масонстве». В 1925 г. 21 февраля А. П. Беннигсен выступил с докладом «О буддизме», 16 мая В. В. Лыщинский-Троекуров говорил «О внутреннем содержании ритуала первого градуса», 20 июня В. Л. Вяземский сделал доклад под названием «Краткая история франк-масонства и его источники». В обсуждении докладов принимали участие также П. А. Ливен, Э. П. Беннигсен, Г. Б. Слиозберг, О. Вирт, П. А. Соколов, Д. А. Шереметев, А. И. Мамонтов, А. В. Давыдов, А. Ф. Келлер, Б. В. Дезобри, Ф. Ф. Макшеев, К. К. Грюнвальд, А. Б. Волгин, М. А. Алданов.

Одной из главных тем было изучение мистической традиции в России. Так Н. П. Вакар в феврале 1926 г. выступил с

сообщением «Жизненный путь» *[См. текст сообщения: Николаевский. С.193–195]*; 17 апреля того же года А. А. Мордвинов произнес доклад «Жизнь и посвятительное развитие Св. Серафима Саровского»; 23 октября в ложе был выслушан еще один доклад Н. П. Вакара «История и эволюция разногласий между церковными властями и русской православной церковью в Европе», а 20 ноября П. А. Бобринского — «Жизнь и философские идеи русского мистика Сковороды». Последний из названных докладов впоследствии вышел отдельной книжкой (Бобринский П. А. Старчик Григорий Сковорода. Париж, 1929).

Надо также отметить состоявшееся 22 ноября 1924 г. выступление Н. В. Чайковского на тему «Проблема счастья с масонской точки зрения» *[Текст доклада см.: ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.605]*. Доклад вызвал большой интерес братьев, и в числе выступавших по поводу этого сообщения были Н. Л. Голеевский, Н. В. Тесленко, П. А. Половцев, Ф. Ф. Макшеев, Г. Б. Слиозберг, И. А. Кистяковский, М. Г. Корнфельд, П. А. Соколов и С. И. Метальников.

Сходную тематику докладов можно встретить и в работах ложи Северное Сияние в 1927 г.:

19 февраля — В. В. Скрябин. Жизнь и доктрина Будды и их аспекты в христианстве (в обсуждении приняли участие А. А. Мордвинов, К. В. Гвозданович, А. Ф. Келлер, П. А. Бобринский);

11 марта — Э. П. Беннигсен. О романе М. А. Алданова «Заговор»;

21 мая — И. К. Шампенуа. Символизм письменных знаков (на французском языке; в обсуждении приняли участие А. А. Мордвинов, А. И. Фидлер (член ложи Астрея), Б. В. Дезобри, А. Б. Волгин, Н. Л. Голеевский, П. А. Бобринский, К. В. Гвозданович);

7 июля — А. А. Мордвинов. Мистика ислама (в ходе обсуждения доклада выступили А. Б. Волгин, Н. Л. Голеевский, Э. П. Беннигсен, М. М. Куриев, К. В. Гвозданович);

А. Б. Волгин. Русское теософское движение (зачитан В. В. Скрябиным);

В. В. Скрябин. Теософия (в ходе обсуждения двух последних сообщений выступил Л. В. фон Гойер).

(О докладах 1925–1927 гг. вообще см.: *ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.607. Л.31; Архив ложи А. С. Пушкин.*)

Ситуация в Северном Сиянии несколько изменилась с избранием на пост досточтимого мастера ложи в 1927 г. Владимира Владимировича Лыщинского-Троекурова (1889–1968). Новый руководитель ложи считал, что в Северном Сиянии произошло ослабление ритуальной части работ, что необходимо исключить всякие отступления от ритуала, а также проводить заседания по заранее выработанной программе.

Было намечено 13 тем докладов на вторую половину 1927 — первую половину 1928 гг.: Астрологические причины мирового кризиса; Проблема: Восток — Запад; Философский аспект мирового кризиса; Евразийство (духовная концепция); Русское религиозное движение; Живая церковь; Русское женское масонство, его достижения и возможности; Католическое влияние в русской среде; Добровольчество. (Идеология движения и ее изменения); Отражения мирового кризиса в искусстве; Реакция Западной Европы на мировой кризис; Попытки мирового духовного объединения; Католическая реакция *[См. печатную программу работ: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.138. Л.160]*. Однако, программа работ была выполнена лишь частично. Например, известно, что по двум первым из перечисленных тем выступили А. Б. Волгин (8 октября) и К. В. Гвозданович (17 декабря) *[Архив ложи А. С. Пушкин]*, доклад о «Философском аспекте мирового кризиса» был прочитан 19 ноября П. В. Шиловским, о русском религиозном движении — 25 февраля 1928 г. П. В. Погожевым, большая же часть докладов была перенесена на последующие годы.

В 1928 г. молоток досточтимого мастера был передан А. П. Беннигсену, который занимал пост руководителя Северного Сияния по 1931 г. В этот период существования ложи значительная часть офицерских должностей переходит от основателей мастерской к масонам, которые были посвящены уже в Северном Сиянии. В 1928–1931 гг. А. П. Альбрехт занимает посты секретаря и 1-го стража, П. В. Шиловский — секретаря и 2-го стража, В. К. Жданов — 1-го стража, Н. Н. Протасьев — казначея, Г. И. Соболевский — оратора, Б. К. Краевич — секретаря.

Несомненно ключевым докладом этого периода существования Северного Сияния стал доклад Г. Н. Товстолеса «Евразийство» (9 ноября 1928 г.), который вызвал оживленную дискуссию в ложе (в ходе обсуждения доклада выступило 12 братьев). Конечно же, ложа, в которой живо обсуждались новейшие духовные течения, которая пыталась в условиях кризиса идей генерировать свое собственное видение мировых событий, не могла пройти мимо движения евразийцев.

Цели, которые ставили перед собой евразийцы, — борьба против коммунизма и внешних недругов России, — находили отклик среди членов Северного Сияния. Декларация же, что «евразийство есть пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира» *[Евразийство. Декларация. формулировка, тезисы. Прага, 1931. С.7]*, позволяла масонам искать возможные пути сближения с евразийцами. Сам Г. Н. Товстолес стоял у истоков евразийского движения (в 1920 г. в Константинополе), а в 1920-е гг. являлся секретарем евразийского семинара в Париже, что, конечно же, определяло направленность его программного доклада.

Впервые вопрос о евразийстве поставил в первой половине 1924 г. на заседании капитула и ложи Астрея Э. П. Беннигсен. Важность темы заставила взять слово по этому же вопросу Г. Б. Слиозберга, П. А. Бобринского, Н. В. Чайковского и В. Л. Вяземского. Выступал по этому вопросу и В. Е. Татаринов (см.: *ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.13. ЛЛ.49–70*). Однако стремление к сотрудничеству с евразийством вызвало противодействие со стороны ряда русских высокопоставленных масонов, например, Н. Л. Голеевского, сделавшего доклад на эту тему в 1927 г. в ложе Астрея. Сближения двух духовных течений не произошло, хотя такие видные евразийцы, как П. С. Арапов и С. Я. Эфрон, стали членами соответственно Северного Сияния и Гамаюна. О движении евразийцев и о П. С. Арапове в частности см. публикацию Е. Кривошеевой: *К истории евразийства. 1922–1924 гг. // Российский архив. Т.V. М., 1994. С.475–503.*

Если в период руководства А. П. Беннигсена для ложи была характерна напряженная внутренняя работа, особое внимание к новым посвящениям и ритуалам, то с приходом в 1932 г. на пост досточтимого мастера Дмитрия Александровича Шереметева (1885–1963) значительное место вновь стало уделяться «зодческим» работам.

Своеобразное возвращение к прежней тематике работ ложи, отказ от «временных» увлечений нашли свое выражение в следующей декларации мастерской, принятой 22 апреля 1933 г.:

«...Еще в 1927 году Д.·. Л.·. "Северное Сияние" констатировала наличие Кризиса и подкрепила тогда это утверждение следующими положениями:

1. Л.·. "Северное Сияние" имеет целью мас.·. раб.·. в области современных Русских течений.

2. Относясь с большим вниманием и сочувствием ко всем организациям проф.·. мира, работающим на том же поприще, Д.·. Л.·. "Северное Сияние", тем не менее, ясно осознает, что отсутствие у них рит.·. посв.·., объединения и дисциплины град.·.

системы, а также и символического метода выражения, делает все эти организации слабыми и хрупкими, подверженными случайностям личных и коллективных настроений и влиянию изменчивой обстановки. Соответственно этому, всякое отступление от мас.·. формы раб.·. самой Л.·. — ослабляет эту работу до степени проф.·. организации.

3. С другой стороны, в мас.·. несомненно еще в значительной степени преобладают идеологии и рационалистические методы 18-го столетия.

4. Между тем, Л.·. КОНСТАТИРУЕТ МИРОВОЙ КРИЗИС, разрешение которого намечается в крайнем консерватизме в области духовной и в крайнем радикализме в области материальной.

НЕИЗМЕННО ЛИШЬ ТО, ЧТО АБСОЛЮТНО, НО ПАГУБНО ВОЗВОДИТЬ В АБСОЛЮТ ТО, ЧТО ОТНОСИТЕЛЬНО.

...Сегодня, 5 лет спустя, кризис принял форму общеизвестной действительности — наша Л.·. идет далее в поисках ее разрешения.

...С Востока растет мировое объединение ненависти и безбожия, создавшее подлинное воодушевление по кличу: "Ненавидящие всех стран, соединяйтесь".

На Западе человеческая пыль мещанских себялюбий тщетно ищет "Общности интересов", прикрывая словами о благоденствии и мире — обман и страх смерти. <...> "Они ищут мир, но мира не будет" — Иезекииль 7-я гл. 25 ст.

В итоге материалистической цивилизации, на пределах социализма и капитализма, — человечество одинаково возвращается к рабству.

Мы верим, что в России, в смертной тоске дважды обманутого народа — рождается новая жизнь.

Мы будем изощрять духовное зрение, дабы уловить первый трепет возвращения БОЖЕСТВА к отвергнувшим ЕГО людям: — подобно тому, как во мраке полярной ночи первое преломление мировых лучей в окружении земли — рождает северное сияние.

...Наша Л.·. всегда видела и видит одну из главнейших своих задач в озарении Духовных Истоков происходящего в зерцале Русского сознания.

Пусть слабы наши силы, но мы твердо верим, что вечно будут жить в сердцах наших бр.·.бр.·. великие заветы Новиковского Мас.·., всегда ставившего неизменные основы Царственного Ремесла выше преходящих ценностей профанного мира, и уверены в том, что работники, кои придут нам на смену, продолжат наши Труды и завершат их Во Славу В.·. С.·. В.·.» *[ЛА]*.

К данной декларации присоединилась и ложа Юпитер *[См.: Юпитер]*.

Выделение из Северного Сияния новой ложи Гамаюн (см. об этом ниже) не ослабило творческого потенциала мастерской. В Северном Сиянии наиболее активен был секретарь (в 1936—1938 гг.) и оратор (в 1933 г.) ложи Р. Ф. Булатович, который выступал с докладами «Рим и Москва» (27 мая 1933 г.), «Три века истории христианской церкви» (25 мая 1935 г.), «Критерии добродетели в схоластической теологии» (23 января 1937 г.), «Аввакум Петрович. К вопросу о происхождении Никонианской схизмы» (28 мая и 23 июня 1938 г.) и др. В ложе до Второй мировой войны также был прочтен ряд докладов о посвятительном значении и символике масонских степеней, о посвятительной традиции, об истории христианства и других религий. Несмотря

на то, что Д. А. Шереметева на посту досточтимого мастера сменил Г. Н. Товстолес, это практически не повлияло на работы ложи.

В 1935–1937 г.г. в ложе были прочитаны также следующие доклады (см. в частности: *GLdF. №№ 523, 563; ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.32. Л.2; Ф.730. Оп.1. Д.64. ЛЛ.36, 79*):

1935 г.: 22 июня — В. В. Скрябин. Астрология;

26 октября — В. А. Абакумов. Философия свободного Духа. (Проблематика и апологетика христианства);

1936 г.: 24 октября — П. А. Бурышкин. Русские военные ложи в начале XIX века (текст доклада на французском языке см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.205*);

1937 г.: 27 февраля — Н. Л. Голеевский. Буддизм;

27 марта — А. С. Фёдоров. Лик Св. Петра в Восточной Церкви (Св. Пётр и Римская церковь);

7 апреля (совместное заседание с ложами Астрея и Гамаюн) — А. Ф. Келлер. Что такое посвящение и есть ли таковое в Ордене вольных каменщиков?;

11 мая — А. Ф. Келлер. Протестантизм;

28 мая — М. С. Мендельсон. Пророки и народная жизнь (особое внимание докладчик уделил пророкам древних евреев);

14 июня — А. И. Березитский. Храм Соломона;

21 (или 27) августа — Н. Л. Голеевский. Буддизм в его основных чертах;

25 декабря — К. В. Гвозданович. Константин Великий.

В 1938 г. один из лидеров ложи Северное Сияние Николай Лаврентьевич Голеевский (1878–1958) после четырехмесячной работы подготовил доклад об особом виде русской религиозности. Подробно осветив вопрос о взаимоотношениях русского народа и правительства в прошлом и настоящем, Н. Л. Голеевский пришел к следующему выводу:

«Средостение между правительством и народом, в некоторой степени существующее везде, есть сфера действия Т<айных>

О<бщест>в, служащих посредниками между свободою народа и необходимостью власти. Эта сфера постоянна и обширна в России.

Однако, принимая во внимание, что элементы порядка и принуждения, т. е. элементы власти постоянно представляют собой западную цивилизацию, а элементы анархии и свободы, т. е. народ являются стихией восточной, Мас<онство>, как исторический продукт западной цивилизации, всегда рискует остаться чуждым народу, как явление западное, и даже ненавистным, как несущее в себе начала формы и дисциплины <...>

Только путем основной переработки форм Мас<онства> в соответствии с народными, восточными мистическими и посвятительными настроениями и не как "барская затея", а как антитеза власти, можем мы рассчитывать быть приемлемы русскому народу» *[ЛА]*.

Из докладов в ложе в 1938 г., наряду с указанным выше сообщением Р. Ф. Булатовича об Аввакуме, известны также сделанное Ю. Л. Макеевым «Толкование § 1 Конституции Андерсона» (26 октября), доклады Н. С. Муравьева «О Розанове» и «Символы 1-го градуса и символизм» (соответственно 26 марта и 22 октября), а также Г. И. Соболевского «Творчество и посвящение по символике 2-ой степени» (27 декабря).

К 1939 г. относятся следующие доклады в ложе Северное Сияние:

28 января — П. А. Бурышкин. Компаньонаж. Странствующие подмастерья в Европе;

22 апреля — А. Ф. Келлер. Внутренний смысл 3-го градуса;

24 июня — П. А. Бурышкин. Легенда 3-го градуса.

Об этих докладах 1938–1939 гг. см.: *GLdF. № 536; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.47. Л.226; Д.207; Ф.1354. Оп.1. Д.12. Л.5, 7, 9; Архив ложи А. С. Пушкин.*

Настроения членов ложи были выражены в слове досточтимого мастера от 22 апреля 1939 г. к братьям:

«Задание Л. "Сев. Сияние" было и есть образование незыблемого эзотерического центра Богосозерцания и лишь и только через него построение внешней периферии миросозерцания.

Хотя слова "Вел. Стр. Вс." есть символ, в который вкладывается различное содержание, но мы, бр.бр. Л. "Сев. Сияние", собраниями нашими славим то значение этих слов, которое нам всем — членам Церкви Христианской — близко и понятно, т. е. для нас имя В. С. В. есть одно из имен Божиих в обычном религиозном значении этого слова.

Мы все христиане. Однако это не значит, что мы не признаем иные религии и не соблюдаем мас. принципы, — наоборот, мы их утверждаем, полагая, что каждая отдельная ложа имеет свои задания и цели и представляет собой некую свободную соборную личность среди других таковых же, и так как мерилом для каждого человека является совесть — закон, пребывающий в сердце нашем, — для нас этот закон есть христианство. Это печать, наложенная на нас по воле Божией, и лишь только отсюда мы и можем исходить в нашем мас. и вообще человеческом делании *[Примечательно, что один из членов Северного Сияния — Б. В. Жданов — стал впоследствии протодиаконом. — А. С.]*.

Мы русские. Мы члены той нации, которая впитала в себя разные народности, создавая самобытную духовную культуру, и для которой все разноплеменные предки Великой Земли нашей — по старому русскому выражению — суть отчичи и дедичи, т. е. для нас Россия не только родина, но и отечество, и мы убеждены, что, сосредоточив все свое внимание на отёсывании нашего русского камня, тем самым внесем в общечеловеческую сокровищницу не распыленную, но полновесную ценность» *[Бюллетень. Май 1939. ЛЛ.2–3]*.

Ложа Северное Сияние — наиболее яркая по своей индивидуальности мастерская в русской эмиграции — во многом

определяла общее развитие русского масонства в 1930—1940-е гг., однако христианский мистицизм членов ложи зачастую приводил к трагическому разрыву с масонскими установками, что особенно ярко обозначилось уже по окончании Второй мировой войны.

В. Ложа Гермес

Основателями третьей по счету русской ложи в Париже — Гермес (№ 535) — стали люди, занимавшие в России видное общественное положение: крупные промышленники, известные адвокаты, государственные деятели, банкиры, профессора университетов. При образовании ложи (16 октября 1924 г.) офицерские должности в ней заняли: досточтимый мастер — Ф. Ф. Макшеев, 1-й страж — А. В. Давыдов, 2-й страж — Г. Б. Каменка, оратор — В. А. Нагродский, секретарь — М. Г. Корнфельд, казначей — М. Я. Берлин, эксперт — А. А. Мордвинов, обрядоначальник — П. А. Половцев, дародатель — А. И. Мамонтов, привратник — М. Г. Казаринов. В числе учредителей были также И. А. Кистяковский, В. Д. Кузьмин-Караваев, Л. А. Гринчук-Лукашевич, С. Г. Лианозов, А. И. Путилов, Г. Б. Слиозберг, И. И. Тхоржевский и М. П. Чубинский.

Список учредителей Гермеса хранится в *ЛА*. О деятельности ложи см. ее архив: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2; GLdF. № 535.*

Было решено посвятить работы ложи рассмотрению экономических, социальных и юридическо-правовых вопросов. Для того чтобы с первых дней своего существования ложа активно включилась в работу, 30 апреля 1924 г. В. Д. Кузьминым-Караваевым и С. Г. Лианозовым (бывшими политическими противниками) был составлен «Комитет по актуализации», который должен был готовить необходимые доклады *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.25. ЛЛ.1—5]*.

12 ноября 1924 г. в ложе Гермес был утвержден план работы мастерской и список будущих сообщений *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.25. Л.6]*:

А. И. Путилов, бывший товарищ министра финансов при С. Ю. Витте, председатель правления одного из крупнейших русских банков, — «Возможные основы русского бюджета»;

В. А. Нагродский, председатель комитета частных железных дорог, профессор Института путей сообщения, — «Железные дороги и другие пути сообщения как элементы экономического возрождения России»;

М. П. Чубинский, профессор уголовного права Петроградского университета, — «Правовые творческие задачи будущей России» *[См. текст доклада: Там же. Д.44]*.

И. И. Тхоржевский, ближайший сотрудник министра земледелия А. В. Кривошеина, автора земельной реформы, — «Хлебная торговля как основа русского торгового баланса»;

И. А. Кистяковский, присяжный поверенный, профессор Московского университета, — «Основы гражданских взаимоотношений»;

П. А. Половцев, генерал-лейтенант, бывший командующий войсками Петроградского военного округа, — «Оборона страны от врагов внешних и внутренних» *[См.: Там же. Д.41. Л.4]*.

Следует отметить, что в составе Астреи и Гермеса находился ряд лиц, входивших в «деловую элиту России»: кроме названных А. И. Путилова и В. А. Нагродского, это М. И. Вавельберг, А. З. Иванов, Д. М. Казанджиев, Я. Х. Кузнецов, С. Г. Лианозов, А. И. Мамонтов, Г. Б. Слиозберг, С. Н. Третьяков, В. П. Рябушинский. Потенциально могли интересовать работы Гермеса также П. А. Бурышкина, Л. М. Вургафта, Б. Л. Гершуна, Н. Б. Глазберга, А. А. Давидова, А. Р. Ледницкого, А. Д. Марголина, М. С. Маргулиеса, С. Г. Поляка, С. Е. Эпштейна и некоторых других масонов. См.: *Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 г. М., 1994.*

Л. Д. Кандауров считал, что основатели Гермеса «смогут путем докладов излагать свои взгляды на будущее устройство России» и «возбудят живой интерес в тех же классах иностранной общественности» *[Вяземский. С.239–240]*.

В составе отдельных и «белых», и «национальных» правительств периода гражданской войны был ряд будущих вольных каменщиков, например, С. Н. Третьяков, Л. В. фон Гойер, П. А. Бурышкин (правительство адмирала Колчака), С. Г. Лианозов (Северо-Западное), Н. В. Чайковский (Северное), В. Г. Колокольцев, И. А. Кистяковский (гетманское), А. И. Хатисов (правительство Армении). Единственным, наверное, исключением было правительство А. И. Деникина, в составе которого были последовательные противники масонства: Н. И. Астров, М. М. Фёдоров, Н. Н. Чебышев. Отметим, что в правительстве С. Г. Лианозова были и масоны «действительные», например, М. С. Маргулиес и Е. И. Кедрин, это уже не говоря о Временном правительстве.

И вот в ложе Гермес было сформировано своеобразное русское масонское правительство в изгнании с «министрами» финансов, путей сообщения, торговли, внутренних дел, военно-морских дел. Твердая уверенность парижских масонов, что власть большевиков временна, что возврат в Россию в ближайшее время неизбежен, заставлял их заниматься вопросами уже возрожденной России.

Интерес к масонской работе, который уже в изгнании проявился у видных деятелей белого движения, дал основание некоторым «историкам» масонства (типа В. Ф. Иванова) проводить равенство между «белой идеей» и Орденом вольных каменщиков, что, конечно же, ошибочно.

Предполагалось, что ложа, объединявшая элиту, будет постоянно пополняться членами других мастерских, готовых работать

над планом правового устройства будущей свободной России, ее экономического возрождения. Действительно, к ложе в декабре 1924 — марте 1925 гг. присоединяются И. Н. Ефремов, банкиры М. И. Вавельберг и Ф. А. Гинзбург.

Программным заявлением ложи Гермес стал коллективный доклад (февраль — март 1925 г.) «Основные принципы экономического возрождения России», тезисы которого обсуждались не только на заседании ложи, но и на квартире у досточтимого мастера Ф. Ф. Макшеева. В докладе провозглашалось, что правительство России будет опираться на существовавший торговопромышленный класс, проведет аграрную реформу в стране, акционирует промышленные предприятия, упростит дореволюционное российское законодательство и попытается сочетать монархию с принципом народоправства.

Доклад ложи Гермес широко обсуждался русскими масонами не только в Париже, но и в Белграде, Берлине, Лондоне. Письма-отклики на доклад были получены от Н. Л. Голеевского, Д. С. Пасманика, Э. П. Беннигсена, Н. В. Чайковского и др. Об обсуждении доклада, его текст и тезисы см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.25. Л.18 об.–20; Д.41.*

Одновременно и вслед за прочтением доклада начинается детальное обсуждение сообщений по отдельным вопросам жизни будущей России. И. А. Кистяковский зачитывает доклад М. П. Чубинского, находившегося вне Парижа, о методах правового творчества будущей России, а затем В. А. Нагродский выступает с обширным, также запланированным ранее, докладом о развитии путей сообщения *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.25. Л.11–28; Д.45. Л.11]*.

Тщательная работа над правовыми и экономическими вопросами, отсутствие серьезной посвятительной работы вызвали нарекания со стороны ряда братьев, которые считали, что Гермес

идет по пути Великого Востока народов России. Стали звучать заявления, что на заседаниях Гермеса царит «смертельная скука», что ложа забывает о задачах масонства и т. д.

В. Л. Вяземский так вспоминал сложившуюся в Гермесе ситуацию: «После двух-трех докладов, по содержанию весьма выдающихся, но специальной подготовки, посещаемость ложи стала падать, а с весны 1925 года ложа перестала собираться. За весь 1925 год был принят всего один профан, причем посвящение состоялось в "Астрее", по делегации от "Гермеса". Выборов на 1926 год произведено не было, Великая Ложа взволновалась, грозило закрытие! Ложа "Астрея" <...> уступила "Гермесу" своего блестящего оратора — брата Н. В. Тесленко — знаменитого московского адвоката, и "Гермес", отказавшись от своей первоначальной узкой программы, стал работать, как и остальные наши ложи» *[Вяземский. С.240]*.

Ситуация в ложе была умышленно изменена Л. Д. Кандауровым. Еще в начале 1925 г. он привлекает в ложу Золотое Руно С. Г. Лианозова. Вслед за последним в «кавказскую» ложу 26 декабря того же года уходит М. Я. Берлин.

Активизация в ложе В. А. Нагродского, а затем и Н. В. Тесленко, настаивавших на отказе ложи от чрезмерного увлечения практическими вопросами, приводит к тому, что в 1926 г. в Гермесе происходит фактический переворот: с ключевых постов уходят Ф. Ф. Макшеев и А. В. Давыдов, почти устраняются от активного участия в ложе И. И. Тхоржевский, А. И. Путилов (они вскоре уходят из масонства вообще), С. Г. Лианозов. Отъезд М. П. Чубинского в Белград и болезни М. Я. Берлина и В. Д. Кузьмина-Караваева сводят почти на нет влияние «экономической» партии.

В феврале 1926 г. досточтимым мастеров ложи становится А. И. Мамонтов, 1-м стражем И. А. Кистяковский, оратором — М. Г. Казаринов, т. е. «первые» лица в ложе полностью

меняются. Но если этот офицерский состав еще можно было рассматривать как «переходный», то уже в июле «новый» курс становится очевидным: досточтимый мастер В. А. Нагродский, 1-й страж М. Г. Корнфельд, 2-й страж А. А. Мордвинов, оратор Г. Б. Слиозберг, секретарь Л. А. Гринчук-Лукашевич. Этот руководящий состав остался неизменным и в 1928 г.

«Посвятительная работа "Гермеса" расцвела под руководством брбр.·..·. Нагродского, А. А. Мордвинова и Корнфельда, путем ряда инструкционных Собраний, на которых присутствовали молодые братья всех русских мастерских». Особо следует отметить роль В. А. Нагродского, «большого символиста, знатока посвятительных традиций Греции, Востока, Индии. Он был большим другом бр.·. Вирта, который часто принимал участие в работе Ложи.

Вместо Гермеса-Меркурия, бога торговли, патроном Ложи стал Гермес Трисмегист, бог египетских мистерий, наследник Озириса и Изиды» *[Вестник. 1962. № 9. С.8]*.

Уже при своем избрании новый досточтимый мастер — Владимир Адольфович Нагродский — произнес речь «О задачах нашей ложи», которая определила это новое направление работ. Руководитель ложи решительно потребовал изгнания профанского духа из мастерской, отказа от чисто формальных посвящений новых членов и призвал к настойчивой посвятительной работе, которая бы привнесла единодушие в ложу *[См.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.24. Л.1; Д.26. Л.6 об.]*.

Гермес полностью отказывается от рассмотрения экономических, социальных и правовых вопросов и переходит в 1926 г. к изучению «общемасонских» проблем.

30 марта Г. Б. Слиозберг выступает с докладом «О происхождении и распространении мирового масонства», 28 мая В. А. Нагродский разъясняет ритуал вольных каменщиков, 21 сентября

М. П. Чубинский рассказывает «О масонстве Югославии и первых шагах русского масонства в Сербии».

Присоединение к ложе летом-осенью 1926 г. служащего В. Е. Дена, юрисконсульта Н. П. Фёдорова, банковских служащих А. Ф. Келлера, Г. Н. Левинсона, И. В. Авдиева, архитектора И. И. Фидлера закрепляет новую расстановку сил и приводит к тому, что Ф. Ф. Макшеев, первый руководитель мастерской, просит об исключении из ложи. Одновременно уходят в ложу Юпитер А. В. Давыдов и А. И. Путилов.

Доклады последних месяцев 1926 г. уже посвящены новой для ложи тематике:

5 октября — Г. Б. Слиозберг. Что такое масонство;

11 ноября — О. Вирт. Посвящение. Происхождение, его предмет и его эволюция;

27 ноября — М. Г. Корнфельд. Под сенью колонны Б;

25 декабря — В. А. Нагродский и Ф. Ф. Макшеев. Масонская тайна.

В 1927 г. изменения в ложе становятся очевидными, в нее уже не привлекают видных представителей финансово-промышленного мира, общественных деятелей. Одновременно Л. Д. Кандауров пытается создать из ложи Золотое Руно (затем из Юпитера) мастерскую для состоятельных масонов, но без всякого намека в ней на «экономические» обсуждения. Именно ложа Гермес активно участвует в становлении Юпитера, для которого производятся посвящения и возведения в следующие степени.

В 1927—1932 гг. в ложе появляются братья, которые в дальнейшем будут определять жизнь Гермеса. Это инженер М. С. Мендельсон, юрист И. П. Кобеко, профессор А. М. Кулишер, адвокаты М. О. Кефели, С. К. Сочивко, Б. С. Орнштейн, П. А. Брюнелли, Б. М. Киро, М. М. Филоненко, Л. И. Кац и Г. В. Курлов, астроном П. А. Люблинский, архитектор И. А. Ушанов, торговец С. Я. Левин, инженер А. И. Мазе, доктор медицины Е. М. Вейнштейн и другие.

В 1927 г. в ложе были заслушаны следующие доклады:

26 марта — А. Ф. Келлер. О микрокосмосе и макрокосмосе (объяснение сущности 2-го градуса);

28 мая — В. А. Нагродский. О разъяснении ритуала вольных каменщиков;

22 октября — В. А. Нагродский. О задачах нашей ложи; М. Г. Корнфельд. Масонство как один из путей к посвящению;

26 ноября — Н. В. Тесленко. Значение ритуала в масонском посвящении.

В 1928 г.:

18 февраля — А. А. Мордвинов. Так называемые оккультные науки и вольное каменщичество;

21 апреля — А. Э. Ломейер. О книге профана Пинятеля о масонстве;

19 мая ложа обсудила вопрос об «Организации и законодательстве Ордена вольных каменщиков».

В 1929—1931 гг. ложей руководил Николай Васильевич Тесленко (1870—1943), ближайшими помощниками которого становятся И. И. Фидлер, С. К. Сочивко и И. П. Кобеко. Ложа продолжает заниматься изучением сугубо масонских вопросов. Особенно активным был 1931 г., в марте которого ложа выступила с важной инициативой объединения всех лож Древнего и Принятого Шотландского Устава для достижения единообразия работ всех мастерских. Эта тенденция нашла отражение и в «зодческих» работах Гермеса.

Некоторые из докладов, прочитанных в ложе Гермес в эти три года, таковы:

1929 г.: 1 марта — Н. В. Тесленко. О масонской дисциплине;

1930 г.: 29 марта — В. А. Нагродский. Масонский идеал, как его реализовать и выразить сегодня?;

1931 г.: В. А. Нагродский. Несколько замечаний о герметическом символизме;

С. Я. Левин. Современный альтруизм и альтруизм будущего (заметки по философии большевизма);

17 января — С. Я. Левин. Любовь к ближнему и любовь к дальнему;

21 февраля — М. С. Маргулиес. О возрождении масонства Великого Востока Франции в России — 1906—1908 гг.;

10 марта — М. О. Кефели. Налоговая история денег и обмена как источника ценности;

16 мая — К. И. Тихомиров. Различные течения масонства;

20 июня — А. М. Кулишер. Исторические наслоения в ритуальных посвящениях;

3 июля — Е. М. Вейнштейн. О масонских благотворительных организациях;

17 октября — В. А. Нагродский (по другим данным — Н. В. Тесленко). Социальный строй в императорский период русской истории.

С 1932 года пост досточтимого мастера ложи занимал Иван Иванович Фидлер. В это время мастерская особое внимание стала уделять рассмотрению социальных, экономических и философских проблем. Определенную роль в изменении направленности работ сыграло обращение ложи Северная Звезда Великого Востока от 21 мая 1932 г. с предложением об объединении всех русских лож. К этому вопросу русские масоны неоднократно обращались в 1932—1934 гг. Первыми конкретными шагами в направлении объединения были совместные заседания Гермеса и Северной Звезды (временно закрытой Советом Ордена).

Подобную политику поддерживали и офицеры Гермеса, например, К. И. Тихомиров, М. М. Филоненко, А. М. Кулишер. Ярким выступлением в этом ключе был доклад М. А. Осоргина 17 февраля 1934 г.

Ложа часто проводила совместные заседания и с другими мастерскими Великой Ложи: по «общим» вопросам с Астреей и Северным Сиянием, по проблемам современности — с Лотосом. Например, на совместных собраниях Лотоса и Гермеса неоднократно с докладами в 1936—1937 гг. выступал Г. Л. Тираспольский.

Перечислим нескоторые довоенные доклады, прочитанные в ложе Гермес (особо см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.26 а; GLdF. № 535*).

1932 г.: 25 января — М. М. Филоненко. Пифагор — краткие выводы;

20 марта — Н. И. Исцеленов. О современности с точки зрения искусств;

21 мая и 18 июня — А. М. Кулишер. Марксизм — ленинизм — сталинизм;

1933 г.: 21 января — В. А. Нагродский. Золотое сечение;

20 мая — Н. В. Тесленко. Об организации масонства вообще и русского в частности;

17 июня — К. И. Тихомиров. Проблема зла;

29 июля — М. М. Филоненко. О принципах советской политической экономии;

16 декабря — К. И. Тихомиров. О графе Сен-Жермене;

1934 г.: 20 января — Г. И. Колпакчи. Алхимия и масонство;

17 февраля — М. А. Осоргин. О русском Востоке (текст доклада см.: *Осоргин I. С.73–79*);

17 марта — К. И. Тихомиров. Античные мистерии. Мистерии христианские. Мистерия масонского посвящения 1-го градуса;

12 апреля — М. М. Филоненко. Современное захватное право и добрые нравы;

21 апреля — П. Н. Переверзев. Масонство в аспекте современного кризиса;

23 мая — А. М. Кулишер. Масонство и демократия;

12 июня (совместное заседание с ложей Свободная Россия) — М. С. Мендельсон. Масонство и религия;

1935 г.: 1 марта — Е. В. Ратнер. Личность и коллектив (см.: *GLdF. № 538*);

16 марта — Н. В. Тесленко. Праздник шотландского ордена 23-го декабря 1934 г.;

26 марта — Н. В. Тесленко. Франко-русский союз до революции и франко-советское соглашение;

28 марта — П. А. Бурышкин П. А. Легенда о Хираме и ее происхождение (этот же доклад был прочитан автором в 1935 г. еще в 3-х ложах: 4 марта — в Северных Братьях; 25 марта — в Пламе-

неющей Звезде; 1 мая — в Шотландском Совершенстве. См.: *GLdF. № 535; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.169*);

6 мая — В. А. Нагродский. Посвятительные общества от Пифагора до масонства;

6 июля — Н. И. Исцеленов. Человек как носитель творческой энергии;

2 декабря — М. М. Филоненко. Практический аспект прав человека;

1936 г.: 27 мая — Е. М. Вейнштейн. Познай самого себя (см.: *Там же. Д.64. Л.6*);

28 мая — А. М. Кулишер. О лиге наций;

24 июня — М. С. Мендельсон. Несколько замечаний по поводу учения Паскаля о морали;

28 июня — С. Я. Левин. О новой советской конституции;

29 сентября — Н-ов. Новая конституция СССР;

1937 г.: 22 марта — С. Я. Левин. Созвучность нашей эпохи учению Ницше;

26 апреля — А. М. Кулишер. Идея тайны в «Отверженных» Виктора Гюго;

24 мая (совместное заседание с Северным Сиянием или с Северной Звездой) — Н. В. Тесленко. Франк-масонство и религия. Книга В. З. Бр. Лантуана «Письмо Верховному Первосвященнику»;

1938 г.: 14 февраля — М. М. Филоненко. О будущем демократии и свободы;

1939 г.: К. И. Тихомиров. Элевзинские мистерии;

Н. В. Тесленко. Взаимоотношения между англо-саксонским масонством и масонством континентальным;

К. В. Гвозданович. Анализ книги А. Розенберга «Национальное государство»;

М. П. Кивелинович. О философии Маха;

22 мая — Д. Дембо. Астрономия и масонство;

15 ноября — С. Я. Левин. Об истории ложи Гермес. К 15-летней годовщине.

Попытка ложи сочетать рассмотрение вопросов современности и общемасонских проблем, однако, отрицательно сказалась на

Гермесе, поскольку члены мастерской начинают переходить в ложи с более определенной программой работ. Начиная с 1932 г., в Лотос уходят Л. И. Кац, М. С. Мендельсон, А. Э. Ломейер, Н. Г. Нидермиллер, С. Я. Шапиро, в отставку выходят В. А. Нагродский, П. А. Брюнелли, П. А. Половцев и другие, исключаются из мастерской М. Г. Корнфельд, Н. Г. Легат, К. Г. де ля Люби, Е. Д. Шор.

Вплоть до начала войны фактическим руководителем ложи Гермес оставался И. И. Фидлер, хотя пост досточтимого мастера занимали также К. И. Тихомиров, Н. В. Тесленко и С. Я. Левин.

Г. Ложи Золотое Руно и Прометей

«Л. Д. Кандауров смотрел на задачи нового русского масонства широко. В его план входило учреждение и лож не чисто русских, а из представителей народностей, входящих в состав прежней Российской Империи» *[Юпитер]*.

Первой такой ложей по замыслу лидера русских масонов Древнего и Принятого Шотландского Устава должна была стать «кавказская» ложа, впоследствии получившая название Золотое Руно. Л. Д. Кандауров предполагал, что если ввести в ложу известных промышленников, политических деятелей, офицеров «Дикой» дивизии (здесь могли помочь связи П. А. Половцева и А. Ф. Келлера), то через масонское братство можно будет примирить «кавказские» противоречия, а значит, сгладить остроту национального вопроса в будущей возрожденной России. Привлечение уроженцев Кавказа в Астрею показало, что план активной пропаганды идей братства и единения среди видных представителей народов бывшей Российской империи не является утопией. Однако идеи Л. Д. Кандаурова вызвали критику со

стороны некоторых русских масонов, например, В. Л. Вяземского, который отказался от руководства «кавказской» ложей *[См.: Вяземский. С.240]*.

Учредительное собрание новой ложи состоялось 12 ноября 1924 г., а 5 января 1925 г. мастерская Золотое Руно (под № 536 в союзе Великой Ложи Франции) была инсталлирована. Первым досточтимым мастером ложи был избран Л. Д. Кандауров, который привлек к работе новой ложи сильную группу русских братьев, в большинстве своем знакомых с жизнью на Кавказе. Например, в числе 18 основателей Золотого Руна были нефтепромышленник С. Г. Лианозов и журналист, председатель областного комитета Партии народной свободы в Тифлисе Ю. Ф. Семёнов (казначей ложи со дня основания). Л. Д. Кандауров при создании ложи учитывал и монархические настроения «кавказских» членов, а поэтому привлек в мастерскую масонов, представлявших «правое» политическое крыло эмиграции — В. В. Кочубея (секретарь ложи в 1925 г.), М. Н. Сейделера (секретарь со дня основания мастерской), Н. Л. Голеевского (оратор). Предполагалось, что сплочению представителей разных национальностей в ложе будут способствовать офицерская корпоративность и связи по общим, финансово-промышленным делам. Однако изначально было оговорено, что русские в ложе останутся лишь на два года.

«Большинство собраний "Золотого Руна" были посвящены опросу и посвящению новых братьев. Кандидатур было не мало. Оратор Голеевский подчеркивал в своих речах древность культуры кавказских народов и близость их национального характера к масонскому идеалу <...>

Посвящения сопровождались музыкальной программой и заканчивались агапой. Собрания происходили на рю Пюто» *[Юпитер]*.

Менее чем за полтора года в Золотое Руно было посвящено 22 человека и 5 масонов присоединено из других лож. Золотое Руно превратилось в многонациональную мастерскую (в ней были русские, евреи, чеченцы, армяне, грузины, азербайджанцы, дагестанцы, ингуши, черкесы, балкарцы, кабардинцы и т. д.) с разнородным социальным составом (бывшие промышленники, инженеры, медики, адвокаты, которые не все сохранили в эмиграции свою профессию и были вынуждены стать даже чернорабочими).

Активными участниками Золотого Руна были: адвокат Г. Бамматов; промышленник А.-М. Бадуев; инженер, депутат III-й Государственной Думы и участник Версальской конференции от Горской республики И. И. Гайдаров (2-й страж ложи); командир Ингушского полка М. М. Куриев; адвокат, член Предпарламента от Союза горцев А. А. Намиток; адвокат, председатель Кабардинского национального комитета Т.-С. К. Шакманов; доктор медицины И. М. Шаков; командир Грузинского драгунского полка, член правления нефтяных промыслов Чермоевых А. В. Амилахвари.

Хотя Л. Д. Кандауров вскоре передал молоток досточтимого мастера Д. А. Шереметеву, однако фактическим лидером мастерской стал К. Н. Хагандоков, бывший начальник «Дикой» дивизии, атаман Амурского казачьего войска.

«Зодческих» работ в ложе почти не было, известно лишь, что в июле 1925 г. были прочитаны два доклада: 17 числа К. Н. Хагандоковым «Кавказ и франк-масонство» *[Текст доклада см.: ЦХИДК. Ф.92. Оп.1. Д.13111]*, 25 числа — Ю. Ф. Семёновым «Франк-масонство и народности Кавказа» *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.44. Л.109]*.

Ю. Ф. Семёнов, пожалуй, первым поднял в ложах эту тему. 12 мая 1923 г. он говорил на заседании Астреи о цивилизаторской миссии России на Кавказе. (См.: *Там же. Д.13 а. Л.54–55*).

Важная работа по переводу на русский язык в 1926 г. «инструкционных» масонских сочинений О. Вирта была проделана секретарем ложи, бывшим офицером, зятем К. Н. Хагандокова А. Е. Андрусом *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.170]*.

Однако работа Золотого Руна была ослаблена из-за пристального внимания русских масонов к двум важным проектам: попытке учреждения русской Великой Ложи Астрея и организации русского масонского дома на рю де л'Иветт в Париже. В этих условиях Д. А. Шереметев и Л. Д. Кандауров фактически устраняются от работ мастерской, а в мае 1926 г. прекращаются и посвящения в ложе.

При переезде в русский масонский дом значительная часть членов Золотого Руна (преимущественно грузины и горцы-мусульмане) решила остаться в помещении Великой Ложи Франции на рю Пюто. О главной причине распада мастерской В. Л. Вяземский писал: «Прием был массовый, слишком снисходительный, и вскоре поневоле сказался разлад между такими крупными деятелями, как, например, С. Г. Лианозов, и рядом прекрасных людей, но "никаких масонов", к тому же еле говоривших по-русски» *[Вяземский. С.240]*. Это подтверждает и П. А. Бурышкин: «Никакой спайки между русскими и кавказцами не получилось, более того, среди не-русской части ложи начались трения и несогласия, в особенности между армянами и грузинами» *[Бурышкин]*. Возможно, здесь сыграли какую-то роль и старые обиды периода гражданской войны, когда, например, К. Н. Хагандокову было отказано в предоставлении должности в Добровольческой Армии. Некоторые из членов Золотого Руна, например, С. Я. Зильберштейн были заинтересованы в более тесных контактах не с русскими, а с французскими масонами, и в условиях, когда Великая Ложа Астрея так и не была основана, предпочли остаться на рю Пюто.

В ноябре-декабре 1926 г. разделение по «национальному» признаку внутри ложи окончательно определилось.

19 ноября 1926 г. происходит присоединение к ложе А. В. Давыдова, С. К. Маковского, А. И. Путилова, А. А. Лобанова-Ростовского, С. О. де Витта, С. А. Голенищева-Кутузова. Начинается новый период развития мастерской, когда она, оставив прежний номер, взяла новое название — Юпитер, как «символ Разума, проявленного в Действии» *[Юпитер]*. 21 декабря в ложе начинается посвящение уже русских братьев, ими становятся коммерсант Б. Швецов и администратор В. А. Яковлев, что закрепляет ее новую ориентацию.

Водоразделом в жизни ложи стал день 31 декабря 1926 г., когда к ложе в знак поддержки нового курса присоединяется великий мастер Великой Ложи Франции, М. Монье. Тогда же происходит радиация И. А. Вачнадзе и А. В. Амилахвари, а 24 масона выходят в отставку из ложи (в том числе К. Н. Хагандоков, Д. А. Шереметев, Н. Л. Голеевский, И. М. Шаков, М. М. Куриев, Абдул-Меджид и Осман Чермоевы, А. Е. Андрус, А.-М. Бадуев, А. А. Намиток, Г. Баммат). Следует отметить, что исключенные и «ушедшие» масоны в основной своей массе придерживались крайне правых взглядов. Например, А. В. Амилахвари впоследствии воевал в Испании на стороне генерала Франко.

В январе 1927 г. на рю Пюто происходит инсталляция новой ложи — Прометей, получившей в союзе Великой Ложи Франции № 558. Ее основателями стали бывшие члены Золотого Руна, вышедшие из этой мастерской в отставку. Поскольку никто из «кавказцев» не имел трехлетнего стажа в степени мастера, установленного конституцией, досточтимым мастером Прометея был избран доктор медицины С. Я. Зильберштейн *[См.: Бурышкин]*.

Хотя «русские братья упрекали кавказцев в узко-шовинистических и антимасонских тенденциях» и выделились в Юпитер, «тем не менее, взаимоотношения между братьями бывшей ложи оставались дружественными, и были взаимные посещения» *[Юпитер]*.

В Прометее выделяются и новые активные члены, например, бывший полковник 2-го конного Черкесского полка «Дикой» дивизии П. Аджигоев, юрист К. М. Кассим-заде, Ш. А. Карумидзе, депутат Учредительного собрания, примыкавший к правому крылу Национальной партии. В ложе усиливаются позиции и нефтепромышленников братьев Чермоевых. Особенно следует отметить Топу (Абдул-Меджида) Чермоева, первого министра, затем министра иностранных дел Республики горцев Северного Кавказа, штабс-ротмистра Чеченского конного полка «Дикой» дивизии, главу делегации Горской республики на Версальской конференции. «Всецело на средства» Т. Чермоева ложа и существовала, «ибо взносов никто не платил» *[Вяземский. С.240]*.

Однако тенденция раскола на небольшие национальные группы сохранилась и в Прометее. Ориентация части членов ложи на мусульманский мир усиливалась, и в декабре 1927–1928 гг. из ложи были исключены практически все грузины. Становилось ясно, что даже в русской ложе совершенствования члены Прометея не готовы работать (в первую очередь, это касается К. Н. Хагандокова).

До декабря 1929 г. в «материнских» ложах за неуплату взносов радиировали А. Е. Андруса, И. И. Гайдарова, К. Н. Хагандокова, Т.-С. К. Шакманова, П. Л. Штейнгеля, т. е. руководителей Прометея. В этих условиях мастерская не могла уже далее существовать и была усыплена в начале 1930 г.

«Кавказская» страница в истории русского масонства была закрыта, национализм оказался сильнее идей братства, Л. Д. Кандауров потерпел в этом вопросе «полное фиаско» *[Вяземский. С.40]*. Вероятно, идея образования ложи действительно была обречена с самого начала на провал, поскольку в ее составе был например, Т. Чермоев, вырезавший со своим горским отрядом 20 тысяч армян при взятии большевистского Баку, или Г. Гвазава, единственный депутат Закавказского сейма, голосовавший за отделение Кавказа от России *[См.: Семёнов Ю. Ф. «Закавказская республика». Глава из воспоминаний // Возрождение. Париж. 1949. Тетр.1. С.131–132, 137]*. Ни о каком «моральном» облике российского масона здесь говорить не приходилось, был лишь национализм, прикрывавшийся антибольшевизмом.

Д. Ложа Юпитер

Преобразованная из ложи Золотое Руно новая русская ложа Юпитер начала свои регулярные работы 25 января 1927 г.

Основой данной главки стал *текст* упоминавшейся «Истории ложи Юпитер», где дается краткое изложение докладов, прочитанных в ложе; в дальнейшем он свободно, с неоговоренными сокращениями и дополнениями, цитируется без ссылки на источник; использованы также документы из архивов: *GLdF. № 536; ЛА.*

Первым досточтимым мастером ложи Юпитер стал С. Г. Лианозов, однако сразу же его сменил Александр Васильевич Давыдов (1881–1955), находившийся на этом посту до 1930 г. Кроме них двоих и Л. Д. Кандаурова, в списке основателей ложи мы находим следующие имена: В. В. Кочубей, Ю. Ф. Семёнов, М. Н. Сейделер, С. Я. Зильберштейн, П. Н. Тер-Осипов,

Л. А. Ниссалович, Н. П. Фёдоров, И. А. Кистяковский, С. Б. Гаджинский, М. Я. Имханицкий, Д. П. Кандауров, А. М. Гюрджан, А. В. Давыдов, С. К. Маковский, А. И. Путилов, А. А. Лобанов-Ростовский, С. А. Голенищев-Кутузов, Б. Швецов, В. А. Яковлев, И. И. Тхоржевский, Н. А. Крыжановский, С. О. де Витт (последние трое вскоре вышли в отставку из ложи). В ложу, как уже было сказано, вошел и великий оратор Верховного Совета Франции М. Монье.

Ложа сразу же развила кипучую деятельность. В 1927 г. было проведено 14 собраний для посвящений и инструкционных бесед. В масонство в ложе были посвящены: дипломат А. И. Щербатский, адвокат М. Г. Слиозберг (сын видного масона), служащий Г. Волькенштейн, скрипач И. А. Галамян, художник и писатель А. А. Гефтер, писатель С. Л. Рафалович, философ и критик Л. Е. Габрилович (Галич), писатель и банкир Л. В. фон Гойер, контр-адмирал, морской министр Временного правительства Д. Н. Вердеревский, его сын, инженер П. Д. Вердеревский, литературовед К. В. Мочульский, искусствовед И. И. Жарновский, служащий К. П. Ливен, профессор международного права Б. Е. Шацкий, художник М. В. Добужинский и другие. Присоединился к работам ложи и историк К. К. Грюнвальд. Таким образом, ложа стала объединением преимущественно русской художественной элиты.

В 1927 г. в ложе было прочитано пять докладов, из которых три прозвучали на французском языке.

Надо отметить, в первую очередь, сообщение Мориса Лорана на тему: «Есть ли коммунистическая опасность для Франции?». Прекрасно знакомый с синдикализмом и политическими партиями, докладчик пришел к оптимистическому заключению: «Не в характере французов предаваться крайностям, в особенности после пережитых революций и войн. Коммунизация Франции невозможна».

Другой доклад назывался «Гражданская война в Китае, ее причины, действия и возможные последствия». Генерал Бриссо Демайлэ пришел к выводу об ответственности западных государств в эволюции китайских событий в сторону коммунизма, происходящей при активной поддержке советской России, которая и является подлинной поджигательницей гражданской войны на Востоке.

С. К. Маковский поделился своими личными воспоминаниями о А. Блоке и обрисовал его облик как поэта, писателя и человека. Попытка А. Блока подложить религиозную основу русской революции и объяснить ее как проявление русской мистической идеи была неудачной. Под конец своей жизни поэт с ужасом отвернулся от своего прежнего легкомысленного синкретизма.

Кроме трех упомянутых докладов, прочитанных на французском языке, было и два русских доклада. Доклад К. В. Мочульского о «Русской культуре» представлял тщательное исследование и анализ сложной и противоречивой эволюции русского духовного творчества. Докладчик искал причину революционного катаклизма в России в органическом дефекте, отсутствии меры, некотором анархизме мысли. Он все же не терял надежду, что Логос воскреснет в возрожденной России.

Л. Е. Габрилович выявил свою глубокую эрудицию в докладе, озаглавленном «Христос или Хрестос — заметки о происхождении христианства». Антиягвические течения эпохи палеохристианства, влияние неоплатоников, новая философия любви и милосердия и гностических учений были, по мнению докладчика, истоками христианской доктрины и обоснованием новой религии. Особое место Л. Е. Габрилович отводил Маркиону — главе гностической секты. В ходе обсуждения доклада выступил также Л. В. фон Гойер.

Перечень докладов свидетельствует о разносторонности интересов ложи. Она могла обсуждать проблемы как социально-политические, так и абстрактно-научные, всегда рассматривая их в чисто масонском плане.

Следующий, 1928 г. был для Юпитера также успешным. Ложа значительно усилилась за счет посвящения в ней писателя Г. В. Адамовича, журналиста и бывшего главного начальника Оренбургского военного округа И. Г. Акулинина, философа и литературоведа Н. М. Бахтина, коммерческого представителя К. П. Гес де Кальве, доктора медицины Б. Н. Беляева, известного инженера-химика М. М. Костевича, лиценсиаста наук Ю. Ю. Цветковского, литературного критика С. В. Яблоновского (Потресова). Присоединились к ложе и французский архитектор, член ложи Тэба, Ж. Анкетен, а также член Астреи, казачий офицер Ф. С. Марков. Исключены были (в самом конце года) И. А. Галамян, С. Б. Гаджинский и П. Н. Тер-Осипов, которые перестали посещать заседания,

Ложа Юпитер в 1928 г. провела 14 собраний, на 6 заседаниях были заслушаны доклады, два из которых были прочтены на французском языке.

Д. Н. Вердеревский 11 января говорил о «Конструктивном (творческом) периоде русского флота после русско-японской войны». Он отметил блестящую роль Балтийского флота во время войны 1914—1918 гг., на долю которого выпала ответственная задача защиты от немцев всего западного побережья Балтики. Моральное оздоровление молодежи, дисциплина, культурный уровень командного состава были, по мнению докладчика, причинами возрождения русского флота.

Доклад Б. Е. Шацкого «О федеративном государстве» (16 февраля) был кратким, но обстоятельным обзором современных федеративных государств: США, Англии, Германии и Швейцарии. Из этого анализа вытекало, что даже при отсутствии

полного национального, экономического и политического единства вполне возможна централизация управления всей федеративной пирамиды. Как вывод, докладчик пожелал подобного же федеративного устройства будущей России при условии, разумеется, что каждый член федерации будет иметь свободу волеизъявления населения.

Оратор ложи Л. В. Гойер 19 апреля выступил с докладом на французском языке «О некоторых философских дедукциях в связи с теорией относительности Эйнштейна». Докладчик разделил эволюцию философии и науки на три исторических этапа: геоцентризм Платона; открытия Коперника и Ньютона и соответствующая им философия Декарта, Лейбница и Канта; наконец, современная эпоха с открытием теории относительности и атомной энергии, в результате чего опрокинуты все прежние понятия о материи, времени, пространстве и движении. Докладчик пришел к заключению о существовании многомерного подлинного мира, реального в себе, но относительного в восприятии нашим интеллектом. Это не мир Парменида в своей вечной неподвижности, не мир Гераклита — вечно текущий, но сочетание бытия и материи, временности и протяженности. В этой симфонии заключается динамическая статика мира.

Участник борьбы с большевиками в армии генерала Юденича, член ложи Астрея Н. М. Неклюдов 17 мая поделился своими личными воспоминаниями в докладе «События на Красной Горке и образование Северо-Западной армии генерала Юденича». Н. М. Неклюдов красочно обрисовал душевное состояние и настроения как вождей, так и солдат в это смутное время. Целью армии было овладение Петроградом, но этой задаче не суждено было осуществиться по целому ряду причин.

На политико-экономическую тему: «Восстание земли — искание в ночи» — 28 августа говорил М. Я. Имханицкий, близко знакомый с мировой индустрией. Он предвидел опасность

чрезмерной эксплуатации естественных ресурсов земли. В обсуждении доклада принял участие Л. А. Ниссалович.

Истории русской поэзии был посвящен (15 ноября) доклад С. Л. Рафаловича «Неулыбчивый поэт (на водоразделе современной русской поэзии)». Особое место было отведено в нем поэту В. Ф. Ходасевичу, который, по мнению докладчика, скорее поэт мысли, а не сердца, причем мысли, проникнутой пессимизмом, характерным для нашей эпохи. Причину несчастий человека поэт видит в вечной борьбе души — пленницы тела, жертве сомнений и желаний. В этом отношении он следует греческим философам. Безукоризненная форма поэзии В. Ф. Ходасевича сближает его с величайшими русскими поэтами, а его мрачные рифмы понятны очевидцам русской трагедии. С. Л. Рафалович сопоставил В. Ф. Ходасевича с А. А. Блоком и Н. С. Гумилевым. В обсуждении доклада участвовали С. К. Маковский, Л. В. Гойер, К. В. Мочульский и Г. В. Адамович.

В 1929 г. активность ложи продолжала благоприятно развиваться под руководством А. В. Давыдова и Л. В. Гойера.

В число новых членов были приняты: инженер А. М. Азанчевский-Азанчеев, промышленники Н. С. Кожин и А. П. Клягин, адвокат А. Н. Пригожин, дипломат Н. Н. Де Ген, финансист А. К. Ржепецкий, геолог В. Я Поляков, Артемий Кандауров, А. А. Давыдов из берлинской ложи Трех Глобусов и другие. Были и отставки и радиации, частью вызванные ухудшившимся материальным положением русской эмиграции.

Разными путями приходили к масонству новые братья. Вот как описывал свой путь А. М. Азанчеев: «Я родился близ села Авдотьино, которое принадлежало Новикову <...> Когда я был в первых классах кадетского корпуса, мой отец, увлекавшийся русской историей, водил меня по церкви и кладбищу этого села и показывал непонятные мне урны, эмблемы и знаки и прочел мне длинную лекцию

о русских вольных каменщиках. В таком возрасте такие, подернутые пеленой таинственности, рассказы западают глубоко. В 1897 году я работал в Телефонной компании в Новом Орлеане. Там я однажды натолкнулся на странную процессию: шло более сотни китайцев в национальных костюмах и при полных масонских регалиях. Впереди несли богато расшитое шелковое знамя, на котором была английскими буквами вышита надпись "Китайские масоны". Я пошел с ними и присутствовал при полном ритуале погребения по-масонски на масонском отдельном кладбище. Эти похороны врезались мне в память.

В 1913 году я жил в Мексике, когда там разразилась революция. Я только что вложил все сбережения в покупку большого участка леса и постройку лесопильного завода, и дело шло отлично. Революционные банды занялись грабежом, сожгли соседние предприятия, убили инженера рудника, и, по слухам, они наметили мой завод, как очередной грабеж. Дожидаться подтверждения этих слухов я не стал и верхом, в чем был, поехал в главный город провинции, но не доехав до него, узнал, что там идет резня, и я повернул в сторону американской границы. Там, в маленьком городке Эль Пазо, с 11 долларами в кармане я узнал благодатную силу Братства Вольных Каменщиков, не принадлежа к их числу. Бармен, которому я рассказал свою историю, носил масонский знак. Он направил меня к знакомому содержателю гостиницы, тоже масону, у которого я и поместился. Он познакомил меня с одним сенатором, председателем общества по разработке рудника металла тунгстен. Сенатор, у которого на массивной золотой цепочке висел двуглавый орел с цифрой 33, предложил мне работу по разбивке участков, и я немедленно за нее ухватился. Хозяин гостиницы ничего с меня не хотел взять. Когда, по окончании работ, я вернулся с 8 тысячами долларов в кармане в Эль Пазо и пошел поблагодарить сенатора, он сказал мне: "Вы еще не масон, но вы же можете рано или поздно им стать". Мне дали письма, с которыми я быстро нашел работу в других штатах. Я вращался все время в масонских кругах, и лишь постоянные разъезды мешали мне поступить в Орден. В начале 1913 года я вернулся в Россию и лишь теперь, на склоне лет, я мог осуществить свое желание сделаться масоном. Я хотел войти в Орден потому, что американские братья

мне показали, что он не есть лишь узкое сообщество взаимопомощи исключительно для входящих в его состав, но есть духовное объединение для помощи всему человечеству во имя общечеловеческого братства. Я нашел в нем высшие духовные богатства». А. М. Азанчеев однако недолго пробыл в Юпитере, поскольку должен был уехать для работы в Испанию.

Ряд интересных докладов иллюстрирует работы ложи в 1929 году.

Н. М. Бахтин 21 февраля читал на французском языке об элевзинских мистериях, столь тесно связанных с символикой и традицией масонства. Моральное возрождение, духовная дисциплина посвященных в эти древние тайные общества были факторами, при которых выковывалась греческая душа и высокий идеал этого народа.

Л. Е. Габрилович 18 июля говорил об «Античных религиях и религиях Востока». Докладчик противопоставил религии тела — религиям духа. Положение человека в космосе является тому причиной: он ногами упирается в землю, но головой обращен к небу, его руки устрояют материю, но его ум пытается прочесть таинственные знаки, начертанные на небе, — это вечная загадка мира. Тот, кто слеп для этого видения, отворачивается от подлинной жизни.

С. К. Маковский 20 июня сделал доклад о «Метафизике русской культуры». Его доклад вызвал живейший интерес с обменом мнениями, в ходе которого выступили Н. В. Тесленко и Л. В. Гойер. Согласно докладчику, русская культура как продукт самой утонченной верхушки нации отразила в себе всю сложность, всю глубину русской души, разорванной между Византией и Западом. Этот трагический дуализм, отрыв от жизни в метафизику, сочетающийся с исканием идеала именно здесь, на земле, характерен для русской культуры. Антиномия не была

преодолена — идеологический конфликт был перманентен и отразился в русском интеллектуализме, философии, литературе, искусстве и общественности.

Доклад Н. Л. Голеевского (16 мая) касался сущности самого масонства: «Идеалы нашего ордена и новое время». Гуманизм XIX в. должен, по мнению докладчика, быть пересмотрен. Рожденный Великой Французской революцией, он умер с Великой войной 1914—1918 гг. Гуманитарное представление о личной свободе — ложно, оно привело к скептицизму и разрушительному социализму. Стерильный индивидуализм должен быть изжит. Н. Л. Голеевский предвидел новую эпоху, при которой свободная воля человека будет добровольно подчинена воле коллектива или ряда коллективов, которые и будут носителями власти. Индивидуальность, которая теперь под влиянием спорта и просвещения развивает и личную физическую мощь, и добродетель, выйдет из своего одиночества, чтобы сгруппироваться в соборность тела и духа. Н. Л. Голеевский мечтал о «соборности», противоположной марксистскому тоталитаризму, ибо в соборности связующим элементом является добровольный отказ от самости в пользу не материальной только выгоды, но главным образом в пользу духовного единства.

Оратор ложи Л. В. Гойер в своем годовом отчете так отозвался обо всех этих докладах: «Насколько доклады об Элевзине и об античных культах Востока перенесли нас в эпоху героических народов, чьи глаза лицезрели истинную красоту, чьи сердца верили и чей разум бесстрашно искал Истину, настолько доклады Маковского и Голеевского заставили нас склониться над кровоточащими ранами нашей эпохи, причину коих мы, по мере сил, стремимся раскрыть, чтобы найти методы выздоровления. Тем не менее из этой антиномии мы вынесли некий синтез, что побуждает нас искать в тайниках нашей души основания для лучшего будущего. Разносторонность тем сообщений не мешала

единству в плане свободного искания Истины, что является целью нашего Ордена. В нашем братстве Любви и Труда все работы членов Лож освещены светом Пламенеющей Звезды, сияющей на нашем небе».

В 1930 г. собрания Юпитера были столь же многочисленны и богаты конструктивной работой. В число членов ложи вошли: антиквар З. П. Бирчанский, поэт И. Н. Голенищев-Кутузов, администратор А. М. Грушко, служащий Н. И. Малышенко, поэт Ю. К. Терапиано (регуляризировавшийся как мартинист), бывший российский консул в Варне С. В. Тухолка и другие; к ложе присоединился И. А. Кривошеин. Был посвящен в Юпитере также и Н. Н. Евреинов, известный драматург, писатель и театральный деятель.

Из докладов, прочтенных в этом году в ложе, следует отметить следующие:

К. В. Мочульский. Розанов — русский философ и писатель. — У Розанова человек создан для жизни, размножения на земле счастливой, а не для того, чтобы отвернуться от животворящего солнца. В христианстве Розанов видел победу смерти, отказ от жизни. Разум и чувство влекли его к библейскому Богу, но сердце повергало его к стопам Христа, чье царство «не от мира сего». Лишь смерть внесла успокоение в эту мятущуюся душу, смерть, которая в последний момент открылась ему как конечная благодать и счастье.

Л. Е. Габрилович. Энтеизм — Бого-человеческие течения в античных религиях (16 октября). — Насколько в иудаизме Бог вне человека, ему не сопричастен и нередко враждебен, в индуизме Бог открывается в самом человеке, Он субстанциально ему единосущ. Творение своего «Я» равнозначно обретению Бога в себе самом. Христианское учение: «царство Божие внутри вас» — есть лишь бледный отзвук восточного энтеизма. Человек XIX в.

потерял подлинное ощущение своего «Я». Греческое «Познай самого себя» не было понято, эта формула отнюдь не означала диссекцию персональности или анализ чувств, но означало обретение своего подлинного «Я» и работу над его самосовершенствованием через творческую акцию.

Л. В. Гойер. Онтологический экскурс в проблему бытия (20 февраля). — Понятие о вечном бытии недоступно человеческому разуму, который бессилен проникнуть и в бесконечно малое, и в бесконечно большое, но разум — единственная возможность осознать реальность, которой мы принадлежим. События прошлого не исчерпаны, персональность умершего продолжает жить и действовать через нас, живых. Все бытие — это начертания невидимой рукой, как диалектический мотив божественной симфонии жизни. «Будем радоваться принадлежать миру и быть сопричастными божественному через творение. Мы на границе Красоты и Добра». Мир феноменальный есть отражение божественной мысли, вневременной и внепространственной, как музыкальная фраза без начала и конца. Она проявляется в вечном движении и эволюции материи. Человеческое слово бессильно выразить ритм этой мысли и воспринимает его лишь косвенно, через понятие об отражении в человеке как микрокосме. В обсуждении доклада участвовали Н. Л. Голеевский и М. Г. Слиозберг.

Н. М. Бахтин. Новое представление о личности (20 марта). — Новое ощущение личности возникает в нашу эпоху как антитеза коллектива; сложность разрешения этой социальной и этической проблемы. В обсуждении принял участие М. Г. Слиозберг.

В своем годовом отчете о работах ложи Л. В. Гойер подчеркнул масонский характер всех работ и обмена мнениями по поводу докладов. Эти работы отличаются от «профанских» лекций, докладов, речей и т. д. отсутствием всякой полемики и

нетерпимости. Для посвященного все, что воспринимается чувствами и интеллектом, все явления религиозного, научного, художественного и политического характера суть лишь символы Живого и Вечного Логоса. «С взором, устремленным в сторону нашей страдающей Родины, мы готовы, как один человек, встать, когда пробьет час истории», — закончил Л. В. Гойер свой моральный отчет 1930 г.

В 1931 г. досточтимого мастера А. В. Давыдова сменил Дмитрий Николаевич Вердеревский (1873—1947), который возглавлял ложу Юпитер по 1934 г. Были приняты новые члены: студент-юрист И. Бабович, журналист Э. Менэенкампф, коммерсант А. Ф. Бантыш, адвокат Я. Б. Рабинович, поэт Ю. Б. Бек-Софиев, художник В. Ф. Кривуц, студент А. Хазин, промышленник Д. Л. Вельяшев, бывший камергер В. Ф. Сафонов, юрисконсульт В. А. Парис, поэт Д. Ю. Кобяков... Аффилировался член ложи Прометей, банкир А. Зильберштейн. Вышли из состава ложи И. И. Жарновский, Д. П. Кандауров. Ушел «на Восток Вечный» М. Монье. Число братьев достигло 65.

Инсталляционная агапа была в конце года организована В. Ф. Сафоновым. На ней присутствовало свыше 60 братьев, и В. Ф. Сафонов в первый раз показал свою замечательную организационную способность и вкус.

О Владимире Фёдоровиче Сафонове следует рассказать несколько подробнее. Примечательным было уже то, что вскоре после своего посвящения он написал работу «Об обязанностях и поведении Вольного Каменщика»; она была настолько безупречна и подробна, что была отпечатана и затем вручалась каждому посвящаемому для изучения.

В. Ф. Сафонову принадлежала и идея знамени ложи Юпитер. Рисунок был сделан членом ложи М. В. Добужинским. В центре был изображен Юпитер в виде фигуры карты таро «Император» с скипетром в руках; с боков — астрологические знаки планеты Юпитер и «рука правосудия» царских скипетров; наверху — черная и белая пламенеющая звезда. Знамя было вышито на шелку золотом и

шелками. Оно уцелело во время войны, спрятанное в Византийском институте, и в настоящее время находится в частной коллекции.

Доклады 1931 г. касались скорее тем актуальных. 15 января А. П. Марков *[GLdF. № 536; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.183. Л.49]* говорил «О пятилетке в советской России» и подытожил результаты аграрной реформы. Он высказал надежду, что насильственная коллективизация вызовет поголовное восстание крестьян. Докладчик закончил свое сообщение анализом марксистской доктрины свободы. Сознательный коммунист всегда готов отказаться от личной свободы в пользу коллектива. Персональность, в высшем ее проявлении, есть подчинение сверхчеловеческой Истине, советский режим душит всякое проявление такой персональности и потому беспощадно проводит атеистическо-материалистическое воспитание народа. Но и на Западе, в странах относительной свободы, индустриализация и механизация жизни, ее бешеный темп, неизбежно ведут к ущемлению личной свободы и некоторой нивелировке индивидуализма.

Б. Е. Шацкий сделал доклад по вопросу, особенно жгучему в ту эпоху: «Лига Наций и Советский Союз». Упомянув о поздравительной телеграмме президента В. Вильсона Съезду партии большевиков в Москве в 1918 г., докладчик, имевший доступ к архивам Лиги Наций, был прекрасно осведомлен об истории этих взаимоотношений. Запад слишком долго оставался нейтральным по отношению к большевизму, в то время как советское правительство с самого начала считало Лигу Наций враждебной себе организацией. Вхождение Советов в Лигу было своего рода «Троянским конем» в капиталистическую крепость. Б. Е. Шацкий закончил свое сообщение твердой надеждой, что русский народ не даст себя поработить духовно до конца и что рано или поздно он потребует себе свободу мыслить и верить.

Г. В. Адамович по своей профессии был наиболее компетентным докладчиком (18 июля) на тему: «Человек в советской

литературе». Русская душа, потребность в свободе, несмотря на полное отрицание таковой вообще марксизмом-ленинизмом, несмотря на подчиненную роль советской литературы, все же может время от времени проявляться (хотя бы и в криптическом виде) в этой литературе. Уровень ее, по мнению Адамовича, довольно низкий — много наивности, мало утонченности и редкие случаи подлинного взлета и достоинства. Она малооригинальна, рабски следует директивам партии, но тем не менее традиционный гуманизм русской литературы не изжит. Отрицание эгоистической замкнутости человеческого Я, религиозный и психологический опыт прежних писателей подсказывал им борьбу с преувеличенным индивидуализмом. Эта традиция сохранилась в советской литературе, но в искаженном виде, в ее крайнем аспекте. Советскому писателю приходится предостерегать читателя от эгоистической гордыни и проповедовать личное растворение в общем страдании. «Мы лишь пальцы единой руки» — грубая и печальная картина, но лишь в своей интегральной интерпретации, когда она ограничивается лишь сознанием общего блага и долга каждого в коллективе, не оставляя места личной свободе. Тем не менее, если читать между строчек, проглядывает восстание против духовной нивелировки, чувствуется защита человеческой личности и души. Г. В. Адамович выразил надежду, что советский человек, закаленный неслыханными испытаниями, восстанет с новыми силами.

Оратор ложи Л. В. Гойер закончил свой годовой отчет фразой, которая в свете докладов этого года приобретает особое значение: «Мы, масоны, считаем своим священным и непререкаемым правом принять или отвергнуть все, что доходит до нас из внешнего мира. Вердикт нашей совести — единственный критерий. Мы не можем сочувствовать развивающемуся в мире движению в сторону преувеличенной коллективизации, в которой человек станет бесконечно малой каплей в океане множественности,

лишь одним из винтов чудовищной машины, которая работает на порабощение человека. Мы изучаем нашу родину, потому что именно там установилась эта диктаториальная система. Непростительной ошибкой было мнение Запада, что коммунизм возможен лишь в России и что другие страны от него иммунны. Теперь этот легкомысленный взгляд начинает уступать страху перед этой гигантской твердыней атеистического тоталитаризма. Мы, масоны, должны быть в первых рядах той силы, которая преградит дорогу красной опасности».

В 1932 г. ложа была в особенности активной. Она собиралась 18 раз, 10 собраний были для посвящений и инструкций по ритуалу, остальные для докладов и их обсуждения.

Были посвящены в ложе: капитан дальнего плавания А. М. Глинский, Я. И. Гольдберг, студент-биолог Г. А. Гусев, египтолог А. Н. Пьянков, византинист Б. Н. Ермолов и еще несколько человек. В ложу был аффилирован адвокат М. М. Филоненко, что было частью сложного плана по смещению Д. Н. Вердеревского (якобы из-за «финансовых» беспорядков) с поста досточтимого мастера ложи Юпитер, который однако продолжал руководить ложей до конца 1933 г.

Были разработаны два плана по изменению направленности ложи, поскольку стало очевидно, что ложа Юпитер несостоятельна как ложа «богатеев», которую задумал Л. Д. Кандауров. В соответствии с первым из планов предполагалось также присоединить к Юпитеру князя П. А. Мещерского и В. В. Вырубова, чтобы усилить позиции материально состоятельных членов, а на посты офицеров ложи избрать: досточтимый мастер — С. Я. Зильберштейн, 1-й страж — М. Н. Сейделер, 2-й страж — В. Ф. Сафонов, казначей — В. Н. Матвеев, оратор — А. В. Давыдов, депутаты — И. А. Кривошеин и Л. В. фон Гойер, обрядоначальник — В. А. Парис, дародатель — Я. Б. Рабинович (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.1 а. ЛЛ.125–125 об.*). Возможно, реализация подобного плана помогла бы осуществить идею Л. Д. Кандаурова.

Второй план был предложен К. П. Капланом и О. С. Бернштейном. Они хотели создать из Юпитера мастерскую для масонов 15—17-го градусов, в которую бы принимали новых членов лишь при общем согласии. Помимо инициаторов новой ориентации, в Юпитер предполагали также привлечь Г. Б. Слиозберга, В. Ю. Расина, В. Ф. Сафонова, И. А. Кривошеина, Б. Ю. Прегеля и С. Я. Шапиро. Подобная идея была реализована, но не в Юпитере, а в новой ложе — Лотос.

Причина разработки новой концепции работ Юпитера была еще и в том, что ложа потеряла много своих членов. В 1932—1933 гг. Юпитер покинули: Л. В. фон Гойер, К. К. Грюнвальд, Л. Е. Габрилович, А. М. Азанчевский-Азанчеев, И. Бабович, Н. И. Малышенко, А. А. Давидов, Г. В. Адамович, Арт. Кандауров, З. П. Бирчанский, В. В. Кочубей, Ю. К. Терапиано, А. А. Лобанов-Ростовский, А. И. Путилов, А. П. Клягин, А. Хазин, Г. Волькенштейн, А. К. Ржепецкий, Н. Н. Де Ген, С. В. Яблоновский, Н. П. Фёдоров, А. М. Гюрджан, С. А. Голенищев-Кутузов, С. Л. Рафалович, М. М. Костевич, Ю. Ю. Цветковский и С. В. Тухолка. Главной причиной выхода были не идейные разногласия, а сравнительное обеднение эмиграции. Многие не могли платить взносы одновременно в две ложи и ограничились пребыванием в ложе-матери, другие не могли вообще платить котизации (следовало выделять деньги и в Великую Ложу Франции, и в Совет Объединения, и на содержание русского масонского дома), третьи покинули Париж и даже Францию.

В этих условиях ложа сделала ставку на использование знаний своих молодых членов. Например, 21 июля 1932 г. А. Н. Пьянков прочел доклад о «Творении мира в представлении древних египтян». Докладчик оттенил эзотеризм в египетской мифологии и высокий характер жреческой доктрины, которая раскрывалась

лишь избранным. Уже в глубокой древности символы и магические элементы ритуалов способствовали прогрессу интеллектуальному и духовному. Элита выражала символами свои собственные достижения. Египет, как и Ассирия, Иудея и Греция, передал нам неиссякаемые сокровища в своих памятниках.

18 февраля в ложе вновь была поднята китайская проблема. Доклад Б. Е. Шацкого был озаглавлен: «Азиатская проблема и опасность пропаганды крайних идей». Докладчик, который жил долгое время в Азии, отметил, что низкий уровень азиатских народов делает их легко восприимчивыми к зажигательным лозунгам — таким, как национальное пробуждение, захват власти силой, социальное равенство и т. д. Однако не народные массы пожинают плоды революции, а кучка захватчиков власти, развязывающих террор и обрекающих народ на новое, еще большее рабство. Эти социальные потрясения захватывают все новые территории. Б. Е. Шацкий считал, что лишь планомерное улучшение материального быта восточных народов может преградить дорогу этому разрушительному процессу.

Н. Н. Евреинов 19 мая с обычным ему вдохновением прочел доклад о «Рождении греческой трагедии» и ее связи с глубоким символическим ритуалом Библии — так называемым «козлом отпущения Азазелем». Библейский ритуал «очищения» заключался в следующем: первосвященник привязывал к рогам козла отпущения красную ленту и выгонял его в пустыню, в направлении к горам и на Восток. Красная лента привязывалась к рогам и другого козла, предназначенного для жертвоприношения; он приносился в жертву Богу в знак раскаяния в совершенных грехах. В Книге Эноха мы читаем: «Азазель — это демон, сперва добродетельный, но восставший против Господа. Он взошел на гору Эрмон и научил людей магии, искусствам и разврату, и Бог сказал архангелу Рафаилу: свяжи руки и ноги Азазеля и повергни его в Тьму, сделай яму в пустыне и брось его туда». Таким

образом, Азазель имел двойственное существование: и на горе, и в преисподней, что символизировано летним и зимним солнцестоянием. Евреинов провел параллель между трагическими героями Эсхила, Софокла и Еврипида, ни в чем не повинными, но несущими на себе грех несправедливости и безжалостного рока, библейским козлом отпущения и новозаветным Агнцем. Для него семитская тема жертвы легла в основу греческой драмы: «Мы тогда только испытываем настоящее трагическое ощущение от образов греческих трагиков, когда со страхом и состраданием видим, как тяжкая, ужасная вина взвалена на ни в чем не повинного человека, на героя, являющегося в наших глазах символом "козла отпущения". В этом смысле, т. е. в смысле символическом, священный некогда "козел отпущения" говорит не только о героях классической трагедии, но и о великом Евангельском Герое, в котором древнейшая семитская символика козла-бога Еа уступила место символике Агнца».

Доклад Н. Н. Евреинова привлек многочисленных посетителей из других лож и вызвал глубокий интерес. В обсуждении данного сообщения приняли участие Л. В. фон Гойер и И. Н. Голенищев-Кутузов.

17 ноября 1932 г. Н. Н. Евреинов предварил беседу в ложе «О символе» своим одноименным вступительным словом, в котором не только раскрыл роль символики в масонстве и жизни, но и провел анализ и подчеркнул разницу между аллегорией, знаком, эмблемой и символом *[Текст доклада см.: РГАЛИ. Ф.982. Оп.1. Д.50. Л.17 и сл. Доклад «О символе» в переводе на французский язык был также опубликован: Bulletin de la Grande Loge. 1934. № 14]*.

В 1933 г. ложа Юпитер пополнилась восемью новыми членами, в их числе: доктор медицины А. Ф. Блюменталь, инженер Г. Г. Лециус, журналист В. А. Азов (Ашкинази), служащий Д. С. Хвостов (впоследствии священник), инженер И. М. Ладо-Бордовский и промышленник, глава фонда Т. Уиттимора Д. Н. Ермолов, родной брат другого члена Юпитера.

Ложа в 1933 г. собиралась 17 раз, 10 собраний были посвящены докладам и их обсуждению. Они в этом году касались скорее проблем эпохи — падения интересов к духовным вопросам, потери социального и духовного равновесия. И ложа Юпитер ставила себе трагический вопрос: что может сделать незначительная кучка братьев, маленький островок среди бушующего океана человеческих страстей? Ответ был полон оптимизма — даже ничтожное количественно, масонство, неразрывно связанное с великой традицией прошлого, должно продолжать свою просветительную работу на пользу всего человечества. Поэтому и С. К. Маковский в своей речи-докладе «Великие задания», намечая вехи предстоящих работ Юпитера, говорил о необходимости защиты «великих заданий, возложенных историей на наш Орден».

Из докладов этого года выделялись три. П. А. Бурышкин 16 марта сделал доклад о Директоральной ложе Астрея, основанной в Петербурге в 1815 г., о ее взаимоотношениях с другими русскими ложами этой эпохи и о причинах запрещения масонства Александром I в 1822 году. Либеральные идеи, принесенные русскими офицерами из Франции, напугали увлеченного узким мистицизмом и идеями абсолютизма императора. Попутно П. А. Бурышкин ознакомил с историей одноименной русской ложи в Париже XX века *[Этот же доклад П. А. Бурышкин повторил в ложе Аврора 27 июля 1933 г. См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.146; GLdF. № 536].*

А. Н. Пьянков 18 мая говорил о роли Озириса в египетской религии, привлекая данные сравнительной истории религий.

Б. Н. Ермолов прочел доклад «История и символический аспект 2-й степени» об истории компаньонажа в Западной Европе, его роли в культурно-религиозном смысле, его символизме, современном положении, и сравнил ритуал 2-го градуса Шотландского Устава с некоторыми особенностями компаньонажа.

Докладчик описал любопытные обычаи, церемонии компаньонов-подмастерьев в средние века и теперь.

В 1934 г. Д. Н. Вердеревского на посту досточтимого мастера ложи Юпитер сменил М. Н. Сейделер. Насколько «адмирал» властно управлял ложей, как в прошлом командовал на флоте, настолько новый руководитель мастерской покорял всех мягкой настойчивостью. Д. Н. Вердеревский был выбран оратором и на этом посту продолжал оказывать огромное влияние на ложу. Секретарем в 1934 г. ложи стал Д. Л. Вельяшев.

Ряд братьев подал в этом году в отставку: И. А. Кистяковский, Б. Швецов, А. Зильберштейн, В. Ф. Сафонов, С. Я. Зильберштейн. Последние два ушли как члены-основатели новых лож: Лотос и Компаньон Ардан (на рю Пюто). Был радиирован Ю. Б. Бек-Софиев, а 30 апреля 1934 г. за антимасонскую деятельность из Ордена был исключен редактор газеты «Возрождение» Ю. Ф. Семёнов. В то же время были посвящены журналист и генерал П. П. Дьяконов, инженер И. М. Топер, шофер Б. Л. Покровский и юрист М. С. Яковлев. Почетным членом ложи был провозглашен А. В. Давыдов.

Принятие новых членов проходило уже не по особой процедуре ложи Астрея 1922 г., а в соответствии с генеральным регламентом Великой Ложи.

Из докладов отметим сообщение В. А. Азова (Ашкинази) 15 февраля 1934 г. «"Волшебная флейта" Моцарта (эпизод из малой истории масонства)» *[См.: ЛА; GLdF. № 536]*.

В 1934 г. члены ложи Юпитер активно посещали заседания лож Свободная Россия и Северная Звезда союза Великого Востока. В свою очередь, и на заседаниях Юпитера часто появлялись русские масоны с рю Каде. С большим интересом некоторые братья Юпитера принимали участие в работах ложи Северные братья, организованных М. А. Осоргиным.

Из докладов 1935 г. назовем два. 26 января на совместном заседании Юпитера с ложами Северное Сияние и Лотос Б. Н. Ермолов в докладе «Церковь Св. Софии Константинопольской, ее история и роль в религиозной и культурной жизни христианского Востока» рассказал о работах по расчистке и реставрации мозаик храма и о его значении для православия.

В. Ф. Кривуц в докладе «Леонардо да Винчи как всемирный гений и его работы» говорил о личности и творчестве выдающегося художника.

В конце 1935 г. ряды ложи Юпитер, по тем же причинам, что и раньше, продолжали редеть, ее покинули И. Г. Акулинин, С. К. Маковский, Э. Мензенкампф, А. М. Глинский, Г. А. Гусев, И. М. Ладо-Бардовский, Ж. Анкетен, Б. Н. Беляев, В. А. Азов и другие (всего 13 человек). Сосредоточились на работе в своих старых ложах И. А. Кривошеин и М. М. Филоненко. Но было в ложе и несколько посвящений (в том числе бывшего военного летчика и шофера А. В. Шишковского), возвратились в Юпитер некоторое время не принимавшие участия в его работах М. Г. Слиозберг и Н. С. Кожин.

В условиях уменьшения численности ложи было уделено особое внимание работе с учениками. Изучению 1-й степени было посвящено пять собраний, в которых участвовали специально назначенные ученики.

9 ноября и 26 декабря 1935 г. на совместном заседании лож Юпитер и Астрея Л. Д. Кандауров выступил с докладом на тему «Магические элементы в ритуальных посвящениях символического масонства». В последние годы Л. Д. Кандауров сильно увлекался оккультизмом и не раз удивлял братьев-посетителей своими «экспериментами». Он собирался сделать такой же доклад о 3-м градусе, но смерть помешала ему исполнить это желание.

В 1936 г. ложа собиралась 18 раз: было четыре посвящения, одиннадцать докладов и одно инструкционное собрание. Еще 7 братьев выбыло из ложи, среди них: Л. А. Ниссалович, А. И. Щербатский, П. Д. Вердеревский, В. Ф. Кривуц, Д. Ю. Кобяков. Обратно вернулись в Юпитер И. Н. Голенищев-Кутузов и А. Е. Андрус, в числе посвященных был архитектор Н. А. Суворов.

Цикл докладов был открыт Д. Л. Вельяшевым, который 22 января 1936 г. говорил о «Религиозной жизни современной Абиссинии». В основу сообщения была положена французская книга Д. Л. Вельяшева «Абиссиния и ее судьба».

Продолжил эту тему 28 января Б. Н. Ермолов, который рассказал об абиссинской церкви и ее связи с палеохристианством. Другой доклад Б. Н. Ермолова в ложе Юпитер в 1936 г. (2 июля) был озаглавлен «Новооткрытые мозаики в Св. Софии Константинопольской и первые результаты археологических раскопок вблизи ее». Докладчик особо остановился на символике знаменитого храма и на роли света и положения солнца в его архитектуре.

27 февраля 1936 г. в ложе с докладом «Магия чисел» выступил И. М. Топер.

П. П. Дьяконов прочел 23 марта доклад «Дальневосточная проблематика. Современное стратегическое положение на Дальнем Востоке». 3 декабря он же выступил с сообщением «Красная армия. Об организации последней». Как генерал русского Генерального штаба, докладчик с большой компетенцией раскрыл обе темы.

Я. Б. Рабинович, избранный на место оратора, прочел сообщение о положении апатридов, т. е. об эмигрантах, которые не приняли никакого подданства.

Д. Л. Вельяшев осведомил ложу о работах очередного конвента, на котором он присутствовал как депутат Юпитера (с аналогичным сообщением он выступал 26 октября и в ложе Свободная Россия).

А. Н. Пьянков изложил 19 ноября сущность арабских тайных обществ X в. при Фатимидах и провел параллель между их структурой, ритуалом, иерархией и масонским Шотландским Уставом.

9 мая П. А. Бурышкин сделал на объединенном собрании лож Астрея и Юпитер доклад о взаимоотношениях между русскими ложами XVIII–XIX вв. и православной церковью; он пришел к заключению, что эти взаимоотношения были в целом благожелательны.

Следует немного подробнее остановиться на докладе Д. Н. Вердеревского «О свободе», поскольку он вызвал исключительный интерес. После всестороннего анализа понятия «свобода» как явления общественного и духовного, он определил ее в качестве основы бытия и, вместе с тем, как конечную цель совместной жизни людей. В практическом приложении свобода является совокупностью условий, необходимых для того, чтобы человек мог выполнить свое высшее назначение на земле. Свободный человек в каждом вопросе отделяет вечное от преходящего, которое может быть, в большей или меньшей степени, изменчивой оболочкой вечного. За формой мы должны искать причину. В этом подходе к явлениям и заключается первооснова свободы. Если мы свободны — мы отказываемся от отрицания или утверждения чего бы то ни было, не обосновав наших решений в свете посвятительного знания, к обретению которого зовет наш Орден. Свобода, для Вердеревского, есть способность человека подчинить свой разум Высшему Началу, в нем пребывающему, и через это осуществлять в мире смертном веления бессмертного духа. Такой человек стремится в своей деятельности

вовне претворить в творческую силу заложенные в нем образ и подобие Бога.

Пребывавшим в Монако членом ложи П. А. Половцевым было прислано к этому докладу особое письмо, которое он просил огласить в собрании. Оно заключало в себе выдержки из книги Джебрана Халила Джебрана «Пророк»: «Если вы хотите освободиться от заботы — эта забота была вами самими для себя избрана, а не положена на вас. Если от страха — хотите вы освободиться, — корень этого страха находится в вашем сердце, а не в руках того, которого вы страшитесь. Истинно говорю вам: все в вашем бытии движется в двойственном соединении: желаемое с тем, чего вы страшитесь, любимое с тем, что отталкивается, преследуемое с тем, от чего вы бежите. Все это движется в вас, как свет и тень непрерывно. Когда исчезает тень и ее больше нет, оставшийся свет становится тенью для другого большего света. Так же и ваша свобода: сбросив свои оковы, она превращается в оковы другой большей свободы».

В 1937 г. досточтимым мастером ложи был выбран Борис Николаевич Ермолов, который и оставался на этом посту до закрытия лож во время войны. Инспектором ложи от Федерального Совета был назначен Гюстав Луи Тутен — большой друг русских. Перешел во французскую ложу Д. Л. Вельяшев, ушли также М. Г. Слиозберг, Г. Г. Лециус и А. В. Шишковский. Но вновь реинтегрировались А. А. Гефтер и В. Ф. Сафонов, который, состоя активным членом Лотоса, все же захотел вернуться в ложу-мать. Присоединился к ложе член Астреи В. Э. Ансельм, состоялось и несколько новых посвящений.

Д. Н. Вердеревский 4 марта вновь сделал доклад «О Родине» *[Доклад был прочитан также 17 февраля 1938 г. на заседании ложи Астрея. Текст доклада см.: ЛА]*. Докладчик подчеркнул разницу в восприятии понятия «Родина» в эмиграции с восприятием его

теми, кто остался на национальной территории. Оторванный от родной земли, эмигрант, если он увлечен духовной работой, легче может отрешиться от узкого патриотизма и смотреть на вещи с наднациональной точки зрения. Универсализм масонства не противоречит естественному патриотизму, если последний не исключает понятия справедливости в общечеловеческом плане.

4 февраля Д. Н. Ермолов выступил с докладом о «Новой советской конституции». Докладчик объективно проанализировал эволюцию органических законов в советской России и методы приспособления марксистской доктрины к требованиям советского государства.

23 сентября состоялся доклад Н. Н. Евреинова «Чёрная полумаска, ее происхождение и смысл».

20 мая и 2 декабря в ложе дважды выступил А. Н. Пьянков с сообщениями «Мусульманская мистика» и «Представление о загробном мире древних египтян».

А. А. Гефтер прочел доклад «Свобода и достоинство человеческой личности». Он говорил о том, что не всегда, к сожалению, свобода личности сопровождается ее достоинством. Как пример он привел бессовестный ажиотаж и спекуляцию торговцев оружием — как гигантами индустрии, так и частными лицами. Отсутствие в этой коммерции какой бы то ни было морали и достоинства было подчеркнуто докладчиком.

4 ноября в ложе с докладом «Символизм в русской ложе (опыт исследования)» выступил Н. А. Суворов.

Проблемы личности и общества были, как и в прежние годы, темой работ Юпитера в 1938 г. В ложу посвящены были Г. Г. Шклявер, лектор Сорбонны по международному праву и бывший сотрудник Рериха, и А. П. Максимович. Из ложи вышел В. А. Яковлев, уехавший на службу в Марокко, а 1 декабря из нее были радиированы Я. И. Гольдберг и И. Н. Голенищев-Кутузов.

Как всегда, были примечательны доклады Д. Н. Вердеревского. Один из них был «О личности». Докладчик противопоставил два понятия о личности: персональность и индивидуум. Первое определение есть фактор единения, залог духовных возможностей, тогда как второе есть лишь единица во множественности и фактор соревнования и разлада. Лишь с персональностью-личностью связано понятие о человеческом богосыновстве. И Платон, и стоики, и эпикурейцы не решались допустить вечное божественное начало в человеке. Лишь неоплатоническая философия с ее доктриной Логоса сделала возможным это допущение. С христианством в мир вошло понятие о богосыновстве. Незаменимость человеческой личности, ее самодовлеющая сущность, призвание человека к постепенному приближению к Высшему Началу — об этом говорилось в заключительной части доклада.

Другой доклад Д. Н. Вердеревского был озаглавлен «Право собственности в новом обществе». Докладчик говорил о возможности нового общественно-экономического строя, при котором разделенное личное владение — основа капиталистического общества — уступит место коллективному владению с объединением усилий всех на пользу человечества. Он видел нарождение нового исторического процесса, ведущего наш мир от раздробленности бытия к единству, одухотворяющему как мир конечных ценностей, так и мир духовного совершенства. Этот второй доклад был как бы антитезой первого, но докладчик верил в прогрессивную эволюцию человека, при которой обе установки гармонически сольются.

7 апреля 1938 г. А. А. Гефтер выступил в ложе с докладом «Вооружение и пацифизм».

16 июня, 21 июля и 17 ноября Д. Н. Ермолов выступал на тему «Русская интеллигенция и ее роль в революции». Чисто

русское понятие «интеллигенция», говорил докладчик, не находит себе идентичного выражения в европейских языках. Это был образованный класс русского общества — те, кто мог мыслить, иметь понятие о социальном строе, был свободен в своих желаниях и способен не только рассуждать о литературе и искусстве, но и творить как в той, так и в другой области. Масонская идеология: моральное совершенствование, материальный прогресс, личная свобода, терпимость — была всегда близка интеллигенции.

Важным было для ложи, да и для всех русских масонов, сообщение Д. Н. Вердеревского (3 июня) о конвенте Великой Ложи Франции 1937 г., где обсуждался вопрос об объединении с регулярным англо-саксонским масонством.

В 1939 г. три старых и заслуженных брата ушли «на Восток Вечный»: в феврале — В. Ф. Сафонов, незадолго до этого избранный 1-м стражем, в апреле — Л. В. Гойер, в июне — М. Н. Сейделер. Все русские ложи и Федеральный Совет помянули должным образом этих выдающихся русских масонов *[См. речи В. Е. Татаринова памяти В. Ф. Сафонова: ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. ЛЛ.13–14]*.

Назовем ряд докладов 1939 г. 19 января секретарь ложи С. Б. Гелелович выступил с сообщением «О философских концепциях в биологии. (Человек при свете современной био-философии)». 20 апреля и 18 мая в ложе Юпитер с докладами на тему «Личность и общество» выступили соответственно А. А. Гефтер и Г. Г. Шклявер.

Как и прежде, активен был оратор ложи Д. Н. Вердеревский. В одном из докладов он поделился с членами ложи своими мыслями о «Современном положении мира», детально обрисовав всю сложность политической обстановки и опасность нацизма.

Другой доклад Д. Н. Вердеревского, состоявшийся 16 марта, носил название «Проблемы личности в современном обществе».

Личность, утверждал докладчик, может создаваться только на основе вечной сущности человека, при которой он является связующим звеном между Высшим Началом — Творцом мира — и его творением. В этом и проявляется «образ и подобие Божие» в человеке. Вне приятия этого откровения невозможно подлинное построение личности. Долг общества — помочь раскрытию в человеке его подлинной вечной сущности. Постройка масонами Храма Человечества и отвечает этой цели, которая не может полностью осуществиться на земле, но к которой человек должен стремиться.

Последним докладом в Юпитере (до закрытия лож во время войны) было сообщение 3 марта 1940 г. Д. Н. Вердеревского «Попытка осознания истоков современного положения», которое было чрезвычайно актуально. Докладчик предвидел неминуемость катастрофы. Ее причины он видел в отрыве гуманитарного интеллектуализма не только от церкви, но и от духовного начала. Разум был сочтен достаточным орудием познания Истины. Достижения позитивной науки в области познания природы и материального прогресса привели к раздробленности общества с противоположными интересами и классов, и индивидумов, и наций. Борьба приняла характер и классовый, и национальный. Гитлеризм есть продукт этого духовного регресса. Д. Н. Вердеревский сравнил Гитлера с Лютером — оба своей персональностью и динамизмом, грубостью и жестокостью заставили германский народ идти на поводу у фанатиков. Докладчик предсказал, что если Гитлер решится на войну, его конец неизбежен, как и неисчислимые бедствия немецкого народа. Насилие вызывает насилие, и союз свободных стран сокрушит немецкого диктатора.

Война наступила очень скоро, и деятельность Юпитера, как и других русских лож, затухла.

Е. Женское и «смешанное» масонство

Вопрос о русском женском масонстве в эмиграции представляет собой отдельную тему, однако он тесно связан с деятельностью российских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава и их руководителей.

Первая попытка образования русского «смешанного» или женского масонства относится к 1920 г. В феврале этого года в ложе № 1 международного масонского Ордена «Друа юмен» посвящают жену видного масона В. А. Нагродского — Евдокию Аполлоновну (1866—1930), писательницу, дочь небезызвестной А. Я. Панаевой-Головачевой. В марте того же 1920 г. к приему намечается жена другого известного вольного каменщика (Б. В. Савинкова) Е. И. Зильберберг. Л. Д. Кандауров писал Б. В. Савинкову: «Согласно наведенной мной справке, Л.·., в которую должна быть принята Евгения Ивановна, собирается не сегодня, а только в среду 10 марта» *[ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.81. Л.4 (сообщено Р. А. Городницким)]*.

Неизвестно, состоялось ли это посвящение, но очевидно, что Л. Д. Кандауров не упускал из виду ни одного возможного пути развития русского масонства.

Вопрос об организации лож с участием женщин был вновь поднят в 1925 г. А. А. Лобановым-Ростовским, жившим в то время в Лондоне; он возник в связи со знакомством русского масона с видным мартинистом Уайтом. В ответ на запрос А. А. Лобанова-Ростовского Л. Д. Кандауров 6 августа 1925 г. писал: «Вопрос о женских, дружественных нам, формациях мы предполагаем разрешить, когда признаем это своевременным, путем организации смешанной мартинистской Л.·. Среди наших бр.·.бр.·. имеется несколько регулярных русских мартинистов; другие находятся в пределах досягаемости, и, хотя во Ф.·.М.·. и не посв.·.,

но к нам дружественно расположены. Кроме того, у нас имеется соглашение с центром регулярного Мартинизма, находящимся в г. Лионе (Гроссм.·. Брико), и от нас всецело зависит выбор момента» *[ЛА]*.

Вероятно, замечания Л. Д. Кандаурова не были безосновательны, если вспомнить об активном участии в мартинистских организациях в России масонов «парижского» призыва П. А. Соколова и С. К. Маркотуна, а также Л. Д. Рындиной — жены С. А. Соколова, одного из наиболее активных масонов в эмиграции.

Реальная работа по созданию русской ложи с участием женщин была начата в 1926 г., и в январе 1927 г. в союзе «Друа юмен» под № 840 была открыта русская ложа Аврора. Инсталляция «смешанной» мастерской произошла 14 марта 1927 г., и с этого времени начались регулярные масонские собрания в «большом» храме по адресу: 5, рю Жюль Бретон.

Л. Д. Кандауров в своей «Записке», вероятно, ошибочно относит начало работ Авроры к январю 1926 г. Обрядники ложи см.: *ЦХИДК. Ф.111. Оп.3. Д.5–9.*

Хотя в первом руководстве ложи преобладали французские «братья и сестры», однако фактической руководительницей ложи была уже упоминавшаяся Е. А. Нагродская, остававшаяся венераблем ложи до 1929 г. Отметим также, что в Париже, как некогда и в России, она устраивала в своем доме «среды», пользовавшиеся неизменным успехом. В числе основателей новой мастерской были также бывшая сестра милосердия Амина-Ханум Сыртланова и жена масона, балерина Надежда Николаевна Легат.

Наиболее активными членами Авроры стали жены и ближайшие родственницы масонов: Ирина Николаевна Терапиано (секретарь ложи в 1930 г.), врач Людмила Д. Потемкина, певица Маргарита Генриховна Жданова-Лаванши, секретарь издательства «Числа» Августа Клодницкая, Вера Осиповна Вейнштейн

(жена члена Северной Звезды), Надежда Макшеева, Нина Ивановна Келлер, Тутковская, Раиса де ля Люби, Людмила Лебедева (1-й страж с 1930 г.), Ксения Бегичева-Иванова, урожденная Сейделер (оратор ложи), Вельяшева и др.

Хотя молоток досточтимого мастера был передан в 1929 г. от Е. А. Нагродской А. Х. Сыртлановой, а затем перешел к фотографу С. Бриллю, дочь А. Я. Панаевой-Головачевой оставалась бесспорным лидером мастерской.

Кризис в ложе наступил в 1930 г., когда Е. А. Нагродская ушла «на Восток Вечный». После кончины руководительницы Авроры из ложи начинается выход некогда активных членов мастерской: уходят из Ордена «Друа юмен» В. В. Савинков (брат знаменитого эсера), Л. Д. Потемкина, Н. Н. Легат и др.

В этих условиях В. А. Нагродский, лидер ложи Гермес, принимает решение продолжить дело жены и перейти в «смешанное» масонство. Возможно, на его решение оказал влияние и конфликт в консистории Россия, где В. А. Нагродский выступал за более определенное «русское» национальное направление. Несмотря на формальное запрещение одновременно находиться в двух масонских союзах, В. А. Нагродский продолжал числиться в Гермесе (исключен лишь из консистории), но в 1930—1931 гг. занял пост досточтимого мастера Авроры.

Ситуация вновь обострилась в 1933 г. В Авроре сложились две группы; одна из них (большинство) выступала за избрание досточтимым мастером К. Бегичевой, а оратором В. А. Нагродского, другая — за руководство А. Клодницкой. Внутренним расколом в мастерской «Друа юмен» предлагал воспользоваться И. А. Кривошеин.

Дело в том, что в союзе Великой Ложи Франции уже в начале XX в. были созданы для женщин «адоптивные» ложи. Некогда русские феминистки, например, писательница Вера Старкова, играли в этих ложах видную роль. Затем до 1929 г. русские

эмигрантки (бывшая сестра милосердия, жена военного представителя России во Франции София Свидерская (урожд. Величко), Раиса де ля Люби) входили в адоптивную ложу Новый Иерусалим (№ 376-бис). В связи с расколом внутри Авроры И. А. Кривошеин предлагал (основываясь на пожелании членов мастерской) поддержать меньшинство Авроры и в случае его неуспеха образовать вторую, уже «адоптивную» ложу с участием женщин. В «диссидентскую» группу Авроры входили А. Клодницкая, Тутковская, Вельяшева, актриса М. В. Зноско-Боровская (жена известного критика и шахматиста), Александрова, Зульцер, Косякова и Соколовская, т. е. число, необходимое для открытия ложи *[См.: GLdF. № 563]*.

План И. А. Кривошеина не был принят. Возможно, это объяснялось, в числе прочих причин, и тем, что в 1935 г. конвент Великой Ложи Франции принял решение об автономии женского масонства (затем Великая Женская Ложа Франции). Как бы там ни было, но в 1936 г. досточтимым мастером Авроры стала представительница «меньшинства» А. Клодницкая.

О «зодческой» работе ложи из-за недостатка достоверных источников сложно судить определенно. Лишь в период, когда секретарем ложи была поэтесса Татьяна Валерьяновна Гревс (1937—1939 гг.), мастерская рассылала в другие мастерские приглашения на свои заседания. Именно в этот период в Авроре были прочтены следующие доклады *[См. о докладах: ЦХИДК. Д.1354. Оп.1. Д.3. ЛЛ.28. 30]*: А.-Х. Сыртланова. История русской женщины (23 мая 1939 г.); П. Н. Переверзев (член Северной Звезды). Женские образы в русской литературе (28 декабря 1939 г.); В. Е. Татаринов (член Астреи). О посвящении (год неизвестен).

В ложе устраивались и «белые» заседания, на которые с сообщениями приглашались «профаны». Например, на одном из таких заседаний о знаменитых русских масонах рассказывала Т. А. Осоргина (Бакунина).

Члены Авроры, например, А.-Х. Сыртланова, В. В. Савинков, С. Н. Матвеев, Е. А. Нелидова, принимали активное участие в работе Теософского общества и Ордена Звезды на Востоке в Париже, что дает определенное представление о направленности поисков членов мастерской.

Возможно, Теософское общество и Орден Звезды на Востоке являлись своеобразным «внешним» Орденом для масонства — Ордена «внутреннего». Совпадения в тематике докладов позволяют сделать подобное предположение. Следует также отметить, что теософские общества устраивали свои лекции в помещении Тургеневского артистического общества, которым руководили масоны П. И. Кугушев и Л. И. Стекляров.

Влияние идей международного масонского Ордена «Друа юмен» не ограничивалось в русской эмиграции лишь членами Авроры. Известно, что в пригороде Парижа Булонь в 1927—1930 гг. активно работала ложа Граф де Сен-Жермен, где было не менее 10 русских масонов. Попытка организации русского «смешанного» масонства была предпринята и в Брюсселе, где в мае 1928 г. была основана ложа Любовь, но эта мастерская не получила развития и уже в 1930 г. была закрыта.

Противником лож «усыновления», «принятия», т. е. женских организаций, был М. А. Осоргин, который выступал по данному поводу в комитетском собрании Северной Звезды 17 декабря 1934 г. (текст доклада см.: *Осоргин I. С.80—83)*. Содокладчиком М. А. Осоргина на этом заседании был некий К., рассказавший об истории женских лож во Франции.

Начало Второй мировой войны заставило прервать собрания всех лож союза «Друа юмен». Уже по окончании боевых действий ложа Аврора была объединена с мастерской Граф де Сен-Жермен, которая существует по настоящее время, но утратила «русский» характер.

Можно сказать, что несмотря на наличие ярких лидеров (Е. А. Нагродская), «женское» и «смешанное» масонство не прижились в среде русской эмиграции. Не удивительно, что такие личности, как А. С. Левицкий, Б. М. Редин, вступившие первоначально в Аврору, смогли раскрыться лишь в мастерских «мужских».

Женское масонство в среде потомков российских эмигрантов вновь появилось лишь в 1980-е гг., но оно не обладает серьезным влиянием ни во Франции, ни в России.

Ж. Ложа Гамаюн

В декабре 1931 г. для работ молодежи в масонстве членами ложи Северное Сияние была основана новая мастерская, получившая название Гамаюн.

Идея создания ложи возникла еще летом 1931 г. 13 августа Н. Л. Голеевскому было направлено письмо с подобной просьбой. Инсталлирована ложа была 15 января 1932 г. и зарегистрирована в союзе Великой Ложи Франции под № 624.

В числе основателей ложи были писатель В. С. Варшавский, чье определение «незамеченное поколение» может быть применено и к Гамаюну; коммерсант А. М. Грушко; А. В. Давыдов (первый секретарь ложи); писатель Д. Ю. Кобяков; М. С. Мендельсон; К. П. Новосёлов; инженер М. К. Прекуль; служащий Ф. Г. Ромашков-Рославльский; Г. Б. Слиозберг (оратор со дня основания).

Первым досточтимым мастером ложи Гамаюн стал бывший член Англо-Саксонской ложи Пётр Андреевич Бобринский (1893—1962), руководивший мастерской до 1936 г. Он был, — вспоминает один из членов Гамаюна, — «по профанской мерке совсем молодым человеком, хотя и всячески умудренным масоном.

После анонимных соприкосновений неофита с братьями во время приготовительных к посвящению встреч и самого посвящения, эта первая встреча в ложе, при таком досточтимом, была исключительно глубокой. П. А. руководствовал наизусть, — очень важное преимущество в посвятительном церемониале, где председатель должен говорить, как власть имущий, без чего новопосвящаемый рискует не услышать в словах ритуала тех прошлых и будущих голосов, которые дают Ордену его внеслободневную красоту и силу. Под таким председательствованием художественная сторона ритуала оживляла сторону философскую и глубоко трогала этой особой мудрой высокой человечностью всего замысла, всей обстановки. Бр. В. Ф. Сафонов, живая энциклопедия по части ритуальных вопросов во всех градусах, и бр. Репнин действенно помогали благолепию ритуала. За время моей шестилетней масонской жизни, внимательной и разнообразной, я только два раза видел случай непроницаемости посвящавшегося: молодой человек, инженер, поделившийся своим впечатлением: "сумасшедшие старики"; другой, тоже молодой, явно с первых же шагов тяготился несложными обязанностями ученика.

В первоначальном составе ложи было заметное преобладание аристократической молодежи, постепенно из ложи выбывавшей, впрочем, больше, кажется, по независящим от братьев обстоятельствам: условия служебной среды и заключения браков с антимасонски-непримиримыми невестами» *[Гамаюн]*.

Уход П. А. Бобринского с поста руководителя Гамаюна и сосредоточение его внимания на работах высших степеней, конечно же, ослабили ложу, но посвятительный путь первого досточтимого мастера мастерской во многом определил ее жизнь.

«Бр.·. Пётр Андреевич исходил из мысли, что основным базисом Ордена ВВКК.·. является посвятительская традиция, что основная задача вольного каменщика состоит в раскрытии

связи, существующей между основными метафизическими проблемами и масонской символикой, и что естественным стержнем такой работы являются: ритуальная сторона посвятительных обрядов и доклады, имеющие прямое отношение к мас.·. проблематике <...>

Бобринский на деле доказал, что наша крайняя бедность, в смысле материальных средств, может быть с успехом восполнена гармонической стройностью ритуального действа, подчиненного строго определенному ритму» *[Вестник. 1962. № 10. С.3]*.

Тяжелое финансовое положение русской эмиграции, и особенно молодежи, не позволяло членам ложи нести еще и бремя взносов в мастерскую. Это было одной из главных причин того, что членство в Гамаюне часто длилось два-три года. Из довоенных участников Гамаюна следует, однако, назвать: С. Гойера, выпускника Духовной Академии в Болгарии А. Н. Гончарова, режиссера и драматурга М. А. Долинова, поэта Б. Г. Заковича, переводчика В. А. Кондратьева, Е. Лурье, Б. П. Магидовича, секретаря Рокфеллеровского фонда во Франции А. П. Макинского, братьев А. Ю. и Б. Ю. Прегелей, служащего Д. В. Репнина, поэта Ю. С. Рогаль-Левицкого, писателя П. Я. Рысса, М. С. Сарача, И. Свидерского, прозаика Н. Д. Татищева, П. Урусова, коммерческого деятеля В. Э. Хальберштадта.

Чтобы облегчить положение членов ложи, в конце 1934 г. при Гамаюне было основано пищевое кооперативное товарищество, работавшее более трех лет. В его правление входили П. А. Бобринский, Л. В. Гойер, Б. Ю. Прегель; секретарем и ложи, и кооператива был Р. Ф. Булатович, друг писателя Б. Ю. Поплавского.

Сложности «профанские» сказывались на жизни ложи, но высокий творческий потенциал ее членов все-таки находил отражение в работах мастерской.

В период руководства П. А. Бобринского братья ложи регулярно готовили «зодческие» работы. Отметим следующие из них (см.: *GLdF. № 624; ЦХИДК. Ф.93. Оп.1. Д.174; ЛА*):

Н. Д. Татищев. Русский кризис (1932 г.);

В. А. Кондратьев. О событиях в Кронштадте в 1921 г.;

Ф. Г. Ромашков-Рославльский. Русский ритуал в 18 в. (6 февраля 1933 г.);

М. К. Прекуль. Гюнтер Грюдель о миссии молодого поколения (3 апреля 1933 г.);

Б. Ю. Прегель. Радий и его социальное значение (29 мая 1933 г.);

Е. В. Ратнер. О Великом Строителе Вселенной. Масонская символика в свете современного миросозерцания (19 июня 1933 г.; см. тезисы доклада: *ЛА*; в докладе масонство рассматривалось как попытка синтеза веры и разума, религии и науки);

А. Н. Гончаров. Об агапе (10 июля 1933 г.);

Б. П. Магидович. Миссия масонства (23 февраля 1934 г.);

С. Я. Эфрон. Андрей Белый (20 мая 1934 г.);

А. Ю. Прегель. Опыт Рузвельта (от пятилетки к N. R. A.) (12 июля 1934 г., совместное заседание с ложей Астрея; в обсуждении доклада принимали участие С. К. Сочивко, Н. Н. Евреинов, К. К. Грюнвальд, В. Е. Татаринов и другие. См.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.21. Л.67–69*).

П. А. Бобринский. Мотивы посвятительной традиции (23 марта 1935 г., совместное заседание с ложей Северное Сияние);

Р. Ф. Булатович. Иуда Искариот (1 апреля 1935 г.).

Л. В. Гойер. V Интернационал (23 ноября 1935 г., совместное заседание с ложей Северное Сияние);

Е. Лурье. О современной архитектуре в СССР (1935 г.);

М. С. Мендельсон. Этика мысли Блэза Паскаля (1935 г.);

А. П. Прокопенко. Бессознательное и его роль в жизни человека (1935 г.);

П. Я. Рысс. Джордано Бруно. Человек и философия (30 сентября 1935 г.);

Л. Д. Кандауров. Русское масонство, его прошлое и его настоящее (1935 г.).

М. Сандерс. Впечатления о поездке в среднюю полосу России, Крым и на Кавказ (1935 г.).

В 1936 г. молоток досточтимого мастера был передан П. А. Бобринским Льву Викторовичу фон Гойеру (1876–1936). Об этом знатоке западной и восточной философии, бывшем финансовом агенте Императорского правительства в Париже, писателе, скончавшемся в 1939 г., русские масоны писали в некрологе: «Можно без преувеличения сказать, что бр.·. фон Гойер пришел в Орден В.·. К.·. уже посвященным и искал в нем не столько посвящения, как посвятительную среду, в которой и на пользу которой он мог проявить ранее приобретенную мудрость» *[Бюллетень. Июнь 1939. С.1]*.

Один из членов ложи Гамаюн вспоминал:

«Сколько могу вспомнить, тогда руководителями русского Шотландского масонства было предположено придать работам ложи направление более в сторону русской проблемы. Особым успехом это не увенчалось, вероятно, в значительной мере уже из-за возрастного состава братьев, которые не успели в свое время отравиться горечью поражения на родной земле, а в эмиграции принадлежали к кругам, где к русской большевицкой современности относились с безоговорочным отрицанием. Правда, после похищения ген. Кутепова <...> ложа исключила бр.·. Эфрона, заподозренного в участии в похищении, да уже во время войны был арестован бр.·. Иванов-Горянский по обвинению в коммунистической пропаганде в войсках, — но в остальном она была ложей весьма умеренных взглядов. Однако, дух молодой свободы был в ней настолько силен, что перевести ее на программную работу не удалось. Братья в своих докладах делились тем, что их интересовало, и это придавало сплоченность и дружность их масонской жизни.

Уже к тому времени ложа была малочисленна и бедна, сумма ее долга Вел.·. Ложе доходила до шести тысяч, и разговоры об этом с брбр.·. Инспекторами и Казначеем В.·. Л.·. низводили на землю внимание досточтимого, который, собственно говоря,

выполнял и обязанности казначея. Малочисленность ложи давала себя знать при замещении офицерских должностей; да для заполнения колонн на торжественных собраниях приходилось прибегать к помощи братьев из других лож, а для этого досточтимый мастер должен был и сам усиленно посещать чужие ложи и направлять на их заседания братьев Гамаюна, — задача нелегкая, когда дело идет о братьях, еще не завязавших более широких знакомств в Ордене. Посещение французских лож шло и вовсе туго.

Кажется, к этому времени относится большой доклад самого Л. В. Гойера о двух типах японцев: одухотворенном философе и грубом материалисте; доклад А. П. Прокопенко об Унамуно: кто жизненней — Дон-Кихот или Сервантес?» *[Гамаюн]*.

Л. В. Гойер вообще был хорошо знаком с реальным положением вещей на Дальнем Востоке и часто выступал в русских ложах с сообщениями на эту тему. Так на заседаниях ложи Астрея в 1932 г. он трижды говорил о «Положении на Дальнем Востоке» (13 февраля, 9 апреля и 14 мая), в октябре 1934 г. на двух совместных заседаниях лож Астрея и Гамаюн — о «Японии в 1934 г.»; со сходным же докладом «Япония 1934 года и современные события» Л. В. фон Гойер выступил и на заседании российского торгово-промышленного финансового союза под председательством С. Г. Лианозова 28 ноября 1934 г.

В апреле 1936 г. Л. В. фон Гойер из-за своего отъезда в Японию был вынужден отказаться от поста руководителя парижской ложи. Его место занял Б. П. Магидович, досточтимый мастер Гамаюна по 1938 г.

Тот же мемуарист писал:

«В малочисленной ложе молодых личность досточтимого играет особенно активную роль, а тем более в ложе столь дружной, как Гамаюн. Б. П. с большой энергией, с энтузиазмом взял в руки первый молоток. Ложа вздохнула и в материальном

отношении. Если на дружеских еженедельных собраниях у Л. В. Гойера встречался между собой известный круг братьев, то у Б. П. сходились братья своей ложи, пользуясь (может быть, иногда и злоупотребляя) радушием хозяйки дома: вспоминаю скатерти, то залитые опрокинутым стаканом вина, то прожженные окурком папиросы. Началось усиленное привлечение новых братьев, оживились агапы. Из докладов помню доклад об английском романе, о дистрибутивной экономии Дюбуана, доклад П. Я. Рысса о положении на Балканах» *[Гамаюн]*.

Автор воспоминаний (судя по упомянутой в них дате посвящения, это А. П. Макинский или А. Ю. Прегель) имеет в виду, очевидно, доклады К. П. Новосёлова «Современная английская литература» (1937 г.), А. П. Прокопенко «Современные социальные течения (Дюбуа-Родригез)» (6 апреля 1936 г.) и один из докладов П. Я. Рысса рубежа 1936–1937 гг.: «Три диктатуры» (февраль-октябрь 1936 г.), «О пределах терпимости» (19 октября 1936 г.), «Восток и Запад» (1937 г.).

В это же время в ложе были прочтены следующие доклады (см.: *GLdF. № 624; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. ЛЛ.6, 134; Д.163*):

Л. В. Гойер. Младоросская идеология (17 февраля 1936 г.);

С. Я. Эфрон. Работа советского правительства (16 марта 1936 г.);

Г. Б. Слиозберг. О проблеме свободы (15 февраля 1937 г.);

С. Гойер, К. В. Гвозданович. Уроки прошлого и вехи будущего (17 мая 1937 г.);

П. А. Бобринский. Перед лицом русской проблемы и истории (31 января 1938 г.);

К. В. Гвозданович. О России (21 марта 1938 г.);

П. А. Бурышкин. Перед русской проблемой (20 июня 1938 г.).

В это же время ряд членов ложи Гамаюн (например, К. П. Новосёлов, А. П. Прокопенко) активно сближается с независимой ложей М. А. Осоргина Северные Братья. Например, А. П. Прокопенко (окулист в «профанской» жизни) выступал в 1937 г. на совместном заседании лож Гамаюн и Астрея (24 июня)

и в Северных Братьях (22 марта) с докладом «О двуедином масонстве». 19 декабря 1938 г. в ложу был приглашен член ложи Северные Братья Г. Б. Забежинский для прочтения доклада «Символизм в масонстве и искусстве» *[См.: ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. Л.5]*.

Досточтимый мастер Б. П. Магидович, «увы, вынужден был уехать в Америку до окончания своего года, и руководство ложей должен был взять на себя первый страж А. П. Прокопенко при моральной поддержке неутомимого П. А. Бобринского и материальной — Б. Ю. Прегеля. Он же был избран на 1938/9 год. Время было тревожное и трудное; многие братья совсем покидали Францию; иные уезжали работать в провинцию, так что и без того малое число "гамаюнцев" становилось еще меньшим. Умер[ли] Л. В. Гойер и В. Ф. Сафонов. Ложа осиротела, но оставалась живой и одухотворенной, хотя торжественные собрания только и можно было устраивать совместно с ложами-сестрами. Как-то в очень трудную минуту у братьев даже явилась мысль о временном закрытии ложи, и они присматривались к чужим ложам на предмет аффилиации. Но вернулся Б. П. Магидович и привез с собой свою энергию; было несколько новых посвящений и две особенно ценных аффилиации: К. В. Гвоздановича и Репнина, — и ложа снова окрепла, и составляющая ее молодежь сохранила свой собственный очаг масонской работы. Особенно ценились семейные собрания в маленькой гостиной на Иветт, около яркого и жаркого камина; в этом году они посвящались ознакомлению с ритуалом и символикой. К сожалению, агапы чаще сводились к стакану чая с бутербродом, да иногда к бутылке вина, поставленной кем-либо из старших братьев. В этой обстановке ложа была усыплена войной» *[Гамаюн]*.

Немного раскроем содержание работ ложи Гамаюн в 1939 г. (см., например: *ЦХДИК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. Л.7*).

16 января А. П. Прокопенко выступил с докладом «Психологические предпосылки масонства», в котором пришел к выводу, что

«эстетическое любование чужой жизнью, умственная терпеливость, самоиспытание, работа воли над волей, равновесие между самоутверждением и самопожертвованием» являются пятью предпосылками для масонской перестройки личности (тезисы доклада см.: *Бюллетень. Май 1939. Л.2*). Данный доклад был повторен А. П. Прокопенко 27 февраля 1939 г. в ложе Северные Братья.

Другие доклады, прочитанные в 1939 г.:

17 апреля — А. П. Прокопенко. Наука и человек;

1 мая — В. А. Кондратьев. Посвятительные возможности синематографа;

15 мая — В. Вейсбрем. Основы учения Фрейда о подсознании.

Хотя события Второй мировой войны и прервали заседания мастерской, но общение членов Гамаюна продолжалось и в это трудное время. Особо следует отметить, что уехавшие в США члены мастерской вошли в Нью-Йорке в масонский клуб Россия (А. В. Давыдов, В. А. Кондратьев, М. С. Мендельсон).

3. Ложа Лотос

В начале 1930-х гг. русское масонство в Париже переживало свой первый кризис. По мере того как угасала надежда на скорое возвращение в Россию и перенос туда масонских работ, авторитарное руководство, строгая иерархия и дисциплина, введенные Л. Д. Кандауровым, делались все менее оправданными и вызывали все больше нареканий.

Ряды русских лож стали редеть, в них оставались лишь те братья, кого интересовало не масонство само по себе, а его посвятительный символизм. Вопросы ритуала, символики, посвятительной философии и традиции стали преобладать на заседаниях по сравнению с «русской» темой. В этих условиях старые методы по подготовке «руководителей» без достаточного осознания посвятительной сущности масонства начали подвергаться критике.

В ложах даже говорили, что Л. Д. Кандауров «торгует» градусами, что жертвенности недостаточно для продвижения по посвятительной лестнице. Одновременно остро встали материальные проблемы.

Во второй половине 1931 г. группа братьев, преимущественно из ложи Астрея, стала собираться более или менее регулярно для обсуждения сложившегося положения и для выработки мер, которые могли бы исправить ситуацию. Собрания-собеседования проходили обычно у К. П. Каплана. Участники группы не ограничились критикой существующих порядков, а наметили ряд конкретных мер по улучшению положения. Прежде всего был создан специальный фонд помощи братьям в виде Артистически-литературного русского общества, которое устройством лекций, спектаклей и благотворительных праздников могло бы содействовать материальному благополучию. Инициативная группа получила денежные пожертвования и смогла немедленно приступить к выдаче ссуд тем братьям, которые в них нуждались.

Инициативная группа (первоначально в нее входило 12 человек, затем 18) объединила преимущественно тех масонов, которые были недовольны существующим положением дел. Л. Д. Кандауров понимал, что устранить оппозицию не удастся, поэтому попросил своего ближайшего помощника, Г. Б. Слиозберга, войти в инициативную группу.

Во второй половине 1932 г. окончательно созрела идея создания новой ложи, и 18 ноября состоялось первое организационное собрание 22 братьев, которые и стали учредителями пока еще временной мастерской. Это были: досточтимый мастер — В. Д. Аитов (ложа Астрея); 1-й страж — А. П. Веретенников (ложа Астрея); 2-й страж — А. Э. Ломейер (ложа Гермес); оратор — В. Л. Вяземский (ложа Астрея); секретарь — В. Ф. Сафонов (ложа Юпитер); казначей — С. Я. Шапиро (ложа Гермес); дародатель — К. П. Каплан (ложа Астрея).

В число основателей также вошли О. С. Бернштейн, С. О. де Витт, В. М. Гордовский, И. А. Кривошеин, Э. Л. Рабинович, В. П. Свободин, Г. Б. Слиозберг, Г. Я. Смирнов, В. К. Жданов, Н. Н. Протасьев, Л. И. Кац, М. С. Мендельсон, Н. Г. Нидермиллер, В. Ю. Расин, А. Б. Каган. Первоначально предполагалось включить в число учредителей новой ложи и масонов из Великого Востока, но это осталось лишь проектом.

По предложению Г. Я. Смирнова ложа получила название Лотос.

Г. Я. Смирнов и В. Д. Аитов энергично взялись за дело, и 3 марта 1933 г. ложа была инсталлирована великим мастером Великой Ложи Франции Ж. Марешалем под № 638. В числе инсталляторов ложи было несколько членов Федерального Совета, в том числе два будущих великих мастера М. Дюмениль де Граммон (1-й инспектор ложи) и Ж. Шадиро.

Жак Марешаль (ум. 1961) — великий мастер в 1931–1933 гг., великий командор Верховного Совета с 1959 г. до кончины.

Жорж Шадиро (1888–1968) — адвокат, масон с 1909 г., великий мастер в 1948–1950 гг.

Ложа с первых дней своего существования значительно отличалась от других русских мастерских. Она составляла единую семью, объединенную братскими узами не только в масонстве, но и в «профанской» жизни. Кроме того, ложа занималась вопросами современности, что у многих ассоциировалось с политикой, и это привлекало в мастерскую многочисленных посетителей.

В основу раздела о ложе Лотос положен текст ее истории, составленной П. А. Бурышкиным; он свободно используется далее без специального указания. Когда сведения этой работы дополнялись, дается конкретная ссылка на источник. Протоколы заседаний Лотоса, которые подробно велись В. Ф. Сафоновым, были уничтожены во время оккупации.

Лидерами ложи были В. Д. Антов и Г. Я. Смирнов, первый депутат ложи, а затем и С. Г. Лианозов. В первый же год существования мастерской к ней присоединились Н. Б. Глазберг, Г. Л. Тираспольский, П. А. Бурышкин, член французской ложи Эвклид А. К. Пиетри. Собиралась ложа по пятницам.

В. Л. Вяземский вспоминал о довоенных годах ложи Лотос:

«Сразу же был организован финансово-хозяйственный комитет, устраивавший, все под руководством К. П. Каплана, лотереи, вечера, биржевые и шахматные турниры и т. п., все с благотворительной целью. Лотосовские агапы стали знамениты благодаря изобретательности и искусству В. Ф. Сафонова — курьезной фигуры старого русского чиновника, камергера двора Его Величества, посвятившего абсолютно всю свою жизнь, на ее склоне, масонству. Чего он не чертил — его труд, описание всех 33-х градусов Шотландской системы с рисунками в красках — уникум в своем роде!» *[Вяземский. С.245–246]*.

В 1933 г. ложа Лотос сумела провести семь торжественных собраний. Состоялось пять докладов:

7 апреля — М. С. Мендельсон. Замечания по § 1-му Конституции Андерсона. (Комментарии для работ. Конституция Андерсона 1723 г.) (см.: *GLdF. № 638*);

5 мая — Г. Б. Слиозберг. Социализм материалистический и социализм этический;

2 июня — А. К. Пиетри. Германия варваров и Германия Гитлера (на французском языке);

7 июля — П. А. Бурышкин. Прошлое русского масонства и его уроки для будущего;

3 ноября — Г. Л. Тираспольский. Достоверное и «истинное» масонство. (Очерки и изыскания) (см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.31. Л.23* (тезисы доклада); *Ф.1354. Оп.1. Д.8. ЛЛ. 32, 63, 64; GLdF. № 638*).

2 февраля 1934 г. состоялся на французском языке доклад П. А. Бурышкина «Екатерина II и масонство» (текст доклада см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.151*).

2 марта, на совместном заседании с ложей Свободная Россия, досточтимый мастер последней М. С. Маргулиес выступил с сообщением «XVII съезд Коммунистической партии в Москве и его результаты». Доклад вызвал исключительный интерес и привлек около 120 слушателей. Во время агапы состоялся оживленный обмен мнениями. Ранее, 26 февраля 1934 г., М. С. Маргулиес выступил с аналогичным докладом «Поучительное из 17-го съезда партии большевиков (Москва. 26 января — 10 февраля 1934 г.)» в Объединении русских адвокатов.

13 апреля Г. Б. Слиозберг выступил с докладом «Основы демократического режима» (тезисы доклада см.: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.8. ЛЛ.50–51).*

6 июля А. Э. Ломейер выступил с докладом «Великий Страх. (Психологические основания современного мирового кризиса)».

Посвящены в масонство в Лотосе в первые два года его существования были В. А. Рашеев, С. Ф. Гольдрин и Г. Е. Лампен, присоединился к мастерской и Е. С. Рабинович.

С просьбой об аффилиации в ложу летом 1934 г. обратился и А. В. Давыдов. Но против этого решительно выступил П. А. Бурышкин, который в письме к В. Д. Аитову от 28 июня заявил, что если к ложе присоединится А. В. Давыдов, то он, в свою очередь, выйдет из нее *[См. письмо: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.32. Л.12]*. Конечно же, аффилиация не состоялась.

В конце 1934 г. В. Д. Аитов попросил не возобновлять его полномочий на новый год, и досточтимым мастером Лотоса был избран Г. Я. Смирнов, который ранее занимал подобный пост в ложе Астрея. Произошли некоторые изменения и в офицерском составе. 1-м стражем стал А. Э. Ломейер, 2-м — В. П. Свободин, место оратора занял Н. Б. Глазберг.

На инсталляционном собрании нового офицерского состава Г. Я. Смирнов обратился к членам ложи с речью программного характера. Он сказал:

«Ложа Лотос, как ложа русская, отличается, конечно, от общей массы французских лож послушества, часть которого она составляет.

Следя с большим интересом за работой своих сестер В. Л. Ф., ложа Лотос нередко должна воздерживаться от активного обсуждения многих вопросов, касающихся политической и социальной жизни Франции, считая, что, с одной стороны, русские беженцы, как гости, обязаны уважать мнения приютившей их страны в ее целом, без различия партий, а с другой, что мы еще не достаточно знакомы с внутренней жизнью и духом французского народа, а потому суждения наши рисковали бы быть навеянными случайными, личными симпатиями или антипатиями.

Но наши русские ложи имеют другую мас.·. задачу — изучать беспристрастно происходящие на наших глазах события и искать их причины в тех видах, чтобы, когда наступит час, принести на нашу далекую родину светоч мас.·. идеала и передать его в руки тех, кто в нужде и в подчинении ждут возрождения нового и лучшего человечества, покоющегося на началах моральной силы, мудрости и духовной красоты.

В этом направлении и должен быть намечен план нашей будущей работы.

Откуда мы пришли, кто мы и куда мы идем — вот три мас.·. вопроса, которые нам надлежит неустанно стремиться разрешить.

Мы, русские беженцы, лишенные нашей родины, имеем еще другую задачу. Здесь, на чужбине, были образованы звенья всемирного мас.·., цепи, которая сейчас оборвалась там, в нашей далекой и обширной стране, и которую нам надлежит восстановить.

Для этого, прежде всего, мы должны беспристрастно осведомлять наших французских бр.·.бр.·. о всем том, что происходит в России, говорить им всю ту правду, которую мы читаем

между строками доходящих до нас писем, которая прорывается в криках отчаяния порабощенного народа, и которая не может быть скрыта даже в статьях советской печати, в указах всевластного правительства. Мы должны предупреждать наших французских бр.·.бр.·. о той опасности, которая грозит человечеству от всякой диктатуры, откуда бы она ни шла, справа или слева, и с которой мы, Вольные Каменщики, не должны мириться, ибо мы видим, что советская диктатура основана на эксплоатации низменных инстинктов массы и пользуется богатствами страны для насаждения в мире идей ненависти и разрушения.

Нужно умышленно закрывать глаза на все то, что сделала Россия в течении веков, сколько вложила она в мировую сокровищницу трудами своих ученых, мыслителей, философов, каких успехов достигла она в области искусства и литературы, чтобы сравнивать эту работу многих поколений с мифическим успехом «пятилетки», результаты коей, несоразмеримые с действительными потребностями страны, потребовали тягчайших жертв и рассчитаны на ослепление невежественной массы.

В наших храмах мы, Вольные Каменщики, должны научиться проникать в убийственную сущность вещей, изучать их возможные последствия и выносить им беспристрастную оценку. В этом направлении наша русская ложа ищет и надеется на дружное сотрудничество с нашими бр.·.бр.·. французскими масонами.

И только в тот день, когда мы увидим загоревшийся на нашей родине светоч мас.·. идеала, мы сможем считать нашу задачу завершенной».

В соответствии с намеченной задачей ложи, Г. Я. Смирнов поручил П. А. Бурышкину составить проект работ Лотоса. Вскоре данный проект был одобрен членами мастерской. Главная тема работ была сформулирована как «современное состояние, идеология и задачи русского масонства». Осуществление разработки этих вопросов предполагалось по следующей схеме:

«I. Вступление.

Масонство в развитии русской религиозно-философской мысли.

Масонство в Западной Европе и в России.

Масонство и политика.

II. А — Современное масонство.

а) Современное состояние масонства; его организация. Организация и работа русских лож В. Л. Ф. и Вел. Востока Франции.

III.

б) Масонство и социализм. Масонство и диктатура. Фашизм, Гитлеризм. Роль масонства в политической жизни Франции.

IV. Б — Идеология современного масонства.

а) Вечные истины в масонстве. Конституция Андерсона.

Масонство в современной философской мысли.

Посвящение и посвятительный путь. Искание истины.

V.

б) Мир символов. Мас. символика и симв. религиозная.

Догматизм и свободное толкование символов. Мас. ритуал.

Мас. тайна и ее значение.

VI. В — Задачи Русского Масонства.

а) Русское мас. и эмиграция. Отношение ее к масонству. Влияние мас. на жизнь эмиграции. Мас. и русские общественные организации за границей. Мас. и события, происходящие на родине. Мас. и интернационал. Национальный характер мас. Мас. и советская власть. Отношение русского мас. к советофильским тенденциям франц. политики и франц. мас.

VII.

б) Будущее русского мас. во Франции.

Объединение русских л.л. во Франции и заграницей. Взаимоотношения с Вел. Вост. Франции. Вопрос о русской Великой Ложе.

VIII. Заключение.
Задачи Русского Мас. по отношению к Родине.
Подготовка к мас. работе в России».

Ложа сразу же приступила к реализации плана, составленного П. А. Бурышкиным. 14 декабря 1934 г. состоялся доклад П. А. Бурышкина «Русское масонство XVIII—XIX вв. в истории развития русской религиозно-философской мысли».

Во вступительной части докладчик сказал, что первое проникновение в Россию философских трудов имело место благодаря греческой Церкви и византийской культуре. После крещения Руси наша православная церковь долго оставалась в зависимости от церкви Восточной, и наряду с церковными книгами к нам стали проникать и другие произведения письменности, между прочим и содержащие пересказ учений философов древности. Большим распространением пользовался сборник «Пчела», приписываемый греческому монаху Антонию, жившему в VIII в. Но проникновение творческой античной мудрости не создало в России собственной философской школы, что отчасти объясняется тем обстоятельством, что вся русская образованность сосредотачивалась около церкви, которая в России, как и в Византии, наиболее занималась внешней обрядностью. Это свойство русской церкви, между прочим, явилось впоследствии причиной появления религиозного сектанства, в частности старообрядчества.

Светская западно-европейская философия появляется в России лишь в XVIII в., вместе с проникновением французского влияния, начинающегося при императрице Елизавете и получившего особенно сильное развитие в царствование Екатерины II. Увлечение французскими философами было одним из характерных явлений той эпохи. Особо распространились в России идеи Вольтера, что объясняется вниманием, которое оказывала философу сама императрица. Следствием распространения вольтерьянства было ослабление религиозного чувства.

Русская церковь, по ряду причин, оказалась неспособной бороться с распространившимся неверием, борьбу с ним начало русское масонство, получившее к 1780-м гг. значительное распространение и

объединившее ряд выдающихся людей своего времени. Русское масонство XVIII в. отличалось глубоко христианским характером и борьбу с неверием ставило одной из своих главных задач. Особое значение в этом направлении имели труды масонского круга Н. И. Новикова, проявлявшиеся не только работой в ложах, но и профанской деятельностью его членов. Н. И. Новиков и его друзья руководились этими принципами в своей издательской деятельности, и большинство их изданий было посвящено борьбе с антирелигиозной пропагандой. Тот же характер носила и деятельность «Дружеского Общества», основанного Н. И. Новиковым, целью этого общества было воспитание юношества. Борьба за истинное христианство была едва ли не самой характерной чертой масонства эпохи Н. И. Новикова.

Если увлечение западной философией было характерной особенностью образованного общества екатерининской эпохи, то для александровского времени начала XIX в. такой особенностью является мистицизм. Можно сказать, что Россией того времени правили мистики, начиная от самого императора и таких выдающихся государственных деятелей из его ближайшего окружения, как М. М. Сперанский и А. Н. Голицын.

Конечно, нельзя отождествлять мистику с масонством, но в России того времени эти два понятия тесно переплетались между собой. Среди мистиков было несколько независимых лож, например, ложа Умирающий сфинкс А. Ф. Лабзина, ложа И. А. Фесслера и М. М. Сперанского, которые не входили ни в один из больших масонских союзов, но пользовались огромным влиянием. Ложи эти были чрезвычайно активными и содействовали распространению в России литературы мистического содержания, которая имела большой успех, в частности в среде православного духовенства. Благодаря ей произошло сближение между мистическими ложами и православной церковью в России. Этим объясняется проект М. М. Сперанского, который предлагал из культурных представителей духовенства создать сеть лож в России. Следует отметить, что выдающиеся иерархи, как митрополиты Михаил и Серафим, воспитанники новиковского Дружеского Общества, в молодости были близки масонству. Это же можно сказать и о митрополите московском Филарете, который в проповедях был близок масонству.

Но наряду с близостью к Церкви, масонство и мистические кружки имели близкую связь и с русским религиозным сектанством. По мнению докладчика, масонство являлось для образованных классов русского общества тем же, чем было религиозное сектанство для низших классов. И в одном, и в другом случае — это была неудовлетворенность официальной церковью и стремление отыскать истинную внутреннюю церковь.

Оживленные прения за агапой, состоявшейся после доклада П. А. Бурышкина, показали, что тема была интересной для многих русских масонов.

В 1935 г. к работам ложи присоединились С. Г. Лианозов, Р. Ф. Булатович, В. А. Грюнберг, были посвящены в масонство в Лотосе К. С. Лейтес и В. Е. Лампен. В отставку из ложи вышел И. А. Кривошеин.

В 1935 г. ложа Лотос большое внимание уделяла обсуждению тем, предложенных Федеральным Советом для докладов конвенту Великой Ложи Франции. По первому вопросу — «Реформы, вносимые в современный демократический режим» — русская ложа, как состоящая из иностранцев, воздержалась от сообщения своих заключений. По вопросу же о «Масонском рекрутировании» ложа Лотос приняла ряд постановлений, сводившихся к тому, что в существующий порядок нежелательно вносить какие-либо изменения, которые смогли бы затруднить прием русских братьев. Это касалось, прежде всего, вопроса о религиозных верованиях и убеждениях. Если бы изменения были внесены, то это могло бы стеснить самостоятельность русских лож, которые стремились следовать исконно русским традициям и работали в иной общей атмосфере, чем ложи французские.

22 марта в ложе Лотос состоялся доклад М. А. Кроля, члена ложи Северная Звезда, «Масонские идеи в "Фаусте" Гёте». Данное сообщение, уже ранее прочитанное докладчиком в своей ложе, не только вызвало интерес братьев, но и позволило им в

беседе за агапой обменяться мыслями по вопросам масонской доктрины и символики вольных каменщиков.

Своеобразным продолжением доклада М. А. Кроля было сообщение Г. Л. Тираспольского (19 апреля) «Сказка Гёте "Зеленая Змея и Прекрасная Лилия"». Это подлинно масонское произведение Гёте было сравнительно мало известно русским братьям. После двухчасового доклада, который был внимательно выслушан, состоялась братская беседа за агапой на тему о масонской эзотерике *[См. о докладе также: ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.8. ЛЛ.21–22]*.

Оратор Лотоса, Н. Б. Глазберг, трижды выступал в мастерской в 1935 г. 17 мая он говорил о «Современном состоянии масонства, его организации и работе русских лож во Франции», а в феврале и 21 июля о «Масонском праве». Цель последней работы состояла в том, чтобы показать, что Хартия оперативного масонства, как и Конституция спекулятивного масонства, после образования Великой Ложи Англии, представляют собой не только кодификацию правил и обычаев, извлеченных из протоколов различных лож, но также строгую систему прав и обязанностей Ордена вольных каменщиков, которая начала складываться еще в начале XVIII в. Особенность этой системы в согласии с высокими целями Ордена состоит в том, что осуществление прав отдельных масонов является в то же время и их обязанностью по отношению к другим братьям Ордена *[См. о докладе также, в том числе и его тезисы: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.51. Л.186; Ф.1354. Оп.1. Д.8. ЛЛ.23–24]*.

Разнообразие политических и социальных воззрений членов ложи Лотос не мешало ее дружной работе, что позволило ее инспектору Г.-Л. Тутену доложить Федеральному Совету: «Ложа Лотос — одна из тех первых в Ордене, которые делают честь Великой Ложе Франции».

На инсталляционном собрании 8 ноября 1935 г. офицерский состав мастерской остался практически тем же. Досточтимый

мастер ложи Г. Я. Смирнов в своей речи на данном собрании выразил твердую уверенность в том, что избранный ложей путь является верным.

На одном из последних собраний Лотоса в 1935 г., 6 декабря, Р. Ф. Булатович выступил с докладом «Масонство и христианство». В своем сообщении докладчик сделал попытку установить взаимоотношения между масонством и церковью, отметив, что для православной церкви нет такого противоречия между Орденом вольных каменщиков и официальным руководством церкви, какое характерно для Ватикана.

В 1936 г. работа ложи была особенно интенсивной.

Одно из собраний Лотоса было траурным: братья собрались для почтения памяти одного из старейших русских масонов А. П. Веретенникова, а также отца досточтимого мастера ложи, протопресвитера соборной православной церкви на рю Дарю Иакова Смирнова.

24 января 1936 г. в ложе состоялся на французском языке доклад П. А. Бурышкина «Дух масонства в России после запрета Ордена в начале XX в. и русское франк-масонство в настоящем» *[О докладе также см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.158]*. Доклад П. А. Бурышкина был результатом его розысков в архивах Великой Ложи и Великого Востока Франции, где ему удалось отыскать некоторые новые документы по истории масонства в России.

Сообщение это состоялось на совместном заседании с французскими ложами Эвклид и Пламенеющая Звезда, в которых активно работали члены Лотоса К. Пиетри и П. А. Бурышкин. Хотя собрание было многолюдным и доклад был выслушан с интересом, однако опыт совместных русско-французских собраний оказался неудачным. Обнаружилось не только глубокое расхождение в оценке «русской проблемы» между русскими и многими французскими братьями, но, пожалуй, даже невозможность найти общий язык. Русских братьев поразило одно из выступлений

светоча ложи Эвклид, который доказывал, что советское государство совершенно право, не допуская масонской работы в России. По мнению этого оратора, советский строй уже в 1936 г. полностью осуществил все надежды и чаяния вольных каменщиков и претворил масонские идеалы в жизнь. Поэтому в СССР масонству не к чему более стремиться и не за что бороться. Такая точка зрения, конечно же, не могла встретить отклика среди членов ложи Лотос.

7 февраля на совместном заседании лож Гермес и Лотос с докладом «Истоки и основы масонской идеологии (очерки и личные изыскания)» выступил Г. Л. Тираспольский *[См.: GLdF. № 638; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.139; Ф.1354. Оп.1. Д.8. Л.8]*. Он говорил о масонской идеологии, имеющей своим источником посвятительные общества древности и средневековое оперативное масонство. Докладчик отметил, что многие принципы современного масонства с давних времен были общепризнаны в посвятительных группах.

Доклад Н. Б. Глазберга «Идеи "Нового порядка" в Англии» состоялся 3 апреля 1936 г. *[О докладе см. также: GLdF. № 624; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. ЛЛ.127, 132]*. Оратор ложи в своем докладе рассказал о новой гуманитарной идее, зародившейся в Англии и получившей название «Новый порядок». Эта идея, которая провозглашает братство как основу отношений между индивидуумами, коллективами и даже нациями, в сравнительно короткое время получила чрезвычайное распространение и объединила большое число приверженцев, принадлежащих к различным социальным группировкам и политическим партиям.

8 мая 1936 г. С. И. Метальников, член ложи Северная Звезда, выступил в ложе Лотос с докладом «Наука и мораль» *[Ранее, 15 марта 1930 г., с этим же докладом С. И. Метальников выступил на заседании ложи Гермес. О докладе см. также: GLdF. № 535; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.124; Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.43. Этот же доклад*

с подзаголовком «О кризисе материализма и дарвинизма» С. И. Метальников прочел 24 мая 1928 г. в русской секции международной федерации университетских женщин]. Выдающийся ученый, биолог, заведующий отделом в Пастеровском институте, С. И. Метальников отметил несомненную связь между знанием и моралью. Эпоха материализма, начавшаяся с теории Дарвина, если и не приходит к концу, то, во всяком случае, претерпела большие перемены. Нарождается новая тенденция, которая заставляет признавать во всяком живом организме высший физический принцип, психическую силу, которая доминирует над телом. Эта еще не вполне разгаданная сила часто управляет действиями человека и превалирует над телесными, физическими явлениями. Эволюция человечества идет в сторону создания мирового свободного духовного единения, и это будет скорее следствием научных концепций, чем выявлением религиозной идеи.

19 июня 1936 г. в ложе с докладом «Личность Гитлера» выступил К. С. Лейтес.

2 октября в ложе вновь выступил П. А. Бурышкин, на сей раз с сообщением «Тенденции и настроения французского масонства в связи с положением франк-масонства вообще» *[Текст доклада см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.160].* Сообщение явилось результатом впечатлений, вынесенных во время последнего конвента Великой Ложи Франции.

18 декабря Н. Б. Глаэберг рассказал о книге Йохана Хёйзинги «В тени завтрашнего дня». В своей книге выдающийся голландский ученый пытался поставить диагноз той болезни, которой страдает современная европейская культура, и сделать прогноз будущего развития. В современном культурном развитии утратилась гармония между материальными и моральными ценностями. Научные открытия направлены к уничтожению культурных ценностей, моральный критерий ослабел, сила индивидуальной мысли подавлена коллективным мнением масс. От этого проистекает

моральный кризис, который можно побороть только очищением человека и возвратом к вечному идеалу. Докладчик особо отметил, что самый факт признания «профанской» литературой необходимости духовного возрождения должен углубить веру вольных каменщиков, ибо их труды и должны привести к этому возрождению *[О докладе также см.: GLdF. № 638. ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.22. Л.2 об.]*.

Собрания на актуальные темы привлекали в ложу Лотос много посетителей и проходили с неизменным успехом. Многие братья, зная заглавие доклада и обычно имея тезисы, могли подготовить свое выступление и либо дополнить докладчика, либо высказать иные, несогласные с докладчиком, положения. Обмен мнений, который обычно в ложе Лотос происходил за агапой и всегда носил подлинно братский и масонский характер, и общая дружеская атмосфера никогда не бывали нарушены каким-нибудь острым столкновением между сторонниками различных мнений.

Ввиду успеха собраний с докладами на темы о современности досточтимый мастер, с согласия ряда братьев, пришел к выводу, что в дальнейшем нужно по преимуществу сосредоточить деятельность ложи именно на вопросах этого порядка (тем более, что принятый план работ ложи выполнялся с большим трудом, вследствие недостатка квалифицированных докладчиков по поставленным вопросам). Однако такое решение отнюдь не значило, что ложа хочет придать своей деятельности чисто политический характер.

В 1937 г. офицерский состав ложи оставался, в основном, неизменным. Мастерская по-прежнему уделяла много внимания вопросам современности, не отказываясь, впрочем, от своей прежней программы, т. е. от изучения современного состояния и современной идеологии масонства.

Печальным событием для всего русского масонства был уход на «Вечный Восток» знаменосца ложи Лотос, одного из ее основателей и одного из самых активных масонов русских мастерских Древнего и Принятого Шотландского Устава вообще, Г. Б. Слиозберга. Траурное собрание его памяти состоялось в Лотосе 18 июня 1937 г.

Из других изменений в составе ложи отметим отставку В. А. Рашеева, присоединение к работам Лотоса А. Ф. Келлера и И. И. Фидлера, а также посвящение в масонство художника И. К. Лебедева.

Ложа Лотос, как и в предыдущие годы своей работы, посвящала часть своих работ изучению с точки зрения масонства причин современного мирового кризиса, который проявлялся не только в плоскости материальной, но и в особенности в моральной области. Источником многих докладов в ложе были литературные произведения.

Так, 15 января 1937 г. на совместном заседании лож Лотос и Гермес Г. Л. Тираспольский сделал доклад «Тайна Сервантеса в его "Дон-Кихоте" и масонство» *[О докладе см.: GLdF. № 638; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.22. Л.2 об.; Д.64. ЛЛ.63, 94. Доклад был повторно прочитан 3 июня 1937 г. на заседании ложи Северная Звезда]*. Докладчик оспорил общепринятое мнение, что «Дон-Кихот» представляет собой пародию на рыцарский роман, литературную сатиру на нравы того времени. В этом произведении, как показывают новые документы, содержится гораздо более глубокий смысл. Дон-Кихот для Сервантеса есть символ идеалиста-мечтателя, который берет на себя задачу осуществить, несмотря на все препятствия, чистый христианский идеал, ведя борьбу против клерикализма и внешнего культа. В этой борьбе рыцарь побежден; практический здравый смысл и материализм торжествуют над идеализмом, но его идеи остаются вечными. По мнению докладчика, эти идеи через знаменитого Яна Амоса Коменского,

вдохновившего организацию Моравских братьев, перешли и к основателям Ордена вольных каменщиков в Англии. Их целью было создать братство людей добрых и искренних, людей чести и честности, не стремящихся к немедленным результатам.

19 февраля С. Г. Лианозов поделился с членами ложи Лотос «Несколькими мыслями по поводу книги André Gide "Retour de l'U.R.S.S."» *[О докладе см.: GLdF. № 536; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.82; Д.22. Л.2 об.]*. Комментируя нашумевшую книгу, докладчик сказал, что режим большевистского владычества подходит к концу, и выразил надежду, что мир человеческий, освобожденный от марксистского опиума, вернется к истиной свободе, а с ней к ее двум спутникам — равенству и братству. Русские эмигранты должны быть уверены, что Россия найдет в себе достаточно живых сил, чтобы создать новую, лучшую жизнь; они должны, беспристрастно изучая текущие события, быть готовы в нужный момент прийти России на помощь. Цель русского масонства — вдохнуть в эти новые силы дух живой и веру в окончательное торжество Добра и Свободы.

21 мая было прочитано сообщение Н. Б. Глазберга «О буддизме». Докладчик установил, что в своем первоначальном и чистом аспекте это восточное учение моментами весьма приближается к поучениям Ордена Вольных Каменщиков *[См.: GLdF. № 638; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.51. Л.25; Д.22. Л.2 об.; Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.22]*. Доклад вызвал оживленное обсуждение.

Одно из торжественных собраний, 16 апреля, было посвящено вопросам, заданным для конвента Великой Ложи Франции. Как мы уже упоминали, в 1937 г. одной из тем было «Будущее свободы». Этот вопрос заинтересовал все русские ложи, и было решено представить общий от всех шести лож Древнего и Принятого Шотландского Устава доклад. Ложа Лотос приняла в этом ближайшее участие, и на основе доклада Е. С. Рабиновича *[О докладе и его обсуждении см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.51. Л.35;*

Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.26; GLdF. № 638] разработала свой проект ответа, который был принят как одно из оснований общего ответа.

По поручению ложи Лотос 3 июня П. А. Бурышкин выступил на объединенном собрании лож Астрея, Лотос и Юпитер с докладом по поводу книги Альберта Лантуана (1869–1949), масона 33-й степени, библиотекаря Великой Ложи Франции «Lettre au Souverain Pontife», в которой автор пытался примирить масонство с католической церковью. В качестве вступления П. А. Бурышкин дал очерк отношений между Святейшим Престолом и Орденом вольных каменщиков со времени организации Великой Ложи Англии и указал на ту борьбу, которую Ватикан всегда вел против масонства, опубликовав целый ряд булл враждебного масонству характера. Остановившись на отдельных документах этого порядка, докладчик высказал мнение, что опубликование их вызывалось не непримиримыми догматическими противоречиями, которые, может быть, и не так противоположны, как это кажется, а соображениями чисто политическими в борьбе Ватикана за свою власть и влияние. В XX в., когда и церковь, и масонство подвержены ударам со стороны их общего врага — торжествующего материализма, в особенности в его предельных проявлениях, как большевизм, может быть, настал час перемирия, что и предлагает А. Лантуан, говоря, что надо прекратить взаимные нападки. По мнению П. А. Бурышкина, русские вольные каменщики не могут не приветствовать мысль о таком перемирии. В большинстве русские масоны принадлежали к православной церкви, много было среди них людей верующих и религиозных. В России в конце XVIII — начале XIX вв. была большая близость между масонством и церковью, и это осталось одной из традиций русских масонов. Если бы подобные же отношения могли быть установлены между католицизмом и французскими послушаниями, это сблизило бы и идеологические основы русских и французских масонов. В обсуждении доклада

П. А. Бурышкина приняли участие Б. Н. Ермолов, С. Г. Лианозов, Д. Н. Вердеревский, Г. Я. Смирнов, Д. А. Шереметев, В. А. Грюнберг, Б. М. Петрусевич *[См. о докладе: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.22. Л.2 об.; Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.24; GLdF. № 536; 638]*.

В семейных собраниях продолжалась работа по рассмотрению административных и финансовых вопросов, связанных с жизнью ложи, однако некоторые собрания, по инициативе досточтимого мастера Г. Я. Смирнова, были специально посвящены вопросам ритуала и символики. В 1937 г. были рассмотрены три вопроса: 1) о масонской тайне; 2) о значении формулы «свободен и добрых нравов»; 3) о символическом смысле «оставления металлов». Каждому собеседованию предшествовало краткое выступление, по приведенным выше темам доклады были сделаны П. А. Бурышкиным, Н. Н. Протасьевым и С. О. де Виттом *[Последний — 2 апреля 1937 г. См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.51. Л.35]*.

Из докладов, прочитанных в ложе Лотос осенью 1937 г., назовем выступление 18 сентября Г. Я. Смирнова «По поводу речи великого мастера Дуаньона на съезде в Лионе о значении масонства ("Image de la Mac.·.")» (см.: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.38*) и рассказ 3 декабря Г. Л. Тираспольского о своей масонской биографии «Тридцать лет пребывания в масонстве. Воспоминания, мысли, помыслы и заветы» (см. также: *GLdF. № 638; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.42*).

В последний день 1937 г. ложа Лотос, как и русское масонство в целом, понесло тяжелую утрату в лице ушедшего «на Восток Вечный» Л. И. Каца, одного из самых усердных работников и преданных Ордену братьев. Во всех ложах, в которых он состоял, Л. И. Кац занимал офицерские должности и всюду неустанно работал. Особенно значительным был вклад Л. И. Каца как одного из комендантов русского масонского дома на рю де л'Иветт.

В 1938 г. офицерский состав ложи не претерпел значительных изменений. Досточтимым мастером оставался Г. Я. Смирнов,

пост 1-го стража занимал С. Г. Лианозов, 2-го стража — В. А. Грюнберг, оратора — Н. Б. Глазберг, секретаря — В. Ф. Сафонов, депутата в Великой Ложе Франции — П. А. Бурышкин.

Ложа Лотос в своей работе хотела найти гармоническое сочетание двух возможных аспектов масонской работы: в углублении и развитии своих масонских знаний и своего масонского опыта, с одной стороны, и в поисках ответа на вопрос, что может сделать Орден вольных каменщиков для мира «профанского», который, как уже чувствовалось, шел к неизбежной катастрофе.

В 1938 г. для обсуждения на конвенте Великой Ложи Франции был поставлен вопрос «Сближение различных масонских послушаний». В связи с этой темой, предложенной для обсуждения в ложах Федеральным Советом, 28 февраля 1938 г. с докладом «Ландмарки» выступил П. А. Бурышкин *[Этот же доклад был прочитан П. А. Бурышкиным 14 марта 1938 г. на заседании ложи Северные Братья. Текст доклада см.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.162. О докладе см. также: Осоргин II. С.128; ЛА; GLdF. № 638; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.21]*.

Докладчик подробно остановился на самом происхождении понятия «ландмарок», заимствованного из Библии и творений Отцов Церкви; в масонстве оно издавна было принято для определения основных правил, на которых должен работать Орден вольных каменщиков, дабы не впасть в какую-либо ересь. К сожалению, чрезвычайно трудно вложить в этот термин какое-либо определенное, принятое всеми толкование. На этот счет нет ясных указаний ни в Конституции Андерсона, ни вообще в масонской литературе. Каждый из авторов дает свое собственное определение, каждое послушание держится своей собственной точки зрения, и нет согласия в том, что именно нужно считать «ландмарками». В силу того, что, таким образом, представляется весьма

трудным определить основные принципы, на которых должно покоиться подлинное масонство, соглашение между отдельными масонскими державами может явиться практически неосуществимым, так как различные послушания не будут считать друг друга регулярным масонством.

Однако, если в теории между латинским и англо-саксонским масонством лежит непроходимая пропасть, на практике могут возникнуть особые основания, лежащие скорее в плоскости международной политики и международных взаимоотношений, которые заставят искать общей почвы для того или иного, возможно даже компромиссного, соглашения, без наличия которого масонство в целом не сможет выполнить свою универсальную миссию.

Сообщение К. С. Лейтеса «Взгляд иностранцев на советскую Россию. (Несколько мыслей по поводу книги Фейхтвангера "Москва 1937")» было зачитано автором 8 марта 1938 г. *[См. также: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.3; Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.13; GLdF. № 536]*. Докладчик подверг книгу Л. Фейхтвангера жесткой критике. Фейхтвангер был в России только в течение 6 недель, не говорит по-русски, но утверждает, что советский народ совершенно счастлив. Фейхтвангер не может отрицать, что в России существует режим диктатуры, что там нет ни свободы слова, ни свободы мысли и духа, но, по его мнению, это не так важно; для масс, думает он, имеют прежде всего значение материальные условия жизни: нужно иметь возможность питаться досыта, а не философствовать на пустой желудок. Против этого положения и восстал докладчик. Нужно, сказал он, прежде всего осуществить свободу человеческой личности, свободу человеческого духа, что позволит заниматься творческим трудом. К. С. Лейтес высказал уверенность, что в этот период упадка гуманитарных принципов на Ордене вольных каменщиков лежит долг сказать окружающему «профанскому» миру слово добра и справедливости.

29 апреля в ложе Лотос прозвучал доклад М. С. Мендельсона «Этика и культура» *[См. также: ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.11; GLdF. № 638]*. В основе всякой культуры, сказал докладчик, лежит стремление разрешить вечные вопросы бытия, с признанием двойственности между условно-относительным и вечно-абсолютным, между человеческим и космическим. Далее докладчик противопоставил «культуру» — «натуре». Если в природе доминирует туманное, слепое, «принцип угрожающий», то культура есть царство высших ценностей, добра, красоты и правды. Культура требует от свободного человека возвышения его внутреннего «я», чтобы иметь возможность воздействовать на космические явления. В этом отыскании «я» и выявляется идеал культуры. Но культура немыслима без этики. Этика придает смысл жизни и определяет отдельные акты индивидуума как отдельные случаи установленной нормы. Остановившись на теории Канта об «этическом желании», видя в сведении на нет морали причину современного духовного кризиса, докладчик пришел к выводу, что этика должна быть выведена из познания бытия, а ее задача тесно связана с проблемой ценности человеческой личности и с вопросом смысла человеческого существования.

17 июня 1938 г. в ложе был сделан доклад оратора мастерской Н. Б. Глазберга «Старое и новое в немецком национал-социализме» *[См. также: GLdF. № 638. ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.64. Л.6; Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.10]*. Докладчик высказал уверенность, что масонство не может признать расистские теории, которые исчезнут так же быстро, как и появились.

Из докладов 1938 г. следует также упомянуть сообщение Г. Я. Смирнова «Современные идеалы русского масонства» *[См.: Там же. Д.12. Л.13]*.

При выборах офицерского состава на 1939 г. в управлении ложей Лотос произошли большие изменения. Г. Я. Смирнов,

который четыре года бессменно руководил мастерской, не выставил своей кандидатуры на пост досточтимого мастера, и таковым был избран Степан Георгиевич Лианозов (1873—1949). Выбор этот оказался чрезвычайно удачным, и новый председатель сыграл огромную роль не только в жизни ложи Лотос, но и в существовании всего русского масонства. Наступали годы войны, масонству во Франции суждены были большие испытания, и крупный общественный опыт С. Г. Лианозова и большой авторитет, которым он пользовался в русских и французских кругах, в немалой мере способствовали тому, что русское масонство вышло с честью из выпавших на его долю испытаний. Помогло и то обстоятельство, что С. Г. Лианозов принял французское гражданство, что частично уберегло его от преследований во время фашистской оккупации.

1-м стражем ложи был избран Н. Н. Протасьев, 2-м — К. С. Лейтес, оратором — М. С. Мендельсон, и лишь пост секретаря сохранил за собой В. Ф. Сафонов.

Принимая 2 декабря 1938 г. первый молоток в ложе, С. Г. Лианозов с полной откровенностью и большим мужеством высказал свои убеждения, не считаясь с тем, понравится или нет его точка зрения. Нужно было иметь большую смелость, чтобы сказать инспектору ложи, левому радикал-социалисту, что вся беда в окружающем мире происходит от увлечения коллективистской психологией. Парадоксальным могло показаться в ту пору и подведение под категорию «тоталитарного государства» и гитлеровского, и советского режимов. Но, вместе с тем, новый председатель ложи с твердостью заявил, что он будет руководить ложей в полном согласии с регламентами Великой Ложи Франции и традициями Древнего и Принятого Шотландского Устава. Наконец, С. Г. Лианозов заявил, что ложа будет идти прежним путем и работать по изучению современности для достижения конечной цели — подготовки работы на родной земле.

В 1938–1939 масонском году в ложе Лотос с докладами выступили:

К. С. Лейтес — «Чешские религиозные мыслители Ян Гус и Амос Коменский» и (16 июня) «Три героя духа» (см.: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. Л.9*); не исключено, что это был один и тот же доклад;

Р. Ф. Булатович — «Основная идея схоластики»;

Антонио Коэн — «Расы и расизм» (на французском языке).

П. А. Бурышкин (20 января) — «Современное положение масонства в Европе» (см.: *GLdF. № 536, 638; ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.5; Д.12. Л.5*) и (19 мая, на французском языке) «Французские эмигрантские ложи в Англии в период Второй империи» (см.: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.12. ЛЛ.8, 25; Ф.730. Оп.1. Д.189. GLdF. № 536;* также см.: *Бюллетень. Июнь 1939. Л.5*).

Особо следует отметить доклад досточтимого мастера ложи «Методы коммунизма и методы масонства», который состоялся 2 июня 1939 г. (см.: *ЦХИДК. Ф.1354. Оп.1. Д.10. Л.1; Д.12. Л.9*).

Большим ударом была смерть В. Ф. Сафонова, поскольку этот всеми любимый брат последние годы жизни полностью отдавал все свои силы масонству. Его памяти ложа Лотос посвятила особое траурное заседание, на котором выступили С. Ф. Гольдрин, С. Г. Лианозов и П. А. Бурышкин. «Кисть» секретаря перешла в руки Р. Ф. Булатовича, а затем П. А. Бурышкина.

И. Русские мастерские высших степеней. Руководство русским масонством. Дом на рю де л'Иветт

Создание нескольких иоанновских русских лож в Париже потребовало формирования всей масонской иерархической структуры Древнего и Принятого Шотландского Устава.

В 1925–1927 гг. такая структура в российском масонстве в эмиграции начинает конкретно действовать. Уже был создан

капитул Астрея, а в эти годы открываются русские ложи совершенствования, ареопаг, консистория.

15 апреля 1925 г. А. А. Мордвинов, Д. А. Шереметев и Л. Д. Кандауров предложили разделить работы капитула 18-й степени и ложи совершенствования 4—14-й степеней. Это нашло практическое воплощение в основании ложи совершенствования, получившей названия Друзья Любомудрия. Ложа начала свои работы 10 июля 1925 г., но официальная ее инсталляция (под № 542) произошла лишь 19 июля 1926 г. По существу, ничего нового создавать не пришлось, просто часть функций капитула Астрея (не свойственных капитулам) по работе в 4—14-й степенях Шотландского Устава была передана новой мастерской.

В качестве главной цели своих работ Друзья Любомудрия определили сохранение духовного опыта для возрождения в России европейской культуры, поскольку рассчитывали «некогда принести свой труд в Россию» *[ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.201. Л.78]*.

Хотя до начала Второй мировой войны на посту руководителя ложи совершенствования последовательно сменялись П. А. Бобринский (1925—1928 гг.), А. П. Веретенников (1929 г.), Н. Л. Голеевский (1930—1933 гг.), В. В. Лыщинский-Троекуров (1934—1935 гг.) и Д. Н. Вердеревский (1935—1938 гг.), однако общая направленность работ Друзей Любомудрия оставалась неизменной. Во-первых, в ложе зачитывались доклады, предшествующие «повышению зарплаты», т. е. посвящению в следующую степень. Во-вторых, ложа занималась изучением иудео-христианской философской традиции. Предметом докладов становилась древнегреческая философия, идеи Сократа, Платона, раннее христианство, философские доктрины Ф. Ницше, М. Унамуно, А. Бергсона, Э. Мейерсона, символическое мировоззрение.

В Друзьях Любомудрия были представлены все русские синие ложи, но первенство принадлежало ложам Северное Сияние

и Юпитер. Офицерские должности в ложе совершенствования являлись своеобразной школой для занятий в капитуле, ареопаге, консистории и не предоставляли административной власти в иерархии Древнего и Принятого Шотландского Устава. Среди активных членов русской ложи совершенствования в Париже следует назвать М. С. Мендельсона, Р. Ф. Булатовича, Н. Н. Протасьева, К. В. Гвоздановича, Г. Н. Товстолеса, Б. Н. Ермолова, А. П. Прокопенко, А. А. Бобринского, П. А. Мещерского, которые наряду с трижды могучими мастерами (руководителями) Друзей Любомудрия определяли жизнь мастерской. Надо также особо отметить значительную роль в ложе совершенствования В. Ф. Сафонова, который составил обрядники высших степеней, проиллюстрировав текст своими рисунками; каждый ритуал был снабжен объяснением градуса, переведенным В. Ф. Сафоновым с французского на русский *[См., например: Сафонов В. Ф. Исторический очерк происхождения и значения 9-го градуса Древнего и Принятого Шотландского Устава // ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.186]*. Подчас в ложе складывалось и сотрудничество между членами разных русских мастерских, например, между Н. Л. Голеевским и И. А. Кривошеиным (трижды могучий мастер и секретарь Друзей Любомудрия в 1930–1931 гг.).

Объединяя более 50 человек, изучавших символический метод познания, ложа Друзья Любомудрия не только способствовала философскому развитию русских масонов, но и готовила административные кадры для парижских лож, работавших на русском языке.

Первые годы существования русской ложи совершенствования в Париже недостаточно освещены в источниках. Известно лишь два доклада, прочитанных в ложе до 1932 г.: 27 января 1926 г. некий французский масон К. выступил с докладом «Философское преддверие. Значение и суть масонской символики», а 19 мая 1929 г. А. Ф. Келлер рассказал «О символике 4 градуса» (см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.47. ЛЛ.306, 267 об.*).

Значительно лучше сохранились документы, связанные с деятельностью Друзей Любомудрия в 1932–1939 гг. О докладах 1932 г. см.: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.44. ЛЛ.49 об.. 91; Ф.112. Оп.1. Д.640. Л.11; Д.641. Л.8; Д.642. Л.7 об.* О докладах 1933–1939 гг. см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.1. Д.201.* О докладах 1939 г. см. также: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.44. Л.107; Д.47. Л.249.*

К 1932 г. относится доклад Д. Н. Вердеревского «Кто мы? Откуда мы пришли?»

В том же году были прочитаны следующие зодческие работы:

13 апреля — М. С. Мендельсон. Каббала с точки зрения масонства (со сходным сообщением Г. Б. Слиозберг выступил 23 декабря 1933 г. в Кружке русско-еврейской интеллигенции. См.: *Хроника. Т.2*);

27 апреля — Д. Н. Вердеревский. Ягвические и похвальные тексты о сотворении;

11 мая — Г. Б. Слиозберг. Философия Эмиля Мейерсона;

26 октября — П. А. Бобринский. Два источника морали и религии — относительно книги Анри Бергсона.

22 февраля 1933 г. в ложе Друзья Любомудрия выступил Н. Д. Татищев, раскрывший тему «Машинизация жизни — философские и социальные проблемы современности». В обсуждении данной работы приняли участие Л. В. фон Гойер, С. О. де Витт, А. Ф. Келлер, А. Э. Ломейер, Г. Я. Смирнов, В. А. Грюнберг, К. И. Тихомиров.

22 марта 1933 г. с сообщением о «Философии Спинозы» в мастерской выступил К. К. Грюнвальд;

28 июня В. А. Грюнберг говорил «О долге» (см. об этом докладе также: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.184. Л.47–52).*

К 1934 г. относятся три доклада:

14 февраля один из лидеров французского масонства Шотландского Устава Рене Раймон рассказал о «Социальной роли элит и интеллектуальной иерархии»;

27 марта Н. Н. Евреинов — о «Тайных пружинах искусства»;

23 мая М. М. Филоненко выступил с сообщением «Разрыв мирового равновесия». В обсуждении приняли участие Д. Н. Вердеревский, П. А. Брюнелли и М. Г. Слиозберг.

27 февраля 1935 г. в ложе Друзья Любомудрия Д. Н. Вердеревский поделился с членами мастерской «Размышлениями при чтении книги Иова»;

17 апреля 1935 г. М. С. Мендельсон рассказал «О диалектическом методе Гегеля».

В 1936 г. ложа совершенствования была особенно активна.

26 февраля М. С. Мендельсон выступил с докладом на тему «Введение в изучение греческой философии», в обсуждении которого приняли участие Л. В. фон Гойер и В. Е. Татаринов.

25 марта К. В. Гвозданович говорил «О Сократе»; данный доклад обсуждали Л. В. фон Гойер, Н. Н. Евреинов, С. Я. Левин, Я. Б. Рабинович и М. С. Мендельсон.

Продолжил «философские беседы» 10 июня Н. Н. Евреинов, который говорил «Об орфическом учении в связи с древнегреческой философией». В обсуждении этого сообщения участвовали А. Ф. Келлер, В. В. Татаринов и М. С. Мендельсон. (В архиве Н. Н. Евреинова *(РГАЛИ. Ф.982. Оп.1. Д.501. Л.1)* ошибочно указано, что доклад был прочтен в ложе Юпитер. Там же указано, что с этим же сообщением режиссер выступил в ложе Droits de l'Homme. В этом же архивном деле см. о докладе Н. Н. Евреинова на французском языке в розенкрейцерской мастерской Les Fidèles Ecossais «Идеология советского театра».)

8 июля В. Е. Татаринов сделал «Введение к изучению Платона».

29 августа состоялась беседа за трапезой об Унамуно, в ходе которой выступили А. П. Прокопенко (текст его сообщения см.: *GLdF. № 638)*, П. А. Бурышкин, Н. Н. Евреинов и Я. Б. Рабинович.

Подобная же беседа за трапезой, но уже о Ницше, состоялась 19 сентября. В обсуждении философии Ницше в связи с проблемой личности приняли участие Я. Б. Рабинович, Н. Н. Евреинов, С. Я. Левин, Н. С. Муравьев, Б. К. Краевич, П. А. Бурышкин, М. С. Мендельсон и В. А. Грюнберг.

7 октября Я. Б. Рабинович рассказал о «Мире идей Платона».

В этом же месяце Н. Л. Голеевский прочитал свой доклад «Начала учения о духе».

11 ноября Б. Н. Ермолов говорил на тему «Учение Платона об эросе».

Сходная тематика зодческих работ была в ложе Друзья Любомудрия и в 1937 г.

10 февраля К. В. Гвозданович прочел доклад «О Платоне»;

24 марта А. П. Прокопенко — «О числах у Пифагора»;

7 апреля Г. Б. Слиозберг — «О пророках»;

9 июня Р. Ф. Булатович говорил о «Характере творчества (метафизике) Аристотеля», а в обсуждении доклада приняли участие Н. Н. Евреинов и М. С. Мендельсон;

14 июля Я. Б. Рабинович выступил с сообщением «Стоики древней Эллады».

Наконец, 8 декабря Н. Н. Евреинов говорил на тему «В садах Эпикура — философия эвдемонизма или наука о счастье», обсуждали же этот доклад Л. В. фон Гойер и А. П. Прокопенко.

К 1938 г. относится работа Л. В. фон Гойера «Общее размышление о символизме посвящения в 3-ю степень». В этом же году в ложе Друзья Любомудрия прозвучали доклады:

9 февраля — М. С. Мендельсон. Эллинистический период греческой философии. Филон Александрийский;

27 апреля — Б. Н. Ермолов. Религиозно-философские течения в Римской империи от Августа до Константина;

25 мая — Я. Б. Рабинович. Еврейский гнозис;

8 июня — К. Ф. Курагин. Единый в философско-мистической трактовке Плотина;

22 июня — К. В. Гвозданович. Плотин.

В 1939 г. К. В. Гвозданович говорил на тему «Введение в средневековую философию» (25 января);

14 июня А. П. Прокопенко — о «Философской борьбе в раннем христианстве».

* * *

Выше мы рассказали о создании русского капитула Астрея и о его работе по 1924 г. В 1925 г. председателем и канцлером капитула остались Н. В. Чайковский и Э. П. Беннигсен, 1-м стражем был избран А. В. Давыдов, 2-м — А. А. Мордвинов, оратором — Г. Б. Слиозберг (оставался на этом посту по 1927 г.).

Сведения об офицерском составе капитула дают представления о том, кто определял жизнь русской розенкрейцерской мастерской.

В 1926—1935 гг. офицерами капитула были: В. Д. Аитов (оратор в 1928 г., казначей в 1929—1932 гг.), П. А. Бобринский (страж в 1926—1929 гг. и в 1935 г., председатель в 1930—1931 гг.), А. П. Беннигсен (1-й и 2-й страж в 1929—1931 гг.), Э. П. Беннигсен (председатель в 1926 г.), А. А. Бобринский (2-й страж в 1933 г., оратор в 1935 г.), А. П. Веретенников (2-й страж в 1929 г.), Д. Н. Вердеревский (2-й страж в 1933 г.), В. Л. Вяземский (1-й страж в 1928 г.), Л. В. фон Гойер (2-й страж в 1930 г., председатель в 1932—1935 гг.), Н. Л. Голеевский (канцлер в 1926—1929 гг., 2-й страж в 1935 г.), К. К. Грюнвальд (канцлер в 1930—1931 гг. и в 1933 г.), М. Г. Корнфельд (2-й страж в 1928 г., оратор в 1929—1931 гг.), А. Ф. Келлер (председатель в 1932 г., оратор в 1932—1933 гг. и в 1935 г.), Б. К. Краевич (канцлер в 1935 г.), И. А. Кривошеин (канцлер в 1932 г., заместитель председателя в 1932—1934 гг.), В. Д. Кузьмин-Караваев (страж в 1926—1927 гг.), В. В. Лыщинский-Троекуров (председатель в 1927 г. и в 1934 г.), П. А. Половцев (страж в 1926 г., председатель в 1927 г.), П. В. Погожев (канцлер в 1934 г.), В. П. Свободин (казначей в 1929 г. и в 1932—1935 гг.), П. А. Соколов (казначей в 1926—1929 гг.), В. А. Нагродский (председатель в 1928—1929 гг.), Д. В. Репнин (секретарь в 1929 г.), Д. А. Шереметев (страж в 1927 г., 1930—1933 гг.

и в 1935 г., председатель в 1933 г.). Эти же масоны были главными докладчиками на заседаниях капитула. Всего же на 1933 г. в капитуле числилось 34 масона.

О работах капитула см. его протоколы: *ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.13;* о докладах 1932–1934 гг. также: *GLdF. № 523; ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.20. ЛЛ.18, 26; Ф.112. Оп.1. Д.640. Л.8; Д.641. Л.7 об.*

17 января перед посвящением в 18-ю степень доклад «Преступление и наказание по советским законам» сделал В. Д. Кузьмин-Караваев. В обсуждении сообщения приняли участие Д. С. Пасманик, Г. Б. Слиозберг, Н. В. Тесленко и М. Г. Казаринов (тезисы доклада см.: *ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.604. Л.54*).

7 марта 1925 г. Н. Л. Голеевский рассказал о «Метафизических проблемах и рационалистических методах». По теме этого же доклада выступили Албахари, П. А. Половцев, А. А. Мордвинов и П. А. Бобринский.

7 ноября тот же докладчик раскрыл тему «Посвятительное значение метафизических исследований», в обсуждении которой приняли участие П. А. Бобринский и А. А. Мордвинов.

5 декабря П. А. Половцев поднял вопрос об «Идее розенкрейцерства в различных современных организациях». По завершении доклада выступили А. А. Мордвинов, Н. Л. Голеевский, Д. А. Шереметев, а П. А. Соколов рассказал о мартинистских организациях в России в начале века.

2 января 1926 г. Г. Б. Слиозберг рассказал в капитуле о «Происхождении розенкрейцерства».

6 марта А. А. Мордвинов провел конференцию «Два аскета», по которой выступили Н. Л. Голеевский и В. Д. Кузьмин-Караваев.

8 мая 1926 г. П. А. Бобринский, сам поэт, обратил внимание членов розенкрейцерской мастерской на «Философские тенденции в русской поэзии». В обсуждении этого доклада приняли участие П. А. Соколов, Г. Б. Слиозберг, В. Д. Кузьмин-Караваев.

2 октября в капитуле об «Идеологии розенкрейцерства» говорил Г. Б. Слиозберг, сообщение которого затем дополнили А. А. Мордвинов и Н. Л. Голеевский.

6 ноября того же года В. А. Нагродский выступил по поводу книги Jollivet Castelot с докладом «Коммунизм и христианство».

7 мая 1927 г. в капитуле с докладом вновь выступил П. А. Бобринский, который говорил «По поводу книги Лонгинова "Новиков и московские мартинисты"».

1 октября 1927 г. и 3 марта 1928 г. А. Ф. Келлер рассказывал членам капитула о «Рассмотрении эзотеризма Грааля». В обсуждении доклада приняли участие Албахари, А. А. Мордвинов, В. Л. Вяземский, Г. Б. Слиозберг, В. А. Нагродский, Л. Д. Кандауров и Н. Л. Голеевский.

Перечислим некоторые доклады 1932—1934 гг.:

7 мая 1932 г. — Д. Н. Вердеревский. О символизме Розы и Креста;

2 июля 1932 г. — Л. В. Гойер. О культе митраизма;

1 апреля 1933 г. — Г. Н. Товстолес. Очерк изучения гностицизма;

3 марта 1934 г. — Н. Л. Голеевский. Манихеизм;

5 мая 1934 г. — Л. В. Гойер. Идея розенкрейцерства, актуальна ли она сейчас?

С 1937 г. капитул Астрея работал под руководством Д. А. Шереметева. Главной темой обсуждений в мастерской в 1937 г. стала посвятительная традиция. Н. Л. Голеевский в своем докладе этого периода сделал своеобразное введение в изучение гностицизма, а затем в капитуле были прочитаны три принципиально важных доклада. 12 февраля Д. А. Шереметев выступил на тему «На путях посвятительной традиции. Вехи для ищущих посвящения»;

20 марта А. Ф. Келлер — «Введение в изучение истории посвятительной традиции по Сент-Ив д'Альвейдру»;

15 мая Б. К. Краевич — «Розенкрейцеры 18-го века и розенкрейцерская традиция».

В 1938—1939 гг. работы капитула Астрея не претерпели принципиальных изменений. В 1938 г. секретарские обязанности исполнял Д. В. Репнин, а казначейские — В. П. Свободин, важную

роль в капитуле продолжал играть П. А. Бобринский, который являлся оратором этой мастерской в 1939 г.

Из докладов и сообщений, прочитанных в капитуле в последние предвоенные годы, особо следует выделить июньскую (1938 г.) работу В. Ф. Сафонова, которую русские масоны распространяли на ротаторе в среде розенкрейцеров: «Капитульные градусы 15—18. Их символика и значение. Древний и Принятый Шотландский Устав» (это издание — выходные данные: Париж, 1938 — имеется у букиниста А. В. Савина. См. также: *ЦХИДК. Ф.111. Оп.1. Д.370; 376; 381; Ф.730. Оп.1. Д.179*). В конце января 1939 г. были прочитаны два доклада о русских розенкрейцерских традициях: П. А. Бурышкин говорил об истоках этих традиций в мире (наброски к этому докладу см.: *Там же. Ф.1354. Оп.1. Д.20*), а П. А. Бобринский о «Московских розенкрейцерах и русской мысли XIX-го столетия». Из других докладов следует упомянуть работу Д. А. Шереметева «О розенкрейцерском посвящении» (18 июня 1939 г.).

* * *

15 июня 1927 г. был основан и русский ареопаг (№ 639) Ордо аб хао для работ в 30-й степени Древнего и Принятого Шотландского Устава. Как и другие мастерские высших степеней, ареопаг заседал в русском масонском доме на рю де л'Иветт (по средам). Однако реальная работа ареопага началась только в 1933 г., когда Н. Л. Голеевским был составлен на русском языке ритуал 30-й степени. Ареопаг Ордо аб хао объединял более 20 человек и работал под руководством первоначально Н. Л. Голеевского, а затем А. В. Давыдова. Его заседания являлись прямым продолжением работ ложи совершенствования и капитула, но были посвящены изучению не философских и розенкрейцерских традиций, а рыцарской, тамплиерской символики,

поднимались и проблемы современности. Приведем в качестве примера два доклада 1934 г.: 28 февраля — П. А. Бобринский. Проблема власти; 3 октября — К. К. Грюнвальд. Сумерки либерализма *[См.: GLdF. № 523]*.

* * *

III конференция Верховных Советов Древнего и Принятого Шотландского Устава, проведенная в 1922 г. в Лозанне, поручила Верховному Совету Франции образовать Верховный Совет для России. Первым шагом на пути к созданию этого органа стала инсталляция консистории России, которая произошла 18 декабря 1926 г.

Эта мастерская начала свои работы 10 февраля 1927 г. и сразу же стала чисто административным органом русского масонства в эмиграции. Консистория Россия (она работала под № 563) рассматривала все работы на соискание высших степеней, решала вопросы посвящения в последующие масонские градусы, определяла направление работ русских лож.

Первоначально Главным командором консистории был безусловный лидер русских масонов Л. Д. Кандауров, которого замещал (в случае отсутствия) Г. Б. Слиозберг. После кончины Л. Д. Кандаурова руководителем консистории стал А. В. Давыдов, а затем этот пост занял Л. В. Гойер. Важную роль в русском масонском административном органе играли П. А. Бобринский, Д. Н. Вердеревский и М. С. Мендельсон, которые занимали посты канцлера (секретаря) и оратора консистории Россия, а также Д. А. Шереметев.

Членами консистории могли стать лишь русские масоны, посвященные в 32-ю степень. Национальный характер консистории Россия неоднократно подчеркивался ее членами, однако административные функции мастерской не означали, что она является руководством какой-либо политической партии. Главные

командоры консистории, например, Л. В. Гойер, решительно выступали против всякой политической деятельности русских масонов.

Решение конференции Верховных Советов в Лозанне о создании русского высшего масонского органа было подтверждено в мае 1929 г. на IV конференции Верховных Советов в Париже. Особо поддержал идею русского руководства Великий оратор М. Монье, член ложи Юпитер. Вслед за этим началось возведение в 33-ю, высшую масонскую степень Древнего и Принятого Шотландского Устава тех русских масонов, которые зарекомендовали себя работой в мастерских вольных каменщиков, начиная с иоанновских лож и кончая консисторией Россия. Однако лишь конгресс Верховных Советов в Брюсселе (1935 г.) решил приступить к реализации этого решения после направленного ему ходатайства русских братьев и записки русских масонов 33-й степени.

Активная посвятительная работа позволила в июне 1935 г. создать Русский особый Совет 33-й степени, который фактически выполнял функции Верховного Совета для России. Обсуждение русского вопроса, путей развития русского масонства стало главным предметом работ нового совета.

Великим командором Русского особого Совета 33-й степени был Леонтий Дмитриевич Кандауров (масон 33-й степени с 1921 г.), занимавший этот пост со дня основания и до своей кончины. Так же, как и в консистории Россия, затем великим командором становились Александр Васильевич Давыдов (33-я степень с 1930 г.), Лев Викторович Гойер (33-я степень с 1933 г., канцлер со дня основания, а затем оратор Совета) и Николай Лаврентьевич Голеевский (33-я степень с 1932 г., великий командор в 1939—1940 гг.).

Следует назвать имена других членов Русского особого Совета 33-й степени, поскольку именно они определяли жизнь всего

русского масонства в эмиграции: Владимир Данилович Аитов (33-я степень с 1927 г., казначей Совета); Эммануил Павлович Беннигсен (33-я степень с 1931 г.); Пётр Андреевич Бобринский (33-я степень с 1930 г., обрядоначальник и канцлер Совета); Дмитрий Николаевич Вердеревский (канцлер, член Совета со дня основания); Владимир Леонидович Вяземский (страж Совета, его член со дня основания); Александр Иванович Мамонтов (33-я степень с 1926 г.); Марк Самойлович Мендельсон (33-я степень с 1939 г.); Пётр Александрович Половцев (33-я степень с 1933 г.); Генрих Борисович Слиозберг (33-я степень с 1924 г.); Дмитрий Александрович Шереметев (обрядоначальник и канцлер Совета, его член с 1937 г. *[Его работу на соискание 33-й степени см.: ЦХИДК. Ф.111. Оп.1. Д.27]*).

Число членов Совета не могло быть менее 9, поскольку в положении о Верховном Совете Древнего и Принятого Шотландского Устава записано, что он должен состоять из 9—33 членов, которые входят в него пожизненно. Предполагалось, что Русский особый Совет станет основой будущего Верховного Совета России. Совет решал вопросы посвящения в высшие степени русских членов лож Древнего и Принятого Шотландского Устава, сносился с руководством французского и мирового масонства *[См.: Отдельный и финансовый регламент Великого русского совета 33-й степени Д. и П. Ш. У. // ЛА]*.

Сплоченность Русского особого Совета 33-й степени объясняется не только стабильностью его состава, но и тем, что его члены подчас были связаны близкими родственными связями, например, П. А. Бобринский, Д. А. Шереметев и П. А. Половцев.

Таким образом, создание иерархии русских лож Шотландского Устава шло постепенно, и потребовалось более десятилетия, чтобы сформировать независимую структуру русского масонства.

* * *

Быстрый рост русского масонства в Париже поставил в повестку дня вопрос о создании Великой Ложи, которая бы руководила всеми российскими братьями и не только во Франции. Обособление в отдельную масонскую организацию русских масонов рассматривалось как естественный последовательный акт при построении российского масонства.

На совещании досточтимых мастеров лож, работающих на русском языке и принадлежащих к Великой Ложи Франции (В. Д. Аитов, А. И. Мамонтов, Ф. Ф. Макшеев и Л. Д. Кандауров), было решено создать Комитет по образованию Великой Ложи, в который бы вошли досточтимые мастера, 1-е стражи, депутаты и отдельные делегированные масоны из каждой ложи.

Важнейшим источником для написания раздела о Комитете по образованию Великой Ложи Астрея и о Совете Объединения послужили документы, собранные П. А. Бурышкиным, а затем находившиеся у Б. Н. Ермолова. В настоящее время в *ЛА*.

4 мая 1925 г. на квартире В. Д. Аитова, досточтимого мастера Астреи, состоялось первое собрание Комитета по образованию Великой Ложи. На учредительном собрании произошли выборы председателя — им стал Ф. Ф. Макшеев, досточтимый мастер ложи Гермес, — и секретаря, на должность которого был избран А. В. Давыдов. Собрание единогласно постановило начать работу по образованию Великой Ложи Астрея, так как на чужбине невозможно было образовать Великую Русскую Ложу. Собрание также приняло устав Комитета и произвело выборы заведующих только что образованными отделами.

Результаты выборов были таковы: экзекуторской частью стал заведовать А. В. Давыдов; заведующим отделом сбора пожертвований и благотворительности был избран Л. Д. Кандауров,

который к первому собранию смог предоставить из пожертвований сумму в 36 тысяч франков; казначеем — В. Д. Аитов; заведующим отделом учреждения и признания — П. А. Половцев; заведующим отделом ритуалов — В. Л. Вяземский; заведующим отделом составления устава — В. А. Нагродский.

На случай ритуальных собраний Комитета произведены были и выборы офицеров: досточтимый мастер — Ф. Ф. Макшеев; 1-й страж — П. А. Половцев; 2-й страж — Д. А. Шереметев; секретарь — А. В. Давыдов; казначей — В. Д. Аитов; дародатель — П. А. Бобринский; эксперт — В. Л. Вяземский; обрядоначальник — К. Н. Хагандоков; привратник — Л. Д. Кандауров.

В состав Комитета, помимо вышеперечисленных лиц, также вошли А. И. Мамонтов, Н. В. Чайковский, В. Д. Кузьмин-Караваев, Г. Б. Слиозберг.

Сложнее всего продвигалось дело по составлению устава Великой Ложи Астрея. Первоначально из Парижа уехал В. А. Нагродский, его на посту заведующего отделом заменил Г. Б. Слиозберг, но болезнь и этого вольного каменщика не позволила завершить начатую работу. Удалось лишь перевести на русский язык устав чешской Великой Ложи.

Огромная работа по сбору пожертвований велась Л. Д. Кандауровым, однако после первых успехов начались трудности, постепенно расходы стали превышать размер пожертвований.

По отделу ритуалов удалось составить ритуал открытия и закрытия работ в первом градусе и подготовить обширный материал по масонским ритуалам. В основу ритуала был положен опыт швейцарских масонов, который практиковался в Париже ложей Вильгельм Телль.

Сложные переговоры велись П. А. Половцевым для признания правомочности русской Великой Ложи. Поскольку создание Великой Ложи Астрея на французской территории без

предварительного согласия Великой Ложи Франции было бы нежелательным, П. А. Половцеву пришлось настойчиво убеждать французов в целесообразности подобного шага. Заручившись поддержкой Великого Мастера М. Монье, русские масоны вынесли вопрос о создании своей Великой Ложи на обсуждение Федерального Совета Великой Ложи Франции. Прения по этому вопросу приняли острый характер, многие, как по политическим соображениям, так и по формальным, выступали против самой идеи Великой Ложи Астрея. Ответ, хотя и в высшей степени благосклонный, был неблагоприятен. 2 ноября собрание Федерального Совета постановило, что ни конституция, ни регламент не позволяют санкционировать просьбу русских братьев, при этом подчеркивалось, что это не уменьшает самого доброжелательного отношения Великой Ложи к деятельности русских мастерских. Главной причиной отклонения петиции было отсутствие национальной территории.

Работа экзекуторской части, во главе которой вскоре (вместо А. В. Давыдова) стал А. И. Мамонтов, была тесно сопряжена с деятельностью казначея Комитета В. Д. Аитова. Главной задачей этих лиц стало приискание помещения для будущей Великой Ложи Астрея. Подобная деятельность объяснялась рядом причин. Во-первых, русские масоны считали, что наличие собственного помещения ускорит и облегчит признание Великой Ложи Астрея со стороны французов и масонов других стран. Во-вторых, некоторые братья, и в первую очередь Л. Д. Кандауров, полагали, что собственный храм даст новый импульс к притоку пожертвований. Предполагалось найти помещение не только для канцелярии, библиотеки и трапезы, но и для ритуальных собраний, но приостановка пожертвований заставила изменить точку зрения.

Первоначально русские ложи собирались на рю Пюто. Затем, на имя Л. А. Гринчук-Лукашевича, для русских масонов

была нанята квартира в доме 24 в сквере Клиньянкур, в которой было 8 комнат, бельевая (она могла служить помещением для библиотеки), кухня, буфетная и большая передняя. Рядом находилось и помещение ложи La Raison союза Великого Востока Франции, где хотели проводить свои заседания русские масоны.

Однако когда стало очевидно, что все попытки образовать русскую Великую Ложу остаются бесплодными, было решено отказаться от квартиры на Клиньянкур и возвратиться к старой системе управления.

11 ноября 1925 г. Комитет был преобразован; поскольку ритуально он заседать уже не мог, постольку и число выбранных его членов стало меньшим. Председательское кресло занял В. Д. Аитов, секретарем стал В. В. Лыщинский-Троекуров, заведующим экзекуторской частью (затем переименована в хозяйственный отдел) — А. И. Мамонтов.

Новый комитет начал свои работы в начале 1926 г., и первое, чем он занялся, — это подыскание помещения для русского масонского дома. Трудами П. В. Погожева этот дом — 29, rue de l'Yvette — был найден. В феврале 1926 г. был подписан контракт на аренду и началась оживленная работа по благоустройству дома. Все мемуаристы отмечают необычайный энтузиазм, с которым братья узнали, что у них будет собственный дом с храмом, библиотекой, гостиной, приемной, столовой, кухней. Каждый старался помочь, чем только мог, вновь стали поступать пожертвования. Благодаря подлинной жертвенности в мае удалось привести помещения в порядок и начать собрания в русском масонском храме.

В. Л. Вяземский так вспоминал эти события: «В смысле поместительности дом был как раз тем, что нам было нужно. Отличный сад, обширный су-соль, кухни. Весь первый этаж мы превратили в обширную столовую, во втором были: так называемая малая столовая, исключительно уютная, с мебелью из бывшей

квартиры Л. Д. [Кандаурова] и им пожертвованной, уютная гостиная с балконом, выходящим в сад, библиотека, где царил <...> бр.·. Репнин и ... "святая святых", кабинет Л. Д. Кандаурова. На самом верху была огромная, необъятной вышины студия, которую решено было обратить в храм, но представлялись огромные трудности, чтобы этот храм соорудить.

Все было в сильном запустении, но тут энергия Л. Д. и всех нас, увлеченных им, достигла максимума. Это самая чудная, самая курьезная, самая замечательная страница в истории русского зарубежного масонства. В эмиграции, в изгнании, без технических знаний, без денег мы задались целью сделать то, что сотни лет тому назад делали пионеры-монахи, строившие такие чудеса, как Соловецкий монастырь, с одним "посохом и благословением". И мы создали — на диво пораженным посетителям-французам — лучшее масонское помещение во Франции. Деятельность Л. Д. превзошла все, что он создавал до сих пор. Перед ним лежал список всех русских братьев — от глубоких стариков до двух-трех несовершеннолетних "волчат". Каждый должен был взять на себя какую-нибудь, хотя бы самую малую часть личного труда (это вписывалось в список) или — если не мог или не хотел — откупиться деньгами. Выхода другого не было! Принцип был — не тратить ни одного лишнего сантима, т. к. крупных денег нет.

Работа закипела, и какая работа! Иветт превратился в шантье, где ломали, строили, штукатурили, рубили, красили — по строгому расписанию — и над всем надзирал Л. Д. Никогда не забуду бр.·. кн. Кочубея на высоченной лестнице с огромными ножницами, режущего и подвешивающего дивные синие бархатные занавески наверху в храме, бр.·. де Витта, нашедшего где-то и устанавливавшего чудные две колонны А. и Б. при входе; другие рубили эстраду, плато офицеров; ваш покорный слуга в салопете их окрашивал, а по ним бр.·.бр.·. Сафонов и Добу-

жинский писали соответствующие символы. Другие занимались садом, подвальными помещениями, столовой. Бр.·. Половцев пожертвовал огромное количество книг для библиотеки; создан был винный погреб. С невероятной быстротой все было готово в несколько месяцев, и Иветт, наконец, открыла двери блестящим докладом бр.·. Тесленко о "Старообрядцах" — нечего говорить, при каком энтузиазме и каком переполнении всех помещений!!!

Не стоит повторять, что когда наши французские братья начали нас посещать, они не способны были ничего другого сказать, кроме как "фантастик", "мервейэ", "энкруайябль" и т. п.» *[Вяземский. С.242–244]*.

К этим воспоминаниям можно добавить еще, что столовая была украшена рядом выполненных А. А. Гефтером пастельных портретов братьев-учредителей русских лож: Э. П. Беннигсена, Д. Н. Вердеревского, С. Г. Лианозова, Л. Д. Кандаурова, Г. Б. Слиозберга, А. И. Мамонтова.

Основу для дальнейшего рассказа о деятельности по управлению русскими ложами составили материалы личного архива, в первую очередь, протоколы Объединения русских лож с момента основания до конца 1950 г.

Открытие русского масонского дома поставило перед вольными каменщиками новые практические задачи. Первоначально делами дома ведал Временный комитет русского масонства и специальный его уполномоченный А. И. Мамонтов. Однако увеличение числа братьев (на 1 октября 1925 г. — 131 масон в 4 ложах, на 1 ноября 1926 г. — 150, на 1 сентября 1927 г. — 168, на 1 сентября 1928 г. — 187) требовало новых методов управления.

Переход к новой системе организации работ русских лож начал происходить в 1930 г., когда независимо от Временного комитета русского масонства в Париже была создана финансово-

хозяйственная комиссия. В ее компетенции находились вопросы управления общим масонским хозяйством, сбора денег, контроля расходов и т. д. Первым председателем финансово-хозяйственной комиссии стал А. В. Давыдов.

К 1931 г. стало ясно, что необходимо создать не только координирующий финансово-хозяйственный орган русских лож Шотландского Устава, но и перейти к объединению усилий в других областях масонской деятельности. В марте 1931 г. ложа Гермес предложила объединить все русские мастерские союза Великой Ложи Франции, но выработанные проекты учреждения объединенного Совета из-за разногласий между ложами не были утверждены. Один из лидеров Гермеса И. П. Кобеко пытался также создать из русских вольных каменщиков Бюро труда; в инициативную группу по созданию подобного органа вошли И. В. Авдиев, Е. М. Вейнштейн, С. Я. Левин, Д. В. Репнин. В этом же году к финансово-хозяйственной комиссии русских лож полностью перешли все функции Временного комитета.

26 февраля 1933 г. состоялось одно из первых совместных заседаний всех русских лож Парижа, на котором торжественно отмечалось семидесятилетие Г. Б. Слиозберга. В своих речах Д. Н. Вердеревский, Н. Л. Голеевский, А. С. Альперин, М. С. Маргулиес, А. А. Морской, В. Л. Вяземский и другие особое внимание уделили заслугам Генриха Борисовича перед масонством. Подъем, с которым прошло совместное собрание, заставлял вновь задуматься о проведении совместных работ.

Влияние Л. Д. Кандаурова, особенно после основания ложи Лотос, уменьшалось, он уже не мог контролировать каждый шаг русских вольных каменщиков, а потому требовалось создать орган, который бы занялся управлением деятельностью русских лож. Беспокоило российских масонов и активное участие французских вольных каменщиков из Великой Ложи Франции в политической деятельности, что даже вызвало весной 1934 г. предложение

ложи Лотос об отделении русских лож. Критическим было и финансовое положение мастерских, что грозило ликвидацией русского масонского дома.

21 марта 1934 г. шесть русских лож (Астрея, Северное Сияние, Гермес, Юпитер, Гамаюн и Лотос) собрали совещание своих представителей, где председателем был избран В. Л. Вяземский. Изначально было принято решение о проведении ритуальных заседаний.

По предложению В. Л. Вяземского совещание образовало административно-финансовую и уставную комиссии. Первая должна была урегулировать вопросы содержания русского масонского дома, вторая — выработать устав нового управляющего органа.

Окончательная форма устава Совета Объединения русских лож была выработана выдающимся юристом, лидером ложи Гермес Н. В. Тесленко. В конце 1934 г. Федеральный Совет Великой Ложи Франции утвердил данный устав, поскольку ложам было разрешено объединяться в группы, которые преследуют масонские цели.

Председателем Совета стал В. Л. Вяземский, а 16 октября 1934 г. были избраны и другие офицеры. 1-м вице-председателем (надзирателем) стал П. А. Бобринский, 2-м — И. А. Кривошеин, оратором — А. В. Давыдов, казначеем — Л. И. Кац, дародателем — А. И. Мамонтов, экспертом — М. Н. Сейделер, обрядоначальником — К. И. Тихомиров, привратником — Г. Я. Смирнов, секретарские обязанности исполнял В. Ф. Сафонов *[См. также: РВК. 1946. № 1. С.3. Учредительную документацию Совета см.: ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.30; Ф.730. Оп.1. Д.2; Д.3].* Этот состав Совета (с незначительными изменениями при выборах на 1936 г.: 1-й надзиратель — И. А. Кривошеин, 2-й — Б. Ю. Прегель, оратор — Д. Л. Вельяшев, секретарь — Д. К. Рёсслейн, эксперт — И. П. Кобеко, обрядоначальник — И. И. Фидлер) сохранял руководство в течение двух с лишним лет.

В. Л. Вяземский вспоминал о Совете: «Скажу сразу, что он, с одной стороны, занимался объединением деятельности наших л.·., но главная тяжесть лежала на хозяйственном управлении рю де л'Иветт. Здесь особенно потрудились бр.·.бр.·. Мамонтов, Сафонов, Кац и наш несравненный "консьерж" — бывший полковник Л. Гв. Конного полка Ал. Петр. Альбрехт; честь им и слава. Не буду раздражать ваших аппетитов, приводя цифры — абсолютно грошовые цены, за которые мы отпускали, такие, как и все, напитки, завтраки и обеды. Все делалось с максимумом экономии, не щадя сил. Вина покупались на "Хал о вэн" бочками, разливались на месте, и мы за 2 гроша имели выдающееся вино. Как только кончался сезон работ лож, т. е. с 1 июня до конца сентября — каждый вторник — все остававшиеся в Париже братья собирались на обед в саду, где за 7 или 8 франков (с водкой) засиживались далеко заполночь под соловьиное пение из находившегося напротив Розенталевского парка <...>

Как только посетители Иветт ознакомились с нашим помещением, на нас посыпались просьбы предоставить его для собраний чужих лож. Нам это было нелегко, так как, кроме наших "синих" лож, там уже собирались: Совет 33-х, Консистория, Ареопаг "Ордо аб Хао", Капитул "Астрея" и Ложа Усовершенствования "Друзья Любомудрия". Нам все же удалось удовлетворить желание "Свободной России", "Американской Ложи", "Англо-Саксонской" и одной-двух французских, в том числе ложи, состоявшей сплошь из чиновников Мэрии 16-го аррондисмана» *[Вяземский. С.245–246]*.

«Совет Объединения успешно справился с доставшимся ему довольно расстроенным хозяйством и нашел средства для погашения части долгов. Но его деятельность не ограничивалась администрированием мас.·. дома». Было решено создать также «библиотечную комиссию для заведывания, приведения в порядок и пополнения масонской библиотеки, насчитывающей к этому времени

немало редких и ценных книг» *[РВК. 1946. № 1. С.3]*. Библиотекарем Совета в 1934—1936 гг. был Д. В. Репнин, а затем В. Е. Татаринов. При библиотеке был создан и свой рукописный отдел.

«Одно время по инициативе бр. Вад. Жданова возникла мысль о пересмотре ритуала в сторону приближения его к более старым образцам, была создана даже ритуальная комиссия, но дело не пошло вперед» *[Лотос. Л.18]*. В период, когда ритуальной комиссией руководил И. П. Кобеко, все-таки был принят новый вариант ритуала закрытия и открытия работ во 2-й и 3-й степенях.

В Совет входили досточтимые мастера лож и по два человека, избранных от каждой мастерской. Важнейшую роль в Совете играли «коменданты» русского масонского дома. До войны этот пост занимали представители ложи Лотос, в том числе Н. Н. Протасьев. За деятельностью финансово-хозяйственной комиссии наблюдала комиссия ревизионная. Важную роль в деятельности Совета до войны играли также его ораторы (А. И. Мамонтов, П. А. Бурышкин) и секретари (В. Ф. Сафонов, М. Г. Корнфельд, Д. К. Рёсслейн, С. Я. Левин и В. Э. Ансельм). Благодаря усилиям этих лиц «Совет организовал общую ежемесячную повестку о работах всех лож» *[РВК. 1946. № 1. С.3]*, были сохранены традиции собирать пасхальные агапы (приверженцем которых был Л. Д. Кандауров) и праздновать Иоаннов День — общий ежегодный праздник шотландского масонства, приходящийся на 24 июня — 6 июля.

Как правило, подобное ежегодное празднование сопровождалось докладами. Так, 7 июля 1935 г., когда свыше ста русских масонов собрались для празднования Иоаннова дня, Л. Д. Кандауров рассказал об истории возникновения и развитии русского масонства в эмиграции, В. Д. Аитов произнес слово об ушедших «на Восток Вечный», а П. Н. Переверзев «в краткой

одушевленной речи» отметил символическое значение русского масонства в изгнании. Наиболее значительной был речь А. В. Давыдова, который взял на себя задачу истолковать современную идеологию русского масонства. Если первоначально основатели русских лож видели в масонстве «могущественное тайное общество, способное влиять на судьбы народов и, в частности, способствовать возрождению и счастью нашей Родины», то затем рациональные задачи отошли на второй план. Доминирующим стало посвятительное значение Ордена, иррациональный план, где зарождаются те «великие движущие идеи, которые ведут человечество, бессознательно для него, к идеалам, создающим те или иные формы жизни».

Отмечался Иоаннов день и в последующие годы. 7 июля 1936 г. о значении Иоаннова Дня говорил Д. А. Шереметев. 6 июля 1937 г. член ложи Северное Сияние К. В. Гвозданович рассказал о «Происхождении празднования Иоаннова дня в масонстве и его значении». В следующем году на праздничном собрании с докладом «Празднование Иоаннова Дня в Великой русской ложе Астрея в начале XIX века» выступил П. А. Бурышкин *[О докладе П. А. Бурышкина см. также: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.164; Д.12. Л.4]*, а затем с сообщением «О масонском и религиозном значении празднования Иоаннова дня» — П. А. Бобринский, который «со свойственной ему высокой настроенностью отметил», что, как и всякое общение с природой, всякий уход от повседневной жизни ставит человека лицом к лицу с тайной бытия и возбуждает в нем стремление к Богу. В последний предвоенный год, 6 июля 1939 г., о происхождении празднования Иоаннова Дня и о его значении говорили В. Е. Татаринов, А. П. Прокопенко и К. В. Гвозданович.

Стоит отметить несколько общих собраний, организованных Советом в 1936–1937 гг. 29 февраля 1936 г. ритуальная комиссия организовала инструкционное собрание во 2-й степени, на котором

А. В. Шишковский прочел доклад об инструментах во время «странствий», И. М. Топер говорил о числах и их магическом значении, П. Я. Рысс прочел доклад о странствиях во 2-й степени и о пятом в особенности, С. П. Тикстон — о пламенеющей звезде, а С. Гойер сделал сообщение о скрижалях. Собрание завершилось выступлением Д. Н. Вердеревского, который говорил о значении 2-го градуса.

30 июня 1936 г. ложи Объединения собрались на траурное заседание, посвященное памяти Л. Д. Кандаурова, на котором выступили Г. Б. Слиозберг и В. Л. Вяземский.

В связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина, 29 января 1937 г., в храме на рю Пюто было организовано и самое многочисленное торжественное собрание русских вольных каменщиков (более 300 масонов союзов Великого Востока и Великой Ложи Франции). На этом заседании выступили с докладами об А. С. Пушкине как масоне — М. А. Осоргин (текст доклада см.: *Осоргин I. С.113–121;* этой же теме была посвящена статья: *Осоргин М. А. Пушкин — вольный каменщик // ПН. 1937. 10 февраля. № 5801*), о России и Пушкине — Г. В. Адамович. Н. Н. Евреинов прочел отрывок из «Капитанской дочки», а певцы Н. И. Нагачевский из Свободной России и Ф. Я. Рич (Рабинович) из Гермеса исполнили несколько вокальных произведений на слова великого поэта. На агапе, на которой председательствовал М. С. Маргулиес, были также произнесены речи Д. Л. Вельяшевым, председательствующим, Г. Б. Слиозбергом, А. С. Альпериным, А. И. Хатисовым и А. П. Прокопенко.

3 февраля 1937 г. к руководству пришел новый состав Совета во главе с управляющим мастером И. А. Кривошеиным; при этом смена лидера «прошла негладко», хотя В. Л. Вяземский и И. А. Кривошеин и были членами одной ложи, Лотоса.

Изменился и прочий офицерский состав: 1-м надзирателем стал Б. Ю. Прегель, 2-м — Г. Я. Смирнов, оратором — Д. Л. Вельяшев, секретарем — С. Я. Левин, казначеем Л. И. Кац, дародателем Н. Н. Протасьев, экспертом И. П. Кобеко, обрядоначальником И. И. Фидлер. В. Л. Вяземский отказался от должности привратника, и на этот пост был избран Б. П. Магидович.

Ритуальная комиссия активизировала проведение инструкционных работ в области символики и ритуала. Например, 30 марта 1937 г., после предварительного слова Д. Л. Вельяшева об обязанностях масона вообще, И. П. Кобеко, В. А. Кондратьев, Б. Миро, Н. А. Суворов, И. М. Топер, М. Гринспан, Л. Б. Бернштейн, И. Я. (или Г. Я.) Эттингер и Д. В. Репнин говорили о значении и обязанностях офицеров ложи. Их сообщения дополнили Н. Крузенштерн и С. О. де Витт.

Несколько собраний Совета было посвящено памяти ушедших «на Восток Вечный». 29 июня 1937 г. было проведено траурное собрание памяти Г. Б. Слиозберга, на котором выступили И. А. Кривошеин, П. Н. Переверзев, Д. Н. Вердеревский и П. А. Бобринский. 19 января 1938 г. братья почтили память коменданта русского масонского дома Л. И. Каца, о котором произнесли памятные речи Н. Б. Глазберг и Д. Н. Вердеревский. Пост казначея в этих условиях занял Н. Н. Протасьев, а комендантом русского масонского дома стал В. Ф. Сафонов. На освободившееся место дародателя был избран С. Г. Лианозов. 24 февраля 1938 г. на годичном собрании Объединения, после того как были заслушаны отчеты, с траурным воспоминанием об умерших русских масонах выступил В. Д. Аитов.

В 1938 г. руководство Советом оставалось прежним. Был, правда, избран новый секретарь, В. Э. Ансельм, поскольку С. Я. Левин был загружен работой в своей ложе, но фактически последний продолжал выполнять свои прежние обязанности в Совете. Посты обрядоначальника и трапезоначальника занял В. Ф. Сафонов, привратника — Б. К. Краевич, библиотекаря — В. Е. Татаринов.

Совет «завершил трудную работу по приведению в порядок финансов масонской организации» *[РВК. 1946. № 1. С.4]*. Значительно активизировалась деятельность ритуальной комиссии, которая завершила работы по согласованию и исправлению ритуалов. Для облегчения несостоятельным братьям участия в общих

трапезах и помощи отдельным братьям и ложам были созданы специальные фонды памяти покойных Л. Д. Кандаурова и Л. И. Каца *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.4 (Устав фонда имени Л. И. Каца)]*. С 1937 г. стали также устраиваться специальные летние обеды для неимущих братьев.

В 1938 г. Великая Ложа Франции и ее Великий Мастер Луи Дуаньон начали неформальные и негласные переговоры с Великой Ложей Англии. Добрые отношения с другими послушаниями и взаимное признание было в традициях русского масонства. Кроме того, для выполнения своей задачи — донесения масонского света в Россию — русскому масонству нужно было быть связанным с вольными каменщиками всего мира, а не с одним только каким-нибудь послушанием. Поэтому сама идея сближения находила горячий отклик в русской среде. Все работы, связанные с данным вопросом, сосредоточились в Совете Объединения, который составил общую записку и от имени русских лож представил ее конвенту Великой Ложи Франции. Началось и изучение традиций регулярного масонства.

8 марта 1938 г. Совет Объединения устроил по этому вопросу собрание всех русских лож, на котором присутствовал Великий Мастер Луи Дуаньон. Помощник (Наместник) Великого Мастера, М. Дюмениль де Граммон, сообщил на данном собрании русским братьям, как идут переговоры, а русские масоны ознакомили руководителей Великой Ложи со своими работами в этой области и со своими пожеланиями. На этом же собрании М. Г. Корнфельд (на французском языке) прочитал доклад «Возможно ли сближение с англо-саксонским масонством?»

На 1939 г. был избран прежний офицерский состав Совета. Отметим лишь избрание оратором В. Е. Татаринова, обрядоначальником И. П. Кобеко, экспертом В. Ф. Сафонова и привратником В. Д. Аитова.

На инсталляции офицеров Совета, 10 января 1939 г., П. А. Бурышкин вспомнил об ушедших «на Восток Вечный» братьях и с прискорбием отметил, что если в период расцвета максимальное число русских масонов союза Великой Ложи Франции достигало 661, то на январь 1939 г. в 6 русских ложах числилось лишь 205 братьев, из которых более или менее исправно работали в мастерских 130 человек, а остальные лишь числились по спискам.

Самые тяжелые потери и испытания для русского масонства были однако еще впереди. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКОГО МАСОНСТВА В МИРЕ

Одновременно с созданием структуры русского масонства в Париже Л. Д. Кандауров начал уделять значительное внимание распространению русских групп вольных каменщиков за пределами Франции. Вплоть до своей кончины именно Л. Д. Кандауров держал в своих руках все нити связей с братьями в других странах, подбирал кандидатов к посвящению, вел переписку с русскими масонами, а при необходимости вступал в переговоры с другими масонскими послушаниями. Характерны в этом смысле его доклады об исторических судьбах русского масонства и об организации и работе масонства в России до революции, прочитанные соответственно в брюссельской ложе Les Amis Philanthropes и (10 декабря 1924 г.) в берлинской ложе Великий Свет Севера *[См. о них: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.4. Л.12; Ф.730. Оп.1. Д.183. Л.3]*. Подобная активность Л. Д. Кандаурова объяснялась не только стремлением распространять учение вольных каменщиков во всех центрах эмиграции, но и желанием сохранить единое руководство русскими масонами.

Одним из первых «заграничных» масонов, связанных с Л. Д. Кандауровым, стал «корифей» русской адвокатуры Л. М. Берлин, который с 1901 г. жил преимущественно в Бельгии. Активное участие Л. М. Берлина в жизни русской колонии в Бельгии (он состоял в многочисленных обществах по организации помощи эмигрантам, занимался сбором средств для русских

студентов, был членом Красного Креста и т. д.) позволяло надеяться на сложение сильной масонской организации. Однако, хотя русские масоны (например, А. А. Фрейганг, Л. А. Ниссалович или Е. А. Буткевич) появились в Брюсселе уже в начале 1920-х гг., к 1929 г. удалось составить из них лишь небольшую группу *[См.: ЦХИДК. Ф.111. Оп.1. Д.459]*.

В 1923 г. парижская ложа Астрея поставила перед собой конкретную задачу — основать русские ложи в крупных центрах русской эмиграции: Праге и Варшаве *[См.: Там же. Ф.730. Оп.1. Д.38. Л.25–26]*. Работа в Чехословакии сразу оказалась осложненной тем, что ложи в этой стране были возрождены немецкими масонами, и хотя конгресс 1922 г. в Лозанне создал Верховный Совет 33-й степени Древнего и Принятого Шотландского Устава для Чехословакии, пропаганда русских и французских масонов в Праге могла быть расценена как вмешательство в дела другого союза вольных каменщиков.

Более успешной была работа русских масонов в Польше, где из членов парижской ложи Гермес была создана однородная группа вольных каменщиков. Эпизодические встречи группы не могли удовлетворить стремления ее членов к регулярной масонской работе, и в 1928 г. двое из них, А. Эрдман и М. И. Вавельберг, решили обратиться к великому мастеру Великой Национальной Ложи Польши С. Стемповскому с просьбой об открытии русской ложи в Варшаве *[См.: Там же. Ф.112. Оп.2. Д.28. Л.18]*.

Русская ложа в Польше однако не была создана. Дело в том, что попытка ее образования совпала с яростной антирусской кампанией, организованной при покровительстве «санационного» режима Ю. Пилсудского *[См., например: Попов А. Гонение на православие и русских в Польше в XX веке. Белград, 1937]*. Руководители этой кампаний, как вспоминал В. В. Лыщинский-Троекуров,

«стремились разрушить русскую церковь как всякую церковь; но в то же время они полагали, что православная церковь, будучи враждебной Польше и поддерживая русскую культуру, мешает русскому крестьянству ополячиться».

Из воспоминаний Лыщинского-Троекурова мы знаем, что большую роль в прекращении этих гонений сыграли русские масоны, прежде всего генерал П. А. Половцев. Приехав из Парижа в Варшаву, он «"по своим делам" должен был повидаться с маршалом Пилсудским, который тоже был масоном, и добиться от него возможного смягчения происходивших гонений».

Необходимое уточнение: масоном был не сам Юзеф Пилсудский, а его брат Ян (в том числе в виленской ложе Литва союза Великого Востока Франции).

П. А. Половцеву «удалось достигнуть желаемого результата отчасти благодаря старым связям, большому личному обаянию и умению очаровывать своих собеседников, но главным образом, пользуясь авторитетом 33-го градуса. Настаивая на том, что нетерпимость и преследования противны духу масонства, он сумел воздействовать на маршала; гонения были частично прекращены и во многих случаях смягчены.

Разумеется, обо всем этом деле знали очень немногие, т. к. все контакты и переговоры надо было держать в тайне. Документов по этому вопросу не было, а те немногие письма, в которых могли оказаться кое-какие следы и которые хранились у меня и у бр.·.бр.·. П. А. Бобринского и Кандаурова, были сожжены во время оккупации».

Это обстоятельство является главной причиной того, что о связях русского масонства в Париже с другими странами известно столь мало.

«Я полагаю тем не менее, — заключает В. В. Лыщинский-Троекуров, — что в данном случае, благодаря бр.·. П. А. По-

ловцеву, русское масонство сделало несомненно большое дело» *[Вестник. 1964. № 13. С.3]*.

Предполагалось, что одним из русских масонских центров станет также Данциг. Еще 17 февраля 1922 г. представителем только образованной парижской ложи Астрея в Данциге и «соседних странах» был назначен В. А. Нагродский, но он пробыл в этом городе (находившемся под управлением Лиги наций) недолго. В 1924 г. попытки создать русскую масонскую группу или даже ложу в Данциге предпринимал В. Н. Скосырев, служивший в торговом предприятии (хотя в этом городе находился еще только один русский масон — А. А. Ильин, член берлинской ложи Великий Свет Севера, служащий конторы по импорту вин) *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.12. Л.242–244 об.]*. Немногочисленность русских масонов в Данциге и предопределила неудачу плана создания масонской мастерской.

С 1924–1925 гг. начинается активная работа парижских масонов в Белграде.

23 декабря 1924 г. к ложе Слога, Рад и Постоянство (Дружба, Труд и Постоянство) в Белграде присоединился масон Великого Востока Франции, известный филолог Е. В. Аничков. Затем в Белград переезжает профессор М. П. Чубинский, активный член парижской ложи Гермес. По его рекомендации 31 марта 1925 г. в одну из белградских лож посвящают его сына, А. М. Чубинского (по другим данным, это произошло в том же году еще в Гермесе), а 2 июня (в ложе Слога, Рад и Постоянство) — еще трех русских эмигрантов: профессоров Н. Н. Салтыкова и Л. Я. Таубера (близких знакомых Чубинского еще по Харькову) и генерал-майора В. В. Марушевского. Сложившаяся группа была объединена работой не только в названной сербской ложе, но и в югославском Союзе русских писателей и журналистов.

Вскоре масоны стали редакторами всех периодических изданий этого Союза. Лучшей монографией о русской литературной эмиграции в Югославии остается книга: Ђурић О. *Руска литерарна Срби а 1920—1941: (писци; кружаци и издања). Београд, 1990.*

В 1926 г. все перечисленные лица образовали русский кружок вольных каменщиков, 28 марта того же года получили разрешение на открытие самостоятельной ложи (она была названа в честь основателя русского масонства XX века Максима Ковалевского) и, вероятно, в сентябре начали работы. Это произошло одновременно с проведением в Белграде международного конгресса вольных каменщиков, в котором участвовали представители 20 послушаний, в том числе Великой Ложи и Великого Востока Франции. В русской эмиграции в Югославии, где позиции монархистов и даже черносотенцев были очень сильны *[См. в частности: Записка Кандаурова. Л.45]*, активно распространять идеи братства вольных каменщиков было очень сложно, поэтому число русских масонов росло медленно. Всего в Югославии было посвящено до начала Второй мировой войны около 26 русских эмигрантов.

Одним из центров посвящения оставалась ложа Слога, Рад и Постоянство, где, вероятно, были посвящены председатель Земгора в Югославии Ф. Е. Махин (1929 г.) и банковский служащий В. А. Чехов (1931 г.). Однако более значительную роль в «предварительной» масонской работе стала играть другая белградская ложа Побратим, к которой в конце 1925 г. присоединился М. П. Чубинский, вскоре ставший в ней оратором. В свою новую ложу М. П. Чубинский привлек крупного банковского служащего, бывшего харьковчанина А. Ю. Вегнера (1933 г.), адвоката В. И. Курилова (1927 г.), бывшего председателя Московской судебной палаты В. Н. Челищева (1928 г.); присоединился к ложе и Л. Я. Таубер. Работали русские вольные каменщики и в других югославских мастерских.

Ложа Максим Ковалевский входила в союз Великой Ложи сербов, хорватов и словенцев Югославия и, несмотря на свою немногочисленность (в 1929 г. в ней было всего 12 членов), приобрела значительное влияние. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1934—1937 гг. пост великого оратора югославского масонского союза занимал досточтимый мастер русской ложи М. П. Чубинский, а великого обрядоначальника — В. И. Курилов *[О масонстве в Югославии см.: Nepejć Z. D. Masoni u Jugoslaviji (1764—1980). Beograd, 1987. См. также списки лож, например: ЦХИДК. Ф.1412. Оп.1. Д.13318. Л.24; Д.13348. Л.42, 123 и др.]*.

К сожалению, документация ложи Максим Ковалевский почти не сохранилась, однако анализ состава ложи позволяет предположить, что она активно занималась рассмотрением социальных вопросов. В пользу подобного предположения говорит и былая принадлежность М. П. Чубинского к Великому Востоку народов России, и посвящение в ложу в 1931 г. руководителя русских учреждений в Югославии С. И. Верещака, его и Ф. Е. Махина сотрудничество в «Воле России» (примечательно, что редактор «Воли России» М. Л. Слоним после своего переезда в Париж стал работать не в русских ложах, а в югославской мастерской Генерал Пенье), и участие русских масонов в партизанском движении в годы Второй мировой войны, и даже ключевое положение масонов в русских организациях в Югославии. Если один из основателей Земгора в Югославии В. И. Лебедев и фактический руководитель русской эмиграции В. Н. Штрандман и не проявляли большой активности в сербских ложах, все же их влияние в русской колонии в Сербии трудно переоценить, и даже «пассивное» их членство в ложах облегчало работу русских масонов.

В середине 1930-х гг. ложа Максим Ковалевский, кажется, испытала внутренний кризис, поскольку в декабре 1934 г. из нее уходит Е. В. Аничков, а его ученик, поэт и литературовед

И. Н. Голенищев-Кутузов, возвратившийся в Югославию после учебы в Париже (там он стал членом русской ложи Юпитер), задумывает «организовать молодую русскую ложу в Белграде» и для нее приготавливает некоего Хомицкого *[Бахметевский архив. Коллекция А. В. Гольштейн. Письмо И. Н. Голенищева-Кутузова к Н. Н. Евреинову от 16 февраля 1935 г. (Цитируется по копии из собрания И. Ф. Голенищевой-Кутузовой)]*. Вероятно, отражением конфликта в ложе был имевший место в 1936 г. инцидент в Союзе русских писателей и журналистов в Югославии, когда М. П. Чубинский демонстративно покинул эту организацию в знак протеста против заявления И. Н. Голенищева-Кутузова о том, что монархисты ничего общего с литературой иметь не могут (бывший член ЦК Партии народной свободы, М. П. Чубинский возглавлял в Белграде отделение «правого» Русского национального комитета и редактировал монархический «Царский вестник»).

Вторая мировая война и последовавшие за ней события привели к тому, что в июле 1940 г. ложа Максим Ковалевский фактически прекратила свое существование. Судьба по-разному распорядилась русскими масонами в Белграде: И. Н. Голенищев-Кутузов возвратился в Россию, Ф. Е. Махин занял важные посты при диктатуре Тито, И. С. Свищев оказался в Америке, а М. П. Чубинский «ушел на Восток Вечный».

В 1927 г. (по разным сведениям — в мае или июне) по предварительному сношению с Парижем еще одна русская ложа Астрея была открыта в Египте, в Александрии. Мастерская была основана для работ на русском языке русскими эмигрантами и иностранцами, знавшими этот язык. Ложа работала по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу и входила в союз Великой Национальной Ложи Египта под № 312. В числе основателей ложи были хирург-дантист А. Скочинский (1-й страж), профессор восточных языков В. И. Харжевский (2-й страж) и судебный пристав А. Н. Вилькен (досточтимый мастер).

14 сентября 1927 г. Л. Д. Кандауров писал из Парижа в Лондон А. А. Лобанову-Ростовскому о русской ложе в Александрии: «В общем эта Л.·., по собранным мною данным, представляется мало интересной, один из больших, между прочими, ее недостатков заключается в том, что, имея в своей среде много прекрасных бр.·.бр.·., одушевленных лучшими моральными устремлениями, она весьма мало имеет членов солидно образованных вообще и вовсе не имеет образованных фф.·.мм.·. Общественное же положение членов ее не может идти ни в какое сравнение с таковым же русских бр.·.бр.·. в Лондоне или Париже. Лишь несколько человек принадлежат хотя бы к тому кругу, который мы все заняли даже по нашим эмигрантским обстоятельствам» *[ЛА]*.

Вся работа в ложе держалась на А. Н. Вилькене, и после его кончины от рака печени в 1929 г. мастерская постепенно теряет свое «русское» лицо. Наиболее активные члены ложи к 1930 г. покидают Александрию: уезжает в Каир В. И. Харжевский — один из немногих масонов высших степеней в Египте (18-я степень в 1930 г.), недолгое время после кончины А. Н. Вилькена бывший досточтимым мастером ложи; в Монтевидео — секретарь ложи М. Н. Хаенко. В 1930 г. (и по 1932 г.) досточтимым мастером александрийской Астреи становится инженер сельского хозяйства Н. Альшевский, последний русский член ложи, первым стражем избирается армянин, а вторым стражем англичанин. Ложа уже была не в состоянии работать на русском языке, поскольку многие ее члены не понимали его. Так закончился «русский период» ложи. В 1931 г. в ложе остается лишь десять человек, а к 1935 г. она переходит к работам на английском языке и теряет всякую связь с русским масонством. Попытки В. И. Харжевского вместо александрийской ложи создать русскую мастерскую в Каире также не дают результата *[См.: GLdF. № 500]*.

В 1929—1931 гг. русские братья жили также в Шанхае, Японии, Баден-Бадене, Мариенбаде, Кишиневе, Тегеране, Гавре и т. д., однако они не играли никакой роли в развитии масонства *[См.: ЦХИДК. Ф.111. Оп.1. Д.459; Ф.730. Оп.1. Д.172. Л.45]*. На юге Франции, в Ницце, в 1929 г. работал масонский кружок. Обязанности секретаря в нем исполнял А. Б. Волгин, принимали участие А. Д. Лаврентьев (член берлинской ложи Великий Свет Севера) и Г. И. Петкович *[См.: Там же. Д.38. Л.27]*. В последующие же годы отдельные российские вольные каменщики оказывались практически во всех уголках мира, вплоть до Конго и Таити, но это «рассеяние», как правило, было вне центров русской эмиграции. Неудачными оказались и попытки установить контакты с эмиграцией в Китае: русские масоны в ложе Свет Востока в Шанхае принадлежали к «регулярной» ветви Ордена вольных каменщиков, а связи русских в Харбине с создававшимся в Париже Верховным Советом Шотландского Устава для России ограничились одним письмом *[См.: Там же. Ф.111. Оп.1. Д.664. Л.9]*.

Ситуация несколько изменилась к 1935 г. В это время в Румынии активно работал по созданию русской ложи В. М. Лиссим *[См.: GLdF. № 500]*, но главные надежды оказались связанными с новым центром русской эмиграции в Южной Америке.

В 1935 г., выступая на торжественном собрании объединения русских лож Великой Ложи Франции, Л. Д. Кандауров говорил, что «в ближайшем будущем ожидается открытие русской ложи в Буэнос-Айресе, а затем, вероятно, в Перу и в Экуадоре» *[Протокол торжественного собрания объединения лож В.·. Л.·. Ф.·., работающих на русском языке <...> 7 июля 1935 года // ЛА]*. Действительно, к 1935 г. в Буэнос-Айресе оказываются русские парижские масоны кн. П. А. Мещерский (долгие годы он был представителем толстовского фонда в Аргентине), Н. Н. Мишковский и Н. В. Страхович-Лаврецкий, живет там также один из первых членов Астреи П. И. Кугушев, а главное — активно работает

по созданию ложи бывший секретарь александрийской Астреи М. Н. Хаенко. Надежды на Эквадор были, скорее всего, связаны с жившим там и работавшим в местных ложах в 1929—1935 гг. журналистом А. П. Брагиным. В дополнение к перечисленным Л. Д. Кандауровым латиноамериканским странам можно назвать еще Чили, где жил известный экономист и член Юпитера Б. Е. Шацкий, и Мексику, где в местных ложах проявил свою кипучую энергию член Гермеса З. Г. Ашкинази (быстрое обогащение и связи со всеми мексиканскими политиками позволяли ему строить самые, на первый взгляд, невероятные проекты). Однако о дальнейшем развитии русского масонства в Южной Америке нет никаких данных.

Общее число эмигрантов из России составляло около 3 миллионов человек. О распределении русских беженцев по странам см.: *Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20—30-е годы). М., 1995. С.18—19; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994. С.262.* Наблюдается та интересная закономерность, что русские эмигранты смогли образовать масонские ложи лишь в странах с наибольшим числом российских беженцев (на 1926 г.: Германия — около 400 тысяч, Франция — около 400 тысяч, Югославия — 38 тысяч). В европейских государствах, где численность эмигрантов была меньшей, попытки образования русских лож оказались неудачными (Болгария, Великобритания, Польша, Румыния и др.).

* * *

Все вышеперечисленные группы и ложи были связаны с Парижем и ориентировались на французское масонство, однако более значителен был вклад в развитие Ордена вольных каменщиков русских групп, связанных с «регулярным» масонством Англии и Германии. Обратимся первоначально к рассмотрению русско-немецкого масонства.

В 1904 г. на службу в Россию приезжает немецкий дипломат Юлий-Генрих-Эрвин Германн (1859—1925). Вскоре по приезде

он предпринимает первую попытку организации ложи в России. В петербургской гостинице «Англетер» Ю.-Г.-Э. Германн собрал небольшую группу, состоявшую преимущественно из иностранцев, и сделал доклад, в котором изложил основные сведения о масонстве. На первой встрече присутствовало 13 человек, из которых 12 уже были масонами. Однако этой встречей в «Англетере» и ограничилась первая попытка. Принадлежность масонов к различным иностранным масонским послушаниям, вероятно, послужила главной причиной неудачи *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.15. Л.56]*.

События революции 1905—1907 гг., годы реакции и Первой мировой войны препятствовали созданию иностранной ложи в Петербурге, которое вызвало бы неизбежные дипломатические осложнения. Лишь после 1917 г. и заключения Брестского мира, когда Германия перестала быть олицетворением страны-врага, вновь сложились условия, которые позволили возобновить масонскую пропаганду. В том же «Англетере» под руководством Ю.-Г.-Э. Германна начинает собираться масонский кружок, заседания которого посещают до 40 человек.

Проявленный масонами интерес к совместным встречам, проводившимся на немецком языке, позволил 16 июня 1918 г. образовать общество Друзей масонства, а на его основе 24 июля 1918 г. официально создать кружок, получивший название Под восходящим солнцем на берегах Невы. Вскоре, 8 сентября 1918 г., он был признан как законное учреждение ложей Am Berge der Schönheit и ложей-матерью Zu den drei Weltkugeln. Регистрация кружка, подчиненного одной из берлинских лож, позволила не только встречаться масонам-иностранцам, но и вести конкретную работу среди российских подданных. Для более активного воздействия на русских граждан в том же сентябре 1918 г. кружок был разделен на два отделения со своими председателями, секретарями и казначеями. Во главе русского отделения встал Александр Порфирьевич Веретенников (1870—1936), член «филалетской» ложи Карма. Вероятно, предполагалось просто регуляризиро-

вать русских членов Ордена Рыцарей Филалет и создать таким образом структуру масонства в России. Были и желающие получить масонское посвящение, например, помощник директора одного из страховых обществ Э. А. Вегнер, однако сделать это было невозможно, так как ложа при германской миссии в России не была инсталлирована.

Быстрое развитие немецкого масонства в России столь же стремительно было прекращено. Осенью 1918 г. Ю.-Г.-Э. Германн из-за болезни был вынужден отказаться от дипломатической службы в России и возвратиться в Германию *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.15. Л.57]*. К А. П. Веретенникову переходит руководство обоими отделениями кружка, но работы его постепенно прекращаются. В 1919 г. из-за большевистских преследований кружок был закрыт, а А. П. Веретенников уехал в Копенгаген.

Во время краткого пребывания в Дании А. П. Веретенников регуляризировался как масон в одной из местных лож, а вскоре переехал в Берлин. В Германии он как человек, имеющий опыт административной работы, сразу же стал заместителем начальника русской делегации (Офиса русских беженцев) в Берлине С. Д. Боткина *[См. «личное» масонское дело А. П. Веретенникова: Там же. Д.38]*.

Таким образом, в Берлине в среде русской эмиграции сложилась ситуация, аналогичная парижской, — деятельным масоном становится один из руководителей русских «беженских» (бывших дипломатических) учреждений (в Париже это В. А. Маклаков и Л. Д. Кандауров, в Берлине — А. П. Веретенников). Вольно или невольно такой человек оказывается не только в курсе проблем и забот русских эмигрантов, но и лично знакомится с большинством беженцев.

К апрелю 1920 г. возникла возможность реализовать принятое еще в 1918 г. решение о создании русской ложи — с той разницей, что местом ее инсталляции стал не Петроград, а Берлин. 7 апреля 1920 г. в ресторане «Санта Барбара» на Кайзер

Аллее, дом 211, собралась группа связанных с Россией масонов, которая решила образовать первоначально кружок, а в будущем и ложу. Это стало возможным благодаря тому, что досточтимым мастером ложи Три Лилии (Zu den drei Lilien) в это время был все тот же Ю.-Г.-Э. Германн. Он гарантировал А. П. Веретенникову, что все русские кандидаты будут проходить посвящение в руководимой им ложе и что немецкие братья окажут всестороннюю помощь русским масонам.

Членами-основателями Объединения русских масонов в Вильмерсдорфе (пригороде Берлина, где находилось помещение ложи Три Лилии) стали преимущественно члены немецкой ложи; сын Ю.-Г.-Э. Германна Эрнест был выбран заместителем председателя, сам немецкий дипломат занял пост казначея, чтобы заниматься сбором средств для помощи русским братьям, а А. П. Веретенникову после первых же заседаний были переданы полномочия руководителя. Нашлись в Берлине и другие масоны, связанные с Россией и уже прошедшие через инициацию за рубежом. На первых порах ближайшими помощниками А. П. Веретенникова стали В. Ю. Давид (заместитель председателя), композитор А. К. Элухен (секретарь) и русский консул в Варне Н. И. Свешников.

Группа стала регулярно собираться в ресторане «Санта Барбара» и при ложе Три Лилии. Началась работа по созданию будущей русской мастерской, основная тяжесть которой легла на А. П. Веретенникова. Именно он стал набирать кандидатов в члены объединения, обеспечивать их посвящение и продвижение по степеням в масонстве, находить в среде немецких масонов людей, интересующихся Россией, привлекать их к работе группы. По рекомендации А. П. Веретенникова начинается посвящение русских «профанов» в масонство в ложе Три Лилии: 18 января 1920 г. был принят Г. Ф. Гессе, 14 мая — генерал артиллерии Н. Н. Никифоров, 10 декабря 1920 г. — подпрапорщик артиллерии

В. С. Лобанов, 25 ноября 1921 г. — директор банка А. Ф. Жилкин, 24 февраля 1922 г. — композитор А. А. Давидов и адвокат А. Д. Лаврентьев. Происходит и постепенная подготовка новых русских масонов к исполнению офицерских обязанностей в ложе — Н. Н. Никифоров становится казначеем Объединения, а А. Ф. Жилкин 1-м стражем (надзирателем). В объединении начинают активно работать не только члены Трех Лилий, например, американский масон, бывший шведский консул в Омске и банкир Э. К. Штиглиц или член мастерской Виктория в Берлине, нидерландский консул В. Г. Гофман де-Мерваль.

В 1921 г. А. П. Веретенников знакомится с одним из руководителей лож союза Великого Востока Франции в России М. С. Маргулиесом, который также входит в объединение и становится ближайшим помощником председателя по организации русской ложи *[О работе объединения см.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.3. Л.1–5]*.

16 января 1922 г. (через день после парижской Астреи), когда в Берлине появилось необходимое для открытия ложи количество русских мастеров-масонов, было решено торжественно инсталлировать новую мастерскую в здании Провинциальной Великой Ложи Гамбурга, в доме 12/13 по улице Элизер в Вильмерсдорфе (впоследствии ложа перенесла место своих заседаний на Шплиттгерберштрассе, 3). При помощи членов ложи Три лилии русская мастерская была открыта и получила название Великий Свет Севера.

Архив ложи Великий Свет Севера *(ЦХИДК. Ф.729)* представляет собой уникальное собрание документов, дающее представление о ведении документации лож в целом, поскольку (единственный из всех архивов) он дошел до нас полностью. Это произошло благодаря тому, что при посвящении каждый масон писал обязательство в случае исключения возвратить все полученные вещи и документы в ложу.

Подобное же распоряжение на случай смерти давалось и наследникам, причем это обязательство распространялось и на все книги, личные письма, заметки и т. п. по масонскому вопросу. См., например: *ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.68. Л.8.*

На первых выборах в ложе ключевые офицерские должности в мастерской заняли: мастер стула — Ю.-Г.-Э. Германн, его 1-й заместитель — А. П. Веретенников, 2-й — Э. К. Штиглиц, 1-й надзиратель — В. Г. Гофман де-Мерваль, 2-й надзиратель — А. К. Мельгузен, оратор и приготовитель — М. С. Маргулиес, казначей — Н. Н. Никифоров, обрядоначальник — А. К. Элухен. Особенностью ложи было то, что в ней избирали двух заместителей досточтимого мастера для предполагаемых работ «отделений» (русского и немецкого) *[См.: Там же. Д.2. Л.150; Д.3. Л.5 об. — 6]*.

Первый год работы ложи был преимущественно посвящен привлечению новых масонов. В их числе оказались секретарь русской организации по защите беженцев Б. В. Андреев, инженер В. В. Зенгер, директор транспортного предприятия В. В. Короленко, банкир Г. Н. Левинсон, торговец А. Ф. Роде, бывший нижегородский и московский масон С. Г. Поляк, контр-адмирал С. А. Посохов, бывший офицер В. Н. Скосырев, литератор и издатель С. А. Соколов (Кречетов), механик А. Т. Сорокин, председатель Земско-городского союза в Берлине А. С. Хрипунов, оперный певец Л. М. Френкель, служащий организации по защите интересов русских беженцев А. Н. Шерфер, бизнесмен Е. А. Эйссенгард и др.

Уже первые присоединения к ложе значительно усилили ее состав и предопределили тесные контакты (через С. А. Посохова и С. А. Соколова) с русскими масонами в Париже. Именно из французской столицы Л. Д. Кандауровым была рекомендована для предполагаемой женской ложи в Берлине Л. В. Толмачева.

Процедура принятия в Берлине, в первую очередь, опрос «профанов», была упрощена (по сравнению с Парижем), что позволяло принимать в мастерскую лиц разных политических взглядов и социального положения. Это имело как положительные, так и отрицательные стороны и приводило к возникновению конфликтов уже внутри ложи.

Как уже упоминалось, активную роль при первых шагах русского масонства в Берлине играл М. С. Маргулиес. Вероятно, именно он стал инициатором приглашения в ложу в качестве посетителя (12 апреля 1922 г.) писателя Вас. Ив. Немировича-Данченко, а также попытки привлечения в ложу масонов, которые жили или временно находились в Берлине: профессора Е. М. Кулишера, барона Ф. Р. Штейгеля, писателя М. А. Алданова. Бывший лидер лож Великого Востока Франции в России подбирал и кандидатов к посвящению, в их числе были присяжные поверенные Б. Л. Гершун, В. Л. Горн, В. А. Авраамов, барон Б. Л. Штейнгель *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.2. Л.127–127 об.]*. Если бы планам М. С. Маргулиеса суждено было сбыться, то несомненно, что ложа стала бы походить на мастерские Великого Востока Франции в проведении «левой» социально-политической пропаганды, однако этого не произошло.

В 1922 г. в ложе (по предложению парижского масона В. Н. Бухало) был представлен к посвящению Али-Риза Гурский, учащийся на стипендии ИМКА в Берлинском университете. Кандидат вызвал у масонов Великого Света Севера серьезные возражения, что привело к конфликту М. С. Маргулиеса с ложей. Последний расценил отклонение кандидатуры Гурского как нежелание принимать в ряды мастерской мусульманина, что, конечно же, не могло согласовываться с представлениями М. С. Маргулиеса о масонстве. В знак протеста оратор берлинской русской ложи 26 апреля 1922 г. отказывается от занятия офицерских должностей в мастерской, а в июне выходит из ложи.

Это было первой серьезной потерей русских масонов в Берлине, поскольку (после А. П. Веретенникова) М. С. Маргулиес был наиболее деятельным создателем ложи. Практически этот конфликт устранил от активного участия в ложе и С. Г. Поляка как бывшего масона Великого Востока Франции. Фактическая замена в ложе М. С. Маргулиеса и С. Г. Поляка С. А. Соколовым и А. С. Хрипуновым (сторонниками русской «национальной» политики) говорила о том, что в ложе начался постепенный переход на позиции, близкие консервативному немецкому масонству.

Острой проблемой для ложи (особенно из-за тяжелого экономического положения в Германии) был финансовый вопрос, который постоянно требовал решения *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.17. Л.50]*. Для этого А. П. Веретенниковым в январе 1923 г. был создан особый фонд из пожертвований (затем он был назван в его честь), который должен был обеспечить независимое существование ложи. Каждый член мастерской вносил в фонд посильную денежную сумму; от Э. К. Штиглица поступило 25 тысяч марок, от С. Г. Поляка — 20, остальные же пожертвовали до 15 тысяч марок, что позволило собрать 184 тысячи марок *[См.: Там же. Д.40. Л.48]*. Финансовая помощь ложе Великий Свет Севера в размере тысячи франков была передана в Берлин через Л. Д. Кандаурова от русских масонов в Париже *[См.: Там же. Д.12. Л.48]*, поступали пожертвования «для привлечения» новых членов и от русских вольных каменщиков в Лондоне *[ЛА]*. Впоследствии был создан еще один фонд, получивший имя своего основателя К. А. Габихта *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.39]*; всего в этот фонд было собрано 684 тысячи марок, из них 100 тысяч предоставил А. Ф. Роде, 144 — Э. К. Штиглиц, а остальные члены ложи от 10 до 50 тысяч.

В сборе денежных средств ложа выказывала свое единство, но идейные споры в ней проявлялись довольно резко. Длительный конфликт в ложе Великий Свет Севера был связан с личностью

Э. К. Штиглица. Противоречия между А. П. Веретенниковым и Э. К. Штиглицем возникли еще во время работы в объединении русских масонов и приобрели особую остроту в середине 1923 г. А. П. Веретенников в резкой форме выступил против Э. К. Штиглица и заявил, что тот, как американский масон, вообще не может быть членом ложи. 5 июля 1923 г., несмотря на подобное выступление основателя русской мастерской в Берлине, Э. К. Штиглиц отказался выходить из американской ложи, хотя и был вынужден покинуть пост заместителя досточтимого мастера ложи Великий Свет Севера *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.3. Л.7]*.

Однако события имели и свое продолжение. Неожиданно для всех братьев А. П. Веретенников осенью 1923 г. уезжает в Париж *[Там же. Д.4. Л.8]*, где присоединяется к русской ложе Астрея. Так ложа, вслед за М. С. Маргулиесом, потеряла своего основателя. Ситуация в мастерской решительно изменяется, ее постепенный переход на позиции политического консерватизма становится отчетливым. 10 октября 1923 г. происходит избрание А. А. Давидова 1-м, а А. Д. Лаврентьева 2-м заместителем досточтимого мастера. Конфликт Э. К. Штиглица и А. П. Веретенникова между тем продолжается уже заочно, поскольку в тот же день Э. К. Штиглица избирают почетным мастером ложи, а 14 ноября 1923 г. в знак протеста это звание слагает с себя А. П. Веретенников.

Приблизительно в это же время Э. К. Штиглиц упомянул на банкете о страдающих братьях на Рейне и в Руре, не сказав ничего о бедах России. А. Д. Лаврентьев и большинство русских братьев сочли подобное упущение оскорбительным и подали на Э. К. Штиглица в суд чести. Хотя суд чести и не усмотрел ничего предосудительного в речи Э. К. Штиглица *[См.: Там же. Д.11. Л.283]*, конфликт продолжался.

12 февраля 1925 г. А. С. Хрипунов, один из активных приверженцев «русской партии» в ложе, направил А. Д. Лаврентьеву

письмо, в котором заявил, что поскольку американский масон полгода не посещает заседаний, постольку он не может и занимать в ложе офицерских должностей *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.12. Л.80]*. В ответ на свое смещение с поста 2-го заместителя досточтимого мастера Э. К. Штиглиц пишет письмо в руководящие масонские инстанции в Германии. Русские масоны, возмущенные поведением американского вольного каменщика, через С. А. Соколова обращаются с ответной жалобой *[См.: Там же. Д.15. Д.65]*.

Не занимаясь подробным пересказом всех перипетий конфликта, скажем лишь, что частичное разрешение его последовало летом 1925 г., когда ложа-матерь приняла решение о недопустимости одновременной принадлежности к германскому и любому другому иностранному масонскому послушанию (ложи последних разрешено было только посещать) *[См.: Там же. Д.17. Л.46–47]*.

За личной борьбой в ложе, вероятно, стояли серьезные идейные разногласия. Примечательно, что противники Э. К. Штиглица боролись за «национальный дух <...> *русской* России» *[Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923. Париж, 1983. С.223]*.

Формальная победа «русской партии» в берлинской ложе и постепенное отстранение Э. К. Штиглица от руководства в мастерской, однако, отрицательно сказались на работе ложи, в которой терпимость перестала быть нормой. «Русской партией» было и потеряно несколько важных постов, например, А. А. Давидов был вынужден отказаться от поста 1-го заместителя досточтимого мастера, а Н. Н. Никифоров (считавший, что Штиглиц должен вообще уйти из ложи) ушел с поста 1-го надзирателя ложи *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.76]*.

Работы ложи Великий Свет Севера, конечно же, не могли ограничиваться спорами между членами мастерской. В 1923–1924 гг. ложа продолжала активную посвятительную работу.

В условиях «кризиса современного миропонимания» (этому был посвящен один из ключевых докладов в ложе 27 февраля 1924 г.) ложа была усилена новыми членами. В Великий Свет Севера вступают служащий экспертной конторы Э. А. Вегнер, купец А. А. Занвальд, присяжный поверенный И. В. Авдиев, генерал-майор Ф. С. Марков, лейтенант флота В. А. Янушевский, журналист В. Е. Татаринов, земский деятель М. А. Нарожницкий, известный промышленник Я. С. Прохоров, писатель И. С. Лукаш.

К 1924 г. складываются и постоянные «международные» контакты ложи. Во-первых, это Париж, куда постепенно переезжали на жительство члены ложи, например, П. А. Соколов, В. П. Свободин, Г. Н. Левинсон, Ф. С. Марков, А. А. Бобринский, В. Е. Татаринов, И. В. Авдиев, А. А. Морской и другие. Установлению дружеских связей между русскими масонами способствовало постоянное посещение ложи Великий Свет Севера «парижанами»: в середине 1920-х гг. ее гостями были С. О. Витт, А. А. Волков, Л. Д. Кандауров, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. Р. Титце и другие. Судя по письмам Л. Д. Кандаурова в Лондон *[ЛА]*, существовало и негласное соглашение между руководствами масонских союзов Германии и Франции о том, что в Германии не будет создаваться русская структура высших степеней масонства (о чем, впрочем, рядовые члены ложи Великий Свет Севера могли и не подозревать).

Другим постоянным «партнером» берлинской русской ложи была Дания. В первые годы после 1917 г. в ложе Космос в Гельзингере были посвящены Д. М. Казанджиев и А. К. Элухен, можно вспомнить и о регуляризации в Копенгагене А. П. Веретенникова. В 1924 г. в столице Дании капитаном 1-го ранга, масоном Л. В. Вахтиным была создана русская масонская группа, при помощи Великого Света Севера планировалось и создание в Копенгагене русской ложи *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.12. Л.239]*.

Связи Н. И. Свешникова в Болгарии помогли, вероятно, установлению тесных контактов с масонами этой страны. Они были закреплены А. Ф. Жилкиным (фактическим руководителем русской берлинской ложи после А. П. Веретенникова) и капитаном дальнего плавания Д. М. Ивановым (также членом Великого Света Севера), которые жили в Варне *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.9. Л.102; Д.15. Л.7]*.

Великая ложа Болгарии начала свои практические работы в 1928 г. под руководством П. И. Мидилева. В этот союз входило 8 лож и 400 членов. См.: *Combes A. Les relations maçonniques internationales (1877–1940) // Humanisme. Revue des Francs-Maçons du Grand Orient de France. Juin 1947. № 216. S.97.*

После переезда А. Ф. Жилкина в Софию связи становятся постоянными. Почетными членами берлинской мастерской избираются руководители болгарского масонства К. Д. Грынчаров и П. И. Мидилев; по рекомендации А. Ф. Жилкина в русскую ложу начинают обращаться все болгарские масоны, оказавшиеся в Берлине *[См.: Там же. Д.19. Л.211–216]*. Однако реальная работа по созданию русской масонской группы в Софии велась не берлинскими масонами, а неким Дубягским в 1935 г.

Связи с Лондоном, несмотря на идейную близость германского и английского масонства, были непрочными, известно лишь о присылке Б. В. Телепневым из Лондона в ложу Великий Свет Севера брошюры по истории масонства *[См.: Там же. Д.9. Л.52]*.

«Зодческие работы» ложи Великий Свет Севера в 1924–1927 гг. зачитывались преимущественно на русском языке, в их тематике сочетались вопросы о современном положении в мире с чисто масонскими проблемами *[См.: Там же. Д.4]*: «Современные взгляды на строение мировой материи» (12 ноября 1924 г.), «Восстание против цивилизации и отношение к нему масонства» (19 ноября 1924 г.), «Об организации и работе масонства в России до

революции» (10 декабря 1924 г.), «О Евразийстве» (14 января 1925 г.), «Унификация в области промышленности и индивидуализм» (28 января 1925), «Историко-философское обоснование русской революции» (4 февраля 1925 г.), «Задачи русского масонства в эмиграции» (18 февраля 1925 г. *[Текст этого доклада см.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.13. Л.82–106]*), «Гёте как масон» (25 марта 1925 г.), «Черты из жизни императора Петра I» (1 апреля 1925 г.), «Об эгейской культуре» (8 апреля 1925 г.), «Тайна Хеопсовой пирамиды» (29 апреля 1925 г.), «О путях экономического восстановления России» (обсуждение доклада ложи Гермес в Париже, 13 мая 1925 г.), «О значении числа 3» (3 июня 1925 г.). Это перечисление можно продолжать долго, одно несомненно — ложа занималась плодотворной масонской работой. Во многом успех работ объяснялся устойчивостью офицерского состава ложи в 1924–1927 гг. Бессменным досточтимым мастером был А. Д. Лаврентьев, место оратора занимал преимущественно С. А. Соколов, первым заместителем досточтимого мастера был А. К. Элухен, первым надзирателем — А. Ф. Жилкин, а после его отъезда в Болгарию — Я. С. Прохоров.

Однако были в ложе и свои сложности. Например, 16 декабря 1925 г. мастерами ложи было принято решение о необходимости присутствия на всех заседаниях, поскольку ритуальные работы стало трудно проводить из-за отсутствия «кворума» мастеров и малочисленности собраний *[См.: Там же. Д.17. Л.46]*. Действительно, «отток» из ложи происходил быстрее, чем процесс привлечения новых членов. Главной причиной этого был не низкий уровень работ ложи, а условия германской жизни, которые заставляли русских эмигрантов искать убежища в других странах. Из «новых» лиц, которые действительно активно включились в жизнь ложи в 1924–1927 гг., следует назвать торговца Э. М. Лоренца, видного экономиста А. М. Мелких, инженеров

Д. К. Рёсслейна и Э. А. Серка, особоуполномоченного Российского общества Красного Креста, бывшего председателя Московской уездной земской управы, председателя Земско-городского союза в Берлине Ф. В. Шлиппе, бизнесмена М. Г. Штейнмейера и механика Н. В. Яцука, бывшего (в 1919 г. в Севастополе) члена «Южного Братства Розы и Креста». Перечисленные берлинские вольные каменщики, вместе с М. А. Нарожницким, С. А. Соколовым и В. Е. Татариновым, становятся костяком «работающей» группы, которая постоянно готовит новые доклады и обсуждения.

Кризис в ложе наступает в конце 1927 — начале 1928 гг. Досточтимый мастер русской мастерской в Берлине, присяжный поверенный А. Д. Лаврентьев решает покинуть Германию и обращается к А. К. Элухену с просьбой взять на себя руководство ложей *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.2. Л.1]*. Отъезд руководителя ложи заставил задуматься о существовании русской мастерской вообще *[См.: Там же. Д.17]*, поскольку большинство «действительных» членов к рубежу 1927—1928 гг. оказалось «иностранными» братьями. Существование двух «отделений» в ложе при явном доминировании работ на русском языке становится уже невозможным.

Ложа Великий Свет Севера принимает в этих условиях трудное для русских братьев решение об изменении характера работ. Следствием стало фактическое слияние русского и немецкого отделений ложи, переход к постоянным работам на немецком языке одновременно с немецкими ложами. Практика совместных работ не могла не сказаться на тематике докладов в ложе. Уходят в прошлое все сообщения о положении в России, «социальная» тематика, их место занимают вопросы о современном положении масонства в мире, о русско-немецких масонских связях в XVIII в., христианское богословие, рассмотрение символики, мистических течений, ритуала. Уже не правилом, а исключением становятся доклады на русском языке, в которых бы поднимались проблемы

«Идеализма и материализма» (А. К. Элухен, 5 марта 1929 г.) или «Масонства и политики» (В. Е. Татаринов, 3 ноября 1928 г.) *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.21].*

Приблизительно в это время, в ответ на неуклонное сокращение числа русских братьев в берлинской ложе, она предпринимает попытку коренным образом изменить ситуацию. Для этого была типографским способом отпечатана записка для «профанов»: «Русская Ложа Северного Устава», в которой определялись цели и задачи русского масонства. Общий вывод работы звучал следующим образом: «В будущей России Русское организованное Масонство, являясь носителем начал культурной эволюции и разумной гражданской свободы, будет в то же время национальным, религиозно настроенным и государственно-мыслящим» *[Русская Ложа Северного Устава. Б.м., б.г. С.10].*

Надежды на успех брошюры и последующий рост числа русских братьев оказались призрачными; однако подобное положение вещей объясняется общей ситуацией в Германии, а не уровнем масонской пропаганды.

Не останавливаясь подробно на общественно-политической жизни русской эмиграции в Германии, в которой принимали активное участие и масоны, отсылаем читателя к книге: *Volkmann H.-E. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg. 1966.* Данная работа написана преимущественно на основе politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Bonn). О различных политических группах русской эмиграции в Германии см.: *Williams R. C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany, 1881–1941. Ithaca; London, 1972.*

Продолжающийся отъезд из Германии ряда русских братьев, стоявших у истоков ложи Великий Свет Севера, потребовал перегруппировки офицерского состава мастерской. В 1927–1931 гг. на ключевых постах ложи находились: А. К. Элухен — досточтимый мастер, С. А. Соколов — 1-й заместитель досточтимого

мастера, Я. С. Прохоров — 1-й надзиратель, В. Е. Татаринов — оратор.

Число масонов в русской ложе в Берлине продолжало сокращаться; в 1929—1930 гг. было решено исключить из списков всех, кто продолжал лишь числиться в ложе (в их числе был и А. П. Веретенников). Новых же братьев в русской мастерской почти не было, следует упомянуть лишь бывшего земского деятеля и владельца кондитерской В. И. Полетику, заведующего коммерческой частью газеты «Руль» Е. Л. Кумминга и выпускника Высшей технической школы С. В. Орловского.

Постепенное свертывание деятельности русской ложи Великий Свет Севера сказалось и на масонстве русских высших степеней в Германии. Обычно в 4-ю (и другие высшие степени) русских масонов посвящали в ложе-матери Трех Глобусов. Там прошли через посвящение в высшие степени в 1923 г. А. П. Веретенников, А. К. Мельгузен, Н. Н. Никифоров, А. А. Давидов, А. К. Элухен, в 1924 г. — А. Ф. Жилкин, К. А. Крузенштерн, С. А. Соколов и А. С. Хрипунов. Однако затем работа по формированию русских высших степеней в Берлине была приостановлена (после 1924 г. в высшие степени был принят лишь В. Е. Татаринов), что не могло не ослабить влияния российского масонства в Германии.

Обвинения в антихристианстве, нацистская пропаганда «теории» жидо-масонского заговора потребовала ответных шагов со стороны немецких масонов. Они не только подчеркнуто демонстративно заявляли о своем неприятии других религий, но и выступили с рядом протестов. Например, 24 марта 1929 г. ложа Трех Глобусов официально заявила о необходимости борьбы с преследованиями религии в советской России. Конечно же, протест был полностью поддержан русскими масонами в Берлине, которые предлагали и парижской ложе Астрея выступить с подобным заявлением *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.41. Л.2]*.

В уже упоминавшейся брошюре «Русская Ложа Северного Устава» также подчеркивался национальный и христианский характер масонства.

Однако атмосфера недоверия в обществе потребовала пойти на сокращение работ, вместо заседаний каждую среду ложа Великий Свет Севера (с 18 сентября 1931 г.) стала проводить собрания два раза в месяц.

Серьезной потерей был уход из мастерской С. А. Соколова (10 марта 1932 г.). Сам литератор объяснил свое решение тем, что сведения о его участии в ложах просочились в печать, и тем, что усилия масонства по борьбе с «красной угрозой» недостаточны.

Прекращение деятельности русских масонов в Берлине было непосредственно связано с установлением фашистского правления в Германии. В январе 1933 г. ложа Великий Свет Севера «в знак протеста против попытки» своей Великой Ложи «занять примирительную позицию по отношению к расизму» приостановила свои работы *[РВК. 1946. № 1. С.21]*.

Ложа-мать Трех Глобусов была переименована в Национальный христианский Орден Фридриха Великого, а Великая Ложа вольных каменщиков Германии в Германский христианский Орден храмовников. См.: *Последние новости. 1933. 18 августа. № 4531. С.2.*

С приходом фашистов к власти стало ясно, что двухвековая традиция Ордена вольных каменщиков в Германии будет прервана. В марте 1933 г. ложи заявили протест в Министерство внутренних дел по поводу распространения слухов о связи масонства и коммунизма, но этот шаг лишь ускорил выход братьев из лож *[См.: ЦХИДК. Ф.729. Оп.1. Д.29. Л.12]*. 10 апреля 1933 г. ложа Великий Свет Севера официально заявила о прекращении работ, а 19 октября 1935 г. все ложи в Германии были закрыты. Возродиться русское масонство в Германии уже не смогло.

* * *

Русское масонство в Великобритании в XX веке ведет свою историю с 16 марта 1916 г., когда в ложе Harmony № 600 в Брэдфорде был посвящен Борис Васильевич Телепнев, представитель московского торгового дома Алексеевых в Англии. Русский масон проходил «обычный» путь английского вольного каменщика, был возведен в степень Королевской Арки в брэдфордском капитуле и принят в розенкрейцерское общество. К 1923 г. Б. В. Телепнев становится членом лож Aldwych Club № 3794 и знаменитой Quatuor Coronati № 2076 в Лондоне. Лишь 4 января 1922 г. Б. В. Телепнев привлекает в ложу Aldwych Club своего друга и сослуживца Б. В. Иванова.

Последний, во время поездки в 1923 г. в Париж, знакомится с лидером русских масонов Л. Д. Кандауровым, что позволяет установить контакты между двумя центрами эмиграции. Тогда же начинается и переписка между русскими масонами, которая предоставляет основной материал по истории русского масонства в Англии.

В дальнейшем вся переписка цитируется по подлинникам и машинописным копиям, которые находятся в *ЛА*.

Личная встреча Б. В. Иванова с Л. Д. Кандауровым произвела на первого большое впечатление, а главное — русские масоны в Англии осознали, что необходимо вести активную посвятительную работу в среде беженцев ради будущего Ордена вольных каменщиков в России. Уже в мае 1923 г. намечаются и первые русские кандидаты к посвящению. Предполагалось, что отбор новых русских кандидатов будет производиться Б. В. Телепневым и Б. В. Ивановым совместно с парижскими масонами А. А. Мордвиновым и А. А. Бобринским, которые часто бывали в Лондоне.

Новый импульс развитию русского масонства в Англии был дан в 1924 г., когда в Лондон переехал бывший русский офицер и служащий страхового общества Андрей Анатольевич Лобанов-Ростовский. Л. Д. Кандауров считал, что этот парижский масон сможет не только усилить работы русских масонов в Лондоне, но, возможно, и возглавит их, а потому обеспечивал А. А. Лобанову-Ростовскому быстрое продвижение в масонской иерархии степеней (7 июня 1924 г. в капитуле Астрея А. А. Лобанов-Ростовский был возведен в 18-ю степень).

В июне 1924 г. «Телепнев поднимает вопрос о составлении русской ложи», поскольку «составляется кворум русских в Лондоне». Действительно, кроме Б. В. Телепнева и Б. В. Иванова в первой половине 1924 г. в масонство были посвящены родной брат А. А. Лобанова-Ростовского — Константин, бывший российский вице-консул Э. Э. Гамбс, министр иностранных дел в правительстве А. В. Колчака И. И. Сукин и бывший работник русского посольства в Лондоне Солдатенков.

Кроме этих шести масонов, в Англии находился и бывший русский генеральный консул в Калькутте Л. Х. Ревелиотти, посвященный в ложе «английской конституции» в Канре не позднее 1910 г. (любопытный рассказ Л. Х. Ревелиотти об участии в «регулярном» английском масонстве в Египте и Индии см.: *Возрождение. 1959. Тетр.92. С.128–131*). Однако последний, почти одновременно с принятием в ложе Aldwych Club Сукина и Солдатенкова, уезжает во Францию, что откладывает составление русской ложи «до нахождения нового 7-го» брата. А. А. Лобанов-Ростовский не входил в английские ложи, а потому не мог, как масон «нерегулярный», стать членом-основателем.

В этих условиях было решено собираться в Кружке русских масонов в Англии.

А. А. Лобанов-Ростовский оказывается в сложном положении парижского «эмиссара», который должен был доказывать

первенство русского масонства в Париже, необходимость тесной «спайки между всеми русскими», а также искать «в еврейской колонии кандидата» для принятия в ложи Великого Востока (в соответствии с планом Л. Д. Кандаурова о последующем объединении всех российских масонов под руководством сложившегося в Париже центра высших степеней Шотландского Устава). Также было необходимо, «имея в виду конечную цель <...> организации, т. е. <...> работу в России», постоянно информировать о положении дел в масонстве Л. Д. Кандаурова и стремиться пополнять книгами по масонству библиотеку русских масонов в Париже.

Основанный при участии А. А. Лобанова-Ростовского, кружок уже в 1924 г. оказался на грани распада. В секретном письме от 9 октября 1924 г. А. А. Лобанов-Ростовский так описывал Л. Д. Кандаурову ситуацию: «По инициативе Гамбса и Солдатенкова был поднят вопрос о закрытии кружка. Они сделали заявление, где, ссылаясь на то, что деятельность кружка и связь, поддерживаемая с парижцами, есть в некотором роде — подпольная и расходящаяся с общеанглийскими тенденциями деятельности и что англичане могут посмотреть косо, они потребовали закрытия кружка и составления резолюции, где они бы совершенно отмежевались и порвали с Парижем. Телепнев заявил, что будет во время дебатов совершенно нейтральным. Мой брат и Сукин оппонировали». В результате было решено установить «закрытые» собрания кружка, где бы обсуждались русские проблемы, и «открытые» с докладами на общемасонские темы.

События октября 1924 г. развивались в Лондоне стремительно, и после нескольких дискуссионных заседаний (на одном из которых А. А. Лобанов-Ростовский выступил с докладом «Великая Ложа Франции и русские ложи») было решено обратиться за разъяснениями к видным агнлийским масонам. «Англичане высказались так: официальные сношения кружка, как

мас<онской> организации, с Парижем следует прекратить», а на неофициальные они «будут смотреть сквозь пальцы». Одновременно было разрешено посещать кружок парижским масонам — А. А. Лобанову-Ростовскому и А. А. Бобринскому — и возвратиться к вопросу о создании «англо-русской ложи», которой было «решено дать наименование Л.·. Св. Андрея».

Был сделан запрос и в США. Из Америки пришел ответ, в котором разъяснялось, что Лозаннский конвент поручил именно Верховному Совету Франции создание русских органов будущей Великой Ложи России. Позиция американцев была подтверждена из Парижа Л. Д. Кандауровым, который не только идейно обосновал создание единого центра русского масонства в эмиграции, но и сообщил в Лондон, что Г. Б. Слиозберг «имел многочисленные беседы» с видными американскими братьями, «которых касается русский вопрос» (преимущественно из Великой Ложи Нью-Йорка), и что решение 1922 г. Лозаннского конвента не подвергалось сомнению никем из масонов Шотландского Устава.

Стало ясно, что русские масоны в Лондоне, с одной стороны, не могут разорвать отношений с англичанами, а с другой — не вправе отрицать первенство русского центра высших степеней в Париже. В подобных условиях работа кружка «несколько завяла», и он стал собираться не ежемесячно, а «чрезвычайно редко, раз в два-три месяца».

Сложившийся баланс сил в кружке русских масонов в Англии между противниками и сторонниками единого русского масонства сохранялся до середины 1927 г. За три года постоянной работы масонского кружка в Англии некоторые русские братья покинули Лондон и уехали из страны, например, в США или в Сингапур, появились и новые русские масоны в Великобритании. Так, до середины 1927 г. в различных английских ложах были посвящены И. В. Нестеров, владелец крупной страховой

фирмы, бывший морской офицер; К. С. Платонов, владелец коммерческой конторы, бывший представитель российского метеорологического комитета; Руперти, агент фирмы Эльдред и Хичкок, руководителями которой после кончины Н. Алексеева стали Б. В. Иванов и Б. В. Телепнев; М. И. Смирнов, адмирал, один из ближайших помощников А. В. Колчака; граф П. А. Шувалов, инженер нефтяных сооружений.

Всего за всю историю существования русского масонского кружка в Лондоне в его работе (в разное время) участвовало около 20 человек (кроме перечисленных выше лиц, это еще С. С. Шателен, банковский служащий). Максимального развития кружок достиг в 1931 г., когда в нем состояло 15 вольных каменщиков.

О внутренних исканиях членов кружка можно судить по докладам Б. В. Телепнева, которые в 1925 г. были посвящены каббале и алхимии (см.: *ЦХИДК. Ф.112. Оп.2. Д.41. Л.31; Ф.729. Оп.1. Д.13. Л.38–48*). См. также работу Б. В. Иванова на английском языке «Дух розенкрейцеров в XVIII столетии и их деятельность в области просвещения» *(Там же. Л.161–183)*.

Активизация деятельности кружка произошла в связи с избранием в 1927 г. его новых руководителей (выборы происходили ежегодно): председателем стал Б. В. Иванов, а секретарем И. В. Нестеров.

Л. Д. Кандауров немедленно отреагировал на новые условия и 7 июня 1927 г. сделал А. А. Лобанову-Ростовскому следующее указание: «Если русский ф.·.м.·. кружок в Лондоне, в связи с появлением во главе его новых и рьяных руководителей, начнет энергичнее прежнего действовать, то прошу Вас иметь по-прежнему в виду, что образование русской Л.·. в Лондоне по-прежнему представляется пока не в интересах планомерного и гармоничного развития русских ф.·.м.·. организаций среди эмигрантов; если образование такой Л.·. нельзя было бы предотвратить, то

желательно было бы, чтобы она, по крайней мере, образовалась бы возможно позже».

«Новый курс» русских масонов в Англии был тесно связан с положением их «профанских» дел. Практически все русские масоны в Лондоне были владельцами или служащими коммерческих, банковских и страховых контор и к 1927 г. заняли «после маленького Coup d'Etat» руководящие должности в английском отделении русского Союза промышленности и торговли (Торгпрома): председатель — Б. В. Телепнев, товарищ председателя — А. А. Лобанов-Ростовский. Последний из упомянутых так описывал новые планы английских масонов в письме к Л. Д. Кандаурову: «Т<елепнев> носится с амбициозными планами развития всего дела и несколько односторонне эволирует в сторону консервативного легитимизма, и за ним по этой дороге нужно следовать осторожно. Но как центр средоточия беженских здешних экономических сил и гл. обр. как "внешний круг" все дело чрезвычайно интересно. На этой почве привлечен к деятельности Союза и Вахтин в Копенгагене, и в названной беседе со мной Т<елепнев> меня спросил, не мог ли он войти на этой нейтральной почве в более тесное соприкосновение с Вами. Самый факт проявления этого желания, хотя бы и на касательной линий Союза, по существу настолько показателен в смысле его задушевных, не высказываемых первых озираний на Париж, что я считаю долгом отметить этот факт. Одно несомненно, что он планомерно принялся за деятельность постройки из здешнего Союза организма, или вернее сосуда, который сможет вместить какую угодно воду. Развитие и оживление союза несомненны, что же касается окраски воды, то это будет зависеть от иных факторов, и более тесное сплетение "Внешнего" и "Внутреннего" круга может стать решающим фактором. С этой точки зрения постройка этого инструмента несомненно интересна, и посему меня лично интересует как благодарное поле деятельности».

В своем ответе от 4 октября 1927 г. Л. Д. Кандауров писал: «Если Телепнев склоняется к "легитимной" политике в том смысле, что делается кирилловцем *[т. е. сторонником крайне правых монархистов, объединенных вокруг великого князя Кирилла Владимировича и Высшего монархического совета]*, то нам с ним не по дороге, тем более, если он так или иначе желает это сочетать с вопросами экономическими. Если это не так, то я бы всячески приветствовал тесное сотрудничество с возглавляемой им и Вами организацией, но надо было бы высказаться, в чем, по Вашему и его мнению, такое сотрудничество смогло бы конкретно выявиться. Сил у нас теперь много, в этом году предполагается поступление значительного числа видных и состоятельных наших соотечественников, и формально все это могло бы быть организовано так, что мы организовали бы, при Л.·. Юпитер или даже при Консист.·. Россия, какой-либо проф.·. комитет, составленный из бр.·.бр.·. и имеющий внешнее, видимое для всех, существование».

Через некоторое время А. А. Лобанов-Ростовский, увлекшийся идеей «нового курса», пишет Л. Д. Кандаурову, что в результате его переговоров с Б. В. Телепневым удалось договориться, что Союз промышленности и торговли «должен быть и остаться совершенно аполитичным в пределах беженства и заниматься вопросами лишь экономическими». Описывая ситуацию, А. А. Лобанов-Ростовский отмечает, что в Торгпром «весь здешний м<асонский> кружок был постепенно кооптирован, и согласно той же политике были избраны Вахтин в Копенгагене и Лаврентьев в Берлине». В заключение «парижский» масон пишет: «Я считаю, что С<оюз> здесь представляет прекрасную платформу для встречи на нейтральной почве бр.·. различных течений и подготовки почвы для постепенного слияния этих течений».

В следующем письме Л. Д. Кандаурову (от 3 ноября 1927 г.) А. А. Лобанов-Ростовский развивает свои планы: «Вчера я имел

продолжительную и интересную беседу с бр.·. Телепневым по поводу как прошлого, так и будущего взаимоотношений между различными ныне существующими русскими мас.·. группировками. Пользуясь случаем и памятуя о нашей с Вами беседе <...>, в которой вы высказались в сторону желательности привлечения бр.·. Телепнева в будущем в состав нашего Верховного управления, я решился осторожно позондировать почву в этом направлении <...> Я ему сказал, что по моему чисто теоретическому и совершенно личному взгляду, если в России в будущем будут существовать параллельные течения, как наша Шотландская, здешняя Английская и м. б. немецкая [ложа], было бы очень желательно, чтобы верхи этих различных течений соединились бы воедино, хотя бы негласно, для координирования и вящего тактического и морального единства их воздействия как на своих, находящихся под их управлением брат.·., так и на профанскую массу». Б. В. Телепнев в ответ высказался за немедленное установление контактов, чтобы «вместо распыленности отдельных, вероятно, соперничающих групп получилось бы единое мощное национальное движение, единое по духу и по получаемым сверху общим директивам».

Ответ Л. Д. Кандаурова последовал незамедлительно, уже 5 ноября 1927 г. он писал: «Отвечаю на Ваше весьма интересное и важное письмо от 3 с. м., мною сегодня полученное.

1. Как Вы знаете, Конвент 1922 г. принял относительно ф. М.·. в России совершенно определенное решение, поручив организацию этого дела Французскому В.·. С.·., причем из самого текста постановления с несомненностью видно, что образованные иным способом русские ВВ.·. СС.·. не будут признаны другими. В.·. же С.·. Франции передал свой мандат, актом от 10 февраля с. г., Консистории Россия, о чем прочим ВВ.·. СС.·. и сообщил. В марте с. г. Консист.·. постановила, в случае образования ею В.·. С.·. для России, привлечь в его среду Вас и бр.·.

Телепнева, если конечно и Вы, и он того пожелаете. Решения этого я еще не имел случай Борису Васильевичу сообщить, но просил бр.·. Иванова, которого видел в декабре 1926 г. здесь, сообщить бр.·. Телепневу, что такое решение будет принято, и что мы ныне же, если он на это согласен, готовы принять его в число членов Консист.·. (ему, конечно, надо было бы для сего иметь 32 гр.·. от англичан или от нас; мы готовы таковой дать ему хоть завтра) <...>

2. В каких формах выльется ф.·.м.·. жизнь в будущей России, сказать теперь, на мой взгляд, нет возможности, а потому нельзя строить и определенных планов. В принципе, я держусь того взгляда, что не следует прямо бороться с недостатками национального характера и мышления: прямой борьбой тут ничего не поделаешь, слишком все это глубоко сидит, можно скорее только усилить вредное действие. При склонности нашей хаять все сильное и выдающееся над плоской обыденностью, дробиться на кружки, и все критиковать, ничего не умея создать, надо предполагать, что в России с самого же начала будет несколько ф.·.м.·. организаций. Нашу задачу я вижу не в том, чтобы с возникновением их бороться, или развитию их препятствовать, а в том, чтобы сделать свое дело лучше других, и тем, когда придет соответствующее время, объединить в среде своей организации здоровые остатки всего того, что неизбежно провалится само собою. — Члены русских ЛЛ.·. Вел.·. Вост.·. Франции и системы Droit Humain (конечно, только мужчины), не хотевшие нас знать в первые годы своего существования, и даже избегавшие о нас, как о "реакционерах", и говорить, теперь постоянно посещают наши ЛЛ.·., и высказывают нам всяческое внимание и симпатию».

Вскоре стало очевидно, что идея А. А. Лобанова-Ростовского и Б. В. Телепнева о «масонском» преобразовании Союза промышленности и торговли «совершенно не нашла отклика» у

других руководителей этого общества, и в русском масонском кружке в Англии было решено не переходить к практике прямого воздействия на Союз.

В 1928 г. в Лондоне под титлом «Кружок русских масонов в Англии» была выпущена брошюра «Заметки о масонстве», в которой русские масоны в Лондоне заявили о своем видении Ордена вольных каменщиков.

По мнению кружка, «принципами вековой мудрости» Братства «являются:

"Вера в Бога, верность своему Монарху, братская любовь, взаимная помощь и правда"» *[Заметки о масонстве. С.12]*.

Принципы «регулярного» масонства: обязательная вера в Бога, в бессмертие души и необходимость нравственного совершенствования *[См.: Там же. С.13, 44]* — не вызывали серьезных возражений у парижских масонов. Однако наряду с текстом Б. В. Телепнева, содержащим рассказ о происхождении масонства и его истории в России, в брошюре имелись прямые выпады против Великого Востока Франции, Великой Ложи Франции и Верховных Советов Шотландского Устава, допускающих к своим работам теистов. Это, конечно же, осложняло взаимоотношения между русскими масонами в Лондоне и Париже. Декларация же «монархического» принципа масонством, которое обвиняло другие послушания в политизации, не могло не вызвать недоумения.

В 1928 г. отчетливо намечается переход «центриста» Б. В. Телепнева на позиции консервативного монархизма. В декабре 1928 г. он заявляет «о расширении» личной деятельности в «профанских» организациях и фактически отходит от работ в Кружке русских масонов в Англии. Активизации Б. В. Телепнева в общественных организациях А. А. Лобанов-Ростовский (уже получивший 31-ю масонскую степень) противопоставил план создания Общества взаимного страхования в среде русских организаций

(Союз торговли и промышленности, Красный Крест и т. д.). Разработка устава Общества взаимного страхования и конкретные переговоры о его создании были чрезвычайно важны, поскольку подчеркивали приоритет принципа братской взаимопомощи над благотворительностью, декларированной Кружком русских масонов как «основная практическая задача мирового масонства» *[Заметки о масонстве. С.45]*.

Обострение противоречий между двумя центрами русской эмиграции едва не привело к разрыву между российскими масонами. Первым шаг навстречу сделал Б. В. Телепнев. Как писал А. А. Лобанов-Ростовский в письме от 12 марта 1929 г. к Л. Д. Кандаурову, «Б. В. Т<елепнев> позвонил мне некоторое время тому назад и просил переговорить по важному делу. Это касалось его отношения к изданной здесь книге *[имеется в виду брошюра «Заметки о масонстве»]*. Он сказал мне, что совершенно не сочувствует ее направлению, но не будучи предс. Кр<ужка>, не имел возможности повлиять на ход этого дела, и что он считает весь инцидент лишним и прискорбным. В писании ее особенно деятельно участвовали самые непримиримые элементы, а именно Адм<ирал> С<мирнов>, Сол<датенков> и Шат<елен>. Это люди весьма почтенные, но в м<асонстве> совершенно молодые и абсолютно не сведущие».

Вновь возникла ситуация, когда стало возможным сотрудничество между Лондоном и Парижем. Предполагалось, что Б. В. Телепнев и А. А. Лобанов-Ростовский приедут в Париж и будут приняты в консисторию Россия. Однако эта поездка, под разными предлогами, откладывалась Б. В. Телепневым.

К 1932 г., когда А. А. Лобанов-Ростовский переезжает на жительство в США, становится понятно, что ситуация в русском масонском кружке в Лондоне больше не изменится. Действительно, впоследствии русская ложа в Лондоне так и не была

основана (в качестве причины указывалась дороговизна аренды помещения), переписка между Л. Д. Кандауровым и лондонскими масонами прекратилась.

Ничего не изменило посвящение в масонство лидера русской колонии в Великобритании В. Е. Саблина.

С переездом А. А. Лобанова-Ростовского в Лос-Анджелес возникли надежды на развитие масонства в Северной Америке, где в местных ложах работали уже М. Я. Имханицкий и М. С. Мендельсон, однако русские масоны были разбросаны по всей стране, что препятствовало их совместной работе. Хотел помочь развитию русского масонства в Америке и А. А. Алехин *[См.: ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.1 а. Л.123]*. Но лишь с началом Второй мировой войны и массовой эмиграции русских из Франции в США возникают условия для создания в Нью-Йорке масонской группы, повествование о которой, однако, выходит за хронологические рамки нашего исследования.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ

Если открыть страницы книг «Русский справочник», «Русский альманах» или «Русские во Франции», издававшихся с 1920-х гг. в Париже, или тома нового издания «Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни», то среди представителей различных общественных организаций можно встретить много имен вольных каменщиков. Перечислим лишь некоторых из них с указанием сферы деятельности и специфики русских организаций.

Русский эмигрантский комитет был официально признан французским правительством как учреждение, исполняющее обязанности консульства по делам русских беженцев. В его задачи входило выяснение нужд эмиграции и посредничество между французским правительством и русской колонией по конкретным вопросам, касающимся улучшения положения беженцев. При создании в 1924 г. в Русский эмигрантский комитет вошли Э. П. Беннигсен, А. В. Карташев, В. Д. Кузьмин-Караваев, С. Г. Лианозов, П. А. Половцев, Г. Б. Слиозберг, М. Н. Суворов, С. Н. Третьяков, В. П. Аршаулов. Затем число членов комитета было сокращено. Председателем комитета (по должности) был русский посол во Франции В. А. Маклаков. Членами этого же органа от Совета общественных организаций были К. Р. Кровопусков, И. Г. Акулинин и Я. Л. Рубинштейн. В рас-

порядительный комитет данной эмигрантской организации входил Н. Д. Авксентьев.

Забегая в послевоенные годы, скажем, что в 1952 г., после закрытия Эмигрантского комитета, ряд общественных деятелей образовали во Франции Российский национальный союз, который не ограничивался юридической помощью, как прежний комитет, но стремился также объединить всех беженцев. Товарищем председателя данного союза стал Г. В. Курлов, а членом правления П. А. Соколов. Следует отметить, что эти же лица руководили в 1950-е гг. Союзом русских адвокатов за границей.

Задачи административно-правовой помощи русским эмигрантам ставило перед собой и Управление по делам русских беженцев, которое сохранило структуру царского генерального консульства в Париже. Фактическим руководителем этого органа (который часто называли просто «Офис») был помощник начальника Л. Д. Кандауров. Его сослуживцем по консульству, а затем по «Офису» был Н. Н. Де Ген, который по окончании Второй мировой войны стал во главе Бюро апатридов, заменившего «Офис».

Русский комитет объединенных организаций ставил перед собой цель охранять правовые и материальные интересы русской эмиграции. В его состав входили масоны В. П. Аршаулов, Е. П. Ковалевский, А. П. Марков, Н. М. Мельников, В. П. Рябушинский, Ю. Ф. Семёнов, А. С. Хрипунов.

В марте 1930 г. в Париже был создан Российский общественный комитет, в который вошли А. Ф. Керенский, Д. С. Мережковский, В. А. Маклаков.

Тесно сотрудничало с французским правительством и Официальное учреждение по делам армянских организаций, которое выполняло для армянской эмиграции те же функции, что и русские Эмигрантский комитет и Управление по делам русских беженцев, то есть выдавало различные документы и справки по

гражданскому положению беженцев. В состав делегации Республики Армения, защищавшей при Лиге Наций интересы беженцев, входил А. И. Хатисов.

Представителем Союза украинских эмигрантских обществ был Н. А. Шумицкий. Ранее, в 1920 г., существовал Украинский национальный комитет в Париже, председателем которого был С. К. Маркотун, а секретарем — В. Цитович.

Помимо учреждений по делам эмигрантов во Франции, важную роль в жизни русской колонии играли многочисленные научные, культурные и просветительские организации. Опрос Русского научного института в Белграде показал, что с первой волной эмиграции за пределами России оказалось 470 научных работников, в том числе 5 академиков и 140 профессоров.

Русская академическая группа была основана в феврале 1920 г. и объединяла 120 профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Учредителями группы были Е. В. Аничков, П. П. Гронский, Н. М. Могилянский, С. И. Метальников, Ю. Ф. Семёнов. Председателем был избран Е. В. Аничков (с переездом из Парижа в Белград он возглавил аналогичную группу в этом городе), затем — П. П. Гронский, А. В. Карташев, С. И. Метальников, вице-председателями — Е. П. Ковалевский и А. М. Михельсон, членами правления — В. П. Зубов и В. Д. Кузьмин-Караваев, генеральным секретарем — М. Ю. Иорданский. Последний из упомянутых являлся также председателем отдела средней школы при группе. В задачи группы входили: научная работа, поддержание связи с учеными и учебными учреждениями, взаимная материальная и моральная поддержка, подготовка молодых ученых. При Парижском университете группа организовала три русских факультета: юридический, историко-филологический и физико-математический, а также испытательную комиссию для экзаменов на степени магистра и доктора на юридическом факультете. Отдел средней школы

объединял 60 членов и работал с 1924 г. Члены его преподавали «русские» предметы во французских лицеях в Париже, Версале, Ванве, Ницце и других городах.

Русский академический союз во Франции был образован в марте 1925 г. несколькими учеными, вышедшими из Русской академической группы. Союз был профессиональной организацией русских ученых, которая содействовала научной работе, оказывала помощь молодежи при поступлении во французские учебные заведения, устраивала публичные лекции и доклады и т. д. Первым председателем Союза был П. П. Гронский, товарищем председателя В. К. Агафонов, генеральным секретарем Д. М. Одинец, казначеем А. М. Михельсон, членами правления Е. Г. Когблетианц, С. И. Метальников, Б. С. Миркин-Гецевич, А. М. Кулишер, Б. Е. Шацкий и др.

В 1930 г. в Париже было создано Русское научно-философское общество, товарищами председателя которого были Я. Л. Делевский и Л. Е. Габрилович. В общество также входили или выступали на его собраниях с докладами Г. Г. Шклявер, В. К. Агафонов, В. И. Поль, В. П. Рябушинский, Д. К. Старынкевич, М. П. Кивелиович, А. П. Прокопенко, В. Н. Сперанский, Я. И. Линцбах, Е. Г. Когблетианц, К. С. Агаджаньян, С. И. Метальников. По окончании Второй мировой войны казначеем общества был Н. Г. Стерко.

Отдельные русские ученые активно работали в научно-исследовательских и учебных заведениях во Франции. Видную роль в знаменитом Пастеровском институте играл С. И. Метальников, с этим же учреждением сотрудничал А. П. Фиников, получивший известность благодаря своему методу лечения костного туберкулеза, а также Е. М. Вайнштейн.

На упомянутых выше русских отделениях Парижского Университета преподавали (в большинстве случаев с 1924 г.):

на юридическом факультете — Д. М. Одинец, А. М. Михельсон, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. П. Гронский, Б. С. Миркин-

Гецевич, Г. Д. Гурвич, Б. Е. Шацкий; деканом этого отделения с 1926 г. был В. Д. Кузьмин-Караваев;

на историко-филологическом факультете: К. В. Мочульский, А. В. Карташев, Б. С. Миркин-Гецевич;

на физико-математическом факультете — Е. Г. Когблетианц.

В ноябре 1921 г. в Париже были открыты Высшие педагогические курсы (просуществовавшие недолго), на которых читали лекции С. И. Метальников (директор курсов), П. П. Гронский, Н. М. Могилянский, А. В. Карташев.

Профессорами Православного богословского института были А. В. Карташев и Н. О. Лосский.

В Религиозно-философской академии читали лекции и сотрудничали с ней К. В. Мочульский, И. И. Фондаминский-Бунаков, П. С. Боранецкий, Г. Д. Гурвич, Г. В. Адамович.

Франко-русский институт, или Высшая школа социальных, политических и юридических наук, открытая в марте 1926 г. (2, rue de Lille), являлась высшим учебным заведением, которое ставило перед собой задачу готовить юношество к общественной деятельности на родине. Основное внимание в институте уделялось преподаванию правовых, исторических и экономических наук. Первый выпуск института был осуществлен в 1930 г., и дипломы Высшей школы были приравнены к французским юридическим факультетам. Среди преподавателей института были следующие вольные каменщики: Д. М. Одинец, А. М. Михельсон, П. П. Гронский, Б. С. Миркин-Гецевич, А. М. Кулишер, Б. Е. Шацкий, Г. Д. Гурвич, А. П. Марков, В. Д. Кузьмин-Караваев, К. Р. Кровопусков, И. И. Фондаминский-Бунаков, И. Н. Ефремов, М. М. Филоненко, Г. Б. Слиозберг, Я. М. Шефтель. Председателем комитета института являлся В. А. Маклаков.

Коммерческий институт Объединения российских земских и городских деятелей, основанный в декабре 1925 г., специализировался на подготовке русской молодежи к службе в торговых,

промышленных и кредитных учреждениях. Председателем правления института был А. И. Коновалов, его товарищем — Н. Д. Авксентьев. В правление Коммерческого института, находившегося в помещении Русской гимназии в Булонь-Бийанкур, также входили К. Р. Кровопусков, Е. Ф. Роговский и Я. Л. Рубинштейн. Различные специальные курсы в институте вели Б. Е. Лепковский, А. М. Михельсон, П. П. Гронский, А. П. Марков, Я. М. Шефтель, П. А. Бурышкин.

Председателем Русского высшего технического института в Париже был В. П. Аршаулов, а преподавателем — М. М. Костевич.

Товарищем председателя Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей был Е. П. Ковалевский, а членом ревизионной комиссии этой организации — М. Н. Суворов.

Важную роль в завершении образования играл Русский народный университет, созданный в 1921 г. и работавший при Русской академической группе. Товарищами председателя правления университета были С. И. Метальников и Д. М. Одинец, членами правления Н. М. Могилянский, Я. Л. Рубинштейн, Б. С. Миркин-Гецевич, В. К. Агафонов, В. П. Аршаулов, К. Р. Кровопусков. Среди многочисленных масонов — сотрудников и лекторов Русского народного университета назовем П. Я. Рысса, С. В. Яблоновского, В. Д. Кузьмина-Караваева, К. К. Грюнвальда, Г. Л. Тираспольского, Г. Б. Слиозберга, М. А. Осоргина, А. М. Кулишера, В. А. Маклакова, Г. В. Адамовича, А. П. Прокопенко, Е. В. Ратнера, К. В. Мочульского, Н. В. Тесленко, А. И. Хатисова *[См. подробнее: Русский народный университет в Париже. Основан в 1921 году. Обзор деятельности за первые десять лет существования. Париж. 1931]*.

Директорами Русской консерватории (с 1954 г. имени С. В. Рахманинова) в Париже были П. И. Ковалев и В. И. Поль,

эту же обязанность исполнял К. А. Лишке. Преподавали в этом заведении И. А. Галамян и А. И. Лабинский.

Российское музыкальное общество за рубежом являлось одной из наиболее влиятельных организаций в эмиграции. Это объединение артистов и любителей музыки не только занималось пропагандой русской культуры, сохранением и развитием традиций, но и оказывало всестороннюю поддержку музыкантам. Председателями правления общества были А. И. Коновалов (один из его основателей в феврале 1931 г.), а с 1946 г. М. А. Джаншиев, товарищем председателя — И. А. Галамян (один из основателей), а с 1950 г. — Н. В. Скаржинский, членами правления — В. И. Поль (один из основателей), А. О. Аронсберг (казначей общества), членами совета — И. П. Демидов, Я. Л. Рубинштейн (один из основателей), членом ревизионной комиссии — В. А. Оболенский. Со времени основания общества в его ведении стала находиться Русская консерватория.

Главной задачей общества «Икона» было изучение и сохранение иконописной традиции и восточнохристианского искусства. Председателем общества с момента его основания в июле 1927 г. был В. П. Рябушинский. Старостой иконописной мастерской являлся Н. И. Исцеленов, который в 1951 г. стал председателем общества. Среди основателей организации и членов первого совета были также С. К. Маковский, И. Я. Билибин и С. Н. Третьяков. За свою историю общество «Икона» организовало более 32 выставок в Европе, провело более 50 публичных докладов, издало ряд брошюр по православной иконе, создало свою библиотеку. Общество проводило свои собрания в различных местах, в том числе в музее Гиме и студии И. Я. Билибина.

В художественно-промышленном институте кн. Юсупова преподавали И. Я. Билибин и М. В. Добужинский.

Одним из первых русских объединений во Франции было Тургеневское общество русских художников (Русское артисти-

ческое общество) в Париже, существовавшее с 1878 г. и названное по имени своего первого секретаря — И. С. Тургенева. Помещение этой организации (77, rue Pigalle), предназначенное для устройства выставок картин, художественных вечеров, докладов, спектаклей и балов, часто использовалось русскими вольными каменщиками для братских агап. Председателем данного общества до начала 1930-х гг. был П. И. Кугушев, вице-председателем — М. А. Дубинский, секретарем — Л. И. Стекляров. С докладами в этой организации выступали В. Н. Сперанский, Д. М. Одинец, А. П. Прокопенко, С. В. Яблоновский, П. П. Гронский, Н. Я. Рощин, С. Л. Поляков-Литовцев и другие масоны. Например, в 1923 г. П. И. Кугушев устроил в Тургеневском обществе собрание, посвященное магнетизму.

Под покровительством великого князя Александра Михайловича существовала Национальная организация русских разведчиков. Это общество в качестве своей задачи ставило «духовное и физическое развитие подрастающего поколения с целью подготовки молодежи к исполнению обязанностей человека и русского патриота». Членами Комитета данной организации были В. П. Рябушинский и А. А. Чебышев.

Одним из учредителей и преподавателем Русской средней школы в Париже, существовавшей с февраля 1920 г. по 1961 г., был К. Д. Старынкевич. Школа являлась собственностью Общества помощи детям беженцев из России. Товарищем председателя этого общества, как и попечительского совета гимназии, являлся Е. П. Ковалевский. Среди преподавателей школы были также К. В. Мочульский и П. П. Гронский.

На вилле в городе Вирофлей, около Версаля, работал Русский пансион Е. М. Брюнелли, бывшей начальницы женской гимназии в Тифлисе, который готовил детей к поступлению в младшие и средние классы школы. Активно помогал в ведении дел пансиона муж Е. М. Брюнелли — П. А. Брюнелли.

В августе 1921 г. в Париже был учрежден Российский общественный комитет помощи голодающим в России, в который входили Н. Д. Авксентьев (председатель), А. С. Альперин, Н. К. Волков, И. П. Демидов, К. Р. Кровопусков, Я. Л. Рубинштейн, В. А. Оболенский, Е. Ф. Роговский. Члены данного объединения стали костяком Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, который стал действовать практически во всех центрах эмиграции. Первоначально данный комитет оказывал беженцам различные виды помощи: жилищную, трудовую, медицинскую, юридическую и т.д. *[См.: Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Париж, 1922–1930. №№ 1–62]*, но уже к 1930-м гг. он сосредоточил свои усилия на культурно-просветительской помощи русским детям. Например, комитет субсидировал 65 образовательных учреждений. Почетным председателем Земско-городского комитета был А. И. Коновалов, председателем — Н. Д. Авксентьев, управляющим делами — К. Р. Кровопусков, председателями ревизионной комиссии — Н. В. Чайковский и В. А. Оболенский, членами комитета — В. В. Вырубов, И. П. Демидов, П. Н. Переверзев, Е. Ф. Роговский, Я. Л. Рубинштейн, Н. Н. Богданов, А. С. Хрипунов, Н. В. Макеев, Ф. В. Шлиппе и др.

Большая работа велась Земельной комиссией при Земско-городском комитете, которая всячески содействовала устройству русских беженцев в сельском хозяйстве. Председателем данной комиссии являлся А. И. Коновалов, а товарищем председателя — Н. Д. Авксентьев.

Задачу помощи учащимся ставило перед собой и Объединение земских и городских деятелей во Франции. Совет этой организации почти совпадал по своему составу с Земско-городским комитетом. Отметим лишь участие в его деятельности также

А. С. Альперина. Юридическую консультацию при Объединении возглавлял Я. Л. Рубинштейн.

Ежегодно в июне русские эмигранты организовывали ряд мероприятий, посвященных русской культуре. Во главе Комитета по устройству Дня русской культуры во Франции стоял В. А. Маклаков. По окончании Второй мировой войны в Исполнительный комитет данной организации входили К. Р. Кровопусков и Г. В. Курлов.

Товарищем председателя Общества помощи больным и нуждающимся русским студентам был М. А. Алданов, а главноуполномоченным и председателем комитета Всероссийского земского союза — А. С. Хрипунов.

Он же являлся председателем правления Общества взаимного кредита «Союз», которое занималось банковскими операциями во Франции. Членом ревизионной комиссии «Союза» был П. А. Соколов.

В Обществе взаимного кредита, которое стремилось способствовать развитию русских торгово-промышленных предприятий во Франции, членом совета был А. С. Альперин, а правления — Н. М. Мельников.

Наиболее многочисленны в русской эмиграции были профессиональные и региональные объединения и содружества русских беженцев.

Председателем русской секции Лиги начальников военных подразделений и солдат был П. А. Половцев.

Основателями Союза офицеров — бывших воинов французской армии в порядке иностранного статута были Н. Г. Милеант и Б.-Б. Егиазаров-де-Норк. Последний из упомянутых был также 1-м по времени председателем данного общества. В Союзе также состояли Ю. Л. Макеев и Б. М. Редин (многолетний знаменосец организации).

Секретарем Объединения лейб-гвардии Кирасирского полка являлся С. А. Дерюжинский, казначеем Объединения бывших

воспитанников императорского Александровского лицея — А. С. Хрипунов.

Членом правления Комитета помощи Союзу русских военных инвалидов во Франции был М. Н. Суворов, ревизионной комиссии — Н. Н. Протасьев, генеральным секретарем — С. К. Авьерино.

Членом правления Союза георгиевских кавалеров являлся В. Ф. Субботин.

Казначеем Общества воспитанников Морского инженерного училища императора Николая I (Кронштадт) был Н. Г. Стерко.

При создании в марте 1933 г. Казачьего совета в него вошли от Донского войска Н. М. Мельников, от Кубанского — Н. И. Малышенко, от Оренбургского и казачьих войск Дальнего Востока — И. Г. Акулинин.

В Объединенном совете Дона, Кубани и Терека председателем Донского казачьего представительства и членом парижской делегации был Н. М. Мельников. Он же состоял председателем правления Казачьего союза, который оказывал казакам всестороннюю помощь. Генеральным секретарем этой организации являлся А. П. Марков. Членом правления Общеказачьего объединения был И. Г. Акулинин.

В феврале 1930 г. в Париже был учрежден Казачий клуб, который ставил перед собой цель организовать тесное общение казаков, а также бывших жителей казачьих областей. Наиболее активно в клубе велась культурно-просветительская работа: устраивались лекции, собеседования, концерты, семейные вечера и т. д. Председателем Совета старейшин клуба был представитель Оренбургского казачьего войска И. Г. Акулинин, а затем Н. М. Мельников, культурно-просветительную и хозяйственную комиссии возглавлял А. П. Марков. Эти трое масонов и были инициаторами создания данного учреждения.

Важную роль в жизни русской эмиграции, в организации помощи играли землячества. Председателями Московского

землячества (основано в мае 1922 г.) были П. А. Бурышкин и В. А. Маклаков, членом правления — А. О. Аронсберг, активными сотрудниками — В. Н. Челищев, С. В. Яблоновский, Н. В. Тесленко и другие масоны.

Почетным членом Харьковского землячества (основано в октябре 1930 г.) был Я. Л. Рубинштейн, товарищами председателя этого землячества — А. П. Прокопенко и Д. М. Петров, членами правления — И. С. Магат, В. Е. Татаринов, А. А. Подобедов, а почетным председателем — В. Г. Колокольцов.

В Одесском землячестве председателем был К. Р. Кровопусков, товарищем председателя — И. Л. Тригер, членами правления — В. М. Шах и И. И. Рафалович, ревизионной комиссии — А. М. Михельсон. Помощь этому землячеству оказывали масоны В. Э. Ансельм, Л. М. Вургафт, А. С. Гросман, К. В. Мочульский, Я. Е. Поволоцкий и др.

Вице-президентом Киевского землячества в Париже являлся Аким Маршак, а его родной брат Александр занимал в этом обществе пост генерального секретаря; секретарем данного землячества был и Д. М. Одинец.

Членами правления Крымского землячества со дня основания (29 мая 1922 г.) были С. С. Крым и В. А. Оболенский; затем членом правления этого землячества был А. А. Подобедов.

Председателем Караимского землячества (основано в 1923 г.) был С. С. Крым.

Председателем Петроградского землячества в Париже со дня основания (19 мая 1922 г.) по 1924 г. был Н. В. Чайковский.

Председателем Союза русских армян во Франции являлся Н. С. Агаджаньян, землячества юго-запада России — Д. М. Одинец, Союза литовских евреев — Н. Л. Аронсон.

Из многочисленных организаций российских евреев-эмигрантов следует выделить Общество помощи еврейской беженской интеллигенции, председателем которого был Г. Б. Слиозберг.

Постоянными докладчиками в Обществе друзей еврейской культуры были С. В. Познер, А. М. Кулишер.

Парижский комитет Общества распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОРТа) продолжал работы организации, основанной еще в Петербурге в 1880 г. В 1920 г. его деятельность была возрождена Л. М. Брамсоном, которого на посту председателя Бюро парижского комитета ОРТа сменил затем А. С. Альперин. Товарищем председателя Общества был М. А. Кроль, секретарем — М. П. Кивелиович. Активно сотрудничали с этой организацией Р. М. Бланк и Я. М. Шефтель *[Подробный отчет этой организации см.: Союз «ОРТ» и его деятельность (1920—1923). Б. м., б. г.]*.

В феврале 1933 г. по инициативе членов лож союза Великого Востока Франции (А. С. Альперин, Р. М. Бланк, М. А. Кроль, С. В. Познер) был создан Кружок русско-еврейской интеллигенции, который в январе 1937 г. был преобразован в Объединение. Ежегодное собрание этой организации избирало руководящий комитет, в который, например, в 1938 г. входили: А. С. Альперин, Л. М. Брамсон, М. А. Кроль (председатель), К. С. Лейтес (генеральный секретарь), С. В. Познер, В. Ю. Расин, В. М. Шах. Помимо членов комитета с докладами в Кружке и Объединении выступали масоны Н. Л. Аронсон, Г. Б. Слиозберг, Р. М. Бланк, Я. Л. Делевский, А. М. Кулишер, А. Менес, Л. М. Неманов, С. Л. Поляков-Литовцев, М. Л. Слоним. Принимал участие в работе Объединения и Н. Д. Авксентьев *[См., например: Еврейский мир. 1. Ежегодник на 1939 г. Париж, 1939. С.385—386]*.

Из еврейских благотворительных организаций можно также назвать American Joint Reconstruction Foundation, членом Совета которой был Л. М. Брамсон.

Более 100 человек объединял в своих рядах Союз бывших деятелей русского судебного ведомства во Франции. Активными

членами этой организации были Б. Л. Покровский, В. Н. Челищев, А. А. Чебышев и В. А. Абакумов.

С 1920 г. начал свою работу Союз русских адвокатов за границей. Он занимался не только моральной и материальной поддержкой членов присяжной адвокатуры, но также разрабатывал под руководством своих членов вопросы гражданского и международного права и судопроизводства. Тесные связи были установлены организацией с важнейшими представителями французской адвокатуры.

С 1927 г. председателем этой организации был М. Г. Казаринов. В комитет Союза входили И. А. Кистяковский, П. А. Соколов, Е. П. Ковалевский, Г. В. Курлов, Н. Г. Елисеев. Членами организации являлись: С. К. Авьерино, А. С. Гросман, В. В. Короленко, Г. Б. Слиозберг, С. А. Соколов, С. К. Сочивко, Е. И. Кедрин и др.

Параллельно с Союзом адвокатов в Париже с декабря 1926 г. работало Объединение русских адвокатов во Франции (ему предшествовало Русское юридическое общество, товарищем председателя которого в 1922 г. был Н. В. Тесленко, членом правления П. П. Гронский, а одним из активных сотрудников — М. Г. Казаринов). Одним из организаторов Объединения был В. А. Маклаков. В составе организации было свыше 200 человек, и она входила в состав Федерации русских адвокатских организаций за границей. К Федерации также принадлежали: Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, Союз русских адвокатов в Бельгии и аналогичная организация в США. Членами комитета Федерации были Д. Н. Григорович-Барский, П. Н. Переверзев (генеральный секретарь), М. С. Маргулиес (казначей), Б. Л. Гершун (товарищ председателя), Л. М. Берлин, Н. В. Тесленко (председатель). Объединение русских адвокатов во Франции тесно сотрудничало с Тургеневским обществом, где помещалась его библиотека и где каждое воскресенье

устраивались практические конференции по адвокатской практике. Председателями Объединения были Н. В. Тесленко, Б. Л. Гершун, Я. Л. Рубинштейн и Я. М. Шефтель, товарищами председателя — Д. Н. Григорович-Барский (один из основателей), П. Н. Переверзев, В. Д. Кузьмин-Караваев (один из основателей организации), генеральным секретарем — М. С. Маргулиес (также один из основателей), членами совета — Ф. Н. Агапьев, М. К. Адамов, Н. Б. Глазберг, А. С. Альперин, М. П. Кадиш, М. М. Мазор, председателем ревизионной комиссии — И. В. Авдиев, членами последней — Н. В. Петровский, А. С. Шапиро, К. Ф. Курагин, А. А. Подобедов, Д. М. Петров, И. Ф. Кельберин. Активно сотрудничали с Объединением Р. Г. Консариан, Б. Е. Шацкий, М. М. Филоненко, Б. С. Миркин-Гецевич, К. К. Парчевский, А. Д. Марголин, членами его были Б. С. Орнштейн, Л. С. Меерович, Д. М. Казанджиев, Л. И. Кац, П. Н. Тер-Осипов, Я. С. Гурович, С. А. Балавинский, В. Н. Сперанский. Объединение создало и Особую комиссию для организации помощи русским, находящимся в местах заключения, в которую входили Д. Н. Григорович-Барский, П. Н. Переверзев (назначен на этот пост русскими масонами), М. С. Маргулиес (председатель данной комиссии) *[Подробнее см.: Объединение русских адвокатов во Франции. I–XI. Отчет... Париж, 1927–1938]*.

Как нетрудно заметить, в первой из парижских адвокатских организаций преобладали члены союза Великой Ложи Франции, а во второй — Великого Востока.

В упомянутом Союзе русской присяжной адвокатуры в Германии, основанном в 1920 г., масоны также играли заметную роль. Членами правления этой организации были Б. Л. Гершун, М. П. Кадиш, М. К. Адамов, А. Д. Лаврентьев, Я. И. Конигиссер, М. С. Маргулиес, А. А. Демьянов, а активными сотрудниками Союза — Л. М. Брамсон, А. М. и Е. М. Кулишеры,

А. С. Яковлев и другие *[См.: Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). Берлин, 1930].*

Большим влиянием пользовался в эмиграции Российский торгово-промышленный и финансовый союз, основанный в 1920 г. Союз разрабатывал меры по восстановлению хозяйственной жизни в России и внимательно изучал экономическую политику СССР. Товарищами председателя Торгпрома были С. Г. Лианозов и С. Н. Третьяков (последний возглавлял Русскую торговую палату в Париже), членами комитета и совета — П. А. Бурышкин, А. А. Давидов, М. Г. Казаринов, В. П. Рябушинский, Б. В. Телепнев, А. С. Хрипунов, В. П. Аршаулов, В. В. Вырубов, Б. В. Иванов, А. И. Коновалов, А. А. Лобанов-Ростовский, А. И. Мамонтов, Б. П. Пелехин, Е. П. Симунек, П. А. Бобринский, Н. Б. Глазберг, И. А. Кривошеин, А. М. Михельсон и другие.

Товарищем председателя Центрального комитета Федерации русских инженеров за границей, объединявшего инженеров более, чем в 25 странах, был В. П. Аршаулов. При основании в 1932 г. национального Объединения русских инженеров он же стал товарищем председателя данной организации, этот же пост занимал М. М. Костевич. Вице-председателем и председателем Союза русских дипломированных инженеров во Франции был П. В. Шиловский. С 1924 г. товарищем председателя Союза русских инженеров был Л. А. Гринчук-Лукашевич.

Председателем Союза агрономов был С. С. Крым.

С момента образования в ноябре 1925 г. членами правления Союза русских преподавателей во Франции были Д. М. Одинец и Е. П. Ковалевский.

Членом правления Общества русских химиков во Франции был А. И. Позняк, библиотекарем организации — Е. М. Костюк, одним из рядовых членов общества — М. С. Мендельсон.

Товарищем председателя Всеобщего (Объединенного) союза русских шоферов, существовавшего с 1926 г. и объединявшего

более 1100 человек, являлся Н. В. Петровский, а членом правления организации — В. Г. Томазов. В 1933 г. было образовано и Общество взаимопомощи русских шоферов, членом ревизионной комиссии которого стал Н. К. Самбор, а председателем суда чести Н. В. Петровский.

Исследованием тенденций развития русского общества занимался кружок «К познанию России», членом правления которого был А. В. Карташев. На заседаниях кружка с докладами выступали такие масоны, как В. А. Маклаков, В. П. Аршаулов, М. Н. Суворов.

В другом кружке — изучения социальных проблем современности — состояли А. М. Кулишер, И. И. Фондаминский-Бунаков, Г. Д. Гурвич, А. Ю. Раппопорт, Д. М. Одинец и другие вольные каменщики.

Из спортивных организаций следует назвать Русский шахматный кружок имени П. П. Потемкина, образованный в 1926 г. из шахматной секции русского клуба. Почетными членами кружка были А. А. Алехин и О. С. Бернштейн, а председателем — Т. А. Шамшин. В правление Русского спортивного общества входили В. Н. Бухало и В. Н. Скосырев.

Научно-профессиональным объединением являлось Общество русских врачей имени Мечникова во Франции. Товарищами председателя этого Общества были Ак. О. Маршак (один из основателей организации) и А. П. Прокопенко, председателями — К. С. Агаджаньян и Н. А. Гольденштейн, членами правления — В. Д. Аитов, Д. С. Пасманик, М. И. Рейтборже, З. И. Тёмкин, членами — Б. Н. Беляев, В. Л. Гродницкий, Я. П. Подпах, Н. Н. Протасьев, В. П. Свободин, А. П. Фиников, И. М. Шаков, Г. Я. Эттингер, Я. В. Хочалава и многие другие.

На средства жертвователей был создан Русско-французский госпиталь в Вильжуифе, в состав Совета которого входили

Ак. О. Маршак и А. С. Хрипунов и где практиковали тот же Ак. О. Маршак, К. С. Агаджаньян, Н. Н. Протасьев.

Одним из самых больших профессиональных союзов в среде русской эмиграции был писательско-журналистский союз в Париже. Первоначально он назывался Союз русских литераторов и журналистов в Париже и работал с июля 1920 г. В образовании союза принимали участие Д. С. Пасманик, П. Я. Рысс, Е. В. Аничков, а во временное правление входили тот же П. Я. Рысс, С. Л. Поляков-Литовцев, Б. С. Миркин-Гецевич. С октября 1920 г. этот Союз работал под председательством М. С. Маргулиеса.

Официально писательский и журналистский Союз был зарегистрирован 5 января 1921 г. и объединял более 500 человек. Он оказывал разностороннюю помощь своим членам: профессиональную, правовую, трудовую и материальную (выдавал ссуды своим членам). Товарищами председателя Союза были В. М. Зензинов и С. Л. Поляков-Литовцев, секретарем — К. К. Парчевский, казначеем — А. М. Михельсон, членами правления — М. А. Алданов, А. П. Дон-Аминадо, Б. С. Миркин-Гецевич, С. В. Познер, А. А. Морской, Саша Чёрный, П. Я. Рысс, председателями ревизионной комиссии — Д. С. Пасманик и М. А. Осоргин, членом последней — П. П. Гронский. Не будем перечислять здесь всех масонов-литераторов, отметим лишь, что их было более сотни.

В 1937 г. часть членов Союза писателей и журналистов образовала новую профессиональную организацию. В 1939 г. председателем этого нового Национального объединения русских писателей и журналистов был И. И. Тхоржевский, генеральным секретарем — Л. Д. Любимов, а членом правления — Г. В. Немирович-Данченко.

В 1925 г. был создан в Париже Союз молодых писателей и поэтов, председателем которого стал Ю. К. Терапиано, секрета-

рем А. М. Юлиус, а членом правления С. А. Луцкий. В данный Союз (затем — Объединение поэтов и писателей) также входили: Г. В. Адамович, А. Я. Браславский, Л. Ф. Зуров, Вад. Л. Андреев, Г. И. Газданов, Ю. С. Рогаль-Левицкий, Д. Монашев, И. Н. Голенищев-Кутузов, Б. Г. Закович, В. С. Варшавский, К. В. Мочульский, М. Л. Слоним, В. Б. Сосинский, М. А. Осоргин, М. А. Струве, А. П. Ладинский, Н. В. Майер, Н. М. Бахтин, А. А. Гефтер и другие вольные каменщики. С октября 1928 г. председателем данной писательской организации был Ю. Б. Бек-Софиев, а в 1940 г. — Л. Ф. Зуров. Отметим также, что иногда Союз проводил свои встречи в помещении Тургеневского артистического общества.

«Молодому» писательскому объединению предшествовало создание ряда кружков, вдохновителем которых в большинстве случаев был М. А. Струве, участник собраний 2-го Цеха поэтов в Петербурге.

В июле 1920 г. М. А. Струве вместе с С. А. Соколовым-Кречетовым создает уже в Париже Цех поэтов. Затем заседания этого кружка были продолжены в 1923—1924 гг. при активном участии Г. В. Адамовича.

В 1921—1922 гг. М. А. Струве входит в литературный кружок «Палата поэтов», собиравшийся в кафе «Хамелеон»; в 1922 г. — в литературно-художественный кружок «Гатарапак», а в 1923—1924 гг. — в группу русских поэтов и художников «Через» (вместе с К. В. Мочульским и А. Я. Браславским).

В 1922 г. в Париже также существовала художественно-литературная группа «Тринадцать», с которой сотрудничал А. М. Юлиус.

В мае 1925 г. писатели и поэты воссоздали в Париже Клуб молодых литераторов (поэтов), в правление которого вошли М. А. Струве, Д. Ю. Кобяков, Д. Монашев, А. М. Юлиус. Именно этот Клуб и был вскоре преобразован в Союз молодых поэтов и писателей.

В 1930-е гг. параллельно с писательскими союзами активно работали литературные кружки и общества, членами которых были также вольные каменщики.

В собраниях «Чисел» участвовали Г. В. Адамович, В. С. Варшавский, А. П. Ладинский, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, М. А. Алданов, К. В. Мочульский, С. Л. Поляков-Литовцев, М. Л. Слоним;

в собраниях «Перекрестка» — Г. В. Адамович, Ю. Б. Бек-Софиев, И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. К. Терапиано (основатель группы в 1928 г.), С. К. Маковский, К. В. Мочульский, А. П. Ладинский, В. С. Варшавский;

в собраниях «Круга»— Ю. Б. Бек-Софиев, В. С. Варшавский, Ю. К. Терапиано;

в собраниях общества «Зеленая лампа» — Г. В. Адамович, П. С. Боранецкий, В. С. Варшавский, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. В. Мочульский, М. Л. Слоним, С. Л. Поляков-Литовцев, В. А. Маклаков.

Из литературных кружков больше всего масонов, вероятно, было в «Кочевье». Данный кружок был организован в Париже в 1928 г. М. Л. Слонимом, а затем преобразован в одноименное объединение русских писателей. На заседаниях «Кочевья» можно было встретить Г. В. Адамовича, В. С. Варшавского, А. П. Ладинского, Ю. К. Терапиано, Вад. Л. Андреева, П. С. Боранецкого, Д. Ю. Кобякова, Г. И. Газданова, К. В. Мочульского, В. Б. Сосинского, С. А. Луцкого, И. Н. Голенищева-Кутузова, П. А. Бобринского, А. Я. Браславского, М. А. Струве, А. П. Прокопенко, Е. В. Аничкова, А. П. Каменского, С. Л. Полякова-Литовцева, С. Я. Эфрона, М. А. Осоргина, И. И. Фондаминского-Бунакова и других.

В мае 1931 г. в Париже был образован Союз деятелей русского искусства. Товарищем председателя Союза был М. А. Алданов, членами правления — В. С. Варшавский, Д. М. Петров, А. А. Чебышев, а активными членами — Б. А. Гуревич, А. И. Лабинский, В. А. Маклаков и другие. В секции художников при данном Союзе председательствовал И. Я. Билибин,

членами ее правления являлись А. Б. Лаховский и Г. И. Шилтян, а участниками работ — А. М. Гюрджан и П. А. Нилус.

В Синдикат иностранной прессы входило более 200 журналистов не-французов, среди которых были Б. С. Миркин-Гецевич, Я. М. Цвибак, М. А. Алданов.

С июня 1924 г. в Париже работало Общество друзей русской книги, которое имело своей целью собирание, исследование и печатание материалов по истории русской книги и по смежным вопросам. Членами правления (бюро) данной организации были И. Я. Билибин, Я. Б. Полонский, Я. Е. Поволоцкий, Б. С. Миркин-Гецевич, председателем — П. П. Гронский.

Редакторами некоторых периодических изданий эмиграции были:

ежедневной газеты «Возрождение» — Ю. Ф. Семёнов,

ежемесячного журнала «Воля России» — М. Л. Слоним,

двухнедельного журнала «Дни» — А. Ф. Керенский,

ежемесячного журнала «Родимый край» — Н. М. Мельников,

ежегодного справочника «Русский альманах» — В. А. Оболенский,

еженедельника «Еврейская трибуна» — Р. М. Бланк,

журнала «Грядущая Россия» — Н. В. Чайковский и М. А. Алданов,

еженедельника «Борьба за Россию» — П. Я. Рысс и А. В. Карташев,

журнала «Русские записки» — И. И. Фондаминский-Бунаков,

газеты «Общее дело» — Д. С. Пасманик,

журнала «Кинотворчество» — А. А. Морской,

журнала «Право и хозяйство» — Б. Е. Шацкий,

журнала «Современные записки» — Н. Д. Авксентьев и И. И. Фондаминский-Бунаков,

еженедельного еврейского журнала на русском языке «Рассвет» — В. Е. Жаботинский,

журнала «Театр и искусство» — С. А. Дерюжинский и А. А. Морской.

Почти половина сотрудников газеты «Последние новости» входила в русские парижские ложи.

Следует также сказать о Тургеневской общественной библиотеке в Париже, которая до разорения ее фашистами была одним из самых больших русских книгохранилищ в Западной Европе. Председателями правления этой библиотеки были С. А. Иванов и Д. М. Одинец, секретарем — К. К. Парчевский, членами правления — В. К. Агафонов, К. Р. Кровопусков, С. А. Луцкий, Я. Л. Делевский, М. А. Осоргин.

Представителем во Франции известного пражского Русского заграничного архива был В. А. Оболенский, главой же самого архива — В. Я. Гуревич.

Филиалом Русского исторического общества в Праге был Донской казачий архив, который хранил документы Донского казачьего войска, относящиеся преимущественно к периоду революции и Гражданской войны. Архив находился в ведении Донской исторической комиссии, членом которой был Н. М. Мельников.

Из организаций, находившихся за пределами Франции, следует сказать об Экономическом комитете С. Н. Прокоповича, который систематизировал и разрабатывал данные об экономическом положении России, издавал свои «Экономические бюллетени», организовывал семинары и доклады по экономическим вопросам.

Председателем правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии был Н. М. Могилянский, а его членами Е. Д. Кускова, Н. О. Лосский, С. Н. Прокопович, В. И. Немирович-Данченко. Аналогичный Союз в Германии возглавлял В. Е. Татаринов, входили же в него среди прочих масоны В. И. Немирович-Данченко, Е. Д. Кускова, Л. М. Неманов.

Активными членами пражского Земгора были В. М. Вершинин, В. М. Зензинов и В. Я. Гуревич. Последний также возглавлял Союз бывших российских судебных деятелей и русских юристов имени С. В. Завадского. Председателем Союза русских агрономов в Чехословакии являлся В. Э. Брунст.

Общество помощи русской молодежи в Белграде возглавлял И. С. Свищев, а в комитет этой организации входили также Н. Н. Салтыков и В. Н. Штрандман.

Большую помощь русским студентам оказывала организация профессора Т. Уиттимора — основателя американского Византийского института в Бостоне и Византийской библиотеки в Париже. Представителями данной организации являлись Б. Н. Ермолов, а затем его родной брат Д. Н. Ермолов. Ее центр находился первоначально в Софии, а затем в Париже. На стипендии византиниста Т. Уиттимора обучались будущие масоны С. Я. Эфрон, В. Б. Сосинский, Вад. Л. Андреев, Е. И. Оглоблев и др.

В 1926 г. в Париже было основано Объединение бывших студентов Петербургского университета, в которое входило около 50 человек. Членом правления данной организации был К. А. Лишке, председателем — Б. Л. Покровский, членами ревизионной комиссии — В. Л. Вяземский и С. К. Маковский, членами — А. П. Нагель, Ю. К. Терапиано, В. Н. Сперанский и др. За «чашкой чая» Объединение организовывало выступления своих членов, которые подчас совпадали по тематике с докладами в масонских ложах.

Следует сказать и о политических объединениях в русской эмиграции. В ноябре 1920 г. в Париже была возобновлена деятельность группы Партии народной свободы под председательством А. И. Коновалова. В ней участвовали П. П. Гронский, П. Я. Рысс, Е. И. Кедрин, И. П. Демидов и другие.

В июле 1921 г. в группе произошел раскол, в результате которого была образована демократическая группа партии, членом которой стал А. И. Коновалов.

В 1923 г. в Париже сформировался Республиканско-демократический клуб, членами которого были И. П. Демидов, Н. Д. Авксентьев, А. М. Кулишер, П. П. Гронский, Л. А. Кроль, М. А. Осоргин, Д. М. Одинец, Я. Л. Делевский. Именно из этой организации в июне 1924 г. было образовано Республиканско-демократическое объединение, о котором говорилось выше.

«Левый» фланг политических объединений составлял ряд групп.

В работе парижской группы «Крестьянская Россия» принимали участие В. А. Оболенский, М. Е. Фридиев, П. С. Боранецкий, П. П. Гронский, В. Е. Татаринов. Членом совета этой партии был В. Н. Челищев.

Участниками собраний «Дней» были А. Ф. Керенский, А. П. Марков, Б. А. Гуревич, В. М. Зензинов, Д. М. Одинец, И. И. Фондаминский-Бунаков, М. С. Маргулиес, В. А. Оболенский, П. Н. Переверзев, Я. Л. Делевский, А. М. Михельсон, Я. Л. Рубинштейн, М. А. Кроль, П. С. Боранецкий, Н. Д. Авксентьев, М. Л. Слоним, Е. Г. Когблетианц, Д. С. Мережковский, А. М. Кулишер.

Во встречах в редакции «Воли России» принимали участие М. А. Кроль, М. Л. Слоним, В. И. Лебедев. Главной идеей этого кружка была идея «конструктивного социализма».

С парижской группой народных социалистов сотрудничали Н. В. Чайковский, Н. Д. Авксентьев, Д. М. Одинец, М. А. Алданов; членами аналогичной группы Партии социалистов-революционеров были В. М. Зензинов и Н. Д. Авксентьев.

С деятельностью этих групп сочеталась работа Политического Красного Креста, членами комитета которого были И. П. Демидов, В. М. Зензинов, М. М. Тер-Погосьян, Я. Л. Рубинштейн, Я. М. Шефтель.

Особняком стояли евразийские организации, участниками собраний и семинаров которых были П. П. Гронский, В. Н. Сперан-

ский, Г. Г. Шклявер, П. С. Арапов, С. Я. Эфрон, М. Л. Слоним, Г. Д. Гурвич.

Русский национальный съезд, о котором упоминалось выше, способствовал формированию ряда «правых» политических групп.

В Российском центральном (затем — национальном) объединении председательствовал А. С. Хрипунов. Членами данной политической организации (в том числе Главного совета правления) были И. А. Кистяковский, Ю. Ф. Семёнов, И. Г. Акулинин, Е. П. Ковалевский, С. Н. Третьяков, И. С. Лукаш, В. П. Рябушинский, М. Н. Суворов, С. Г. Лианозов, Ф. Ф. Макшеев и И. И. Тхоржевский.

Членом правления Русской монархической партии был И. П. Демидов, а Народно-монархического союза — Е. П. Ковалевский.

Начиная с середины 1920-х гг., русские масоны сталкиваются в «профанской» жизни со сложностями из-за своего масонства. Например, в 1925 г. на собрании прихода русской православной церкви в Париже С. Н. Третьяков подвергся резким нападкам за членство в ложе (см.: *Руль. 1925. 18 марта. № 1304*). В июле 1927 г. в Союзе русских дворян обсуждались вопросы о членстве в данной организации, дискутировался вопрос о том, могут ли члены Союза русских дворян быть масонами.

В. Л. Вяземский вспоминал: «Нами заинтересовались с разных сторон и, может быть, более, чем мы того заслуживали. Травля шла на разных фронтах. Прежде всего, большевики — прямо и косвенно — всячески влияли на то, чтобы все наши начинания так или иначе проваливались. Делалось это неглупо, скрытно, главным образом внедряя в нашу среду своих агентов. Гораздо глупее, но шумнее орудовали ярые монархисты — лекциями, в печати и личным влиянием, убеждая испуганных беженцев, что мы — те же большевики, что все большевистские вожди — Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек и т. п., все — жидо-масоны, а мы их агенты. Борьба с нами доходила до грубых уличных сцен <...> Появился ряд книг, журналов, газет, где нас выводили как исчадие самого дьявола. Ряд полковых офицерских

организаций предложил своим членам-масонам на выбор: покинуть масонство или организации. К чести наших братьев скажу, что ни один из наших многочисленных бр.·. офицеров (у нас было 12 кавалергардов, несколько конно-гвардейцев, конно-артиллеристов) не дрогнул — никто от нас не ушел <...> Это, однако, не помешало Карловацкому Собору 1928 года объявить масонство врагом христианства, так же как 4-й Интернационал объявил его врагом коммунизма» *(Вяземский. С.244–245)*.

И все же черносотенная пропаганда не имела большого успеха в консервативных кругах русской эмиграции вплоть до 1930-х гг. Например, даже Высший монархический совет, рассмотрев 19 декабря 1922 г. в Париже по предложению Б. В. Свистунова вопрос о масонстве, пришел к выводу, что Орден вольных каменщиков не следует отождествлять с еврейскими организациями, что он не представляет опасности, а также осудил погромы как противохристианскую и противогосударственную меру *[См.: Руль. 1922. 21 декабря. № 628]*.

Обращает на себя внимание, что активные члены «правых» политических групп русской эмиграции, за редким исключением, отказываются в 1930-е гг. от деятельности в масонских ложах.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РУССКОЕ МАСОНСТВО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Война с Германией в 1939 г. оказалась для русских масонов неожиданностью, все надеялись на чудо, которое задержит начало боевых действий. П. А. Бурышкин в «Истории ложи Лотос» вспоминал: «Война началась, как известно, в первых числах сентября, т. е. тогда, когда и масонство в целом, и отдельные ложи не работали из-за летнего отдыха, и следовательно, работу 1939–1940 года нужно было начинать уже в обстановке войны» *[Лотос. Л.58]*.

Из-за боязни преследования иностранцев Совет Объединения русских лож «счел нужным временно закрыть русский масонский дом» и созывать общие собрания в помещении Великой Ложи Франции на рю Пюто по воскресеньям. Первое такое общее собрание русских лож состоялось 17 сентября, всего же с сентября по декабрь 1939 г. было проведено 10 заседаний *[РВК. 1946. № 1. С.4]*. «Собирались <...> ритуальным порядком от имени Совета Объединения под председательством бр. И. А. Кривошеина, но другие члены Совета бывали не всегда и не все. Обыкновенно шла общая беседа, после какого-нибудь краткого выступления. В конце концов однако обычно сбивались на события современности, о которых, конечно, говорили и в собраниях Вел. Ложи, и во французских мастерских» *[Лотос. Л.58–59]*.

Одной из задач русских масонов было поддержание контактов в условиях войны, в первую очередь, с 32 русскими каменщиками,

которые были мобилизованы во французскую армию (В. А. Абакумов, З. Е. Вейнштейн, С. Гойер, Б. В. Жданов, В. А. Кондратьев, А. И. Игнатьев, Г. Я. Эттингер, В. А. Парис, А. Н. Пьянков, С. Б. Шеншин, В. Я. Поляков, Г. А. Аноев и др.).

Темой нескольких собраний был вопрос о свободе, в первую очередь о духовной свободе. В качестве содокладчиков по этому вопросу выступили В. Е. Татаринов, К. В. Гвозданович, А. П. Прокопенко, в обсуждении приняли участие также Б. К. Краевич, Д. В. Репнин, С. Я. Левин, Г. Я. Смирнов, И. П. Кобеко. Особо отметим доклад П. А. Бурышкина 22 октября 1939 г., который был посвящен анализу лозунга 1848 г. «Свобода. Равенство. Братство» и древней посвятительной формулы «свободен и добрых нравов».

29 октября того же года с докладом «Психология военного времени» выступил А. П. Прокопенко, который оценил войну как проявление зоосферы и отрицание духовной стороны человека. В. Л. Вяземский, находившийся в Лионе, сделал в ложе союза Великого Востока Франции в этом городе 20 и 28 октября доклады о современном положении и об истории революции в России. 26 ноября было проведено заседание памяти М. Н. Сейделера, на котором выступили Б. Н. Ермолов и И. А. Кривошеин. В тот же день Б. Н. Ермолов рассказал о книге П. Седира «La guerre de 1914 ou point de vu mystique». 10 декабря В. Е. Татаринов говорил в Совете о попытках проведения масонских реформ; доклад вызвал оживленный обмен мнениями, в котором участвовали Б. М. Петрусевич, П. А. Бурышкин, Ю. Д. Дориомедов, С. Я. Левин и М. С. Мендельсон.

11 февраля 1940 г. состоялось последнее перед оккупацией Парижа собрание Совета. Оно отличалось особой торжественностью; так, колонны гармонии в лице братьев Ю. А. Шора и А. Г. Монфреда сопровождали все действия заседания исполнением музыки. Г. Я. Смирнов произнес на собрании речь памяти ушедших «на Восток Вечный»: Л. В. фон Гойера,

В. Ф. Сафонова, М. Н. Сейделера, А. П. Альбрехта, а В. Е. Татаринов сделал отчет о деятельности русских лож. Из отчета следовало, что, несмотря на тяжелые испытания, в русские ложи за истекший год было посвящено 14 человек, а на собраниях заслушано 34 доклада, большей частью на философско-политические темы.

Во второй половине зимы общие собрания были заменены заседаниями отдельных лож.

В октябре 1939 г. прекратились и регулярные встречи русских лож союза Великого Востока Франции. Собрания проводились лишь тогда, когда позволяли условия военного времени.

Например, 5 ноября 1939 г. ложи Свободная Россия и Северная Звезда провели траурное заседание памяти М. С. Маргулиеса. 31 марта 1940 г. в Северной Звезде состоялось и посвящение в степень мастера, на котором с приветствием новым членам 3-й степени выступил М. А. Осоргин.

Первоначально для заседания 31 марта им был подготовлен другой доклад (текст его находится в *ЛА*), который являлся откликом на сообщение некоего К. о «будущем мира».

Мнение М. А. Осоргина о событиях современности и его настроения совпадали с точкой зрения многих членов Северной Звезды. «Если этот мир должен выйти из победы оружием одной из сторон, то я хочу, чтобы это была победа западных демократий против страны всеобъемлющей государственности, деспотической Германии. Я этого хочу <...> для себя и для всех, думая, что победа этой стороны более обеспечивает Европе хотя бы остатки относительной политической свободы, которою народы демократий пользовались до войны. Может случиться, что тем самым отдалится пора социальных реформ, болезненно этим странам необходимых (обобществление земли, фабрик и орудий крупного производства), но опыт России показал, что

решительнейшие социальные сдвиги не достигают цели без обеспечения свободы и независимости человеческой личности. Даже если бы мне показали и доказали, что народы России стали счастливее прежнего и живут в довольстве, я все-таки остался бы при своем мнении, потому что довольство и счастье раба не считаю довольством и счастьем, достойным человека».

Затем встречи прервались. Инициатором прекращения заседаний русских масонов Великого Востока Франции выступил М. А. Осоргин. В качестве главной причины, вынуждающей сделать подобный шаг, М. А. Осоргин указывал на то, что в условиях войны невозможно «найти в себе желание и силу целиком отдаваться беседам на темы отвлеченно-философские и не забывать о методах символики и о нашей ритуальной жизни» *[Осоргин I. С.156]*. Тем не менее, связи между братьями оставались прочными и нерушимыми *[Об этих связях русских масонов см.: Осоргин Мих. В тихом местечке Франции. Париж, 1946; Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Vol.XXV. 1984. № 3]*.

Работы других русских лож были более активными и посвящались насущным проблемам. Например, К. С. Лейтес на совместном заседании лож Лотос, Гамаюн и Свободная Россия выступил с докладом о национал-социализме, на другом собрании К. П. Каплан говорил о «еврейском вопросе во Франции». Последнее значительное собрание произошло на пасхальном обеде на рю Пюто. П. А. Бурышкин вспоминал, что хотя «этот праздник прошел в весьма приподнятом настроении, <...> но все чувствовали, что этот этап истории русского масонства за рубежом уже отошел в прошлое, страница истории перевернулась» *[Лотос. Л.59]*.

С наступлением немцев на Париж весной встал вопрос о документации лож и о русской масонской библиотеке. Большая часть архивов была сдана на хранение на рю Пюто, но часть архива Юпитера вместе со знаменем была спрятана досточти-

мым мастером Б. Н. Ермоловым в библиотеке Византийского института на рю де Лилль.

Б. Н. Ермолова вызывали несколько раз для допроса «в знаменитую Комиссию на авеню Рапп, и у него был произведен обыск, не давший никаких результатов. Искали главным образом капиталы ложи, и стоило большого труда уверить, что таковых никогда не было, отличительным признаком русских лож был их перманентный пауперизм. Философско-отвлеченный характер работ русских лож был также отмечен и их полная безопасность в политическом смысле». Служба Б. Н. Ермолова в американском научном институте «предохранила его от преследований, а немцы еще с американцами тогда считались. Когда, после вступления в войну Америки, немцы хотели конфисковать всю Византийскую библиотеку, было уже поздно. У них не было времени осуществить их намерение, и вместе с библиотекой уцелели и архивы Юпитера» *[Юпитер]*.

Все, что было сдано на рю Пюто, погибло, ибо за несколько дней до оставления Парижа правительством архивы были погружены на два грузовика масоном в третьем поколении Франсуа Коллаверн (1900—1989) и вывезены в провинцию, где их поместили в одном доме около Орлеана. При приближении немцев масонские архивы были предусмотрительно сожжены, дабы они не попали в руки Гестапо.

Известно, что часть архивов была уничтожена еще в Париже, в первую очередь те документы, что могли послужить фашистам «отправной точкой для преследования Ордена и отдельных вольных каменщиков» *[Лотос. Л.59. См. также: РВК. 1946. № 1. С.5]*. Например, была уничтожена масонская картотека, но оказалось, что эти меры предосторожности излишни, так как все имена были хорошо известны как оккупационным властям, так и французской администрации.

Архив ложи Гамаюн «сильно, впрочем, перерытый, словно просмотренный посторонней рукой, был в двух чемоданах доставлен в гостеприимное помещение Тургеневской библиотеки, вместе с чемоданом Северной Звезды <...> Через год немцы вывезли библиотеку, и пришлось спешно спасать заветные чемоданы из дома, уже занятого немцами, что и было сделано при помощи Т. А. Осоргиной братьями Тер-Погосяном и Прокопенко. К сожалению только, одного из гамаюнских чемоданов на месте не оказалось» *[Гамаюн]*.

Т. А. Осоргина в личном разговоре опровергла сведения о чемоданах с масонскими документами. По ее словам, незначительная часть бумаг М. А. Осоргина была вынесена из Тургеневской библиотеки «под халатом» сотрудницей библиотеки М. П. Котляревской.

С. Г. Лианозову пришлось во время войны сжечь протоколы ложи Лотос, в которых ее секретарь «слишком ярко отражал» вопросы современности *[Лотос. Л.14]*.

Те архивы, которые не были уничтожены, оказались после войны, как уже упоминалось, либо в Москве, либо были возвращены масонским союзам.

Сразу же после оккупации Парижа фашистами русский масонский дом привлек внимание оккупационных властей, которые потребовали передачи им этого помещения. В Гестапо был вызван И. А. Кривошеин, но его объяснения об аполитичности масонства не удовлетворили фашистов, «дом был опечатан, все книги из него вывезены, а прочее имущество так или иначе расхищено» *[РВК. 1946. № 1. С.5]*. Хотя непосредственная опасность русским масонам не угрожала, «было ясно, что дальше дело пойдет хуже, что это затишье перед грозой». Было решено возобновить хотя бы неформально братское общение, которое бы «получало и практический смысл: взаимоознакомить с отдельными

случаями преследований и выработка общего плана действий» *[Лотос. Л.60]*.

Поводом для возобновления встреч послужила кончина последнего хранителя русского масонского дома П. С. Вельяминова-Зернова в начале октября 1940 г. С этого времени ежемесячно на квартире у С. Г. Лианозова на улице Лиотэ стала встречаться группа масонов. В числе постоянных посетителей были И. А. Кривошеин, В. Д. Аитов, В. Л. Вяземский, П. А. Бурышкин, С. П. Тикстон, Г. Н. Товстолес, Б. К. Краевич. Вскоре при участии С. Ф. Гольдрина, В. П. Свободина и Н. Н. Протасьева, а также всех названных посетителей С. Г. Лианозова подобные «завтраки» или «обеды» стали проводиться у П. А. Бурышкина, Б. К. Краевича, И. А. Кривошеина, а подчас и в каком-нибудь ресторане или кафе. Регулярные встречи проходили вплоть до освобождения Парижа, «говорили исключительно о масонских делах»: о ликвидации масонского дома, о тактике поведения в случае вызова в специальную полицию на сквере Рапп, о помощи арестованным или просто бедствующим братьям *[Лотос. Л.61]*. Сложившаяся группа организовала подобную помощь, и за время оккупации была собрана и роздана сумма в 130 тысяч франков.

Аналогичные встречи были организованы и членами ложи Северная Звезда. «Братская цепь оставалась крепкой; нельзя не вспомнить, как бр. Осоргин, уже тяжело больной, приезжал из свободной зоны в Париж повидаться с братьями и как на похоронах бр. Переверзева пришли отдать ему последний долг не только уцелевшие бр. "Северной Звезды", но все русские масоны Парижа» *[Северная Звезда. С.15]*.

В. Л. Вяземский вспоминал: «Быстро настала оккупация, и Иветт начали посещать оккупационные и, главным образом, французские полицейские власти. Бр.·. Кривошеин (председатель Сов. Объединения) имел несколько очень интересных разговоров

с каким-то "большим" немцем, проявившим блестящие о нас знания, вполне разбиравшимся в разнице нашего мас.·. с французским. Обращался он весьма мягко, но предупредил, что можно ждать ухудшения положения. Как могли, за неимением перевозочных средств, мы все же вывезли кое-что с Иветт, но все огромное имущество — вещи, архивы, утварь, мебель, а главное, ценнейшие книги — все погибло, и мало что мы нашли при либерации.

Погибло имущество, мы были разорены, рассеяны, но мас.·. дух оказался целым, живым. Под руководством и гостеприимством бесстрашного С. Г. Лианозова, на его квартире в Пасси, мы продолжали систематически собираться. С. Г. каждую минуту рисковал головой, собирая нас, тем более, что английское радио не нашло ничего лучшего, как заимствовать фамилию "Лианозов" для какого-то условного обозначения своих эмиссий. Лианозов то, Лианозов другое — у бедного С. Г. немедленно появились с угрожающим видом французские и оккупационные власти, допрашивая его об его отношениях к этим эмиссиям. Видимо, его обезоруживающая простота и смелость повлияли на полицейских, и его, в конце концов, оставили в покое, но тут началась другая трагикомическая страница.

Начались обыски на квартирах видных фр.·. масонов и вызовы их на пресловутый сквер Рапп. Затем начались, во всех газетах, публикации имен всех крупных масонов. Начали с 33-х, потом пошли 32-ые, потом 30-ые. Справедливость требует заметить, что кроме печатания именных списков и довольно невинных обысков (например, у меня единственный немец просидел в углу, куря трубку, пока французские чиновники производили самый поверхностный обыск, взяв масонские доклады и какие-то мелочи) никаких преследований в нашей среде не было.

Тем временем С. Г. продолжал собирать нас — небольшую группу, угощая невиданным по тем временам роскошным

ужином — чаем, вином, сандвичами, пирожками и т. д.» *[Вяземский. С.246–247]*.

Профашистская группа Жеребкова развернула с приходом немцев в Париж антимасонскую акцию, русским масонам не выдавали удостоверений личности, их списки вывешивались в помещениях местной фашистской администрации и т.д. *[См., например: Русские новости. 1948. 21 мая. № 155]*. В день нападения немцев на СССР несколько видных русских масонов (Д. М. Одинец, А. Л. Поляков, А. П. Клягин, М. М. Филоненко, Н. Л. Голеевский, И. А. Кривошеин, П. А. Бобринский, А. С. Альперин, В. Н. Бухало) были арестованы. Они были «заключены в Компеньский лагерь, где некоторые просидели свыше полутора года» *[РВК. 1946. № 1. С.5. См. также: Русское прошлое. Кн.3. СПб., 1992]*. В числе арестованных в годы войны были также Д. Л. Вельяшев (он просидел два года в итальянской каторжной тюрьме и был освобожден партизанами), Б. В. Жданов, П. П. Дьяконов, М. М. Бренстедт, В. Д. Аитов, Б. Л. Гершун, В. А. Маклаков, А. П. Беннигсен, Вад. Л. Андреев, В. Б. Сосинский и многие другие.

И. А. Кривошеин по выходе из лагеря Компень вместе с матерью Марией (впоследствии, до конца своих дней, он занимался сбором воспоминаний о Е. Ю. Кузьминой-Караваевой), отцом Д. Клепининым и С. Ф. Штерном организовал помощь русским, заключенным в лагеря. При этом большую помощь им оказывали некоторые масоны, например, Г. Н. Товстолес. Затем И. А. Кривошеин стал членом боевой группы «Вольные стрелки», сражавшейся с оккупантами.

Позиция русских масонов была однозначно антифашистской. Одни, как Г. В. Адамович, добровольцами поступили во французскую армию и пережили ее разгром; другие участвовали в движении Сопротивления: широко известны имена А. С. Левицкого, одного из руководителей резистантской группы при Музее

человека, Вад. Л. Андреева и В. Б. Сосинского, действовавших на острове Олерон, можно назвать также А. М. Варшавского, Я. И. Вильсона, Я. Б. Рабиновича, Э. М. Райса, А. Ф. Пилипенко; третьи, как В. М. Шах, Е. Ф. Роговский, помогали скрываться от фашистов евреям. Во многом показательной является судьба А. Я. Браславского, который добровольцем с отрядами генерала Леклерка прошел путь от озера Чад в Африке до Триумфальной арки в Париже.

Последствия войны тяжело сказались на русском масонстве. Погибли в депортации и в концентрационных лагерях масоны союза Великого Востока Франции Н. А. Гольденштейн, А. М. Кулишер, С. Е. Эпштейн, И. И. Рафалович, члены ложи Гермес Г. Бонштейн-Бони, А. Томазский, Б. Д. Векслер, И. Я. Эттингер, ложи Юпитер — А. Н. Пригожин, В. Я. Поляков, И. М. Топер; был расстрелян немцами член ложи Астрея Б. М. Петрусевич, убит на фронте В. И. Рязанов, погиб при освобождении Парижа Г. Д. Дориомедов *[РВК. 1946. № 1. С.19]*. Во время Второй мировой войны также скончались такие русские масоны, как А. Ф. Блюменталь, Р. Ф. Булатович, М. Я. Имханицкий, Н. С. Кожин, С. И. Либерман, Н. В. Тесленко, С. Я. Шапиро, Н. Д. Авксентьев, А. И. Бакунин, Р. И. Бербе-ров, В. М. Вершинин, А. З. Вильк, М. К. Вольфсон, В. Е. Жаботинский, В. В. Завадский-Корсак, М. А. Кроль, М. А. Осоргин, И. О. Очан, П. Н. Переверзев, В. А. Прейсман, А. И. Хатисов и др. Эти утраты были невосполнимы для русского масонства, идейное руководство движением было сильно ослаблено. После войны уже не смогли восстановить свои работы белградская ложа Максим Ковалевский и парижская — Северные Братья. Если в 1939 г. в списках русских лож союза Великой Ложи Франции числилось около 220 членов, то после войны их оставалось только 155 *[Юпитер: ЛА]*. Из 90 членов ложи Северная Звезда в Париже осталось лишь 23, «ложа понесла такой тяжелый урон,

что вначале он мог казаться непоправимым» *[Северная Звезда. С.8, 15]*. Таким образом, русские ложи за годы войны потеряли почти половину своих членов, около 150 человек.

Следует также сказать, что многие парижские масоны уехали во время войны в Америку, некоторые же по возрасту, из-за болезней, тяжелого материального положения решили не возобновлять масонских работ. Ушли из лож и случайные люди, чуждые духу истинного масонства.

Хотя общение в «тайном порядке» не прерывалось в среде вольных каменщиков и во время оккупации, «первая официальная встреча русских братьев — представителей шести мастерских, состоялась только 16 сентября 1944 г., когда принято было единогласное решение приступить к подготовке восстановления русского масонства во Франции» *[Юпитер]*.

«13-го ноября 1944 года на предварительном собрании 7-ми мастеров было постановлено следующее:

1) Ввиду того, что чувствуется безусловная необходимость продолжения братской работы, остановленной по обстоятельствам военного времени, и имея в виду, что таковая работа будет в дальнейшем необходима, — единогласно было решено учредить "Объединение 7-ми мастеров, работающее на востоке города Парижа без № и без отличительного титула".

2) Все присутствующие 7 мастеров дали торжественное обещание хранить абсолютную тайну о всех работах вновь созданного объединения, о самом его существовании и об именах лиц, в нем участвующих» *[Протоколы Объединения 7 мастеров... // ЛА]*.

Можно предположить, что в числе 7 мастеров были В. Л. Вяземский, П. А. Бурышкин, С. П. Тикстон, Г. Н. Товстелес, Б. К. Краевич и С. Г. Лианозов.

Тайное объединение следило за подготовкой открытия работ лож Шотландского Устава, заслушивало сообщения о жизни депортированных в Германию, о переустройстве экономической

системы, о первых трех степенях масонства. Главной заботой братьев стало восстановление русского масонского дома на рю де л'Иветт.

На рю Пюто, в помещении Великой Ложи Франции, в январе 1945 г. был устроен американский масонский центр, с которым члены русского тайного объединения установили контакты. Им «удалось завязать дружеские отношения с председателем Клуба бр. Paterson, секретарем и делегатом от Американского масонского центра бр. Browel и многими другими братьями» *[Там же]*. Предполагалось предоставить американскому центру русский масонский дом на рю де л'Иветт, разгромленный фашистами, с целью восстановления в его помещении масонского храма.

Однако сложные взаимоотношения регулярного масонства и Великой Ложи Франции не позволили осуществить данный проект. Американцы ушли с рю Пюто, а их помещение было предоставлено «в исключительное пользование русских лож», уже весной 1945 г. возобновивших свои работы *[Там же. См. также: РВК. 1946. № 1. С.5]*.

Русское масонство вступило в новый этап своей истории, истекшие полвека которого (1946–1996) составят предмет нашего отдельного исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аврех — Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990.

Бурышкин — Бурышкин П. А. [Русское масонство первой половины XX века.] Отдельные главы // ЛА.

Бурышкин, Д. Л. С. З. — Бурышкин П. А. История Досточтимой Ложи Северная Звезда // ЛА.

Бюллетень — Бюллетень Совета Объединения Русских Лож Шотландского Устава. Апрель; май; июнь. Париж, 1939 (гектограф).

Вестник — Вестник Объединения Русских Лож Д.·. и П.·. Шотландского Устава. №№ 1–14. Париж, 1958–1964 (ротатор).

Вяземский — Вяземский В. Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // НЖ. 1985. Кн.161. С.231–248.

ГАРФ — Государственный Архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва).

Заметки о масонстве — Кружок русских масонов в Англии. Заметки о масонстве. Лондон, 1928.

Записка Кандаурова — Записка о русском масонстве // ЦХИДК. Ф.730. Оп.1. Д.173.

Казначеев — Казначеев П. М. Acta et cogitata // ОР РГБ. Ф.116. К.1. Ед.хр.3.

Ковалевский — М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель. Пг., 1917.

ЛА — Личный архив автора (Москва).

Лотос — [Бурышкин П. А.] «Лотос» (№ 638). История образования и деятельности. 1933–1949. Париж, 1950 (гектограф).

Мёбес — Мёбес Г. О. Заметки о неомартинизме // РО Музея истории религии (Санкт-Петербург). Колл.II. Оп.2. Д.14.

НЖ — Новый Журнал.

Николаевский — Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990.

НРС — Новое русское слово.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (Москва).

Осоргин I — Доклады и речи. Члена Д.·. Л.·. Северная Звезда [М. А. Осоргина]. В.·. г.·. Парижа, 1949.

Осоргин II — Северные Братья. В.·. г.·. Парижа, б. г. [1949].

Показания Мёбеса — Архив УКГБ по Ленинградской области. Уголовное дело № 188/296. 1926 г. С.503–512.

РВК — Русский вольный каменщик. Вел.·. Л.·. Франции. Бюллетень Русских Лож Д.·. и П.·. Ш.·. У.·. №№ 1–2. Париж, 1946.

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГИА — Российский Государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РМ — Русская мысль.

РО РНБ — Рукописный отдел Российской Национальной Библиотеки (Санкт-Петербург).

Северная Звезда — Д.·. Л.·. «Северная Звезда» В.·. Парижа. 5924–5949. Париж, 5949 [1949].

Хроника — Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Под общей редакцией Л. А. Мнухина. Т.1–2. М.; Париж, 1995.

ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций (Москва).

Чермак — Чермак Л. К. Как я был масоном // РГАЛИ. Ф.1337. Оп.2. Д.68.

Юпитер — История ложи Юпитер // ОР РГБ. Ф.754. К.4. Ед.хр.2–5.

BNdF — Bibliothèque Nationale de France. Département des Manuscrits.

GLdF — Grand Orient de France.

GOdF — Grande Loge de France.

Hass — Hass L. Masoneria polska XX wieku. Losu, lože, ludzie. Warszawa, 1993.

Hass, Maçonnerie ukrainienne — Hass L. La franc-maçonnerie ukrainienne. Paris, s. a.

Ligou — Ligou D. Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Paris, 1991.

УКАЗАТЕЛЬ ЛОЖ

В данный указатель включены встречающиеся в основном тексте и в примечаниях названия масонских лож, союзов, кружков и групп. В квадратные скобки заключены названия лож, существование которых не достоверно, а также номера страниц, где ложа упоминается лишь косвенно.

Аврора, в Париже — 16, 286, 297–301
Американская, в Париже — 354
Американский масонский центр, в Париже — 436
Анатоль Франс, в Париже — 178
Англо-Саксонская, в Париже — 14, 139–141, 145, 147, 151, 166, 168, 240, 301, 354
Астрея, в Александрии — 367, 368, 370
Астрея, в Киеве — 123
Астрея, капитул, в Париже — 14, 17, 153, [154], 155, 156, [157], 160, 245, 334, [335], 339, [340], 341, [342], 354, 388
Астрея (Astrée), союза Великой Ложи Франции, в Париже — 14, 16, 17, 19, [20], 21, 27, 40, 123, 145, 153, 157–160, 165, 193, 198, 205, 206, 221–225, [226], 227–238, 242, 245, 248, 252, 255, 259, 262, 264, 271, 287, 288, 290, 291, 299, 304, 306, 307, 310, 313, 327, 353, 362, 364, 374, 378, 385, 434
Астрея, союза Великой Национальной и Независимой Ложи Франции, в Париже — 20, 40
Астрея, Великая Директоральная Ложа, в Санкт-Петербурге — 153, 157, 232, 286, 356
Астрея, Великая Ложа Ордена Рыцарей Филалет, в Санкт-Петербурге — 88

Белый Орел, в Санкт-Петербурге — 106
Братство (Fraternité), в Париже — 127–129, 132
[Братство, в Чернигове] — 134
Братство Народов (Fraternité des Peuples), в Париже — 16, 127–129, 134, 135, 152

Великая Женская Ложа Франции — 299
Великая коллегия ритуалов, Великого Востока Франции — 95
Великая Ложа Англии — 320, 327
Великая Ложа Болгарии — 381
Великая Ложа Германии — 386
Великая Ложа Италии — 134
Великая Ложа Нью-Йорка — 390
Великая Ложа сербов, хорватов и словенцев Югославия — 366
Великая Ложа Украины — 132–135
Великая Ложа Франции — 16–22, 27, 28, 31, 32, 65, 66, 68, 91–94, 126, 128, 130, 137–139, 141, 143, 146, 150, 153, 155, 168, 171, 183, 193, 200, 202, 204, 206, 213, 215, 221, 224, 226, 234, 236–239, 248, 251, 255, 259–261, 263, 265, 266, 268, 283, 285–287, 294, 298, 299, 301, 304, 305, 307, 311, 312, 314, 316, 319–333, 337, 340, 346, 348, 352, 353, 357, 359, 360, 365, 368, 369, 396, 413, 425, 434, 436
Великая Ложа Чехословакии — 347
Великая Ложа Швейцарии — 135
Великая Национальная и Независимая Ложа Франции — 17, 40, 136
Великая Национальная Ложа Египта — 367, 368
Великая Национальная Ложа Польши — 124, 362
Великая Объединенная Ложа Англии — 52, 136, 359
Великий Восток Германии — 69
Великий Восток Италии — 54, 55
Великий Восток Литвы — 16
Великий Восток народов России — 14, 25, 35, 42, 46, 101, 102, 105–115, 118, 119, 121–125, [126], 128, 129, 131, 172, 255, 366
Великий Восток Палермо — 54
Великий Восток Турции — 99
Великий Восток Франции — 10, 16, 18, 19, 21, 24, 29, 30, 32, 37, 40, 41, 47, 51, 52, 54–56, 62, 65, 66, 68, 83, 85, 91–95, 98, 99, 101, 105, 106, 108–110, 112, 126–137, 141, 143, 146, 150, 151, 169, 171, 172, 175, 176, 179, 180, 182, 183–186, 189, 191–193, 197–203, 205, 206, 221, 222, 259, 287, 311, 316, 321, 349, 357, 363–365, 376, 381, 389, 395, 396, 413, 426–428, 434
Великий Восток Франции в России — 95, [98], 99–102, 105, 108, 112, 259, 374, 376, 377
Великий Свет Севера, в Берлине — [15], 17, 49, 159, 233, 361, 364, 369, 374, [375], 376–381, [382], 383–386
Великий Совет России (Ордена Мартинистов) — см. Св. Аполлония Тианского

Верные Шотландцы, капитул, в Париже — 147
Верховный Совет Великого Востока в России — 97, 99, 102, 108
Верховный Совет Великого Востока народов России — 111, 112, 114–116, 119, 120, 122, 123, 125, 132
Верховный Совет для Франции, союза Великой Национальной и Независимой Ложи Франции — 21
Верховный Совет Ордена Мартинистов — 67, 79, 81
Верховный Совет Украины — 136
Верховный Совет Франции, союза Великой Ложи Франции — 16, 55, 56, 92, 132, 137, 138, 154, 155, 157, 226, 236, 237, 269, 291, 294, 311, 319, 320, 329, 343, 348, 353, 391, 394
Верховный Совет 33-й степени Великого Востока Палермо — 54
Верховный Совет 33-й степени Шотландского Устава для Чехословакии — 362
Виктория, в Берлине — 374
Вильгельм Телль, в Париже — 347
Возрождение, в Москве — 91, 92, 95, 96
Временный комитет российского масонства, в Париже — 130, 160

Гамаюн, в Париже — 27–29, 37, 205, 206, 245, 247, 248, 301–303, [304], 305–309, 353, 428, 430
Гарибальди, в Париже — 16, 146
Генерал Пенье, в Париже — 366
Генрих IV, в Париже — 53
Гермес, в Париже — 16, 17, 21, 27, 28, 145, 160, 206, 228, 230, 232, 237, 251–262, 298, 310, 322, 325, 352, 353, 357, [358], 364, 370, 382, 434
Герой Человечества, в Париже — 146
Голос Украины, в Париже — 41, 134
Граф де Сен-Жермен, в Булони — 300

Два Горизонта, в Санкт-Петербурге — 87
Добрый Самаритянин (Le Bon Samaritain), благотворительный комитет — 14, 16, 149, 150, 156
Друа Юмен (Le Droit Humain) — 17, 110, 151, 296–298, 300, 395
Дружба, Труд и Единство — см. Слога, Рад и Постоянство
Друзей масонства, общество, в Санкт-Петербурге — 371
Друзья Любомудрия, в Париже — 16, 230, [267], 334–338, 354
Друзья Отечества — 54
Думская ложа — см. Розы

Единство, в Вильно — 124

Заря Петербурга, в Санкт-Петербурге — 96
Звено одной цепи, в Нижнем Новгороде — 96

Знать друг друга (Se connaitre), масонская группа, в Париже — 177
Золотое Руно, в Париже — 16, 38, 255, 257, 262–266, 268

Избранного Михаила, в Санкт-Петербурге — 217
Иордан, в Феодосии — 90
Испанский Национальный Масонский Орден — 69
Истина, в Одессе — 96

Каббалистический Орден Розы и Креста — 67, 79
Карма, в Париже — 85, 86, 89
Карма, в Санкт-Петербурге — 84, 85, 87–89, 371
Киевская Заря, в Санкт-Петербурге — 96
Кирилл-Мефодий, в Полтаве — 90
Комитет по образованию Великой Ложи (Временный комитет русского масонства), в Париже — 346–349, 351, 352
Компаньон Ардан, в Париже — 287
Космос, в Гельзингере — 380
Космос, в Париже — 16, 56, 57, 61, 62, 64, 139, 142–145, [146]
Кружок русских масонов, в Лондоне — 240, 388–391, 396, 397

Литва, в Вильно — 106, 363
Лотос, в Париже — 7, 16, 20, 21, 27–29, 33, 36, 37, 193, 206, 233, 259, 262, 283, 287, 288, 291, 309, [310], 311–315, [317], 319–322, [323], 324–329, 331–333, 352, 353, 355, 357, 425, 428–431
Любовь, в Брюсселе — 300
Лютеция, ареопаг, в Париже — 16, 148

Максим Ковалевский, в Белграде — 48, 365–367, 434
Масонский Авангард, в Париже — 65, 146, 147
Масонский кружок, в Ницце — 369
Масонство Народов Востока Европы — 123, [124]
Международная лига франк-масонов — 137
Международная масонская ассоциация (AMI) — 125, 135–137
Милосердная Дружба, капитул, в Париже — 147
[Молодая Украина, в Киеве] — 134

Нарцисс (Нарцисс и Соединенные Славяне), в Киеве — 90, 129, 134, 151
Независимая русская ложа союза Великого Востока народов России, в Париже — 125
Немецкий масонский кружок — см. Под восходящим солнцем на берегах Невы
[Нептун, в Кронштадте] — 84, 89
Нептун, в Санкт-Петербурге — 88
Новый Иерусалим, в Париже — 299

Общество филалетов — 86
Объединение русских масонов, в Вильмерсдорфе — 373, 374
Объединение 7-ми мастеров, в Париже — 435, 436
Объединение славянских масонов — см. Федерация славянских масонов
Орден Иллюминатов — 75
Орден Мартинистов — 67–72, 74–76, 78–83
Орден Рыцарей Филалет — 85–88, 372
Орден филалетов — 85
Ордо аб хао, ареопаг, в Париже — 21, [334], [335], 342, 354

Пламенеющая Звезда, в Париже — 146, 156, 195, 260, 321
Побратим, в Белграде — 365
Под восходящим солнцем на берегах Невы, масонский кружок, в Санкт-Петербурге — 85, 371, [372]
Полярная Звезда, в Санкт-Петербурге (XIX в.) — [318]
Полярная Звезда, в Санкт-Петербурге (XX в.) — 92, 95, 96
Правда, в Варшаве — 124
Предварительный Комитет (Инициативная Группа) по разработке плана учреждения русских лож в Париже — 149, 151–156
Провинциальная Великая Ложа Гамбурга — 374
Прометей, в Париже — 240, 262, 266, 267, 279
А. С. Пушкин, в Париже — 20, 21, 236, 239, 243, 249

[Роза и Крест, в Царском Селе] — 71
Роза Совершенной Тишины (La Rose du Parfait Silence), в Париже — 55, 177
Розы, в Санкт-Петербурге — 116
Российская Верховная Делегация Ордена Мартинистов — 79, 80, 82
Россия (Rossia), масонский клуб, в Нью-Йорке — 15, 309, [398]
Россия, консистория, в Париже — 16, 24, 136, 298, [334], [335], 343, 344, [354], 393, 394, [395], 397
Русский масонский комитет, в Париже — 128, 130
Русский особый Совет 33-й степени, в Париже — 16, 344, 345, 353

Св. Андрея Первозванного, в Киеве — 133, 134
Св. Аполлония Тианского, в Санкт-Петербурге — 78, 80, 81
Св. Апостола Андрея, в Киеве — 80
Св. Апостола Иоанна, во Владимире и Москве — 78, 81, 83
Св. Апостола Петра, в Санкт-Петербурге — 81

Св. Иоанна Крымского, в Камыше — 55
Свет Востока, в Шанхае — 369
Свободная Россия, в Париже — 18, 19, 106, 183–186, [187], 191–195, 198, 200–204, 206, 215, 231–234, 260, 287, 290, 313, 354, 357, 427, 428
Северная Звезда, в Париже — 15, 16, 18, 19, 29, 30, 172–179, [180], 181, 182, [183], 185, 186, 192–203, 205, 206, 210, 211, 213, 214, 222, 229, 237, 259, 261, 287, 298–300, 319, 322, 325, 427, 430, 431, 434, 435
Северная Пирамида, в Санкт-Петербурге — 85, 87, 88
Северное Сияние, в Киеве — 90
Северное Сияние, в Париже — 14, 20, 27, 37, 145, 160, 206, 221, 233, 238–240, [241], 242–245, [246], 247–250, [251], 259, 261, 288, 301, 304, 334, 353, 356
Северное Сияние, в Санкт-Петербурге — 96
Северные Братья, в Париже — 30, 31, 203, [204], 205–210, [211], 212, [214], [215], 216, 217, [218], 219, 232, 260, 287, 307–309, 329, 434
Семён Гамалея к Кубическому Камню, в Москве — 83, [84]
Слога, Рад и Постоянство, в Белграде — 364, 365
Совет Объединения русских лож Древнего и Принятого Шотландского Устава, в Париже — 17, 21, 26, 27, 39, 160, 283, 333, 346, 351–360, 425, 426
Совет Ордена Великого Востока Франции — 56, 91, 92, 95, 131, 135, 172, 179, 182, 195, 259
Совет 18-ти Великого Востока в России — 97
Соединенные Друзья, в Санкт-Петербурге — 72
Соединенные Славяне, в Киеве — 135
Социальный прогресс — 54

Трех глобусов (Zu den drei Weltkugeln), в Берлине — 273, 371, 385, 386
Три Лилии (Zu den drei Lilien), в Берлине — 373, 374
Труд и Истинные Друзья (Travail et Vrais Amis Fidèles), в Париже — 65, 146
Тэба (Фивы), в Париже — 16, 17, 138, 139, 141, 142, 145, 271

Умирающий Сфинкс, в Санкт-Петербурге — 318

Федерация, в Санкт-Петербурге — 106
Федерация славянских масонов, в Париже — 14, 16, 148

Философская Паперть, в Париже — 147

Четыре Элемента, в Санкт-Петербурге — 87

[Шевченко, в Харькове] — 133
Шотландское Совершенство, в Париже — 14, 147, 261

Эвклид, в Париже — 312, 321, 322

Юпитер, в Париже — 7, 14, 19, 27, 33, 38, 39, 71, 149, 154, 198, 206, 230, 232, 235, 247, 257, 262, 263, 266–268, [269], 271, 272, [273], 275, [276], 277, [278], 279, [281], 282, 283, [284], 285–290, [291], 292, [293], 294, 295, 310, 327, 335, 337, 344, 353, 367, 370, 393, 428, 429, 434, 435

№ 1 союза Друа Юмен — 296

Aldwych Club — 387, 388

Am Berge der Schönheit, в Берлине — 371
Les Amis Philanthropes, в Брюсселе — 129, 361
Droits de l'Homme, в Париже — 337
Effort — 146
Les Fidèles Ecossais, в Париже — 337
Harmony, в Брэдфорде — 387
Jérusalem Ecossaise, в Париже — 205
Libre Examen, в Париже — 58
Lithuanie, в Ковно — 124, [125]
Mont Sinaï, в Париже — 65
Quatuor Coronati, в Лондоне — 49, 92, 387
La Raison, в Париже — 349
Les Rénovateurs, в Париже — 65
La République, в Париже — 37
St. Claudis, в Париже — 136
Stella di Guistizia, в Одессе — 55
Les Travailleurs — 146
Trinitaires — 153
Trinitaires, капитул — 153
L'Union de Belleville, в Париже — 106
Villard de Honnecourt, в Париже — 40

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указателе знаком * обозначены имена тех лиц, чье масонство не вызывает сомнений. Квадратными скобками помечены номера страниц, содержащих лишь косвенное упоминание данного лица.

* Абакумов В. А. 240, 248, 412, 426
* Абд аль-Кадир 53
Аввакум (Петров) 247, 249
Август, рим. имп. 338
* Августинович В. П. 226, 229, 237
* Авдиев И. В. 118, 223, 226, 257, 352, 380, 413
* Авксентьев Н. Д. 120, 125, 170–173, 175, 176, 181, 188, 196, 201, 400, 404, 407, 411, 419, 422, 434
Авраамов В. А. 376
Аврех А. Я. 45, 72, 74, 79, 83, 86, 87
* Авчинникова-Архангельская В. В. 86, 87
* Авьерино Н. К. 112, 158, 168
* Авьерино С. К. 118, 224, 225, 409, 412
* Агаджаньян К. С. 118, 192, 199, 402, 410, 415, 416
* Агапьев Ф. Н. 413
* Агафонов В. К. 150, 170, 178, 183, 195, 201, 402, 404, 420
* Адамов М. К. 118, 225, 226, 229, 413
* Адамович Г. В. 14, 38, 39, 44, 194, 271, 273, 280, 281, 283, 357, 403, 404, 417, 418, 433
* Аджигоев П. 267
* Азанчевский-Азанчеев А. М. 273–275, 283
Азанчевский-Азанчеев М. [273]
Азеф Е. Ф. 103, 104
Азов (собств. Ашкинази) В. А. 285, 287, 288
* Аитов В. Д. 143, 144, 147, 149, 151, 156, 157, 159–163, 183, 222–224, 310–313, 339, 345–349, 355, 358, 359, 415, 431, 433
Аитов Д. А. [143]
* Акулинин И. Г. 271, 288, 399, 423
* Албахари 156, 340, 341
* Алданов (собств. Ландау) М. А. 14, 22, 129, 150, 173, 175, 183, 184, 242, 376, 408, 416, 418, 419, 422

Алданова (урожд. Зайцева) Т. М. [22]
* Александр I 238, 286, 409
* Александр II 53
Александр III 36
* Александр Михайлович, вел. кн. 84, 85, 87–89, 406
Александра Фёдоровна, императрица [34], 70, 71
* Александрова 299
Алексеев В. К. 10, 104
Алексеев Н. 391
Алексеев М. В. 33, 34
Алексеевы 387
* Алехин А. А. 225, 237, 398, 415
* Алкаест 85, 86
* Альбрехт А. П. 140, 240, 244, 354, 427
* Альперин А. С. 174, 181, 184, 188, 199, 201, 214, 215, 352, 357, 407, 408, 411, 413, 433
* Альшевский Н. 368
* Амилахвари А. В. 159, 224, 264, 266
* Амфитеатров А. В. 10, 59, 62–64
Анастасия Николаевна, вел. кн. 70
* Анатольев М. 85, 89
Анги В. А. 59
* Андерс Г. 185
* Андерсон Дж. 214, 249, 312, 316, 329
* Андре 143
* Андреев Б. В. 375
* Андреев В. Л. 200, 204, 211, 212, 214, 417, 418, 421, 433, 434
Андреев Д. А. 40, 87
Андрей св., апостол 80, 81, 133, 134, 390
* Андрус А. Е. 240, 265–267, 289
* Аничков Е. В. 59–62, 92, 94, 118, 128, 129, 364, 366, 401, 416, 418
* Анкетен Ж. 271, 288
* Аноев Г. А. 426
* Ансельм В. Э. 230, 234, 236, 291, 355, 358, 410
Антоний, греч. монах 317
Антошевский И. К. 76, 79, 81, 89
Аполлоний Тианский 78–81
* Арапов П. С. 245, 423
* Арие 236
Аристотель 338
* Аркадакский (псевд. Добринович) К. В. 62
* Арнольди Г. М. 184, 188
* Аронсберг А. О. 405, 410
Аронсон Г. Я. 11, 42
* Аронсон Н. Л. 411
* Арсеньев В. С. 73, 78, 79
* Артамонов М. А. 157
* Архангельская В. В. — см. Авчинникова-Архангельская В. В.
* Аршавский А. М. 57
* Аршаулов В. П. 399, 400, 404, 414, 415
Астров Н. И. 122, 253
* Афанасьев-Малиновский Л. Л. 158, 230
* Ахмед Риза 98, 99
Ашкинази В. А. — см. Азов В. А.
* Ашкинази З. Г. 224, 227, 230, 370

* Бабович И. 279, 283
* Багдассариан М. 185
* Бадуев А.-М. 264, 266
* Баженов Н. Н. 56, 66, 72, 92, 95, 96, 103, 105
Базили Н. А. 23
* Бакунин А. И. 434
* Бакунин М. А. 5, 52–54, 95
Бакунина Т. А. — см. Осоргина Т. А.
Балавинский 112
* Балавинский С. А. 59, 112, 113, 115, 118, 125, 172, 413
* Баммат Г. Б. 264, 266
* Бантыш А. Ф. 279
* Барклай де Толли Веймарн Н. Л. 229
* Барт Б. Г. 118
* Басаков В. П. 108
* Бауман В. И. 118
* Бахтин Н. М. 271, 275, 278, 417
* Бебутов Д. О. 10, 93, 95–100, 102–105, 107
* Бегичева-Иванова (урожд. Сейделер) К. 298
Бегун В. Я. 46, 48
* Безант А. 76
Безбережьев С. В. 14
* Бек-Софиев Ю. Б. 279, 287, 417, 418
* Беклемишев Н. Н. 86–89
* Белый Андрей (собств. Бугаев Б. Н.) 304
* Беляев Б. Н. 271, 288, 415
Бёме Я. 77, 79, 210
* Беннигсен А. П., гр. 147, 240, 241, 244, 245, 339, 433
* Беннигсен Э. П., гр. 117, 144, 145, 149, 151, 157, 159, 222, 225, 226, 239, 240, 242, 245, 254, 339, 345, 351, 399
* Берберов Р. И. 58, 174, 183, 184, 199, 434
Берберова Н. Н. 10, 18, 19, 23, 42–44, 46, 47
Бергсон А. 334, 336
* Березитский А. И. 240, 248
* Беренштам М. В. 118
* Берлин Л. М. 118, 129, 158, 237, 361, 412
* Берлин М. Я. 140, 141, 159, 224, 251, 255
* Бернштейн Л. Б. 234, 358
* Бернштейн О. С. 118, 225, 230, 283, 311, 415
Бешенковский Е. Б. 43
* Билибин И. Я. 174, 185, 199, 405, 418
* Биржинский М. 124
* Бирчанский З. П. 277, 283
* Бланк Р. М. 59, 150, 174, 411, 419
Блок А. А. 270, 273
Блюм Б. Э. 23
* Блюменталь А. Ф. 285, 434
* Бо Э. 183, 184, 192
* Бобринский А. А., гр. 147, 158, 225–227, 229, 335, 339, 380, 387, 390
* Бобринский П. А., гр. 16, 27, 32, 41, 138, 140, 147, 149, 150, 153,

155—157, 166, 203, 221, 223, 225, 230, 232, 239, 240, 242, 245, 301—305, 307, 308, 334, 336, 339—343, 345, 347, 353, 356, 358, 363, 414, 418, 433
* Бобровский М. О. 173
* Богданов Н. Н. 407
* Богров Ф. К. 118
* Богучарский-Яковлев (собств. Яковлев) В. Я. 58, 113, 117
* Бодиско М. Э. 225
* Бонштейн-Бони Г. 434
* Боранецкий П. С. 403, 418, 422
* Бородин Н. А. 121
Боткин С. Д. 372
Боханов А. Н. 252
* Брагин А. П. 370
* Брамсон Л. М. 118, 411, 413
Брандлер-Прахта 77
* Браславский А. Я. 417, 418, 434
* Браудо А. И. 103, 112
Брачев В. С. 13, 82
* Бренстедт М. М. 433
Брико (Bricaud) Ж. 71, 296
* Брилль С. 298
* Бриссо Демайле 270
Бронзов А. А. 23
* Броше 133
* Брун Д. Я. 196, 199, 212, 213
Бруно Дж. 304
* Брунст В. Э. 117, 421
Брюнелли (урожд. Леванда) Е. М. 406
* Брюнелли П. А. 118, 188, 234, 257, 262, 336, 406
Бубликов А. А. 23
* Будаговский С. А. 19, 185
Будда Гаутама 242
* Букейханов А. Н. 100, 101, 116
* Булат А. А. 102
* Булатович Р. Ф. 232, 238, 240, 247, 249, 303, 304, 319, 321, 333, 335, 338, 434
* Буле Г. 92, 95, 96
* Бурмистров Т. С. 158
* Бурнштейн Ю. О. 145, 157
Бурцев В. Л. 103
* Бурыгин 90
* Бурышкин П. А. 16—18, 21, 27—33, 35—37, 40, 41, 47, 50, 58, 71, 85, 92, 127, 147, 153, 161, 168, 173, 177, 187, 193, 195, 196, 198, 200—202, 211, 213—215, 231, 234—239, 248, 249, 252, 253, 260, 265, 266, 286, 290, 307, 311—313, 315, 317, 319, 321, 327—329, 333, 337, 342, 346, 355, 356, 360, 404, 410, 414, 425, 426, 428, 431, 435
* Буткевич Е. А. 158, 224, 362
Бутми (собств. Бутми-де-Кацман) Г. В. 23
* Бухало В. Н. 158, 173, 184, 188, 376, 415, 433

* Вавельберг М. И. 252, 254, 362
* Вакар Н. П. 14, 84, 124, 159, 188, 225, 240, 242
* Варшавский А. М. 434

* Варшавский В. С. 301, 417, 418
* Василенко Н. П. 113, 114, 116, 123, 124
* Вахтин Л. В. 380, 392, 393
* Вачнадзе И.-А. А., кн. 223, 224, 266
* Вегнер А. Ю. 365
* Вегнер Э. А. 372, 380
* Вейнштейн (урожд. Ледемюллер) В. О. 297
* Вейнштейн Г. Э. 174, 210, [298]
* Вейнштейн Е. М. 257, 259, 261, 352, 402
* Вейнштейн З. Е. 426
* Вейсбрем В. 309
* Векслер Б. Д. 434
* Велихов Л. А. 12, 117
* Веллхофф Б. 226
* Вельяминов-Зернов П. С. 225, 431
* Вельяшев Д. Л. 234–237, 279, 287, 289–291, 357, 358, 433
* Вельяшева 298, 299
* Венцковский А. И. 117, 124
* Верблюнский А. И. 140
* Вердеревский Д. Н. 31, 183, 231, 233, 269, 271, 279, 282, 287, 290, 291, 293–295, 328, 334, 336, 337, 339, 341, 343, 345, 351, 352, 357, 358
* Вердеревский П. Д. 269, 289
* Веретенников А. П. 84, 85, 89, 223, 225, 227, 230, 310, 321, 334, 371–375, 377, 378, 380, 381, 385
* Верещак С. И. 366
Вернадский В. И. 65
Вернадский Г. В. 5
* Вершинин В. М. 174, 421, 434
* Вильк А. З. 173, 434
* Вилькен А. Н. 367, 368
Вильсон В. 280
* Вильсон Я. И. 434
Винавер М. М. 59, 101
Виноградов А. Е. 48, 49
* Виноградов В. А. 112, 114, 116
* Вирста Ф. 41
* Вирт О. 15, 86, 156, 242, 256, 257, 265
* Витт С. О. де 223, 224, 231, 235, 238, 266, 269, 311, 328, 336, 350, 358, 380
Витте С. Ю. 71, 252
* Владимиров В. П. 224
* Воеводский Г. С. 223, 225
* Война-Панченко С. М. 128
* Волгин А. Б. 240, 242, 243, 369
* Волков А. А. 380
* Волков Н. К. 116, 125, 188, 407
Волков Ф. К. 59
* Волковысский А. С. 159, 173
* Волконский А. М., кн. 226
* Волконский А. П., светл. кн. 159
* Волошин (Кириенко-Волошин) М. А. 60, 61, 65, 84
* Волошинов Ю. Ф. 159, 223, 239
* Волькенштейн Г. 269, 283
* Вольтер (собств. Аруэ) Ф. М. де 317
* Вольфсон М. К. 434
* Воронов Г. А. 183

* Воронцов-Дашков И. И., гр. 241
* Вургафт Л. М. 141, 173, 183, 192, 252, 410
* Вырубов В. В. 27, 33, 34, 38, 39, 226, 282, 407, 414
* Вырубов Г. Н. 10, 55, 56, 177
* Вяземский В. Л., кн., гр. Левашов 27, 34, 37, 38, 40, 47, 71, 84, 89, 90, 98, 102, 122, 125, 126, 158, 167, 172, 176, 193, 222–224, 232, 234–236, 238, 239, 241, 245, 253, 255, 263, 265, 267, 268, 310, 312, 339, 341, 345, 347, 349, 351–354, 357, 421, 423, 424, 426, 431, 433, 435

* Габихт К. А. 377
* Габрилович (псевд. Галич) Л. Е. 269, 270, 275, 277, 283, 402
* Гагарин Е. Ф., кн. 140
* Гаджинский С. Б. 269, 271
* Газданов Г. И. 213, 417, 418
* Гайдаров И. И. 159, 264, 267
* Галамян И. А. 269, 271, 405
* Галип А. М. 134
* Гальперин С. З. 183, 184, 200
* Гальперин-Каминский И. Д. 58
* Гальперн А. Я. 12, 107, 108, 110–115, 117–119, 122, 125, 126
* Гамалея С. И. 5, 83
* Гамбаров Ю. С. 59, 61, 62, 91, 94, 118
* Гамбс Э. Э. 388, 389
Гамбергер Ю. 77
* Гардер М. В. 203
* Гарибальди Дж. 16, 54, 69, 146
* Гвазава Г. 268
* Гвозданович К. В. 27, 223, 225, 242, 243, 248, 261, 307, 308, 338, 356, 426
* Гегель Г. Ф. 211, 337
* Гегечкори Е. П. 12, 107, 110, 116
* Гелелович С. Б. 294
* Геловани В. Л., кн. 102, 105, 118
* Генон Р. 142
Генрих IV, франц. король 53
Георгий Михайлович, вел. кн. 89
* Гепнер Б. П. 39
Гераклит 213, 272
* Герман Ю.-Г.-Э. 370–373, 375
* Герман Э.-А.-Ю. 373
* Гернгросс А. Р. 159, 232, 234
Герцен А. И. 53
* Гершун Б. Л. 118, 185, 193, 198, 200, 252, 376, 412, 413, 433
* Гес де Кальве К. П. 118, 271
* Гессе Г. В. Ф. 373
* Гессен В. Н. 58, 59, 118
Гессен И. В. 11
* Гёте И. В. 319, 320, 382
* Гефтер А. А. 269, 291–294, 351, 417
* Гилемон П. 212
* Гинзбург Ф. А. 140, 254
* Гиппиус З. Н. 111, 117, 170, 418
Гитлер (собств. Шикльгрубер) А. 295, 312, 323
* Глаголевский С. В. — см. Серафим, митрополит

* Глазберг Н. Б. 35, 106, 118, 184, 252, 312, 313, 320, 322, 323, 326, 329, 331, 358, 413, 414
* Глинский А. М. 282, 288
* Гойер Л. В. фон 229, 233, 243, 253, 269, 270, 272, 273, 275, 278, 279, 281–283, 285, 294, 303–308, 336–339, 341, 343, 344, 426
* Гойер С. фон 303, 357, 426
* Голеевский Н. Л. 140, 141, 157, 239–242, 245, 248, 254, 263, 266, 276, 278, 301, 334, 335, 337, 339–342, 344, 352, 433
* Голенищев-Кутузов И. Н. 229, 277, 285, 289, 292, 367, 417, 418
* Голенищев-Кутузов С. А., гр. 158, 233, 266, 269, 283
Голенищева-Кутузова И. Ф. 367
* Голицын А. Н., кн. 318
* Головин Ф. А. 58, 59, 97, 100, 112–114, 116
* Голубков К. Г. 113, 114
* Гольд В. 184, 193, 202
* Гольдберг Я. И. 282, 292
* Гольденштейн Н. А. 415, 434
* Гольдовский О. Б. 118
* Гольдрин С. Ф. 313, 333, 431
* Гольм А. К. 118
* Гольтроп Л. К. Ф. 84
Гольштейн А. В. 367
* Гончаров А. Н. 303, 304
Горгулов П. 182
* Гордеенко Я. Н. 117
* Гордовский В. Н. 226, 228, 311
* Горленко Р. И. 232
Горн В. Л. 376
Городницкий Р. А. 14, 103, 129, 296
Горький М. (собств. Пешков А. М.) 62
* Гофман Г. Ф. 140, 158, 225
* Гофман де-Мерваль В. Г. 374, 375
Гранат А. Н. 61
Гранат И. Н. 61
* Гранов А. В. 234–236
Гревс И. М. 61
* Гревс Т. В. 299
* Григорович-Барский Д. Н. 114, 116, 125, 188, 412, 413
* Гринспан М. 358
* Гринчук-Лукашевич Л. А. 223, 229, 251, 256, 348, 414
* Гродницкий В. Л. 415
* Гронский П. П. 150, 174, 183, 188, 199, 401–404, 406, 412, 416, 419, 421, 422
* Гросман А. С. 234, 236, 237, 410, 412
* Грубер А. И. 128, 173
* Грушевский М. С. 59, 113
* Грушко А. М. 277, 301
* Грынчаров К. Д. 381
Грюдель Г. 304
* Грюнберг В. А. 212, 225, 233, 319, 328, 329, 336, 337
* Грюнвальд (Grunwald) К. К. де 40, 145, 146, 222–224, 226, 231, 235, 236, 242, 269, 283, 304, 336, 339, 343, 404

* Гуаита С. де 67
* Гузевич И. 184
Гузик Я. 76
* Гуль Р. Б. 19, 43, 185, 187, 202
Гумилев Н. С. 273
* Гурвич Г. Д. 188, 199, 204, 210, 403, 415, 423
* Гуревич Б. А. 159, 418, 422
* Гуревич В. Я. 12, 118, 421
* Гурович Я. С. 174, 183, 184, 192, 200, 413
Гурский А.-Р. 376
Гус Я. 333
* Гусев Г. А. 282, 288
Гучков А. И. 23, 34, 120
Гюго В. 261
* Гюрджан А. М. 269, 283, 419

* Давид В. Ю. 373
* Давидов А. А. 252, 273, 283, 374, 378, 379, 385, 414
* Давыдов А. В. 41, 123, 146, 156, 157, 159, 221, 224, 242, 251, 255, 257, 266, 268, 269, 273, 279, 282, 287, 301, 309, 313, 339, 342–344, 346–348, 352, 353, 356
* Данковский Б. 134
Дарвин Ч. 323
* Де Ген Н. Н. 273, 283, 400
* Дезобри Б. В. 158, 168, 224, 239, 242
Декарт Р. 201, 272
* Делевский (собств. Юделевский) Я. Л. 174, 198, 215, 402, 411, 420, 422
* Дембо Д. 261
* Демидов И. П. 58, 114–116, 125, 126, 188, 405, 407, 421–423
* Демьянов А. А. 102, 114, 118, 413
* Ден В. Е. 146, 158, 160, 225, 257
Деникин А. И. 253
* Денни 240
* Дерюжинский С. А. 39, 408, 420
* Десницкий М. М. — см. Михаил, митрополит
* Джакели К. И. 184
* Джаншиев М. А. 184, 405
Джебран Дж. Х. 291
Дзержинский Ф. Э. 202
* Добрянский М. 88
* Добужинский М. В. 269, 279, 350, 405
* Долгоруков П. В., кн. 52
* Долинов М. А. 303
* Долинский С. Г. 226
* Домбровский М. В. 225
* Дон Аминадо (собств. Шполянский А. П.) 144, 185, 416
* Дориомедов Ю. Д. 426, 434
Достоевский Ф. М. 146
Дроздов В. М. — см. Филарет, митрополит
* Дуаньон Л. 328, 359
* Дубинский М. А. 406
* Дубягский 381
* Думер П. 182
* Дьяконов П. П. 287, 289, 433
* Дюбрель Ш. 132
Дюбуа 307
* Дюбуа А. Э. 118, 225, 226

* Дюмениль де Граммон М. 311, 359

* Евреинов Н. Н. 14, 277, 284, 285, 292, 304, 336–338, 357, 367
Еврипид 285
* Егиазаров С. С. 185
* Егиазаров-де-Норк Б.-Б. 184, 408
Екатерина II 5, 215, 312, 317, 318
* Елигулашвили И. 185
Елизавета, имп. росс. 317
* Елисеев Н. Г. 412
* Емельянов В. Н. 199
* Ермолов Б. Н. 27, 34, 38–40, 71, 282, [285], 286, 288, 289, 291, 328, 335, 338, 346, 421, 426, 429
* Ермолов Д. Н. 27, 35, 39, 285, 292, 293, [294], 421
* Ерухманов А. И. 202
* Ефремов И. Н. 35, 117, 120, 129, 141, 149, 150, 152, 154, 254, 403

* Жаботинский В. Е. 194, 419, 434
* Жарновский И. И. 269, 279
* Жданов Б. В. 250, 426, 433
* Жданов В. К. 241, 244, 311, 355
* Жданова-Лаванши М. Г. 297
Жеребков Ю. С. 433
Животовский А. 23
* Жилкин А. Ф. 374, 381, 382, 385
* Жихарев С. С. 103, 104, 112

* Забежинский Г. Б. 118, 185, 202, 215, 308
Завадский С. В. 421
* Завадский-Корсак В. В. 174, 434
* Завриев И. Х. 118, 184, 192
* Закович Б. Г. 303, 417
Замойский Л. П. 48
Замятин Е. И. 179
* Занвальд А. А. 380
* Захаров В. В. 223, 233
* Зданович Г. Ф. 96, 102
* Зелюк О. Г. 185
* Зенгер В. В. 375
* Зензинов В. М. 101, 125, 150, 416, 421, 422
Зильберберг (в замуж. Савинкова) Е. И. 296
* Зильберштейн А. 279, 287
* Зильберштейн С. Я. 158, 225, 265, 266, 268, 282, 287
Зимин 34
Зиновьев (собств. Радомысльский) Г. Е. 423
* Знаменский С. Ф. 123
* Зноско-Боровская М. В. 299
Зноско-Боровский Е. А. [299]
* Золотницкий Б. И. 118, 226
* Зубов В. П. 401
* Зульцер 299
* Зуров Л. Ф. 199, 417

* Иванов А. З. 158, 225, 252
* Иванов Б. В. 387, 388, 391, 395, 414
* Иванов В. И. 118
Иванов В. Ф. 253
* Иванов Д. Н. 381
* Иванов П. С. 215, 216

* Иванов С. А. 149, 150, 173, 420
* Иванов-Горянский А. 305
* Иванюков И. И. 66, 91, 94, 101, 118
* Ивашев В. Н. 229
* Игнатьев А. И. 241, 426
Иезекииль 246
* Извольский Г. А. 159
* Изразцов К. 128
* Ильин А. А. 364
* Имханицкий М. Я. 118, 147, 269, 272, 398, 434
Иоанн, св. ап. 78, 81, 83
Иоанн Готфский (Крымский), св. 55
Иоанн Кронштадтский, св. 75
* Иорданский М. Ю. 209, 401
* Исаев А. А. 59, 118, 123
Исаев М. К. 73–75
* Исцеленов Н. И. 260, 261, 405
Иуда Искариот 304

* Каган А. Б. 229, 311
* Кадиш М. П. 118, 413
* Казанджиев Д. М. 225, 234, 252, 380, 413
* Казаринов М. Г. 118, 156, 158, 231, 237, 251, 255, 340, 412, 414
* Казначеев Дм. Петр. (1794–1861) [72]
* Казначеев Дм. Петр. (к. 19 — 20 в.) 74, 84
* Казначеев П. М. 13, 72–74, 77–84, 118
Казначеева А. П. [74]
Казначеева Н. Г. [74]
Казначеевы 13, 72, 74, 78
* Кайлер (Keiler) Х.-К.-Х. 49, 92
* Кайрис Э. 124
* Кальманович С. Е. 103, 112, 118
* Каменка Г. Б. 140, 141, 251
* Каменский А. П. 229, 230, 418
Каменский В. 78
* Кандауров А. 273, 283
* Кандауров Д. П. 269, 279
* Кандауров Л. Д. 14, 16, 24, 25, 35, 85, 88–90, 95, 108, 109, 119, 127–130, 139, 141–143, 147–149, 151–153, 155, 157, 160–163, 171, 172, 203, 222, 224, 226, 235, 239, 253, 255, 257, 262, 264, 265, 268, 269, 282, 288, [289], 296, 297, 304, 309, 310, 334, 341, 343, 344, 346–348, 350–352, 355, 357, 359, 361, 363, 365, 368–370, 372, 375, 377, 380, 387, 388–394, 397, 398, 400
Кандаурова М. Д. — см. Макшеева М.Д.
Кант И. 211, 213, 272, 331
* Каплан К. П. 228, 230, 232, 235, 283, 310, 312, 428
* Карассо Э. 98
* Караулов В. А. 100
Кареев Н. И. 59
* Карташев А. В. 114, 117, 118, 122, 150, 169, 399, 401, 403, 415, 419
* Картье Ла Тент (Quartier La Tente) Э. 135

* Карумидзе Ш. А. 267
Карышев И. А. 59
* Кассим-заде К. М. 267
Катков Г. М. 44
* Катков К. М. 184
* Каульбарс А. Ф., бар. 84
* Каффи А. И. 15, 195, 196, 209–213, 215, 216
* Кафьян Х. Г. 213
* Кац Л. И. 234, 257, 262, 311, 328, 353, 354, 357–359, 413
* Кедрин Е. И. 16, 62, 65, 93, 94, 97, 100, 103–105, 107, 118, 149, 151, 253, 412, 421
* Келлер А. Ф., гр. 68, 140, 227, 235, 241, 242, 248, 257, 258, 262, 325, 335–337, 339, 341
* Келлер Н. И. 298
* Кельберин И. Ф. 185, 202, 413
Кельнер В. Е. 150
* Керенский (Kerensky) А. Ф. 11, 34, 35, 85, 113–115, 117–120, 122, 125, 126, 130, 131, 178, 179, 400, 419, 422
* Кефели М. О. 257, 259
* Кивелиович М. П. 196, 201, 209, 212–214, 216, 237, 261, 402, 411
* Кильвейн Г. Р. 58, 113
* Киплинг Р. 86
Кирилл, св. 90
Кирилл Владимирович, вел. кн. 393
Кириченко-Астромов Б. В. 74
* Киркель Л. А. 226
* Киро Б. М. 257
Киров (собств. Костриков) С. М. 193
* Кистяковский И. А. 118, 159, 224, 226, 232, 234, 242, 251–255, 269, 287, 412, 423
Клепинин Д. А. 433
* Клодницкая А. 297–299
* Клягин А. П. 156, 158, 224, 239, 273, 283, 433
* Кобеко И. П. 257, 258, 352, 353, 355, 357–359, 426
* Кобяков Д. Ю. 279, 289, 301, 417, 418
* Ковалев П. И. 229, 232, 404
* Ковалевский Е. П. 140, 169, 400, 401, 404, 406, 412, 414, 423
* Ковалевский М. М. 10, 48, 57, 59–63, 65, 66, 91–95, 97, 101, 102, 106, 107, 117, 118, 120, 128, 143, 365–367, 434
* Когблетианц Е. Г. 184, 402, 403, 422
* Кодолбан В. К. 225
* Кожин Н. С. 273, 288, 434
Козьмин Б. П. 12, 53
* Кокошкин Ф. Ф. 58, 116
* Коллавери Ф. 429
* Колокольцов В. Г. 174, 253, 410
* Колпакчи Г. И. 260
Колчак А. В. 146, 253, 388, 391
* Колюбакин А. М. 58, 100, 107, 112, 115, 116
* Комб (Combes) А. 92, 136, 381
Коменский Я. А. 325, 333
* Кондратьев В. А. 303, 304, 309, 358, 426

* Конигиссер Я. И. 118, 413
* Коновалов А. И. 35, 117, 120, 122, 125, 129, 132, 404, 405, 407, 414, 421
* Консариан Р. Г. 413
Константин Великий, визант. имп. 248, 338
Конт О. 55
Коперник Н. 272
Корнилов Л. Г. 179
* Корнфельд М. Г. 27, 146, 222, 223, 225, 228–230, 236, 237, 242, 251, 256–258, 262, 339, 355, 359
* Короленко В. В. 118, 375, 412
* Корф С. А., бар. 140, 149
* Костевич М. М. 271, 283, 404, 414
* Костин А. А. 128
* Костюк Е. М. 414
* Косякова 299
Котляревская М. П. 430
* Котляревский Н. А. 57, 91, 118
* Котляревский С. А. 58, 59, 65, 66, 92, 100, 101
* Кочубей В. В., кн. 140, 159, 239, 263, 268, 283, 350
* Коэн А. 333
* Краевич Б. К. 241, 244, 337, 339, 341, 358, 426, 431, 435
Кривошеева Е. 245
Кривошеин А. В. 252
* Кривошеин И. А. 20, 158, 225, 231–233, 236, 238, 277, 282, 283, 288, 298, 299, 311, 319, 335, 339, 353, 357, 358, 414, 425, 430, 431, 433
* Кривуц В. Ф. 279, 288, 289
* Кровопусков К. Р. 174, 399, 403, 404, 407, 408, 410, 420,
* Кроль Л. А. 114, 174, 176, 178, 181, 188, 228, 422
* Кроль М. А. 174, 178, 195, 201, 215, 319, 320, 411, 422, 434
* Крузенштерн К. А., бар. 385
* Крузенштерн Н. 234, 358
* Крыжановский Н. А. 269
* Крым С. С. 174, 199, 410, 414
Крымов 34
Крымов А. М. 33, 34, 120
* Кугушев В. А., кн. 121
* Кугушев П. И., кн. 129, 141, 147, 149, 151, 155, 157, 167, 225, 239, 300, 369, 406
* Кузнецов Я. Х. 158, 252
* Кузьмин-Караваев В. Д. 58, 101, 117, 118, 132, 158, 163–165, 169, 172, 221, 223, 224, 240, 251, 255, 339, 340, 347, 380, 399, 401–404, 413
Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко; в монашестве Мария) Е. Ю. 433
* Куликов П. А. 241
* Кулишер А. М. 118, 174, 188, 257, 259–261, 402–404, 411, 413, 415, 422, 434
* Кулишер Е. М. 118, 376, 413
* Кумминг Е. Л. 385
* Курагин К. Ф. 338, 413
* Куриев М. М. 242, 264, 266
* Курилов В. И. 365, 366

* Курлов Г. В. 257, 400, 408, 412
* Кускова (урожд. Есипова) Е. Д. 11, 12, 58, 110, 111, 117, 118, 420
Кутепов А. П. 305

* Лабзин А. Ф. 177, 318
* Лабинский А. И. 237, 405, 418
* Лавреньев А. Д. 118, 369, 374, 378, 383, 393, 413
* Ладинский А. П. 174, 417, 418
* Ладо-Бордовский И. М. 285, 288
* Лампен В. Е. 319
* Лампен Г. Е. 313
* Лантуан А. 261, 327
* Лафер Л. 95, 101
* Лаховский А. Б. 174, 185, 419
* Лебедев В. И. 366, 422
* Лебедев И. К. 325
* Лебедева Л. 298
* Леви Э. (собств. Констан А.-Л.) 76
* Левин С. Я. 27, 28, 212, 257–259, 261, 262, 337, 352, 355, 357, 358, 426
* Левинсон Г. Н. 223, 225, 228, 257, 357, 380
* Левицкий А. Н. 134
* Левицкий (Рогаль-Левицкий) А. С. 184, 192, 199, 301, 433
* Легат Н. Г. 262, [297]
* Легат (урожд. Николаева) Н. Н. 297, 298
* Ледбитер Ч. В. 76
* Ледницкий А. Р. 118, 252
* Лее Р. И. 229
Лейбниц Г. В. 272
* Лейтес К. С. 319, 323, 330, 332, 333, 411, 428
Леклерк (собств. де Отклок) Ф.-М. 434
Ленин (Ульянов) В. И. 60, 66, 106, 164, 238, 423
* Леонарди С. С. 159
Леонардо да Винчи 288
Леонтьев Я. В. 12
* Лепковский Б. Е. 140, 404
Лесгафт П. Ф. 118
* Лециус Г. Г. 285, 291
* Лианозов С. Г. 158, 160, 251–253, 255, 263, 265, 268, 306, 312, 319, 326, 328, 329, 332, 333, 351, 358, 399, 414, 423, 430–432, 435
* Либерман С. И. 434
* Ливен П. А., кн. 159, 168, 225, 239, 241
* Лимузен Ш. М. 68, 91, 92
* Линцбах Я. И. 174, 199, 210–212, 214, 402
* Липман М. М. 184
* Лиссин В. М. 212, 232, 234–236, 369
Литвинов (собств. Валлах) М. М. 23
* Лишке К. А. 405, 421
* Лобанов В. С. 374
* Лобанов-Ростовский А. А., кн. 156, 158, 168, 221, 266, 269, 283, 296, 368, 388–393, 395–398, 414
* Лобанов-Ростовский К. А., кн. 388, [389]

* Ломбард Б.-С. 107, 108
* Ломейер А. Э. 258, 262, 310, 313, 336
* Ломм 237
Лонгинов М. Н. 341
* Лопухин А. А. 103
* Лопухин И. В. 53, 77, 177, 216
* Лоран М. 269
* Лоренц Э. М. 382
* Лорис-Меликов И. З. 62, 91, 102, 105
Лосская Е. К. 75, 76, 82
* Лосский Н. О. 118, 403, 420
* Лугинин В. Ф. 56
* Лукаш И. С. 225, 227, 228, 230, 380, 423
Лунин А. Н. 48
* Лурье Е. 303, 304
* Лутугин Л. И. 58, 59
* Луцкий С. А. 212, 213, 216, 417, 418, 420
* Лучицкий И. В. 96, 118
* Лысенко Г. 134
* Лыщинский-Троекуров В. В., кн. 28, 145, 159, 225, 239, 241, 243, 334, 339, 349, 362, 363
Львов Г. Е., кн. 34, 35, 122
Львов (собств. Клячко) Л. М. 117
* Люби К. Г. де ля 223, 237, 262
* Люби Р. де ля 298, 299
* Любимов Л. Д. 225, 227, 228, 416
* Люблинский П. А. 257
Людовик Филипп, франц. король 87
Лютер М. 295
* Мабо М. М. 212
* Магат И. С. 174, 199, 214, 410
* Магидович Б. П. 27, 303, 304, 306–308, 357
* Мазе А. И. 257
* Мазор М. М. 413
* Майдель Г. Х., бар. 97
* Майер К. Н. 226, 237
* Майер Н. В. 118, 225, 226, 231, 237, 417
* Макаров П. М. 101, 117
Македонский М. П. 77, 83
* Макеев Н. В. 199, 407
* Макеев Ю. Л. 241, 249, 408
* Макинский А. П., кн. 303, 307
* Маклаков В. А. 22, 38, 58, 65, 66, 92, 95, 97, 100, 103, 105, 118, 147, 150, 171, 173, 181, 183, 222, 372, 399, 400, 403, 404, 408, 410, 415, 418, 433
* Маковский С. К. 14, 266, 269, 270, 273, 275, 276, 286, 288, 405, 421
* Максимович А. П. 292
* Макшеев Ф. Ф. 143, 145, 147–149, 151, 153, 155–157, 159, 225, 239–242, 251, 254, 255, 257, 346, 423
Макшеева (урожд. Кандаурова) М. Д. 151
* Макшеева (в замуж. Порталье) Н. 298
* Малышенко Н. И. 277, 283
* Мамонтов А. И. 141, 142, 147, 149, 151, 156, 157, 159, 160, 163, 167,

225, 234, 239, 240, 242, 251, 252, 255, 345–349, 351, 353–355, 414
* Мамонтов М. И. 223
Мандельштам А. Н. 23
* Марголин А. Д. 106, 252, 413
* Маргулиес (Margoulies) М. С. 11, 24, 34, 35, 85, 92, 95–99, 101, 103, 105, 112, 118, 129, 146, 171–173, 176, 181–185, 188, 189, 193, 198, 200, 202, 229, 233, 252, 253, 259, 313, 352, 357, 374–378, 412, 413, 416, 422, 427
* Маргулис М. А. 225, 226
* Марешаль Ж. 311
* Маринович Н. В. 140, 141, 147–149, 151, 153, 155, 157
Маркион 270
* Марков А. П. 188, 199, 400, 403, 404, 409, 422
* Марков Ф. С. 34, 179, 223–225, 232, 271, 380
* Маркотун С. К. 80, 82–84, 129, 133–135, 148, 149, 151–153, 171, 240, 297, 401
* Марушевский В. В. 364
* Марченко М. К. 140, 152
* Маршак Ак. О. 144, 145, 174, 199, 410, 415, 416
* Маршак Ал. О. 145, 410
* Матвеев В. Н. 282
* Матвеев С. Н. 300
Мах Э. 261
* Махин Ф. Е. 365–367
* Мацнев Н. 184
Мёбес Г. О. 73, 77–81
* Меерович Л. С. 118, 223, 225, 413
* Мейер А. А. 114, 117, 118
Мейерсон Э. 334, 336
* Мекк М. К. фон 127–129, 141, 142, 145, 147, 148
* Мелких А. М. 382
* Мельгузен А. К. 375, 385
Мельгунов С. П. 26, 28, 42
* Мельников Н. Н. 174, 183, 184, 192, 400, 408, 409, 419, 420
* Мендельсон М. С. 248, 257, 260–262, 301, 304, 309, 311, 312, 331, 332, 335–338, 343, 345, 398, 414, 426
* Менес А. 411
* Менженкампф Э. 279, 288
* Мережковский Д. С. 117, 400, 418, 422
* Местр Ж. де, гр. 160
* Метальников С. И. 118, 150, 170, 174, 199, 229, 242, 322, 323, 401–404
Метерлинк М. 214
Мефодий, св. 90
* Мечников И. 185
Мечников И. И. 59, 241, 415
* Мещерский П. А., кн. 158, 224, 226, 230, 239, 282, 335, 369
* Мидилев П. И. 381
* Миклашевский К. М. 214
* Милеант Н. Г. 408

Милица Николаевна, вел. кн. 70
* Мильский К. В. 20, 21
Милюков П. Н. 11, 59, 65, 122, 151, 179, 188
Минц И. И. 44, 45
* Миркин-Гецевич (псевд. Мирский) Б. С. 173, 183, 188, 192, 402–404, 413, 416, 419
* Миркович А. Г. 225, 227
* Миро Б. 358
* Михаил (Десницкий), митрополит 318
* Михельсон Александр М. 185, 401–404, 410, 414, 416, 422
* Михельсон Альб. 185
* Мишковский Н. Н. 369
* Могилянский Н. М. 401, 403, 404, 420
* Монашев Д. 417
* Монтегю (псевд. Брунсвик) Г. М. 106
* Монфред А. Г. де 426
* Монье М. 138, 266, 279, 344, 348
* Мордвинов А. А., гр. 140, 156–158, 225, 226, 239, 241, 242, 251, 256, 258, 334, 339–341, 387
* Море Ф. 134
* Морозов Н. А. 13, 103, 118
* Морской (собств. Гринберг) А. А. 141, 142, 147, 158, 211, 227, 232, 352, 380, 416, 419, 420
* Моцарт В.-А. 287
* Мочульский К. В. 170, 269, 270, 273, 277, 403, 404, 406, 410, 417, 418
* Мстиславский (собств. Масловский) С. Д. 101, 109, 114, 117, 119
Муравьев В. Н. 71
Муравьев Н. В. 71
* Муравьев Н. С. 241, 249, 337
Муравьев-Амурский В. В., гр. 71–74
Муравьев-Амурский Н. Н., гр. 72
Муромцев С. А. 59
* Мусник Г. 129

* Навашин Д. С. 118, 140, 157, 223
* Нагачевский Н. И. 357
* Нагель А. П. 158, 223, 421
* Нагродская (урожд. Головачева) Е. А. [151], 296–298, 301
* Нагродский (Nagrodzki) В. А. 15, 24, 144, 145, 147, 149, 151, 157, 183, 223, 226, 251, 252, 254–262, 296, 298, 339, 341, 347, 364
* Назарьев Н. А. 84
* Намиток А. А. 264, 266
* Нарожницкий М. А. 380, 383
Натансон М. А. 103
* Наумов Н. И. 148, 149, 152, 156, 157, 159, 223
Невежин П. М. 86
* Неклюдов Н. М. 225, 230, 234, 272
* Некрасов Н. В. 12, 35, 100, 108, 109, 112–116, 120, 122
* Нелидова (урожд. Генкина) Е. А. 301
* Неманов Л. М. 185, 188, 193, 202, 411, 420

* Немирович-Данченко В. И. 65, 92, 376, 420
* Немирович-Данченко Г. В. 185, 416
* Ненезич (Nenežić) З. Д. 48, 366
* Нессельроде А. Д., гр. 112, 128, 150
* Нестеров И. В. 390, 391
* Нечаев А. А. 225
* Нидермиллер Н. Г. фон 118, 262, 311
* Никитин В. К. 159
* Никифоров Н. Н. 373–375, 379, 385
Николаевский Б. И. 10–12, 28, 41, 45, 84, 85, 94–100, 102–105, 107–111, 113–117, 119–123, 125, 223, 242
Николай I 238, 409
Николай II 62, [66], [70], 71, 73, 103, 119
Николай Николаевич, вел. кн. 70, 89
* Николь 62
Никон, патриарх 247
* Никонов А. А. 114
* Никонов С. А. 12, 110
* Нилус П. А. 174, 211, 419
* Ниссалович Л. А. 128, 269, 273, 289, 362
Ницше Ф. 57, 261, 334, 337
* Новиков Н. И. 5, 73, 79, 89, 90, 177, 227, 273, 318, 341
* Новицкий И. 84
* Новосёлов К. П. 216, 301, 307
* Новосёлов С. С. 158, 159, 222, 223
* Нозик Я. Л. 39
* Носсович М. 129
Ньютон И. 272
* Обнинский В. П. 100, 101, 113, 118
* Оболенский В. А., кн. 12, 58, 100, 101, 125, 126, 188, 405, 407, 410, 419, 420, 422
* Оболенский Д. А., кн. 225
Оболенский С. В., кн. 12
* Оболенцев Ф. Ф. 214, 215, 234
* Огарев Б. П. 241
* Оглоблев Е. И. 421
* Одинец Д. М. 31, 118, 123, 124, 132, 150, 158, 174, 188, 402–404, 406, 410, 414, 415, 420, 422, 433
* Орлов-Давыдов А. А., гр. 92, 97, 102, 103, 116, 125, 184
* Орловский С. В. 385
* Орнштейн Б. С. 118, 257, 413
* Осоргин (собств. Ильин) М. А. 20, 30, 150, 174, 177–179, 181–183, 185, 187, 189–191, 194–201, 203–206, 208–220, 229, 259, 260, 287, 300, 329, 357, 404, 416–418, 420, 422, 427, 428, 430, 431, 434
Осоргина (урожд. Бакунина) Т. А. 17, 18, 20, 30, 31, 43, 217, 220, 299, 430
* Очан И. О. 434

Павел, св. ап. 236
Павлов И. П. 199, 214
Панаева-Головачева А. Я. 296, 298
* Папюс (Papus; собств. Энкосс Ж.) 27, 67–71, 73–77, 80–82, 84
* Парис В. А. 279, 282, 426

Парменид 272
* Парониан А. А. 185
* Парсонс В. В. 159
* Парчевский К. К. 185, 193, 413, 416, 420
Паскаль Б. 261, 304
* Пасманик Д. С. 145, 146, 159, 163, 164, 169, 224, 226, 254, 340, 415, 416, 419
* Патек С. А. 148
* Певцов-Модрах Ю. М. 210–215, 230
* Пелехин Б. П. 241, 414
* Пельтцер С. С. 20
* Пенье П. 366
* Пергамент О. Я. 101
* Переверзев П. Н. 30, 101, 106, 118, 123, 125, 174, 181, 183, 195, 200, 201, 209–211, 213–216, 228, 238, 260, 299, 355, 358, 407, 412, 413, 422, 431, 434
* Петкович Г. И. 369
* Петлюра С. В. 124, 132–136
Пётр, св. ап. 81, 248
Пётр I 228, 382
Пётр Николаевич, вел. кн. 70, 89
* Петров 134
* Петров Д. М. 225, 231, 410, 413, 418
* Петровский Н. В. 118, 183, 192, 413, 415
* Петрусевич Б. М. 213, 223, 231, 328, 426, 434
* Пиетри А. К. 312, 321
* Пилипенко А. Ф. 434
Пилсудский Ю. К. 362, 363
* Пилсудский Я. 363
Пинятель 258
Писемский А. Ф. 236
* Пистшальский И. 129
Пифагор 260, 261, 338
Платон 272, 293, 334, 337, 338
* Платонов К. С. 391
Плеве В. К. 64
Плеханов Г. В. 60
Плотин 338
* Поволоцкий Я. Е. 141, 142, 173, 410, 419
* Погожев П. В. 27, 159, 225, 243, 339, 349
* Подобедов А. А. 174, 410, 413
* Подпах Я. П. 415
Познер В. С. 150
* Познер С. В. 118, 150, 174, 411, 416
* Позняк А. И. 200, 212, 414
* Покровский Б. Л. 20, 287, 412, 421
* Полетика В. И. 385
* Поливанов А. В. 229
Половцев А. А. 70, 71
* Половцев П. А. 41, 140, 141, 156, 158, 160, 230, 239–242, 251, 252, 262, 291, 339, 340, 345, 347, 348, 351, 363, 399, 408
* Полонский А. Я. 39
* Полонский Я. Б. 184, 419
* Поль В. И. 184, 202, 402, 404, 405
* Поляк С. Г. 96, 252, 375, 377
* Поляков А. А. 226, 228

* Поляков А. Л. 228, 230, 433
* Поляков В. Я. 273, 426, 434
* Поляков-Литовцев (собств. Поляков) С. Л. 188, 406, 411, 416, 418
Поплавский Б. Ю. 303
Попов А. 362
* Пораделов Н. Н. 173
* Посохов С. А. 140, 147–150, 152, 153, 375
* Потемкин П. П. 223, 224, 415
* Потемкина Л. Д. 297, 298
* Прегель А. Ю. 303, 304, 307
* Прегель Б. Ю. 283, 303, 304, 308, 357
* Прейсман В. А. 199, 434
* Прекуль М. К. 301, 304
* Пригожин А. Н. 273, 434
* Пробаг Краснодебский Г. де 129
* Прокопенко А. П. 211–216, 304, 306–309, 335, 337, 338, 356, 357, 402, 404, 406, 410, 415, 418, 426, 430
* Прокопович С. Н. 58, 117, 188, 420
* Протасьев Н. Н. 233, 241, 244, 311, 328, 332, 335, 355, 357, 358, 409, 415, 416, 431
* Прохоров Я. С. 380, 382, 385
* Пругавин А. С. 58
* Путилов А. И. 145, 147, 155, 157, 221, 224, 251, 252, 255, 257, 266, 269, 283
* Пушкин А. С. 20, 21, 214, 236, 239, 243, 249, 357
Пыпин А. Н. 84, 89
* Пьянков А. Н. 282, 283, 286, 290, 292, 426

* Рабинович Е. С. 313, 326
* Рабинович Ф. Я. — см. Рич Ф. Я.
* Рабинович Э. Л. 225, 311
* Рабинович Я. Б. 279, 282, 289, 337, 338, 434
Радек К. 423
Раев М. 370
Раевская-Хьюз О. 379
Разин С. Т. 63
* Райгородский А. Е. 184
* Раймон Р. 336
* Райс Э. М. 434
* Рапп Е. И. 128
* Раппопорт А. Ю. 118, 188, 238, 415
* Расин В. Ю. 229, 283, 311, 411
Распутин (собств. Новых) Г. Е. 33, 71
Ратаев Л. А. 63
* Ратнер Е. В. 158, 228, 229, 231, 234, 260, 304, 404
* Ратнер М. Д. 118
* Рафалович И. И. 215, 410, 434
* Рафалович С. Л. 269, 273, 283
Рахманинов С. В. 404
Рачковский П. И. 63
* Рашеев В. А. 313, 325
* Ревелиотти Л. Х. 10, 149, 388
* Редин Б. М. 20, 301, 408
* Рейсс Т. 69
* Рейтборже М. И. 173, 184, 192, 232, 415

* Репнин Д. В., кн. 241, 302, 303, 308, 339, 341, 352, 355, 358, 426
* Рёсслейн Д. К. 353, 355, 383
* Ржепецкий А. К. 273, 283
* Рич (собств. Рабинович) Ф. Я. 185, 357
* Рише Ш. 212
* Роберти Е. В. де 57, 59–62, 65, 66, 94, 106, 143
* Робинсон Л. М. 226
* Рогаль-Левицкий А. С. — см. Левицкий А. С.
* Рогаль-Левицкий Ю. С. 303, 417
* Роговский Е. Ф. 174, 404, 407, 434
* Роде А. Ф. 375, 377
Родзянко М. В. 122
Родригез 307
Розанов В. В. 249, 277
* Розанов Н. С. 102
Розенберг А. 261
* Ромашков-Рославльский Ф. Г. 301, 304
* Ромер М. П. 124
* Ротинов С. Г. 159
* Рощин (собств. Фёдоров) Н. Я. 241, 406
* Рубинштейн Я. Л. 17, 125, 126, 399, 404, 405, 407, 408, 410, 413, 422
* Руднев Н. 184
* Рузвельт Ф. Д. 304
* Рузский Д. П. 114, 117
* Руммель Ю. В. 85
* Руперти 391
Рыбинский Н. 22
Рындина Л. Д. 77, 78, 80, 81, 83, 297
* Рысс П. Я. 303, 304, 307, 357, 404, 416, 419, 421
* Рябушинский В. П. 252, 400, 402, 405, 406, 414, 423
* Рябушинский П. П. 223
* Рязанов В. И. 434

* Саблин В. Е. 398
* Савалетт де Ланж Ш.-П.-П. 85
* Савельев А. — см. Шерман С. Г.
Савин А. В. 20, 342
* Савинков Б. В. 14, 120, 129, 141, 146, 147, 149, 152, 153, 296, [298]
* Савинков В. В. 298, 300
Савинкова Е. И. — см. Зильберберг Е. И.
* Савицкий Н. В. 225
* Сазонов Н. И. 33
* Салтыков Н. Н. 169, 364, 421
* Самбор Н. К. 226, 415
* Сандерс М. 304
* Сарач М. С. 303
* Сафир П. М. 215
* Сафонов В. Ф. 279, 282, 283, 287, 291, 294, 302, 308, 310–312, 329, 332, 333, 335, 342, 350, 353–355, 358, 359, 427
* Сахаров И. Н. 118
* Свечин А. А. 58, 100, 101, 116
* Свешников Н. И. 223, 373, 381
* Свидерская (урожд. Величко) С. 299
* Свидерский И. 303

Свистунов Б. В. 424
Свитков (Степанов) Н. 23
* Свищев И. С. 367, 421
* Свободин В. П. 225, 233, 237, 238, 311, 313, 339, 341, 380, 415, 431
Седир П. 72, 426
Сейделер К. — см. Бегичева-Иванова К.
* Сейделер М. Н. 158, 239, 263, 268, 282, 287, 294, 353, 426, 427
* Сейделер О. М. 225
* Семёнов Ю. Ф. 158, 169, 226, 233, 263, 264, 268, 287, 400, 401, 419, 423
* Сен-Жермен, гр. 260, 300
* Сен-Мартен Л. К. Д. 76, 79
Сент-Ив д'Альвейдр 68, 341
Серапионова Е. П. 370
* Серафим (Глаголевский), митрополит 318
Серафим Саровский, св. 242
Сервантес де Сааведра М. 306, 325
* Сергеенко Ю. Ф. 39
* Серк Э. А. 383
* Сидамон-Эристов Г. Д., кн. 108, 118
Сидоренко Е. — см. Мстиславский С. Д.
* Симунек Е. П. 414
* Скаржинский Н. В. 405
* Скворцов-Степанов И. И. 120
* Скобелев М. И. 113, 116
Сковорода Г. С. 242
* Скоропадский П. П. 124
* Скосарев В. Н. 158, 159, 223, 364, 375, 415
* Скочинский А. 367
* Скрябин А. Н. 146, 158
* Скрябин В. В. 241–243, 248
* Скрябин В. Н. 141, 142, 157, 224
* Слежявичюс М. 124
* Слиозберг Г. Б. 24, 118, 136, 141, 142, 145, 147, 156, 157, 159–163, 169, 170, 221, 223–225, 230, 231, 235, 242, 245, 251, 252, 256, 257, [269], 283, 301, 307, 310–313, 325, 336, 338–341, 343, 345, 347, 351, 352, 357, 358, 390, 399, 403, 404, 410–412
* Слиозберг М. Г. 227, 231, 236, 269, 278, 288, 291, 336
* Слоним М. Л. 366, 411, 417–419, 423
* Смирнов Г. Я. 20, 27, 183, 203, 225, 228, 231, 238, 311–313, 315, 321, [324], 328, 331, 336, 353, 357, 426
Смирнов И. 321
* Смирнов М. И. 391, 397
Смит (Smith) Н. 12, 42
* Соболевский Г. И. 241, 244, 249
* Соймонов П. М. 158, 223
Соковнин К. 74
Соковнин М. 74
* Соколов Н. Д. 58, 122
* Соколов П. А. 146, 147, 158, 230, 242, 297, 339, 340, 380, 400, 408, 412

* Соколов (Кречетов) С. А. 78, 129, 149, 157, 159, 225, 297, 375, 377, 379, 382, 383, 385, 386, 412, 417
* Соколовская Е. П. 299
Соколовская Т. О. 88
Соколовский М. К. 88, 89
Сократ 215, 334, 337
* Солдатенков 388, 389, 397
Соловьев О. Ф. 44, 45, 47
Соломон 248
* Сорокин А. Т. 375
* Сосинский В. Б. 204, 417, 418, 421, 433, 434
* Сочивко С. К. 224, 227, 228, 230, 231, 235, 257, 258, 304, 412
Софокл 285
* Сперанский В. Н. 118, 188, 226, 402, 406, 413, 421, 422
* Сперанский М. М. 318
Спиноза Б. 336
Спиридонова М. С. 63
* Стааль А. Ф. 118, 184
Сталин (Джугашвили) И. В. 238
* Старкова В. 58, 298
Старцев В. И. 45, 47
* Старынкевич Д. К. 40, 402
* Старынкевич К. Д. 145, 224, 406
* Стекляров Л. И. 300, 406
* Стемповский С. 362
* Степанов В. А. 108, 112–114, 116
* Степанов В. И. 212
* Стерко Н. Г. 402, 409
Столыпин П. А. 121
* Страхович-Лаврецкий (собств. Лаврецкий) Н. В. 232, 369
* Струве М. А. 188, 417, 418
Струве П. Б. 89
* Субботин В. Ф. 409
* Суворов М. Н. 404, 409, 415, 423
* Суворов Н. А. 289, 292, 358
* Сукин И. И. 388, 389
* Суханов (собств. Гиммер) Н. Н. 117, 122
* Сыртланова (урожд. Шейх) А.-Х. 297–300
* Сэншоль (Saint-Chaul) Б. 34, 92, 95, 96, 172

* Талаат Паша Мехмет 98, 99
* Тамамшев М. И. 59, 62
* Татаринов В. Е. 27, 159, 184, 199, 202, 210, 223, 232–237, 245, 294, 299, 304, 337, 355, 356, 358, 359, 380, 383–385, 410, 420, 422, 426, 427
* Татарский К. 184
* Татищев Н. Д., гр. 303, 304
* Таубер Л. Я. 364, 365
Тедер (Teder) 69, 71
* Телепнев Б. В. 387–389, 391–397, 414
Телль В. 347
* Тёмкин З. И. 184, 415
* Теплов В. В. 125
* Тер-Осипов П. Н. 268, 413
* Тер-Погосьян М. М. 174, 181, 199, 422, 430
* Терапиано (урожд. Новосёлова) И. Н. 297
* Терапиано Ю. К. 24, 79, 83, 90, 134, 277, 283, 416, 418, 421

Терещенко И. 91
* Терещенко М. И. 35, 120
* Тесленко Н. В. 146, 150, 169, 183, 223–229, 242, 255, 258–262, 275, 340, 351, 353, 404, 410, 412, 413, 434
* Тикстон (Theakston) С. П. 20, 27, 32, 40, 41, 47, 50, 234, 238, 357, 431, 435
* Тираспольский Г. Л. 174, 183, 184, 192, 199, 259, 312, 320, 322, 325, 328, 404
Тито И. Б. 367
* Титце В. Р. 223, 232, 380
* Тиханович Г. С. 225, 232
* Тихомиров К. И. 259–262, 336, 353
* Товстолес Г. Н. 241, 244, 248, 335, 341, 431, 433, 435
Толмачева Л. В. 375
Толстой А. К., гр. 60
Толстой Л. Н., гр. 76, 146, 194, 236
* Томазов В. Г. 415
* Томазский А. 434
* Топер И. М. 287, 289, 357, 358, 434
* Трачевский А. С. 59, 60, 62, 91
* Третьяков С. Н. 231, 252, 253, 399, 405, 414, 423
* Тригер И. Л. 199, 410
* Троцкий И. М. 185, 188
Троцкий (собств. Бронштейн) Л. Д. 23, 423
Трояновский А. В. 75, 76
* Трухачев М. С. 185
Туган-Барановский М. И. 59
Тураев Б. 10
Тургенев И. С. 406
* Туржанский В. К. 118, 185
* Тутен Г.-Л. 291, 320
* Тутковская 298, 299
* Тутковский П. П. 226, 234
* Тухолка С. В. 277, 283
* Тхоржевский И. И. 158, 160, 221, 225, 251, 252, 255, 269, 416, 423

Уайт 296
Уиттимор Т. 285, 421
Унамуно М. де 334, 337
* Унгерн-Штернберг Р. Р., бар. 158
* Урусов П. 303
* Урусов С. Д., кн. 97, 98, 101, 103, 108, 113, 114, 119
* Успенский В. В. 32
Утин Н. И. 53
* Ухтомский А. И., кн. 53
* Ухтомский С. А., кн. 53
* Ушанов И. А. 257

Фатимиды 290
* Фёдоров А. С. 215, 248
Фёдоров М. М. 253
* Фёдоров Н. П. 257, 269, 283
Фейхтвангер Л. 330
* Фельдзер Э. Л. 232
* Фельз П. 230, 234
Фельштинский Ю. Г. 10
* Фесслер И. А. 318
Фигнер В. Н. 103

* Фидлер А. И. 223, 242
* Фидлер И. И. 257–259, 262, 325, 353, 357
Филарет (Дроздов), митрополит 318
Филипп Лионский (Philppe de Lyon, собств. Н. А. Вашо) 33, 67, 68, 70–72, 74
Филон Александрийский 338
* Филоненко М. М. 230, 257, 259–261, 282, 288, 336, 403, 413, 433
Философов Д. В. 107
* Фиников А. П. 146, 183, 184, 199, 224, 229, 402, 415
Флейшман Л. 379
Фома Аквинский 238
* Фондаминский-Бунаков И. И. 129, 149, 150, 188, 403, 415, 418, 419, 422
Фостер Л. А. 194
Франко Баамонде Ф. 266
Франс (собств. Тибо) А. 178
* Фредман-Клюзель Б. О. 225
* Фрейганг А. А. 158, 159, 362
Фрейд З. 309
* Френкель Л. Н. 375
* Фридиев М. Е. 422
* Фридрих Великий, прус. имп. 386
* Фрост М. Н. 158
* Фюрстенберг Б. А. 146, 159, 230

* Хагандоков К. Н. 159, 239, 264–267, 347
* Хаенко М. Н. 368, 370
* Хазин А. 279, 283
* Хальберштадт В. Э. 303
* Харжевский В. И. 367, 368
* Харитонов В. Г. 121
Хасс (Hass) Л. Б. 26, 32, 43, 46, 47, 49, 50, 53, 55, 85, 88, 106, 124, 133, 134, 136
* Хатисов А. И. 174, 183, 253, 357, 401, 404, 434
* Хвостов Д. С. 285
Хёйзинга Й. 323
Хеопс 382
Хирам 75, 194, 211, 227, 260
Ходасевич В. Ф. 273
Хомицкий 367
* Хорват Л. 84
* Хочалава Я. В. 415
* Хрипунов 375, 377, 378, 385, 400, 407–409, 414, 415, 423
Хьюз Р. 379

* Цветковский Ю. Ю. 271, 283
* Цвибак Я. М. (псевд. Андрей Седых) 141, 142, 174, 184, 419
* Цитович В. 401

* Чаадаев П. Я. 193
* Чайковский Н. В. 14, 28, 108, 119, 132, 140, 149, 150, 152, 156, 157, 163, 165, 166, 188, 221, 223, 224, 239, 240, 242, 245, 253, 254, 339, 347, 407, 410, 419, 422
* Чебышев А. А. 185, 406, 412, 418
Чебышев Н. Н. 253
* Челищев В. Н. 365, 410, 412, 422

Челноков М. В. 122
* Чермак Л. К. 12, 101, 109–111, 121
Черменский Е. Д. 44, 101
* Чермоев А.-М. А. 266–268
* Чермоев О. 266
Чермоевы 264, 267
Чернов В. М. 59
Чернов С. Н. 12
* Черносвитов К. К. 100, 106, 116, 118
* Чёрный Саша (собств. Гликберг А. М.) 184, 416
* Чехов В. А. 364
Чинский Ч. И. 75–77, 79, 80, 82
Чистяков П. А. 89
* Чубинский А. М. 364
* Чубинский М. П. 118, 120, 223, 224, 251, 252, 254, 255, 257, 364, 365–367
Чупров А. И. 61
* Чхеидзе Н. С. 12, 109, 116, 117, 119, 122
* Чхенкели А. И. 117

* Шабосо О. 67
* Шадиро Ж. 311
* Шайкевич А. А. 185
* Шакманов Т.-С. К. 264, 267
* Шаков И. М. 264, 266, 415
* Шалье (Шайе) Р. 15, 138, 142
Шаляпин Ф. И. 223
* Шампенуа И. К. 242
* Шамшин Т. А. 415
* Шапиро А. С. 118, 185, 413
* Шапиро С. Я. 262, 283, 310, 434
* Шателен С. 391, 397
* Шах В. М. 12, 174, 199, 410, 411, 434
* Шацкий Б. Е. 118, 269, 271, 280, 283, 284, 370, 402, 403, 413, 419
* Шварц И. Г. 177
* Швецов Б. 266, 269, 287
Шевченко Т. Г. 133
Шекспир В. 201
* Шеншин С. Б. 426
* Шереметев Д. А., гр. 156, 158, 221, 230, 231, 233, 236, 242, 245, 248, 264–266, 328, 334, 339–343, 345, 347, 356
* Шерман С. Г. (псевд. Савельев А.) 199, 201
* Шерфер А. Н. 375
* Шефтель Я. М. 118, 174, 183, 192, 403, 404, 411, 413, 422
* Шилов Ф. И. 84
* Шиловский П. В. 241, 243, 244, 414
* Шилтян Г. И. 419
* Шингарев А. И. 59, 100, 116
* Широков М. П. 128
* Шишковский А. В. 288, 291, 357
* Шклявер Г. Г. 39, 292, 294, 402, 423
* Шлиппе Ф. В. фон 383, 407
* Шор Е. Д. 262
* Шор Ю. А. 185, 426
Шпенглер О. 156
* Штейнгель Б. Л., бар. 376
* Штейнгель П. Л., бар. 159, 267
* Штейнгель Ф. Р., бар. 96, 100, 101, 113, 114, 116, 376

* Штейнер Р. 65, 76
* Штейнмейер М. Г. 383
* Штерн И. Ф. 146, 158, 225
Штерн С. Ф. 433
* Штиглиц Э. К. 374, 375, 377–379
* Штрандман В. Н. фон 366, 421
* Шувалов П. А., гр. 391
* Шумицкий Н. А. 133–136, 147, 171, 401

* Щёголев П. Е. 10, 13, 104
* Щербацкий А. И. 269, 289
Щукин И. И. 59

* Эвальд Г. Ф. 225
* Эдуард VII, англ. король 139
Эйнштейн А. 272
* Эйссенгард Е. А. 375
* Элухен А. К. 373, 375, 380, 382–385
* Энвер Паша 98, 99
Эпикур 338
* Эпштейн С. Е. 183, 184, 252, 434
* Эрдман А. 362
* Эрманс К. А. 223
Эррио Э. 285
* Эттингер Г. Я. 358, 415, 426
* Эттингер И. Я. 358, 434
* Эфрон С. Я. 245, 304, 305, 307, 418, 421, 423

Юденич Н. Н. 145, 272
* Юдицкий Л. 173
* Юлиус А. А. 19
* Юлиус А. М. 19, 417
Юсупов Ф. Ф., кн., гр. Сумароков-Эльстон 405

* Яблоновский (собств. Потресов) С. В. 271, 283, 404, 406, 410
* Яблочков П. Н. 55–57, 143
* Якобсон В. И. 174
* Яковлев А. С. 223, 414
* Яковлев В. А. 266, 269, 292
Яковлев В. Я. — см. Богучарский-Яковлев В. Я.
* Яковлев М. С. 287
Яковлев Н. Н. 12, 44–46
* Яковлев П. Ф. 225
* Янушевский В. А. 380
Ярошинский К. К. 23
* Яцук Н. В. 383

Бури• О. 365

* Browel 436
Castelot J. 341
* Encausse Ph. 71
Gide A. 326
Ikonnikov N. F. 72
Ligou D. 49, 53, 54, 56, 106
Norton B. 12
Paléologue M. 70
* Paterson 436
Villard de Honnecourt 40
Volkman H.-E. 384
Williams R. C. 384

SOMMAIRE

A. I. Serkov. Histoire de la Franc-Maçonnerie Russe. 1845–1945.
(Série: «La Franc-Maçonnerie Russe. Documents et recherches». № 2)

Introduction: sources et ouvrages littéraires. — La «nouvelle» Franc-Maçonnerie russe à l'étranger (1845–1905). — Les mystiques et les occultistes (1900–1923). — Renaissance de la Franc-Maçonnerie en Russe (1906–1917). — La Franc-Maçonnerie «de la Douma» (1910–1923). — Les débuts de la Franc-Maçonnerie russe en exil (1917–1924). — La Franc-Maçonnerie russe du Grand Orient de France (1924–1939). — Les Loges du Rite Ecossais Ancien et Accepté et les organisations qui y sont rattachées (1924–1939). — Le rayonnement de la Franc-Maçonnerie russe dans le monde. — L'activité sociale des francs-maçons russes. — La Franc-Maçonnerie russe durant les années de la Seconde Guerre Mondiale.

Le livre constitue la première étude monographique sur la Franc-Maçonnerie russe de la deuxième moitié du XIXème et de la première moitié du XXème siècles. Les dates (1845–1945) inclues dans le sous-titre du livre, signifient:

— la première: l'année d'initiation de Mikhaïl Alexandrovitch Bakounine;

— la seconde: l'année de la reprise des travaux des Loges maçonniques russes de Paris après la Seconde Guerre Mondiale.

Ces cent années englobent une multitude de courants et d'évènements divers très peu étudiés jusqu'ici par les historiens. Se basant sur des années de recherches aux archives de Moscou et de Paris, y compris celles de la Grand Loge de France et du Grand Orient de France, et utilisant de nombreux matériaux issus d'archives personnelles, l'auteur dégage les étapes et les mouvements d'idées principaux de ces cent années.

La deuxième moitié du XIXème siècle ne montre que les initiations sporadiques des oppositions anarchiste et libérale à l'étranger. Ces initiations ne s'appliquent nullement à l'Ordre de la Rose-Croix russe, qui, après

l'interdiction gouvernementale de 1822, continua à exister dans la clandestinité et disparut vers le début du XXème siècle. Ainsi, la tradition fut rompue et par la suite, la Franc-Maçonnerie fut de nouveau importée d'Europe en Russie.

Cela devint possible après 1905, à l'époque des réformes démocratiques. Premièrement, en ce temps-là, toutes sortes d'organisations mystiques et occultistes, rattachées d'une manière ou d'une autre à la Franc-Maçonnerie (le martinisme de Papus, l'Ordre des Chevaliers Filalet et d'autres) font leur apparition. Deuxièmement, des libéraux qui avaient émigré, créent en Russie une nouvelle structure maçonnique tournée vers le Grand Orient de France. La lutte sociale s'intensifiant, la Franc-Maçonnerie russe prend un caractère très politisé; elle s'organise en une dite Franc-Maçonnerie de la Douma à laquelle se joignent les leaders de la gauche politique. Cette Franc-Maçonnerie renonce au côté initiatique et rituel et utilise les relations des Ordres dans un but politique; toutefois, aucun document confirmant la thèse de la propagande antimaçonnique visant à faire croire à un complot politique de la part des franc-maçons dans le but de renverser le tsarisme, n'a été retrouvé.

Pendant la Révolution et la Guerre Civile, toutes les organisations maçonniques de Russie vont se confondre. Et, c'est seulement en 1923, dans les milieux de l'émigration russe, d'une manière générale, à Paris, que deux structures maçonniques sont légalisées: l'une relève de la Grand Loge de France, l'autre du Grand Orient de France. Les deux plus grand chapitres de ce livre sont consacrés à l'analyse de l'activité des Loges russes dans le cadre de ces obédiences. Ils contiennent des informations détaillées sur l'initiation de leurs membres les plus marquants, sur les dirigeants des Loges, sur le thème des exposés, sur les mouvements d'idées essentiels.

Deux Loges sont légalisées au Grand Orient. Il s'agit de l'Etoile du Nord et de la Russie Libre, dont la dernière citée est avant tout composée de francs-maçons russes politisés; M. Ossorguine et M. Margouliesse, Vénérables des deux Loges, s'opposeront dans un conflit concernant justement l'utilisation de la Franc-Maçonnerie à des fins politiques. A Paris, une autre Loge est rattachée au nom d'Ossorguine. Il s'agit des Frères du Nord, dans laquelle, en dépit des orientations sociales propres à la Franc-Maçonnerie, on a essayé de créer une véritable fraternité entre les membres qui suivent la voie du perfectionnement individuel.

La Franc-Maçonnerie russe de la Grand Loge de France a également

été divisée en une série de Loges qui regroupent les maçons selon les intérêts sociaux ou les aspirations spirituelles qu'ils ont en commun. Chacune de ces Loges est décrite séparément dans ce livre: Astrée, Hermès, l'Aurore Boréale, la Toison d'Or, Jupiter, Gamayoun, le Lotus, ainsi que les Loges des plus hauts rangs qui dirigeaient la Franc-Maçonnerie russe de l'Ordre Ecossais. Dans l'ouvrage, une analyse toute particulière est accordée à la Franc-Maçonnerie féminine et mixte dans les Loges dites adoptives de la Grand Loge de France et de celles de la fédération du Droit Humain.

Hormis la France, des Loges et des cercles maçonniques apparaissent aussi dans les autres foyers d'émigration russe. C'est l'activité organisée des francs-maçons russes en Allemagne et en Yougoslavie qui a eu le plus de succès, mais la crise sociale régnant à l'époque en Europe Centrale et Orientale a empêché ces organisations maçonniques de se développer normalement. Les dirigeants de la Franc-Maçonnerie russe de Paris, en particulier L. Kandaourov, ont aussi tenté de créer des Loges russes dans d'autres pays, tels la Grande-Bretagne, la Pologne, la Tchécoslovaquie, la Belgique, l'Egypte, les pays d'Amérique du Sud, mais ces tentatives eurent moins de succès. La correspondance secrète entre les francs-maçons russes de Paris et de Londres présentée dans le livre, est d'un intérêt évident.

Un chapitre de l'ouvrage est consacré à l'activité sociale des francs-maçons russes. Grand nombre d'entre eux étaient directeurs et membres actifs d'organisations sociales, scientifiques, artistiques, professionnelles issues de l'émigration russe.

Le livre s'achève en relatant la situation de la Franc-Maçonnerie russe durant les années de la Seconde Guerre Mondiale, lorsque, malgré l'interdiction de se réunir, les maçons continuaient à se rencontrer en privé dans le Paris occupé. La guerre a assené un sérieux coup à la Franc-Maçonnerie russe: les locaux et les archives furent pillés, de nombreux francs-maçons périrent ou émigrèrent. Mais, déjà en 1944, commence le travail de restauration des Loges et au printemps 1945, elles ouvrent à nouveau leurs portes.

Un autre livre de l'auteur, dans la série «La Franc-Maçonnerie Russe. Documents et recherches», s'apprête à être imprimé. Il sera consacré aux cinquantes dernières années de l'histoire de la Franc-Maçonnerie russe.

ZUSAMMENFASSUNG

A. I. Serkoff. Geschichte des russischen Freimaurertums 1845–1945.
(Band 2 aus der Reihe «Russisches Freimaurertum: Materialien und Untersuchungen»)

Inhalt. Einführung: Quellen und Literatur. — «Neues» russisches Freimaurertum im Ausland (1845–1905). — Mystiker und Okkultisten (1900–1923). — Wiederentstehung des Freimaurertums in Rußland (1906–1917). — «Parlamentarisches» Freimaurertum (1910–1923). — Erste Schritte des russischen Freimaurertums in der Verbannung (1917–1924). — Russisches Freimaurertum im Verband Grand Orient de France (1924–1939). — Logen des Schottischen Ritus und mit ihnen verbundene Organisationen (1924–1939). — Verbreitung russischen Freimaurertums in der Welt. — Gesellschaftliches Engagement russischer Freimaurer. — Russisches Freimaurertum während des Zweiten Weltkrieges.

Das Buch ist die erste monographische Untersuchung russischen Freimaurertums von der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts bis zur ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Die im Untertitel des Buches genannten Daten (1845–1945) beziehen sich auf: ersteres — das Jahr der Initiation M.A. Bakunins in das Freimaurertum, zweiteres — das Jahr der Wiederaufnahme der Arbeit russischer Freimaurer-Logen in Paris nach dem Zweiten Weltkrieg. Diese einhundert Jahre bergen eine Vielfalt verschiedenartiger Strömungen und Ereignisse, die bisher nur in sehr geringem Maße von der Geschichtswissenschaft erforscht sind. Der Autor arbeitet auf der Grundlage langjähriger Forschungen in Moskauer und Pariser Archiven, darunter die der *Grande Loge de France* und des *Grand Orient de France*, sowie unter Hinzuziehung vielfältiger Materialien aus Privatarchiven die grundlegenden Etappen und gedanklichen Richtungen russischen Freimaurertums heraus.

In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts gibt es nur vereinzelte Eintritte der anarchistischen und liberalistischen Opposition im Ausland ins Freimaurertum. Diese Menschen waren in keiner Weise dem alten russischen

Rosenkreuzertum verbunden, das nach dem staatlichen Verbot 1822 seine Tätigkeit im Untergrund fortsetzte und sich zu Beginn des 20. Jahrhunderts erschöpfte. So wurde die Tradition unterbrochen, und das Freimaurertum mußte ein weiteres Mal aus Westeuropa importiert werden.

Dies wurde nach 1905 möglich, in der Zeit der demokratischen Reformen in Rußland. Zum einen entstehen zu dieser Zeit alle möglichen mystischen und okkultistischen Organisationen, auf die ein oder andere Weise mit dem Freimaurertum verbunden (Papus' Martinismus, Orden der Philalet-Ritter u.a.). Zum anderen errichten aus der Emigration zurückgekehrte liberalistische Aktivisten, nach dem Vorbild des *Grand Orient de France*, neue Freimaurer-Strukturen in Rußland. Mit der Verschärfung des sozialen Kampfes politisiert sich das russische Freimaurertum zusehends, sich im sogenannten parlamentarischen Freimaurertum organisierend, in dem sich auch die Führer des linken politischen Flügels sammeln. Das parlamentarische Freimaurertum verweigert sich den missionarischen und rituellen Seiten und nutzt die Verbindungen des Ordens für politische Ziele; für die These antifreimaurerischer Propaganda über die politische Verschwörung der Freimaurer zum Ziele des Sturzes der Monarchie gibt es jedoch keine unterstützenden Dokumente.

Revolution und Bürgerkrieg fegen sämtliche Freimaurer-Organisationen in Rußland hinweg, und erst 1923 entstehen in den Zirkeln russischer Emigranten, hauptsächlich in Paris, zwei freimaurerische Strukturen: eine verbunden mit der *Grande Loge de France*, die andere mit dem *Grand Orient de France*. Der Einschätzung der Tätigkeit russischer Logen im Rahmen dieser Verbände sind die zwei größten Kapitel des Buches gewidmet. Sie enthalten ausführliche Informationen über die Initiation der wesentlichen Aktiven, die Leitung der Logen, die Thematik der Vorträge und grundlegende gedankliche Tendenzen.

Im *Grand Orient de France* bilden sich die beiden Logen 'Nordstern' und 'Freies Rußland', von denen die letztere vornehmlich die politisierten russischen Freimaurer vereinigt; im Buch wird der Konflikt der Großmeister beider Logen, M. Ossorgin und M. Margulies, über die Frage der Nutzung des Freimaurertums für politische Ziele beschrieben. Mit dem Namen Ossorgins verbindet sich eine weitere Pariser Loge, die 'Brüder des Nordens', in der ungeachtet der vorherrschenden Tendenz des Freimaurertums der Versuch unternommen wurde, eine erweiterte Brüderschaft von Menschen zu schaffen, die sich auf dem Weg der Selbstvervollkommnung befinden.

Das russische Freimaurertum in der *Grande Loge de France* teilte sich ebenfalls in eine Reihe Logen auf, die jeweils Menschen mit übereinstimmenden gesellschaftlichen Interessen oder geistigen Bestrebungen vereinigten. Im Buch ist jede dieser Logen einzeln beschrieben: 'Astreä', 'Hermes', 'Nordlicht', 'Goldenes Vlies', 'Jupiter', 'Gamajun', 'Lotus', wie auch die russischen Hochgradenlogen des Schottischen Ritus.

Des weiteren werden Frauen- und gemischte Logen behandelt, die so genannten Adoptionslogen des *Grand Orient de France* und diejenigen des Verbandes *Droit Humain*.

Außer in Frankreich entwickeln sich russische Freimaurer-Logen und -Zirkel auch in anderen Zentren russischer Emigration. Am erfolgreichsten war die organisatorische Tätigkeit russischer Freimaurer in Deutschland und Jugoslawien, aber die ökonomische Krise in Mittel- und Osteuropa beraubte diese Freimaurer-Organisationen der Möglichkeit ungehinderter Entwicklung. Die Leiter des russischen Freimaurertums in Paris, vor allem L. Kandaurow, versuchten, auch in anderen Ländern russische Logen zu gründen — in Großbritannien, Polen, der Tschechoslowakei, in Belgien, Ägypten, Ländern Südamerikas, aber diese Versuche waren weniger erfolgreich. Von unzweifelhaftem Interesse ist der im Buch zitierte vertrauliche Schriftwechsel zwischen russischen Freimaurern in Paris und London.

Dem gesellschaftlichen Engagement russischer Freimaurer ist im Buch ein eigenes Kapitel gewidmet. Unter den Leitern und aktiven Mitarbeitern gesellschaftlicher, wissenschaftlicher, künstlerischer, gewerkschaftlicher Organisationen der russischen Emigration waren viele Mitglieder von Freimaurer-Logen.

Das Buch schließt mit der Schilderung der Lage des russischen Freimaurertums während des Zweiten Weltkrieges, als, ungeachtet des Versammlungsverbotes, die Treffen russischer Freimaurer im besetzten Paris inoffiziell weitergeführt wurden. Der Krieg brachte dem russischen Freimaurertum ernsthafte Verluste bei. Ihre Räumlichkeiten und Archive wurden ausgeraubt, viele Freimaurer kamen um oder emigrierten. Aber bereits 1944 beginnen die Vorbereitungen zur Wiedererrichtung der Logen und im Frühjahr 1945 nehmen sie ihre Arbeit wieder auf.

Den folgenden fünfzig Jahren Geschichte des russischen Freimaurertums ist das nächste Buch des Autors gewidmet, das in Kürze in der Reihe «Russisches Freimaurertum: Materialien und Untersuchungen» erscheinen wird.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ВВЕДЕНИЕ
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 9

ГЛАВА ПЕРВАЯ
«НОВОЕ» РОССИЙСКОЕ МАСОНСТВО
ЗАГРАНИЦЕЙ (1845–1905) 51

ГЛАВА ВТОРАЯ
МИСТИКИ И ОККУЛЬТИСТЫ (1900–1923) 67

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ВОЗРОЖДЕНИЕ МАСОНСТВА
В РОССИИ (1906–1917) 91

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«ДУМСКОЕ» МАСОНСТВО (1910–1923) 107

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПЕРВЫЕ ШАГИ РУССКОГО МАСОНСТВА
В ИЗГНАНИИ (1917–1924) 127

ГЛАВА ШЕСТАЯ
РУССКОЕ МАСОНСТВО СОЮЗА
ВЕЛИКОГО ВОСТОКА ФРАНЦИИ (1924–1939) 171

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
МАСТЕРСКИЕ ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОРГАНИЗАЦИИ (1924–1939) 221

А. Ложа Астрея 221

Б. Ложа Северное Сияние 238

В. Ложа Гермес 251

Г. Ложи Золотое Руно и Прометей 262

Д. Ложа Юпитер 268

Е. Женское и «смешанное» масонство 296

Ж. Ложа Гамаюн 301

З. Ложа Лотос 309

И. Русские мастерские высших степеней. Руководство русским масонством. Дом на рю де л'Иветт 333

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКОГО МАСОНСТВА В МИРЕ 361

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ 399

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
РУССКОЕ МАСОНСТВО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 425

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 437

УКАЗАТЕЛЬ ЛОЖ 439

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 446

РУССКОЕ МАСОНСТВО.
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Вышли в свет:

1. *Г. В. Вернадский.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Издание 2-е, переработанное и дополненное.
2. *А. И. Серков.* История русского масонства. 1845–1945.

Готовятся к печати:

3. *А. И. Серков.* История русского масонства после Второй мировой войны.
4. *А. И. Серков.* Русские масоны XX века. Биографический справочник.
5. *С. И. Гамалея.* Речи и письма. Материалы к биографии.
6. Цветник премудрости святой: Семейные бумаги Арсеньевых.

Серков Андрей Иванович

История русского масонства (1845–1945)

Главный редактор *М. В. Рейзин*
Художник *М. Ю. Заборовская*
Дизайн и макет *Ю. В. Жукова*
Перевод резюме *М. Сальмон, И. Корманнсхаус*

Издательство имени Н. И. Новикова
198013, Санкт-Петербург, а/я 218
ЛР № 063218 от 28.12.1993 г.

Подписано в печать 1.12.1996 г.
Гарнитура «Академическая». Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 1000 экз. Заказ № 3030.

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д.12.

35 000 р.

33231

112

2010455270